

Георгий Старков

Silent Hill 4 The Novel

(рабочий вариант)

Оглавление

Часть 1. Запертая квартира.

Глава 1. Комната 302.	2
Глава 2. Особая услуга.	13
Глава 3. Под багровой луной.	31
Глава 4. Взаперти.	52
Глава 5. Отель «Южный Эшфилд».	70
Глава 6. Горечь сахара.	93

Часть 2. По спирали вниз.

Глава 1. На тропу войны.	109
Глава 2. Синтия.	139
Глава 3. Руины.	168
Глава 4. Возрождённая Мать.	194
Глава 5. Крики жертв.	218
Глава 6. Дверь открывается.	244

Часть 3. Двадцать Одно Таинство.

Глава 1. В кроваво-красном.	265
Глава 2. Колдун и истинное тело.	294
Глава 3. Синие небеса.	312

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ЗАПЕРТАЯ КВАРТИРА

Глава 1

Квартира 302

1

Несмотря на всю свою мерзость, ночные кошмары имеют одно хорошее свойство, за которое им можно простить если не всё, то многое: они проходят. Достаточно только открыть глаза и убедиться, что ты по-прежнему в стенах своего дома, нежишься на тёплой постели.

Хуже, если кошмар повторяется. Не каждый человек способен выдержать изощрённую пытку в виде ужасного действия, переживаемого заново каждую ночь. Но даже если так... лазейка всегда есть. Тонкая трещина, разграничивающая сон и явь. Переступая через неё, ты всегда выходишь победителем.

Но что, если кошмар не хочет заканчиваться, когда размыкаешь веки?

Что делать, если та самая граница между кошмаром и действительностью исчезает, оставляя лишь зыбучую болотную топь, и раз оступившись, рискуешь провалиться в бездонную тину и никогда не вернуться к солнечному свету?

Человек не создан для такого существования. Его разум не способен долго держаться на плаву, играя по таким правилам. И его счастье, что подобного быть не может. Никогда. Ни при каких условиях.

Но...

Никогда не говори «никогда».

Генри Таунсенду крупно не повезло.

2

Первое, что он увидел, открыв воспалённые глаза – лопасти вентилятора, вращающиеся на потолке. Прохладный воздух спиралью спускался вниз, щекоча разгорячённое лицо. Человек шевельнулся на кровати и понял, что ещё жив – хотя бы потому, что всё тело ныло и ломало.

Жив. Это радовало.

Он сел на кровати, обхватил голову руками. Тошнота подкатывала к горлу, как морской прилив. Болела голова. Желудок скрутило так, что казалось – там, внутри, костёр из сухих поленьев.

Но все эти ужасы затмевала до отвращения чёткая картина сновидения – заляпанные кровью и ржавчиной стены, телевизор, транслирующий пустой белый эфир, и...

... и жуткое, исходящее могильными червями подобие человека, силящееся выползти из стены.

Это было во сне. Это было в его квартире.

– Господи, что за сон... – простонал человек. Голос был отравлен желчью. Теперь он в полную силу ощутил, насколько разбит... и обессиленно упал

обратно на постель. Рано вставать, если он не хочет околеть на месте. В конце концов, ему некуда спешить.

Бесконечное вращение лопастей завораживало. Его глаза затуманились. Человек сам не заметил, как уснул. И в кои-то веки ему ничего не снилось.

3

Когда Генри пришёл в себя во второй раз, было уже не утро. И даже не день – тени на рабочем столе лежали так, как обычно бывало часа в три-четыре пополудни. На сей раз он чувствовал себя гораздо лучше.

Генри вылез из кровати, ожидая, что организм вот-вот закатит очередную истерику. К счастью, опасения оказались напрасными – если не считать ощущения, будто голова набита хлорной ватой.

Он надел брюки, брошенные на спинку стула, потом принялся за рубашку. Светло-голубая ткань смялась и кое-где потемнела. Надо бы постирать да погладить, рассеянно подумал Генри, отлично зная, что не сделает этого ни сегодня, ни завтра. У него хватало проблем, и грязная рубашка была последним делом, о котором стоило беспокоиться.

Облачившись, он снова почувствовал себя человеком. Одежда лучше, чем что-то иное, дало вспомнить: он Генри Таунсенд, двадцать восемь лет, исправный налогоплательщик и полноправный гражданин Соединённых Штатов. Не безымянное, безрукое-безногое существо, которое утром пилилось на вентилятор. Генри застегнул последнюю пуговицу на рукаве. Мир стал немного правильнее.

Но только немного.

Он посмотрел на телефон. В последний раз, когда вчера вечером он проверял его, аппарат не работал. В мембране была лишь звенящая тишина. Никаких предпосылок, что сегодня в трубке будет жизнерадостный гудок, не было – но Генри всё же в благоговейном трепете поднял рычаг. Пусто. Как и следовало ожидать.

Бросив трубку с плохо скрываемым раздражением, Генри направился к выходу из спальни. То есть почти направился... внезапная трель заставила его замереть. Телефон зазвонил. Секунду назад он не работал, ну а теперь решил подать голос.

Что за?..

Он обернулся очень медленно, с ощущением, что меж лопаток упёрли ствол пистолета. Телефон по-прежнему восседал на тумбочке у изголовья кровати – белый, пластмассовый, совершенно безобидный. Почувствовав взгляд хозяина на себе, он опять заверещал.

Сделав над собой усилие, Генри поднял трубку – второй раз за сегодняшний день. И на этот раз динамик не молчал: что-то беспрерывно скрежетало, хрустело, хрипело и визжало. У Генри немедленно заложило ухо.

– Алло? – громко спросил он, стараясь перекрыть шум помех.

Здравствуйте, мистер Таунсенд. Вас беспокоят с телефонной станции. На вашей линии были небольшие неполадки, но теперь все проблемы устранены, и...

Чушь собачья. Это было бы даже не смешно.

– Помогите... мне... – прохрипела трубка искажённым женским голосом. – Скорее...

Генри моргнул:

– Алло?..

– ... спас...

И снова повис вакуум, веющий космическим холодом. Будто остро отточенное лезвие ножа перерезало тонкую нить. Трубка в ладони налилась тяжестью олова. Генри постучал по корпусу аппарата, наугад нажал несколько кнопок. Голос не вернулся.

Сглотнув слюну, Генри вернул трубку на место. Что ж, теперь ему было о чём подумать. Эта женщина... она просила помощи. У него – у Генри Таунсенда. Человека, который не то что помочь, даже выбраться из собственной квартиры не может. Ирония? Издёвка? Или просто ужасающее бессилие?

Помогите... мне...

Голос был незнакомым – Генри в этом не сомневался. Будь это кто-то из бывших подружек, он бы узнал. Итак, незнакомая женщина звонила за помощью. По телефону, который чёрт знает какой день находился в глубокой коме. Было в этом что-то не просто непонятное, но и явно жуткое.

Впрочем, когда Генри проследил взглядом по белому шнуру, который тянулся от телефона к розетке, по спине действительно пробежал холодок.

Провод был перерезан. Конец шнура с выглядывающими из-под изоляции разноцветными проводками лежал на полу. Кто-то приходил, когда Генри спал. Кто-то был в его спальне и оборвал последнюю надежду достучаться до внешнего мира.

4

Подставив ладонь под мощную струю, Генри с остервенением плеснул её на лицо. Холод мгновенно прояснил разум, отеснив полупрозрачную вуаль сна. Вода весело журчала, поднимая настроение. Генри не спеша вымыл лицо, руки, намазал на щётку порцию пасты. Закончив умываться, он стоял, уставившись на своё отражение – следил, как капли воды стекают с носа на подбородок.

С зеркала на него смотрел человек с тёмно-каштановыми волосами, усталым лицом и проступающей на щеках колючей щетиной. Бывали времена, когда он выглядел и хуже, но всё-таки... Генри не понравилось то, что он видит. Что-то болезненно безнадёжное сквозило во всей картине. Кто ты, Генри Таунсенд? В какую историю ты влип? Что ты сможешь рассказать?

Ничего. Ничего он не мог рассказать. Мог только задавать вопросы. Генри отвернулся от зеркала и тщательно вытерся полотенцем.

Пять дней назад... Или сколько? Он уже потерял счёт. В-общем, это началось около пяти дней назад. История, которая могла бы быть смешной, если не была такой жуткой. В ту ночь ему впервые приснился кошмар.

Генри снилось, что он в тюремной камере. Это выдавали ржавые решётки, отгораживающие каморку от коридора. До неприличия реально он видел унитаз, покрытый налётом, и узкую койку в углу. Больше в камере ничего не было. Чем дольше Генри всматривался в скучный интерьер, тем больше в нём крепла уверенность – что-то не так, не хватает чего-то жизненно необходимого. Когда взгляд в очередной раз упал на решётку, он вдруг понял. В камере не было двери. Кто бы ни заточил его, он не собирался выпускать Генри на свободу.

Далее всё шло урывками. Кажется, он бился лбом о стальные прутья и вопил во всё горло.

(Красный дьявол! Он здесь! Он хочет забрать меня!)

Грязно-жёлтый свет лампы расплывал в мозг липкую пустоту. Мелькнула ложка, сжатая в его руке. Обычная столовая ложка, только кончик рукоятки был остро наточен и нездорово блестел глянцем алюминия. Свет искрился на импровизированном лезвии, и ложка неумолимо приближалась к горлу. Только Генри понял в невыразимом ужасе, к чему всё идёт – его выбросило из сна, как пробку. Он проснулся на кровати, задыхающийся, исходящий литрами пота. Стояла жаркая августовская ночь. Подушка прилипла к щекам. Генри понадобился час, чтобы прийти в себя. Никогда раньше с ним не было ничего близко похожего на это. Обычно он снисходительно относился к людям, которые с непонятной гордостью заявляли, что им регулярно снятся гадости. А тут...

Всего лишь сон, думал он, изучая бесконечное путешествие лопастей. Встану – и забуду. Но стоило закрыть глаза, как во внутреннем взоре опять представала замызанная камера. Генри с проклятиями поплёлся в ванную – принять холодный душ. Ему это было необходимо.

Но настоящий сюрприз ждал его поутру...

И сейчас, по прошествии пяти дней, Генри повесил полотенце на крюк и прикрыл веки. Всё утро он оттягивал этот момент, но теперь... время пришло.

Боже, сделай так, чтобы всё вернулось на место. Если я опять увижу эти цепи, то сойду с ума. Я не шушу.

Он вышел из ванной. Кухня у Генри была совмещена с гостиной – на более шикарное обиталище не хватало средств. Впрочем, он не жаловался. Кресло, лакированный столик, торшер с оранжевым абажуром уютно примостился на шкафчике. Намозолившая глаз картина, которую он лицезрел каждое утро последние два года. Под таким ракурсом квартира выглядела совершенно нормальной.

Но стоит сделать один шаг...

Сжав губы, Генри сделал его.

Теперь слева в поле зрения попала дверь. Генри смотрел на неё, не мигая, не смея вдохнуть. Сердце замерло на одну долгую секунду... и разочарованно вернулось в прежний ритм.

Ничего не изменилось. Дверь квартиры 302 по-прежнему была завешана толстыми стальными цепями. Цепи опутывали проём, сплетаясь друг с другом, прогибаясь под собственной тяжестью. Они не давали шанса никому – *никому*, – ни войти в квартиру, ни выйти из неё. Таунсенд по-прежнему был отрезан от всего мира.

5

Он прикоснулся к цепи, словно желая убедиться в её реальности. Стальное звено с готовностью клацнуло, подтверждая неоспоримость своего существования. Изгиб цепи выгнулся дугой, как самодовольная ухмылка.

Эту же картину Генри увидел в то проклятое утро. Ещё не отойдя от кошмара, он направился в кухню с мечтой разбить несколько яиц и соорудить омлет – классический холостяцкий завтрак. Не то чтобы ему сильно хотелось набить брюхо, но сон выбил его из колеи, и Генри нужно было вернуться в нормальный ритм жизни. Привычный завтрак сослужил бы тому хорошую службу.

Но яйцам суждено было в то утро остаться целыми. По пути Генри отвлёкся на нечто куда как важное... на то, что стало символом беспардонного конца его размеренной жизни. Дверь квартиры была облачена в самую фантаσμαгоричную декорацию, какую только можно придумать.

Он с усилием провёл ладонью по глазам в попытке смести вздорное видение. Цепи не пропали. Осторожно ущипнул себя за щёку. Цепи не пропали. Впился ногтями в подбородок, раздирая кожу. Цепи не пропали. Они нагло висели на двери, и на каждую был прикреплён огромный чугунный замок.

Что можно было предпринять в такой ситуации? Пожалуй, только одно... Следующие полтора часа Генри провёл в иступлённой попытке разорвать цепи. Сначала хотел голыми руками выдрать их из косяка, потом, более-менее вразумившись, подключил к делу молоток, завалившийся в кладовке. В результате на металлических лицах цепей не появилось ни трещинки, а сам он оказался совершенно измотан. Тогда Генри вооружился стержнем от шариковой ручки и стал ковыряться в замках. Давеча в университете умение взламывать замки было обязанностью де-факто каждого студента. Но когда пальцы начало сводить от напряжения, Генри был вынужден признать поражение.

Потом пришла по-настоящему хорошая идея – позвонить. Управляющему. В полицию. В службу спасения. *Хоть кому-нибудь.*

Всё правильно – телефон не работал. Провод тогда ещё был исправен, но толку было не больше. Может, думал Генри, смахивая пот со лба, шнур оборвали снаружи, в блоке коммутации. Если кто-то смог навешать эти здоровенные цепи ему на дверь – с внутренней стороны, заметьте! – то оборвать телефонную линию пара пустяков.

К полудню Генри решился заорать. До этого кое-как ухитрялся давить в себе ростки паники, но самообладание утекало с каждой минутой. Он постучал по

стене гостиной – сначала робко, костяшками пальцев. Никто не отвечал. Он постучал сильнее, кулаками. Стена притворялась глухонемой.

– Вы слышите меня? – громко спросил он. – *Вы меня слышите?*

Обитательница соседней квартиры (девушку звали Айлин) не подавала признаков жизни. Скоро Генри уже кричал во всю мощь лёгких, но ответа так и не дождался. Сорвав голос, Генри кинулся к противоположной стене. Промучился до хрипоты, прежде чем понял – что-то не так. Что-то *определённо* не так. Его истошные вопли должны были привлечь внимание если не соседей, то кого-нибудь другого.

Он посмотрел на окна. Стекло, такое гладкое и прозрачное, легко бьющееся. Генри попытался открыть окно, но рама не продвигались ни на дюйм, словно пустила корни в колоду. Терпение Генри было на пределе. Он не стал долго думать – зажал правую руку в кулак и шандарахнул прямо по центру. Раздался глухой стук. Костяшки пальцев полыхнули болью. Стекло осталось цело.

Генри не верил глазам. Стекло было тонкое, и силы удара должно было хватить, чтобы превратить его в грудку осколков... ну или хотя бы пустить ощутимую трещину. Но гладкая поверхность оставалась девственно-целой. Генри ударил второй раз, но из-за волнения удар получился не ахти каким. Третий удар... Кожа на основании среднего пальца разошлась, на подоконник закапала кровь. Стекло замалевалось багряными потёками. Чувствуя, как вокруг него шатаются стены, Генри опустил на подвернувшийся стул.

Не может быть, тупо думал он. *Это противоречит законам физики.*

До вечера ещё было далеко. Когда Генри наконец лёг на кровать и забылся беспокойным сном, на его счету были: горящее от раздражения горло, растёртый в кровь правый кулак и молоток, соскочивший с рукоятки. Спал он в ту ночь из рук вон плохо. Снилось что-то нечёткое и страшное, про длинную лестницу, которая вела на крышу.

Утро пришло, как божье благословение. Солнце игриво заглядывало в спальню и пускало на стены армию янтарных зайчиков. Один из них прыгнул Таунсенду на лицо, защекотал ноздри. *Страшный сон*, понял он, принимая сидячее положение. *Приснится же такое.* Улыбаясь бредовости ночной фантазии, он вышел из спальни, и улыбка застыла на губах многотонным гранитом. Сердце с треском ухнуло на дно тёмного колодца. Генри увидел цепи, опоясывающие дверь квартиры. Колени подогнулись, и он упал, как подкошенный, там, где стоял – посредине гостиной. Имей он привычку плакать, это было бы самое время.

Так начался его персональный ад. Он тянулся уже пятый день. И с каждым рассветом надежда на то, что происходящее – просто злая шутка или дурное видение, таяла. Так исчезает свеча, забытая в тёмной комнате.

Оторвав взгляд от двери, Генри прошёл на кухню. Начало пятого дня заточения, и нужно завтракать. Но, открыв дверцу холодильника, он внезапно понял, что есть не хочется – несмотря на то, что вечером он считай не ужинал.

Желудок застыл окаменелостью, свернувшись клубком. Наверное, это было к лучшему. Продуктов в холодильнике оставалось мало, и если ничего не изменится ещё неделю... у него будут серьёзные проблемы. Не хотелось об этом думать.

Генри закрыл холодильник и прошествовал в символическую гостиную. Там он не без удовольствия плюхнулся на мягкое кресло. Последние три дня львиная доля его времяпровождения приходилась на это кресло. Раньше он мог хотя бы переключать каналы или читать свежие газеты, теперь не было даже этого. Телевизор включался, лишь чтобы таращиться бельмом эфирных помех. Радиоприёмник на книжной полке (Генри любил по воскресеньям слушать трансляции бейсбольных матчей) выдавал бессмысленное шипение.

Откинувшись на спинку кресла, Генри уставился на потолок. Там вращался ещё один вентилятор, точно такой же, как в спальне. Чего-чего, а этого добра в квартире 302 было навалом.

Мысли постепенно вернулись к странному звонку – грохот в трубке и сбивчивый, перепуганный голос женщины. Будь Генри в состоянии хоть что-то сделать, он бы не стал колебаться. Такой голос взывал к действию, а не к размышлениям. Но он мог лишь валяться на кресле и развлекать себя игрой механических лопастей.

Помоги... мне...

Что это значит? Почему телефон заработал? Кто эта женщина? Какого чёрта перерезан провод?..

Как ни крути, всё упиралось концами в Самый Главный Вопрос – *что происходит?*

Право дело, на этом поле можно было с лёгкостью свихнуться.

Генри закрыл глаза, спасаясь от осточертевшего вращения. Может, стоит ещё раз попытаться проломить стену или достучаться до соседей. Шансов мало, но этот голос...

Резкий бьющийся звук справа. Там, где кухня... и дверь. Генри рывком выпрямился.

– Проклятье, – отчётливо сказал женский голос. В возгласе перемешались раздражение и досада.

Он сам не заметил, как оказался у двери. Кто-то задержался в коридоре. Нельзя упускать такую возможность. Генри жадно припал к щели глазка, молясь, чтобы женщина не успела уйти.

Она не успела. Айлин Гелвин, соседка из 303-й, как раз нагибалась за тем, что она уронила у двери. Генри заколотил кулаками по деревянной поверхности:

– Помогите! Это я, Генри! Генри Таунсенд!

Она озадаченно посмотрела по сторонам, затем снова переключила внимание на пол и брезгливо сморщила нос:

– Надо же... Опять невезуха.

Разбила склянку, догадался Генри.

– Мисс Гелвин! Это я! Помогите, я не могу вый...

В груди резко кольнуло. Он осёкся, переводя дух. Айлин даже не взглянула в его сторону – подобрала осколки разбитой посуды и пошла дальше, выпав из поля глазка. Генри с недоумением воззрился на грязную стену напротив, где какие-то шалуны оставили отпечатки своих ладош.

– Что за... – он закашлялся; горло саднило.

Почему она не услышала? Даже если дверь вдруг стала бы свинцовой, она не могла, просто не могла проигнорировать его вопли с расстояния в фут.

Медленно, как во сне, он отлепился от глазка. Возбуждение спало, уступив место опустошению и почти детской обиде. Он услышал, как хлопнула дверь соседней квартиры: Айлин вошла к себе домой. Генри обвёл внимательным взглядом комнату и вернулся на свой пост на кресле. Биться о стену и ломать дверь расхотелось.

7

Наверное, он сидел час – точно сказать не мог, потому что часы встали тогда же, когда появились цепи. Теперь в квартире 302 днём и ночью было шесть минут одиннадцатого. Затем Айлин вернулась в коридор подметать осколки. Он снова кричал, отказываясь верить своей безнадёжности. Айлин сосредоточенно сгребала стеклышки в лопатку, кинула один – всего один – многозначительный взгляд в сторону Генри, заставив его покрыться гусиным пёрышком, и ушла. Он чертыхнулся и хлопнул ладонью по глазку. Больше ничего не сделал – уныло поплёлся к креслу.

Время шло. Небо в окне приняло грязно-марлевый оттенок. Стало быть, приближался вечер. Почувствовав, что ещё минута бездействия, и он начнёт потихоньку крошиться на отдельные атомы, Генри подошёл к окну. Вид из окна заменял ему теперь ежедневную порцию телечуши.

Снаружи было серо. Даже при ясной погоде пейзаж не блистал красками, а тут, словно назло, над городом громоздились мёрзлые осенние тучи. Генри любил осень, вид бурых небесных громадин не раз вызывал в нём странный подъём духа... но только не сегодня. Сегодня он был бы рад любому цвету – красному, синему, зелёному, – только не серому. Художник явно издевался – вся картина была словно нарисована пеплом. Серые тучи, серые дома, посеребривший газон, серые автомобили... И все прохожие тоже одинаково серые, в бесцветных костюмах и рубашках. Наверное, поэтому внимание Генри сразу привлекла девушка у спуска в метро. На ней была вызывающе розовая блузка. Он почти влюбился в неё только за это.

Девушка опёрлась о перила и скучающе смотрела на улицу. То и дело она томно потягивалась. Генри не мог различить её лицо – но блузка была красивая, как и точёная фигура, и он был уверен, что красиво и всё остальное. На целых пять минут он забыл о своём одиночестве, зачарованно следя за ней – ни одна телепередача или бейсбольная трансляция не давали такого упоения. Наконец девушка спустилась в станцию лёгкой, танцующей походкой. Генри проводил её взглядом. Вот и всё, с горечью подумал он. Счастье кончено, Генри. Время любоваться восьмым чудом света – вращением вентилятора.

Он вздохнул и отошёл от окна. Пора есть. Желудок по-прежнему не подавал сигналов бедствия, но нужно что-то сжевать, если не хочешь умереть от истощения.

Смастерю бутерброд с ветчиной, без аппетита подумал Генри. Ветчина, конечно, недельной давности, но ещё сгодится...

Громкий, раскатистый звук оборвал мысли, мгновенно отодвинув гастрономию на задний план. Мощный грохот, от которого качнулись настенные часы. Генри машинально поднял руку в защитном жесте. Сейчас всё сметёт взрывной волной, и его сбросит из разбитого окна вниз, на желанную улицу.

Но грохот стих, и снова ударила тишина.

Что это?

Генри не сомневался в том, что источник звука был в его квартире. Либо в ванной, либо в спальне. Скорее всего, в ванной. Чёрт возьми, шум был такой, словно на пол грохнулась семипудовая гиря. Вроде он не держал в ванной тяжёлых предметов...

Генри открыл дверь ванной. Внутри было темно. В воздухе носилась пыль штукатурки, разъедающая нос. Он поморщился и хлопнул ладонью по выключателю.

Раковина. Над ней – зеркало, треснувшее пополам и поэтому отражающее лишь половину его физиономии. На кафельном полу рассыпано всё содержимое полки – зубная щётка, мыло, бритвенные лезвия. И на стене между зеркалом и унитазом, там, где раньше находилась вешалка для полотенца, поселился Ужас.

Генри ахнул. Ему показалось, что лампа мигнула, на короткий миг оставив его в темноте с этим... с этим *невозможным*.

Ужас был в облике дыры. Чёрная, с неровными краями, ведущая куда-то вглубь стены. Она появилась на ровном месте и щерилась Генри своим беззубым ртом.

– Это ещё что такое?

Он осмотрел жуткую гостью. На месте, занятом дырой, кафель сорвался со стены и свалился на пол вперемежку со штукатуркой. Тут и там поблескивали блестящие осколки – зеркало разнесло на мелкие куски. Раковина и унитаз не пострадали. Дыра имела в диаметре два или три фута.

Генри ступил в ванную, ощущая зыбкость всего сегодняшнего утра. Телефон... Айлин... дыра. Предыдущие дни были куда скуднее на события.

Кто мог это сделать?

У него тут что, бомба была подложена?

Всмотревшись в дыру, Генри признал, что бомба тут ни при чём. Слишком круглые края, и это не траншея. Скорее тоннель. Да – именно тоннель это и напоминает. На вид дыра не имела конца. То, что находилось в глубине, скрывала мгла. Затягивающая чернь провала напоминала человеческий зрачок. Генри пробрала холодная дрожь. Ему вдруг показалось, что в глубине что-то неумовимо шевельнулось.

Там... кто-то есть?

Он сделал шаг вперёд, оказавшись от дыры на расстоянии вытянутой руки. В лицо дохнул поток холодного воздуха – не просто холодного, а ледяного. Дыра источала мороз, как снежный сугроб в зимнюю пору.

А ещё из неё сочились звуки. Неуловимо, совсем незаметно... но шум давил на ушные нервы, поддразнивая слух. Шёпот ветра, или шорох приозёрных камышей, или чьи-то сдавленные причитания. Многое можно было услышать, но приятных ощущений это не добавляло.

Генри протянул руку, коснулся края дыры. К ногтям прилипла жёсткая крупа штукатурки. Он отдёргнул кисть так быстро, словно ему обожгло пальцы. Внезапно пришла мысль – если в дыре действительно кто-то прячется, он стоит в самом удобном месте, чтобы *она* одним движением утянуло его в провал.

Он попятился. Дыра продолжала запускать в ванную дух зимы. Генри развернулся, выскочил из комнаты и придавил дверь спиной. Подняв лицо к потолку, он закрыл глаза, унимая дрожь. Мысли путались; память отчаянно старалась стереть с исписанных листов то, что Генри видел только что. Но на ногтях ещё сохранилась серая пыль.

Господи...

Губы беззвучно шевельнулись. Генри отлепился от двери, немного постоял в нерешительности... и поплёлся обратно в гостиную, где всё было просто и понятно, и посреди стен не появлялись чёрные дыры.

8

Заняв излюбленное место, Генри положил ноги на лакированный столик и стал думать. Старательно думать, потому что ничего иного не оставалось. Это он умел.

Через четверть часа в темноте забрезжили первые сполохи выводов. Простых, незамысловатых, зато непоколебимых.

Первое. Дыра куда-то вела. При такой глубине она должна была вывести если не на улицу, то в соседнюю квартиру.

Второе. Сколь бы зловеще она не выглядела, от дыры явной угрозы не ощущалось.

Третье. Проклятая пробоина была лучшим – и единственным – шансом Генри вырваться из заточения.

И четвёртое, главное. Этот звонок. Один телефонный звонок и мольба о помощи. Генри никак не удавалось выкинуть это из головы. Нужно было что-то делать – хотя бы сообщить в полицию. Пусть проверят телефонную станцию и узнают, откуда был сделан звонок.

Но для этого опять-таки нужно было выйти за пределы квартиры 302.

Генри думал. Как только ему казалось, что он принял решение, снова накатывала неуверенность, и писклявый голос в голове вопил: *Лезть в эту кроличью нору – чистое безумие!* И Генри не мог с ним не согласиться. Вентилятор обеспечивал стойкую прохладу, но на его лице выступили капли пота.

Эти звуки из дыры... адский холод...

Но разве не он, Генри Таунсенд, лежал здесь полчаса назад и плевал себе на грудь, мечтая, каким бы героем он стал, будь у него возможность хоть что-то сделать? Теперь пресловутая возможность у него появилась. Бойтесь желаний своих, иногда они сбываются.

Генри встал. Отсчитывая шаги, он направился в ванную. Перед тем, как повернуть ручку двери, на мгновение задумался – что он будет делать, если никакой *дыры* там не окажется, зеркало будет цело, а кафель плотно приделана к стене? Огорчится – или обрадуется?

Он открыл дверь.

Ужас был на месте. Ванная переполнилась январской стужей, и целая половинка зеркала запотела до белесого марева. Шум из дыры вроде стал громче, но как только он открыл дверь, шум съёжился и затаился, как хищник, готовый к броску. Генри ощутил резь в желудке, глядя на провал – он был слишком глубоким, слишком тёмным. Неужели стены здания такие толстенные?.. Вряд ли – Генри иногда слышал, засыпая, как шушукаются соседи с 301-й. И этот холод... может, дыра ведёт прямоком на улицу? Так было бы лучше всего.

Я заперт, обречённо подумал Генри. Стёкла не бьются. Телефон не работает. Дверь не открывается. И над унитазом дыра. Триллер какой-то.

Он поставил локти в проём. Тоннель казался достаточно широким, но его всё равно захлестнуло ощущение клаустрофобии. Что, если он застрянет на полпути? Твоих криков никто не слышит, Генри... помнишь?

Сглотнув слюну, он подвинулся дальше и оторвал ноги от пола. Звуки затихли, и холод стал поумереннее.

Генри протянул руки и пошарил в темноте. Пусто. Если есть дно, то оно далеко впереди.

Плечи прошли свободно. Генри мог даже подняться на четвереньки. Это его обнадежило. Он может вернуться в любой момент. Никаких проблем. Он начал ползти дальше, вглядываясь в темноту. Тоннель не менял размеров, как канал, прорубленный в граните.

Генри преодолел около сорока футов (электрическое сияние ванной уже осталось в прошлой жизни) и успел почувствовать первую волну терпкой иррациональной паники, когда далеко впереди замаячил свет. Не жёлтые снопы ламп, а нечто молочно-белое, идеально круглой формы, от которого сводило зубы. Генри с беспокойством смотрел вперёд. Какого чёрта так далеко? За такое расстояние он успеет, наверное, прорезать волчком не то что стену, а полздания.

Поздно отступить. Давай вперёд.

Туннель устремлялся прямо к свету. Дыра стала уже. Генри нагнулся сильнее и заработал локтями. Быстрее, чтобы всё закончилось. Он не думал о том, что за свет впереди, почему он такой белый... но, оказавшись в тридцати футах от него, он увидел бесчисленные крохотные точки, которые сновали в дымке. Станный свербящий звук изливался в уши, закупоривая барабанные перепонки. Теперь Генри даже не полз – тело само несло вперёд, к свету, как

железная стружка тянется к магниту. Свет искрился, взрывался совершенной белизной, заливая глаза, уши, рот, не давая возможности дышать. В нём были холод и жестокость чистых горных кристаллов. Прежде чем провалиться в этот неожиданный океан, Генри успел скорбно подумать: *Похоже, я совершил ошибку.*

Глава 2 Особая услуга

1

После того, как Генри исчез в дыре, в квартире 302 нависла полная тишина. Не работал холодильник, не ходили часы, не журчала вода в трубах. Абсолютное, угнетающее безмолвие царило в ванной. Даже шумы, которые доносились из глубин тоннеля, и те стыдливо замолкли, не решаясь нарушить тишину.

Но потом что-то произошло.

Первым голос подал холодильник, выдавший странный прерывистый кашель. Так хрипит человек, подавившийся вишнёвой косточкой. Словно взяв пример с холодильника, коротко дзинькнул телефон в спальне. Маятник часов качнулся в сторону, невозмутимые лопасти вентилятора замедлили бег. В ванной дважды мигнула лампа. В довершение сцены, подводя итог всему происходящему, протяжно взвыли петли двери в спальню. Раньше там была узкая двухдюймовая щель, теперь же полоса стала шире.

И вновь стало тихо.

В соседней квартире Айлин Гелвин, принимавшая душ, зябко поёжилась, хотя вода шла тёплая. В воздухе носились невидимые хлопья снега. Она крутанула кран, и поток стал горячим. Айлин с облегчением закрыла глаза.

2

Генри пришёл в себя, когда снежная пелена сначала стала синей, потом серо-голубой. Этот накрахмаленный свет был знаком ему с детства – люминесцентные лампы.

Он поднял голову. В глазах было мутно, тут и там мелькали белые вспышки. Но он уже не полз по тоннелю, а сидел сиднем... но при этом всё равно медленно двигался вперёд, потому что под ним был не пол, а эскалатор. Он увлекал Генри вниз.

Свет действительно исходил от ламп дневного света. Они висели через каждые пять шагов. В длинном прямом коридоре за эскалатором никого не было, и он был завален разнообразным мусором: какие-то непонятные металлические конструкции, разломанные и погнутые, обрывки газет, зелёные осколки бутылок. Картина напоминала расхожие представления о постапокалипсисе.

Тем временем эскалатор добрался до пола, и Генри встал на ноги. Поднялся он одним рывком, чувствуя удивительную лёгкость во всём теле, словно он плавает в бассейне. Эскалатор, который привёз его, продолжал свой зацикленный марафон. Ступеньки катились откуда-то сверху, где была непроглядная тьма. Генри предположил, что тоннель резко кончился у основания эскалатора, и он, загипнотизированный белым светом, вывалился прямо на дорожку.

Только, ради всего святого, каким образом дыра привела его в это место? Уж точно это не был его дом – бетонный коридор, лампы, чёрная табличка, покачивающаяся в отдалении под потолком. Генри различил на ней белые буквы, которые складывались в надпись:

Южный Эшфилд

Табличка была знакомой и в чём-то даже родной. Её он видел не раз и не два, спускаясь в подземку рядом с домом.

Метро? Как такое может быть?

Генри осторожно пошёл вперёд. Ботинки оставляли чёткие следы на плёнке застарелой пыли. По бокам коридора висели изорванные бесцветные плакаты. Они почти сливались с невыразительным цветом бетона. Генри увидел на одном из них (с рекламой сока) лицо женщины, выражающее высшее блаженство, почти оргазм. Но с таким же успехом могло показаться, что женщина в предсмертной агонии.

Что случилось с этим местом?

Может, в станции идёт ремонт? Это бы объяснило отсутствие людей и обшарпанность. Но Генри сомневался. Судя по пыли, в коридор не ступала человеческая нога по меньшей мере год. А меж тем неделю назад станция была жива и полна людей. Чёрт возьми, да он сам видел полчаса назад, как в метро спустилась девушка!

Однако чёрная табличка упрямо гласила, что это станция Южный Эшфилд.
– Эй!

Генри вздрогнул – не столько от неожиданности, а в первую очередь оттого, что узнал женский голос. Сегодня он слышал его в телефонной трубке, перед тем, как обнаружил, что провод перерезан.

Девушка в розовой блузке стояла на дальнем конце коридора и отчаянно махала ему рукой. Генри прищурился, плавно приходя к мысли, что всё это ему снится. Он сошёл с ума, или это действительно та самая девушка, за которой он наблюдал из окна?

– Эй! Иди сюда!

Он покорно пошёл к ней. Тело всё ещё было необычно лёгким, и мягкий свет обволакивал вещи лёгкой дымкой эфемерности. За исключением его шагов, в станции – или что это тут, – было тихо.

Видимо, Генри шёл недостаточно быстро, потому что девушка, чуть подождав, решила тоже прогуляться по направлению к нему. Два человека сошлись под лампой, которая то и дело отключалась, отбрасывая на стены

искривленные тени. Генри настороженно изучал девушку. Она действительно была в розовой блузке открытого выреза (Генри даже показалось, что слишком открытого – он мог видеть чёрный кружевной бюстгальтер, выглядывающий из-под декольте). Ещё на ней была короткая разноцветная юбка, а на шее висело серебристое украшение. Длинные тёмные волосы уложены в замысловатую причёску. Она сначала просто смотрела на него, потом губы тронула кокетливая улыбка:

– Кто ты?

Простой вопрос, но он растерялся. Мысли не двигались. Генри всё ещё парил в голубоватом тумане небытия.

... а может, просто не мог оторваться от созерцания завлекающей розовой блузки?..

– Как тебя зовут? – переспросила она.

– Генри, – он вырвал себя из оцепенения. – А тебя?

Её улыбка стала шире:

– Ты в моём сне – и даже не знаешь, как меня зовут?

Генри снова не нашёлся и снова молча уставился на собеседницу как вариант ответа. Девушка еле заметно кивнула; такой ответ, похоже, вполне устраивал её.

– Меня зовут Синтия, – сжалась она.

– Твой сон? – переспросил Генри, разжёвывая мысль.

– Ну да, ведь это просто сон, – Синтия без тени сомнения окинула жестом блеклые стены и лампы, струящие невесомый свет. – Должна признаться, довольно страшный. Остаётся надеяться, что скоро я проснусь...

Следуя её примеру, Генри тоже оглядел странную станцию. В семи шагах висел очередной плакат, но текст на нём был размыт настолько, что букв не разобрать. Может, и правда сон, подумал Генри. Один из моих кошмаров, которые в последние дни валяются, как снег зимой... Но почему эта женщина полагает, что именно она – хозяйка этого сна? Он повернулся к ней:

– Так ты думаешь, что это твой сон?

– А что же ещё? – похоже, девушку забавляла его безмерная тупость. – Хорошо бы выбраться из этого жуткого местечка, но я не могу найти выход...

Выговаривая последние слова, Синтия задумчиво посмотрела на Таунсенда, но он снова переключил внимание на зловещий интерьер. Генри думал – потому что думать было его привычкой, не всегда полезной. Он перебирал новые варианты, аргументы «за» и «против» того, что это сон. Но высокие измышления были самым грубым образом прерваны, когда он вдруг ощутил за своей спиной дыхание Синтии. Совсем близко...

– Слушай, – промурлыкала она над его ухом. Генри дёрнулся, словно его тряхнуло током, и немедленно оборотился к ней лицом. – Не мог бы ты мне помочь найти выход? Я одна, и мне страшно... А у тебя, я так поняла, те же проблемы, что у меня.

Она провела по щеке Таунсенда тыльной стороной ладони и придвинулась поближе. Генри ощущал аромат её духов, безусловно, дорогих. Запах её кожи и тёплое дыхание...

Синтия наклонилась к нему вплотную и заговорщицки прошептала, прильнув полными губами:

– Если нам удастся выйти, я бы могла оказать тебе одну особую услугу... Ты мне нравишься, а я не прочь немного повеселиться – раз уж это всё равно сон...

И отвернувшись, расчётливо задев грудью руку Генри. Он не шелохнулся – но её прикосновение осталось гореть печатью на запястье. Сердце забилося, и вдруг его посетила совершенно смешная мысль: а как долго, интересно, он не был с женщиной? Когда в последний раз? Месяц, или два, или год – а может, больше?.. К своему стыду, Генри не помнил.

Я бы могла оказать тебе одну особую услугу...

Ладно, усмехнулся он про себя, так хоть понятна столь бурная реакция на вызывающее поведение девушки. Похоже, Синтия не шибко много внимания обращает на полагающиеся в таких случаях условности и недомолвки. Нельзя сказать, что Таунсенду это не нравилось.

– Эй там, на луне, все живы? – озорной голос Синтии в очередной раз вытащил его из прострации.

– Всё хорошо, – ответил он. – Пойдём.

И сделал шаг вслед за ней. Они стояли на изломе – здесь коридор делал поворот на девяносто градусов и устремлялся дальше, туда, где сгустилась чернильная тьма.

3

Синтия уверенно шла вглубь коридора, оставив Генри плестись за собой. Минуту он терпел это, потом решительно вырвался вперёд, ускорив шаги. Её нарочитое виляние бёдрами мозолило глаза, сбивая мысли. Это было не на руку, особенно в таком подозрительном месте.

Она удивлённо вскинула брови. Генри мимоходом пояснил:

– Так безопаснее.

Он был уверен, что она не заставит ждать с ответом, но Синтия ничего не сказала. Лишь когда они добрались до границы света и тени, где начиналась власть тьмы, она подала голос:

– А как ты сюда попал, бой?

– Через дыру, – рассеянно ответил Генри, вглядываясь вперёд. Ему очень не хотелось идти дальше, но выбора не было. – Она появилась на стене моего дома.

– Правда? А я вчера ночью была на банкете у подруги. Выпила лишку, и вот результат. Мне вообще много чего снится спяну...

Генри не очень льстило, что его принимают за плод затуманенного алкоголем воображения, но зато слова Синтии показались ей интересными – он коротко взглянул на неё, дав себе установку смотреть строго на лицо.

– Ты спустилась в метро со стороны отеля?

Спросил как бы между прочим, но Синтия остановилась точно вкопанная, воззрившись на Таунсенда с неприкрытым подозрением:

– Откуда ты знаешь?

– Ну... – он замялся. – Понимаешь, я уже несколько дней не могу выйти из дома, и иногда смотрю из окна...

– Ты следил за мной?

– Нет, что ты. Просто случайно увидел.

Синтия пожала плечами. Генри хотел закруглить неудавшийся разговор, но она заговорила:

– Да, я спустилась в станцию со стороны отеля. Хотела съездить в центр, но не нашла ни души, пока не встретила тебя. Даже выход исчез. – Она умолкла, забыв о своём кокетстве. Лоб прорезала вертикальная морщинка. – Но ничего, во сне чего только не бывает.

Они оказались в тени. Конструкции, которые в ярком свете выглядели просто кучей железа, здесь смотрелись иначе. *Не так*. Как скелеты громадных существ, которых смерть настигла в этом коридоре. Генри замедлил шаги. Он засомневался, точно ли голос Синтии он слышал в телефонной трубке. Клясться на Библии он не стал бы, но всё-таки этот мягкий, слегка иностранный выговор...

– Синтия, ты никуда не зво...

Полуобернувшись, Генри увидел, что девушки за спиной нет.

– Синтия?

– Погоди... – оказывается, пока он хлопал ушами, Синтия отстала, обессиленно прислонившись к стене. – Кажется, меня сейчас вырвет.

Она согнулась пополам и закрыла ладонью рот. Генри в панике смотрел на неё. Что с ней?

Блуждающий взгляд Синтии остановился на двери с розовым изображением женской фигурки. Синтия побежала в туалет, изо всех сил стараясь удержать содержимое желудка на месте. Генри показалось, что она не дотерпит до спасительной комнатки, но Синтия благополучно скрылась за дверью, которая раздражённо закачалась на петлях. Генри с тревогой увидел в щели иссиня-чёрную мглу – в уборной не работало электричество.

Он вздохнул и прислонился к стене. Что ни говори, леди на своём банкете набралась изрядно. Хорошо ещё, что ничего серьёзного... В памяти Генри были живы попойки юных лет. Он хорошо помнил, как наутро язык во рту вспухал до размеров колокольной башни.

Из женского туалета донеслись характерные звуки. Генри деликатно сделал вид, что смотрит по сторонам, хотя вряд ли кто мог оценить его учтивость в пустом коридоре. Очередная разбитая лампа висела над головой. Лампа была именно разбита, а не перегорела. Не в меру рьяный вандал повыбивал все источники света в коридоре на протяжении пятидесяти футов. Благодаря ему Генри не мог даже скоротать время за чтением выцветших плакатов.

Он опять углубился в мысли. Важнее всего – найти выход из этого гиблого места. Интерьер здесь напоминал станцию, соседствующую с его домом, но Генри мог поставить месячную зарплату, что в истинной своей сущности этот коридор имел со станцией Южный Эшфилд столько общего, сколько с покоями Папы Римского. Синтия говорила, что вся эта жуть – не более чем её сон. Генри, в свою очередь, склонялся к мысли, что сон всё-таки *его*.

Но когда он умудрился заснуть? К тому моменту, когда в ванне появилась дыра, Генри уже должен был дрыхнуть, как младенец. Наверное, он не заметил, как заснул, развалившись на кресле. Это бы многое объяснило.

Он оторвался от стены, немного приободрённый. В туалете стояла тишина. Что-то Синтия долго...

Тишину коридора пререзал душераздирающий скрип – дверь мужского туалета пришла в движение. На облупленной поверхности был намалёван синий силуэт человека. Генри подавил в себе желание отшатнуться. Звук был такой, словно скребли вилкой по фарфоровой тарелке.

Ржавые петли повернулись, обнажая вязкую темноту за дверью. Там света тоже не было. Открытая дверь превратилась в провал глазницы. Генри не отрывал взгляда от жуткого зрелища, превратившись в пульсирующий комочек нервов.

Дверь продвинулась ещё на дюйм и замерла. Генри немного расслабился – как оказалось, зря. Обращая в пыль его надежды на благополучный исход, из темноты выглянула ядовито-жёлтая лапа с иззубренными когтями.

Собака ужасающе медленно ползла по полу, толкая вперёд свою тушу. По бетонному полу тянулся расширяющийся багровый след. Пси́на доживала последние секунды жизни – это было видно невооружённым глазом. Генри не шелохнулся, во все глаза наблюдая за подышающим созданием. Он пытался понять, что его так поразило в облике собаки... Удалось это нескоро. К тому времени собака сладостно растянулась на луже крови и замерла навсегда.

У неё не было глаз. Место, отведённое для органов зрения, заросло сухой зеленоватой шерстью. Когда на последнем издыхании собака разинула пасть, оттуда вывалилось нечто длинное и красное, свёрнутое в трубочку.

Вот те на, потрясённо подумал Генри, глядя на коченеющее тело. *Приехали. Хуже некуда.*

Но хуже всё-таки могло быть.

Он понял это, когда из мужского туалета появились ещё два зверя – совершенно здоровых, злобно рычащих... с языками, неуклюже волочащимися по полу.

4

Глядя на безглазых собак, подкрадывающихся к нему, Генри почувствовал, как разум настойчиво просится прочь. Он закрыл глаза и сосчитал до трёх, приказывая дурацким галлюцинациям унести́сь прочь. Когда он вновь открыл глаза, то увидел, что собаки успели выйти из туалета и теперь обходят его с двух сторон, словно заранее договорившись. Жёлтая кожа с отвратительными розовыми пятнами резала глаза даже в полутьме. Языки напряглись и встали торчком. Они сужались на концах, как пики. Когда собаки достигли середины коридора, Генри не выдержал и сделал шаг назад, вдавившись спиной в стену. Во рту мгновенно пересохло.

Одна из собак осторожно обнюхала мёртвого сородича. Из пасти вырвалось громкое удовлетворённое хрюканье. Вторая собака немедленно повернулась в

сторону звука. На секунду её шерсть стала дыбом, потом опала: тварь поняла, что опасности нет. А есть – трапеза.

Собаки сомкнули плотное кольцо вокруг трупа. Генри боялся дышать. Руки-ноги мелко тряслись. В уголке сознания сжалась в точку мысль, что это всего лишь очередной кошмар, так что бояться нечего... да только этой мысли была грош цена. Здесь и сейчас всё выглядело реальным. Таким реальным, что сном казалась вся предыдущая жизнь.

Одновременно, как по команде, собаки вскинули головы, обратив острые малиновые языки к потолку, и воткнули их в дохлую псину. Брызнула кровь. Языки тварей приняли тёмно-багровый цвет – Генри заметил это даже в сумраке. Собаки замерли, лишь подрагивая задними лапами.

Надо же, отстранённо подумал Генри, это же не языки, а присоски! Они высасывают у него кровь!

Накатило желание истерически рассмеяться, и он до боли прикусил язык. Этот смех будет последним в его жизни.

Адские создания стояли к нему спиной, жадно поглощая кровь. Труп на глазах словно сдувался, ядовитый жёлтый цвет уходил с кожи, уступая место синюшной бледности. Сообразив, что безглазые твари попросту не заметили его, Генри успокоился, насколько это возможно. Главное – не шуметь... Нужно ретироваться, пока твари заняты едой.

Вслед за этим полыхнула болезненная мысль: *Синтия...*

С секунды на секунду она закончит дела и выйдет. Дверь с женским силуэтом радостно заскрипит, собаки рывком повернутся... и она закричит.

Боже.

Кровавый пир продолжался. Затаив дыхание, Генри сделал шаг в сторону женского туалета. Собаки не обращали на него никакого внимания. Ещё шаг. Он чувствовал, как рубашка взмокла и прилипла к телу. Особенно жгло на спине, где ручьи пота катились за шиворот. Странно... во сне возможны такие *настоящие* ощущения?

Когда до туалета осталась пара шагов, Генри пережил жуткое мгновение: ему померещилось, что дверь распахивается, в проёме возникает знакомый силуэт, и Синтия зовёт: *Генри? В чём де...*

Он сорвался с места и одним прыжком достиг двери. Гулкий удар разнёсся по пустынному помещению. Не останавливаясь, он потянул дверь на себя, едва не сорвав с петель, и вломился внутрь. Алчное хлопанье сменилось яростным рычанием за спиной. Генри закрыл дверь, хоть ручка и норовила выскочить из одеревеневшей кисти. Замок щелкнул.

Он оказался в полной темноте. Первым делом опёрся рукой о стену и отдышался. В чёрной шали смеялись радужные шарики. По ушам бил отбойный молоток, а в лёгких расходился по всем швам паровой котёл.

Спокойно. Ты в безопасности.

Он с трудом поднял голову. Туалет напоминал тёмную пещеру, затерянную на дне оврага. Разноцветные шарики всё не желали уходить.

– Синтия? – голос был сиплым и придушенным.

Она не ответила.

– Синтия, это я...

Темнота, и ничего больше. В голову пришла леденящая догадка: в комнате пряталась ещё одна собака. Когда девушка вошла, она загрызла её. Синтия лежит на полу с изорванной глоткой, а собака тихо подкрадывается... Генри распрямился, как выпущенная пружина.

– Синтия!

Он на ощупь пошёл вперёд, натываясь на стены и раковины. Чьё-то тяжёлое дыхание мерещилось по углам. Он чувствовал себя затерявшимся в далёком космосе, за миллионы световых лет от привычного для него мира. Но острее всего было беспокойство за Синтию.

– Ради Бога, Синтия, скажи, что ты здесь...

Дрожащая рука нащупала дверь кабинки. Открыто. Он провёл рукой над унитазом. Никого. Генри перешёл к следующей кабинке. Пусто.

Значит, последняя кабинка. Больше Синтии быть негде. Может, девушку скрутило до такой степени, что она потеряла сознание?.. К нему вернулась слабая надежда, что дело ещё не фатально.

Он постучал в дверь кабинки, и она сдвинулась внутрь: кабинка была не заперта. Холодея, Генри поднял руки перед собой, но пальцы ни на что не наткнулись. В третьей кабинке была только тягучая тьма, сдобренная кислым рвотным запахом. Генри был один в женском туалете. Синтия пропала.

5

Оказавшись одна, Синтия стёрла с губ натужную улыбку и с тихим ругательством подлетела к кабинке. Тусклый, почти отсутствующий свет превращал унитаз в чёрный монолит. Склонившись над ним, она с облегчением дала волю судорожным порывам.

Когда буря улеглась, Синтия выпрямилась и скорчила в темноту кислую мину. Она ненавидела выставять себя в таком свете – даже перед таким лопырём, который ждал её в коридоре (ну, насчёт лопыря Синтия себе лукавила, парень ей приглянулся). А ведь знала, тоскливо подумала она, что так и будет. Но после третьего бокала количество поглощаемого спиртного вдруг стало понятием смешным и ненужным...

Она подошла к зеркалу и мысленно чертыхнулась. Какой умник вдохновился гениальной идеей – испортить лампу в туалете? Максимум, что она могла различить на смутно-синей глади – собственная тёмная фигура без всяких отличительных черт. Даже прихорошиться чуток нельзя... Но Синтия всё-таки немного покрутилась перед бесполезным зеркалом, приводя в божеский вид волосы и одежду – и заодно пожалела, что с собой нет любимых мятных таблеток против запаха изо рта. Положительно, всё против неё.

Ну-ну, невесело усмехнулась она, если уж на то пошло, то этот Генри – лишь бесплотный мираж, призванный её развлечь в мире иллюзий. Она проснётся, немного поностальгирует по симпатичному парню и его обаятельной щетине, и по пути в душевую обязательно забудет его. Вот и всё.

Синтия выглянула в коридор:

– Ну что, бой, долго жд...

Слова оборвались на середине. Она озадаченно умолкла и огляделась. Чёрт-те что!

Блеклый коридор пропал. Его сменила пустая платформа метро. Над Синтией неприветливо горел зелёный огонёк семафора. Древний поезд с приглашающе раскрытыми дверями застыл на рельсах. Синтии показалось, что у всех вагонов в этом составе не хватает колёс. Рядомс ней, в углу, расположился сломанный кофейный автомат: кто-то разбил витрину и рассыпал коричневые бумажные стаканы по перрону. На стенах громоздились непристойные надписи цветными мелками.

– Генри? – она затравленно посмотрела на жуткую платформу. – Что это?

Неизвестно откуда в подземке появился ветер, и обрывки газет заскользили по полу. Из выемки автомата вывалился очередной стакан, подкатился к ногам её туфельки. Синтия слабо вскрикнула и отступила.

Сон, напомнила она себе. И очень жуткий сон. Их слишком было много за последнюю неделю.

Как бы там ни было, нужно было выбираться. Синтия увидела широкую лестницу, ведущую наверх. На ступеньках засохли коричневые потёки. Она поморщилась, но пересилила отвращение и пошла к лестнице, стараясь не касаться скомканных газет на полу. И не забывала краешком глаз следить за поездом, который напоминал пожилого злобного старика.

Дежа-вю. Синтия не знала этого слова, но её состояние точнее всего можно было охарактеризовать именно так. Да, она была напугана и немного заинтригована – наверное, именно способность в любом повороте судьбе видеть интригу и азарт помогли ей сохранить к концу второго десятка лет красоту и независимость. Но ей не давало покоя чувство, будто в мозгу посреди вязкой кашицы плавают нечто твёрдое и скользкое, не давая себя словить. Какое-то покрытое пылью воспоминание, которое вяло шевелилось при виде этого сюрреалистичного перрона. Синтии это не нравилось, и она ускорила шаги. Когда с величайшей осторожностью она поставила ногу на первую ступеньку лестницы, в глаза бросилась надпись в стиле граффити, нанесённая на стене над лестницей. Надпись была короткой и дурацкой.

Искушение.

Слово было выведено на бетоне. Не скабрезность, не очередное бессмысленное признание в любви, а *искушение*. Синтия лишь пожала плечами. Когда она снова посмотрела вперёд, то увидела, что путь загораживает человек. Его тень упала на Синтию. Она остановилась, не представляя, что делать дальше. Человек не предпринимал никаких действий, просто улыбался – дружелюбно и успокаивающе. И ей сразу захотелось улыбнуться в ответ. Если бы Генри умел так улыбаться, то она, пожалуй, могла бы и не откладывать «особую услугу» на потом.

– Привет, красавчик, – весело сказала она и с тревогой заметила, как улыбка незнакомца угасла. Лицо оставалось таким же мягким и мечтательным... но улыбка растаяла, как луч зимнего заката.

Лёгкой победы не получилось.

Через пятнадцать минут после того, как Генри бравурно вторгся на территорию туалета, он решился выйти. Он стоял, прильнув к двери, и вслушивался в звуки с коридора. Но так ничего и не услышал – или дверь была слишком толстой, или собаки ушли. Впрочем, имелся третий нелицеприятный вариант: жёлтые твари умнее, чем он думает. Они сейчас притаились и ждут, когда недогадливая жертва откроет дверь.

Но Синтии в туалете не было. Генри по три раза перепроверил кабинки, отказываясь верить. Девушке некуда было уйти, но она как-то умудрилась. Цирковым работникам со стажем трюк не показался бы чем-то особенным, однако ни Синтия, ни Генри на фокусников не катили. Если следовать теории Синтии, то она, возможно, проснулась и теперь с облегчением потягивается на постели. А Генри остался здесь... в мире грёз. Чертовски бредовых грёз.

Он повернул ручку. Щелчок. Звук разнёсся грохотом крупнокалиберной пушки. Если собаки выжидают, то лучшего сигнала к действию не придумать.

Генри открыл дверь. Чем быстрее закончится этот нелепый кошмар, тем лучше. За четверть часа темнота успела ему порядком надоесть. Зрачки требовали света, мозг требовал определённости.

Сморщённое тело по-прежнему лежало на полу. Пасть была приоткрыта; собака скалилась самодовольной ухмылкой, и язык висел между зубов рваным серым тряпьем. Кровавые следы чётко выделялись на полу. Они уходили туда, откуда пришли Генри с Синтией. Самих собак не было видно, но он чувствовал, что далеко они не уйдут. Через сто шагов коридор кончится эскалатором. Твари скоро вернуться.

Не закрыв дверь туалета (боялся, что петли заскрипят), Генри пустился бегом. Он ощутил безмерное облегчение, добравшись до «светлой полосы», где лампы были целы. После сумрака коридор казался ещё более светлым и... обесцвеченным, что ли. *Ненастоящим*. Вот где правильное слово. Создавалось впечатление, что в этой части коридора всё – начиная с плакатов и кончая самим Генри, – не более чем плоский двумерный образ, отбрасываемый проектором.

Рядом высились турникеты, через которые можно было спуститься на нижние платформы. Вниз Генри было идти совершенно незачем. Он возлагал надежды на дальний конец коридора, где должна быть дверь на улицу. По крайней мере, так Генри запомнил планировку метро. Он спускался сюда нечасто. Наверное, раз в месяц, а то и реже.

Не останавливаясь, он оглянулся. Собак пока не видно. И на том спасибо.

А что ты будешь делать, если на той стороне тоже окажется тупик?

Генри молча прибавил шаг. Признаться, о таком повороте он не думал как следует, но ответ напрашивался. Проснуться. Да, единственное, что тогда останется – проснуться и порадоваться солнечному свету за окном. Потому что такого *не может быть*.

– Генри! Помоги мне...

Он озадаченно повернул голову. Голос Синтии. Он шёл будто бы из-под земли. Пустое здание исправно отражало крик, многократно усиливая.

– ... спаси...

Генри невольно передёрнуло. Он узнал эту мольбу о помощи – уже слышал раньше. В телефонной трубке...

Но как?

Не успел в голове сформироваться совершенно бесполезный вопрос, а Генри уже оказался у турникета. При всей любви к пустым размышлениям было у Таунсенда одно хорошее свойство: если эта любовь мешала делу, он мог с лёгкостью послать её к чёрту.

Линч-стрит, гласили белые буквы на чёрном. Генри спускался сюда, пока не устроился внештатным корреспондентом и практически перестал вылезать из берлоги. Так что табличку он видел не впервые... но она была скорее незнакомой, чем знакомой. Словно её извлекли из-под руин бомбёжки и нацепили на прежнее место. Табличка равнодушно наблюдала за попытками Генри пробить себе путь. Навалившись на перегородку всем весом, он попытался провернуть шарниры силой. Металлические прутья не шелохнулись. Генри упал на колени, нагнулся и начал было протискиваться под турникет, но до него вовремя дошло, что так он стопроцентно застрянет.

– На помощь!

Генри вскинул ногу на верхний прут турникета и оттолкнулся от неё. Вот где пригодилась странная лёгкость во всём теле. Он неуклюже замахал руками, теряя равновесие, но изловчился и всё-таки спрыгнул на другую сторону. Едва приземлившись, он устремился вниз по лестнице, перепрыгивая через ступеньки.

Синтия была в поезде, который выглядел рухлядью полувековой давности. Тем не менее, поезд гордо обосновался на вполне современных рельсах, и свет ламп освещал цепочку вагонов с соскоблившейся краской. Засмотревшись на это чудо техники, Генри наступил на пустую жестянку, валяющуюся у подножия лестницы, и едва не ткнулся носом о пол.

– Скорее! – поторопила Синтия; в голосе появилась надежда. – Выпусти меня отсюда!

И неистово замолотила кулаками о дверь вагона. Но дверь была плотно заперта. Генри мог лишь видеть девушку через толстое стекло. Как она туда попала?

– Успокойся, Синтия... – он огляделся в поисках чего-нибудь тяжёлого, чем можно выбить стекло. Мусора на перроне было много, да всё мелочь.

– Пошевеливайся! – рявкнула она и лихорадочно оглянулась. – Проклятье, Генри, сделай же что-нибудь! Тут кто-то есть!

– Кто-то есть? – в вагоне, насколько он мог видеть, никого не было. Только длинный ряд кресел с вывернутыми наружу, как кишки, обивками. Спрятаться в узком проходе было невозможно.

– А ты думаешь, я сама себя заперла в этой чёртовой клетке? – она нервно хохотнула; Генри заметил, что одна из пуговиц её блузки соскочила с петли,

но вряд ли стоило девушке сейчас указывать на это. – Ну не стой же! Он здесь, я знаю...

Она снова бросилась на дверь в приступе ярости, страха и отчаяния, прижавшись лицом к стеклу. Таунсенд похолодел.

Тут кто-то есть.

Он в растерянности посмотрел вперёд. Локомотив, такого же замогильного вида, как и весь поезд, упирался носом в конец перрона. У махины не хватало колёс. Из-под корпуса торчали остовы ржавых рессор.

– Подожди меня здесь, ладно?

Генри сделал шаг к локомотиву, и в спину ударил рев загнанного зверя:

– Не смей оставлять меня одну, мерзавец!

Он остановился:

– Синтия, я...

– Только попробуй бросить меня!

Генри сокрушённо качнул головой и устремился вперёд, наплевав на всё. Если в поезде кто-то прячется, как говорит она, то нужно спешить. Он надеялся, что Синтия умная девушка и поймёт всё на лету. Что ж, просчитался. Но не втолковывать же свои намерения полчаса взбешенной особе, когда на счету каждая секунда.

Она не переставала проклинать его – наверное, уже вся станция содрогалась от отборных ругательств, выдаваемых Синтией со скоростью автоматной очереди. Бегуном Генри был не сильным, и успел запыхаться, пока не добрался до локомотива.

– Генри! – что-то в голосе Синтии изменилось. Таунсенд как раз брался за дверь локомотива. Слава Богу, она была не заперта. – Он здесь... Генри, чёрт бы тебя побрал!

Он застыл, держась руками за липкий от машинного масла поручень. Из локомотива пахло керосином и дёгтем.

Слишком далеко. Не успеть.

А аварийная кнопка – вот она, в двух шагах. Если вагон откроется, она сможет убежать...

Генри запрыгнул в локомотив.

7

Он здесь, сказала Синтия не своим голосом, и, нажимая на заветную кнопку, Генри знал, что опоздал. Когда он выбрался из локомотива на перрон, вагоны с шипением растворяли дверцы, но спутница не спешила показываться.

– Синтия?

Он бросился вперёд.

– Где ты?

Шипение заглохло. Поезд разинул свой засохший рот. На платформе стало до жути тихо, и в этом молчании Генри чётко различил шаги – тяжёлые, ровные, которые никак не могли принадлежать девушке на туфлях со шпильками.

Шаги удалялись.

– Чёрт...

Он побежал. На этот раз расстояние от локомотива до вагона растянулось на многие мили. Когда Генри, хватаясь рукой за полыхающую грудь, заглянул в вагон, где осталась Синтия, он мельком увидел, что по противоположному перрону кто-то идёт... но человек зашёл в тень от колонны так быстро, что Генри ничего даже не смог взять в толк, мужчина это или женщина.

Генри вошёл в покореженный вагон. Пол качнулся под ногами, возмущённо закрипели рессоры. В какой-то момент Генри осознал, что видит себя как бы со стороны – словно по кабельному каналу идёт плохой фильм с незабвенным Генри Таунсендом в главной роли: человек в промокшей от пота светло-голубой рубашке, лицо искажено паникой. И он проигрывал. По всем статьям. Человек, который забрал Синтию, находился где-то далеко, а Генри едва только вышел из вагона и ступил на параллельную платформу. *Кинг-стрит*, если верить указателям. На краешке сознания крутилось возмущение – как так может быть? Как этот человек, каким бы суперменом он ни был, улепётывает так быстро?

Да. Возмущение и детская обида. Генри считал их заслуженными. Это был явный мухлёж даже для плохого сна.

Лестница вела на коридор станции. Генри задержался под ней на долю секунды, когда увидел, что все лампы наверху перебиты. Мрак царил на верхнем уровне платформы Кинг-стрит.

Не вовремя...

Генри начал подниматься – как паук, карабкающийся по отвесной стене. Слепящий нарисованный свет меркнул по мере того, как он преодолевал ступеньки. Когда Генри наконец встал на гладкий пол, то оказался почти в полной темноте.

– Синтия? – позвал он.

Никто не ответил. Генри видел смутные очертания стен, и длинный коридор, тянущийся вперёд... но что его там ждало, оставалось только догадываться. Он пошёл вперёд быстрой ходьбой, ссутулившись, напряжённо всматриваясь в полумрак. И едва не вскрикнул, когда под подошвами захрустело битое стекло ламп.

Что здесь произошло?

Генри отмёл мысль как несуразную. Главное сейчас – найти Синтию и того, кто её унёс. И не опоздать...

Генри снова перешёл на бег, но темнота тут же услужливо дала понять, что пренебрегать ею не стоит. Он ощутил это сполна, когда в живот впился торчащий разломанный стержень. Боль была такой сильной, что окружающая синева полыхнула сначала красным, потом зелёным. Генри схватился за живот и согнулся пополам. Из-под содранной кожи выступила кровь.

Генри не было необходимости видеть, на что он напоролся, он знал и так. Одна из тех странных железных конструкций, напоминающих каркас какой-то исполинской статуи. Их много валялось в первом коридоре, и, видимо, здесь тоже немало.

Морщась от боли, Генри заковылял дальше. Шаги отдавались жгучей болью в животе. Он вновь подумал, что такие пронзительно-реальные ощущения во сне невозможны... особенная такая боль. Всякая надежда настигнуть невидимого похитителя умирала. За это время тот со своей проворностью мог долететь до луны.

– Генри!

Он выпрямился, когда где-то совсем рядом Синтия назвала его имя. Боль на мгновение забылась.

Сзади? Или спереди? Может, ему померещилось?

– Генри, я у выхода, – голос затрещал и отдалился; раздался протыкающий ухо стальной скрип. – Этот псих запер меня в комнате диспетчера. Здесь, у турникетов... Скорее, сюда! Пожа...

Очередной скрип резко оборвал её слова, и динамик замолк. Репродуктор висел над макушкой Генри.

Она!

Превозмогая жжение в животе, он устремился вперёд – туда, где смутно вырисовывалась лестница, ведущая наверх. Добравшись до её подножия, Генри с удовольствием отметил, что лампы над лестницей целы. Прищурившись от яркого света, он заковылял вперёд. И увидел, как сверху высунулась заострённая терпко-жёлтая морда и с интересом уставилась на него.

8

Генри остановился. Не мог не остановиться. Собака ничего не предпринимала, лишь слегка подрагивала носом.

Ситуация была патовой. Диспетчерская должна была располагаться сразу после лестницы. По крайней мере, так обстояло дело в *настоящей* станции. Полминуты, и Генри добрался бы до Синтии. Но коль на верхней ступеньке с почти нахальным выражением морды устроилась эта псина, половина минуты грозила вырасти до половины дня.

– Брысь, – без особой надежды цыкнул Генри и поднялся на одну ступеньку, не делая резких движений. Собака проигнорировала приказ.

– Уходи, – попросил он, делая ещё шаг. Собака приоткрыла розовую пасть и высунула длиннющий язык-присоску. Тот начал твердеть, приподнимаясь над полом. С узкого кончика капала прозрачная слюна.

Ничего не говоря, Генри преодолел очередную веху. Адской псине такое самоволие явно пришлось не по душе. Она с рычанием прикинула к полу, ясно давая понять: вот-вот последует прыжок. Генри начал подумывать об отступлении. Может, есть другая, пожарная, лестница...

Но в этот миг воздух сотряс истошный вопль, и инстинкт самосохранения Таунсенда рассыпался в прах.

Кричала Синтия. Генри слышал раньше, как она кричала в ярости, слышал, как она кричала от страха. Но теперь... он понял сразу. Эти нечеловеческие

нотки в голосе, бывшем таким мягким и сексуальным. Этот невыразимый ужас.

Крик боли.

Собака мгновенно оцетинилась и развернулась назад, откуда доносился крик. Видимо, она не держала Таунсенда за значимого противника, в чём и просчиталась. Генри от души надеялся, что тварь поняла это, когда он на икру её задней лапы обрушился хорошо поставленный удар ботинком.

С обиженным завыванием и обмякшим языком, волочащимся по полу, собака повернулась к нему. Шок и растерянность владели тварью, но секундой позже всё могло измениться, и эта подбитая дворняжка вновь надела бы облик чудища не с мира сего... если бы Генри почти на автомате не сделал то единственное, что могло его спасти: он с силой наступил на язык собаки, придавив его к полу. Она рванулась назад и надрывно завывала, когда натянулся язык. Какими-то двумя футами выше Синтия завизжала снова, и Генри нанёс второй удар свободной ногой – на этот раз по безглазому рылу. Начавший твердеть и выскальзывать из-под подошвы язык опять превратился в варёную сосиску. Генри ударил снова. Он мог колотить тварь долго, забить её до смерти, но решил на этом закончить, понадеявшись, что хотя бы на тридцать секунд он превратил собаку в потерянное, мечущееся от боли создание. Больше ему не требовалось...

Но одного он не учёл: жёлтое слепое чудовище было собакой в последнюю очередь. Что бы ни скрывалось под этим обличьем... это была не собака.

Мощные челюсти сомкнулись на голени, не дав пройти и четверть пути. Генри успел только охнуть и выбросить руки вперёд, увидев, как пол на угрожающей скорости близится к лицу. Собака промахнулась на полдюйма: крючкообразные зубы вцепились в ткань брюк, прокусив её насквозь. Упав, Генри крепко приложился лбом о бетон, и всё вокруг немедленно поплыло и заискрилось. *Вот сейчас*, вяло подумал он, *это и правда похоже на сон. Время просыпаться.*

Он поднял голову. Брюки по-прежнему находились в слюнявой пасти. Сколько времени прошло? Он отключился... на пять секунд? Десять? Вполне хватило бы, чтобы прописать его на тот свет, но каким-то чудом Генри был ещё жив. Тонкий комариный писк проникал в уши, невероятно раздражая. Генри не сразу понял, что это Синтия. В крике осталось мало человеческого... слишком мало. Если бы он слышал такой крик с самого начала, то не признал бы свою недавнюю спутницу.

У ноги прорывалась собака. В этом низком звуке было невыразимое самодовольство. Может, тварь уже высасывает его кровь? Воткнула язык в голень, и...

Зажмурившись, Генри двинул ногой туда, где, по его расчётам, находилась голова собаки. Ботинок очертил неровную дугу. Собака выпустила брюки и резво отскочила в сторону. В затылок Генри ударило смрадное дыхание.

Всё. Он упустил шанс. Теперь остаётся только ждать, когда тварь прогрызёт ему шею...

В то мгновение, когда хриплый, дребезжащий крик, разносящийся по станции, внезапно умолк, тварь отвернулась от Генри и деловито засеменила вниз по лестнице. Он приподнялся на локтях и увидел, что собака исчезает в неверной полутьме лестницы, оставляя его валяться наверху.

В голове только начали проступать удивление и радость, как, обрывая все мысли, перед глазами полыхнула красная молния: *Синтия...*

Генри прополз на локтях пару футов, потом догадался встать на ноги. Синтия больше не кричала. Страшная тишина, отравленная тишина впиалась в сердце ледяной пикой.

И ещё Генри кого-то увидел. На сей раз – отчётливо, но лишь на долю секунды. Человек удалялся по ту сторону турникетов – он был на дальнем конце коридора, и за ним тянулась гирлянда багровых следов. Жирные красные отпечатки брали начало из крохотной каморки, которая располагалась рядом с паутиной турникетов. Дверь была плотно закрыта, словно никто и не заходил, но, открывая её, Генри знал, что он опоздал, опоздал безнадёжно, и прощения ему нет.

Позже он не раз возвращался в своих мыслях к этому моменту, к тому, что он увидел внутри... и неизменно приходил к выводу, что именно тогда он стал другим человеком.

9

Лампа, которая висела над головой, заливала лицо противным белым светом, от которого зудела кожа. Зуд был хуже всего, хуже даже боли, которая ушла вместе со страшным человеком. Лицо вспухло и растрескалось, как кожа сваренной картофелины, а зуд прятался под кожей, как злобный зверь. Зверь рвал и метал, и она ничего не могла с ним поделать.

Лампа хладнокровно изучала её глазом патрона, а она в свою очередь пристально смотрела на лампу.

Расчесать лицо. Такое нехитрое действие, такое невозможное и манящее. Если бы только пальцы могли дотянуться до лица... и пусть будет, что будет. Пусть брызнет кровь, и кожа сползёт жухлой плёнкой, зато утихомирится это нечеловеческое жжение.

Свет размножился, проник в днище глаз, и она потеряла способность видеть и ощущать. Пришла в себя, когда свет померк... может, это тонет её разум – или же кто-то загородил лампу? Нечёткая, теряющая очертания фигура не давала ответа. Человек склонился над ней, и её охватил ужас. Он вернулся. Её мучитель вернулся, чтобы снова приняться за неё... Человек, которого она поначалу нашла таким милым и обаятельным...

Да. Глаза раскрылись чуть шире. Да, она вспомнила его. Его и всю эту размытую станцию. Она ведь была здесь раньше – детство, оно уже накрылось вуалью тумана... Она видела *его*. Своего убийцу.

Но человек, который склонился над ней, был не им. Когда зуд умерил пыл и в глазах прояснилось, она различила помятую светло-голубую рубашку. Генри, так звали парня с будоражащей щетиной. Она это не забыла.

– С тобой всё в порядке?

Какие проблемы, сладкий ты мой. Какие проблемы.

Какая-то озорная частичка мозга выдала искру смеха, но искра тут же угасла во тьме. Она подняла руку. Не знала, каких усилий ей это стоило, но оторвала каменеющую кисть от пола и вцепилась ему в рубашку, как утопающий хватается за соломинку. Несколько секунд спустя горячую и мокрую ладонь бережно сжала его дрожащая рука.

– Это... всего лишь... сон... правда?

Он молчал. Хватка чуть ослабла. Свет злорадно выглянул из-за его широких плеч и снова полез ей в глаза.

Её рука дрогнула, поднялась, коснулась заветной щетины. Генри. Такой близкий, что она могла бы чувствовать его дыхание, слышать биение его сердца... могла бы, но нет.

– Скажи мне... я просто слишком много выпила вчера...

Провела рукой по его щеке. Генри молчал, и свет стремительно поглощал его. Но она знала, что он здесь, рядом, и это приносило успокоение.

– ... вот только... – она старалась вымученно улыбнуться, но губы с выступившей на них пеной остались неподвижными. – Не знаю, смогу ли... теперь ту особую услугу...

Она до хруста сжала его пальцы, ощутив, как уходит от неё комната, уходит противный белый свет, уходит зуд, уходит Генри... уходит она сама, и всё становится тёмным и холодным, и над ней снуют невидимые, но грозные тени.

– Чёрт возьми... кажется, я умираю... Генри!

Последнее слово она выкрикнула в отчаянной мольбе, брызнув на его лицо каплями крови. Ни он, ни она не заметили эту кровь. Она продолжала погружаться в лиловое болото, тело становилось тяжёлым и одновременно лёгким, как пёрышко. И тени стали ближе.

– Всё хорошо, – успокаивающий голос донёсся из безмерного далёка. – Это всего лишь сон.

Она облегчённо вздохнула. *Это я тебе пыталась втолковать с самого начала, дурачок,* хотела сказать она... но её грудь опала вниз и больше не поднималась.

10

Он солгал. Он солгал, и эта ложь стала для неё последней. По её телу прокатилась предсмертная судорога. Синтия умерла.

Генри не знал, долго ли он сидел на корточках с остывающим телом на руках. Потом, когда уже стало понятно, что она ушла, он поднял глаза и посмотрел на комнату, залитую кровью. Кровь была на полу, на потолке, на белых стенах, привнося яркие оттенки в бесцветный мир метро. Компьютеры и приборы на столе, стальная головка микрофона были запачканы в багровом. Кровь легла на Генри – на руки, лицо, рубашку. Он не пытался оттереться. Когда апатия прошла, он заставил себя снова взглянуть на Синтию, чтобы

закрыть ей глаза – оказать последнюю услугу, которую он может для неё сделать, раз не смог сделать больше. Особую услугу...

Глаза девушки внимательно смотрели на лампу. Когда его ладонь опускала веки Синтии, Генри увидел ещё кое-что... возможно, то, что видеть не следовало.

Число. Этот ублюдок вырезал на ней число. Его было совершенно не видно среди нагромождения порезов и ран. Но проступившая кровь сделала надпись ярче, и Генри заметил цифры на её правой груди, недавно такой желанной.

16121.

У него сейчас не было ни сил, ни желания осмысливать это. Осторожно, словно боясь, что она ушибётся, он положил Синтию на бетонный пол и поднялся, не замечая, что весь в крови. Внутри полыхала пустота. Наверное, нужно было заплакать, но он не стал. Таунсенд никогда не плакал. Теперь он понял, что это не дар, а проклятие.

Ещё одно он понял: кто бы это ни сделал... кем бы ни был тот, кто трусливо спрятался в конце этого длинного коридора, он заплатит за Синтию. Если не сейчас, то потом. Заплатит как следует, и он за этим проследит.

Глава 3

Под багровой луной

1

Что произошло после того, как умерла Синтия, Генри вряд ли мог объяснить. Последнее, что он помнил чётко – как он стоял над её телом, и в груди горела только что зачатая ненависть. Он собирался выйти из комнаты и начать преследование. И наплевать, что погоня могла затянуться надолго... или, наоборот, кончиться слишком быстро.

Но что-то произошло. Он без конца проваливался в густой туман, и руки-ноги барахтались в пустоте. Он слышал чьи-то голоса, прерывающиеся треском помех. Жуткое ощущение.

– *Скорее! Пошевеливайтесь, тащите её в машину, пока сюда не сбежалось полгорода!*

– *Стараемся, как можем, шеф.*

– *Хотя, погодите-ка... Дайте взглянуть.*

Молчание. Он услышал жужжание замка-молнии.

– *Вот дерьмо... Да у неё цифры на груди. Напоминает...*

Генри ждал продолжения. *Что напоминает? Что?!* Он бы кричал, если мог.

– *... напоминает...*

Голос повторялся раз за разом, как заезженная пластинка, становясь тише. Генри так и видел иглу старого граммофона и виниловый круг, лениво вращающийся под нею. Игла весело соскакивала с одной дорожки на другую. В какой-то момент он усомнился, что это пластинка. Цельный круг распался на четыре части, которые удлинились и приняли правильную овальную

форму. Они вращались вокруг центральной оси. Скрип алмазного острия превратился в мерный шелест. И в момент перехода из сна в явь Генри понял, что лежит на кровати и смотрит на вентилятор на потолке.

Сон, подумал он с удивительным ощущением. *Только сон*.

Пожалуй, из всех приятных мыслей, посещавших его голову на протяжении его жизнь, это была лучшая. Не было кровавого кошмара, не было истекающей кровью девушки и дыры в ванной. Больная фантазия, фантом ночи, не более. Опять зародилась безумная надежда, что он сейчас встанет и увидит, как цепи испарились, и он свободен, как вольная птица.

Даже в нынешней эйфории Генри понимал, что это слишком хорошо, чтобы быть правдой. Но ничто не мешало ему насладиться тем, что он лежит на постели, а не ползёт на локтях, убегая от безглазой собаки. Солнце только вставало над городом. Начинался новый день. Генри мог слышать гул машин на улице и видеть пасмурное небо за окном. Но серая масса туч сегодня не раздражала. Он подумал над этим и улыбнулся. Всё в мире идёт к лучшему.

Но когда рокот моторов нарушился воем полицейской сирены, улыбка сползла с его губ. Сирена замолчала, как пристыженная, разбив вдребезги маленькое счастье.

– Боже, что за...

Не договорив, Генри перекувыркнулся на кровати (поморщившись при этом от боли в ногах) и прильнул к окну. Отсюда спуск в станцию был виден, как на ладони. Две машины – полицейский «бьюик» и карета скорой помощи, – припарковались у метро. Поперёк входа была протянута ярко-жёлтая лента. Двое в форме уныло топтались у машин и изредка делали жесты руками, отгоняя чересчур любопытных прохожих.

– Нет...

Он обхватил руками голову, которая взорвалась пронизывающей мигренью. Медицинская карета. Разговоры в полусне. Жёлтая лента.

Генри судорожно осмотрел себя. Рубашка чистая, без пятен крови. И руки тоже. Но он помнил, как испачкался кровью Синтии, когда... Несоответствие. Значило ли это, что у него ещё есть надежда?

Нет, не значило. Иначе как объяснить, что ноги затекли намертво, словно он действительно пробежал половину ночи? Как объяснить жжение на локтях, которыми он отбивал дробь на бетонном полу станции? Как, наконец, объяснить ноющую боль в животе, словно не так давно туда воткнули железную штырь?..

Небрежно оттянув ленту, из провала спуска появились два человека. Они несли нечто, завернутое в чёрный полиэтиленовый пакет. Из «скорой» выпрыгнул водитель и услужливо распахнул заднюю дверцу фургона. С видной натугой санитары впихнули пакет в машину и полезли следом. Через минуту карета завелась и плавно вырулила на улицу. Сирены молчали, мигалка не работала. Некуда спешить...

– Синтия... – прошептал Генри, прислонившись лбом к стеклу. Машина исчезла за поворотом, и он подумал: *Игра окончена, парень. Я никогда её больше не увижу. Никогда.*

Он ошибался.

2

Сутки назад Генри из спальни напрямик направился в ванную. Сегодня он не стал нарушать устоявшийся ритуал.

Одно из двух: либо дыра в ванной есть, либо её нет. В первом случае придётся признать – либо мир сошёл с ума, либо (что гораздо более вероятно) свихнулся он сам. Ни то, ни другое ему не улыбалось.

Но он должен был внести ясность, иначе бедная его голова грозила разлететься на мелкие осколки.

Генри открыл дверь. В ванной по-прежнему горел свет. С разбитого зеркала снова смотрел небритый парень со всклокоченными волосами. А чуть справа...

Дыра. Она стала больше и круглее. И по-прежнему мурлыкала тихую песню, излучая холод и мёртвые голоса.

Генри закрыл дверь и очень спокойно прошествовал в гостиную. Там он проверил дверь – цепи на месте. Заглянул в глазок – пусто, только отпечатки ладош на стене. Открыл холодильник, достал три яйца, положил их в сковороду, не разбивая скорлупы. Долго-долго он изучал чёрный круг сковороды, и пальцы тряслись всё больше. Но Генри не замечал этого. Думы его были не здесь, не в гостиной, которая тихо-мирно покрывалась пылью. Они были *там*. В дыре.

Генри думал о цифре, которую видел на груди Синтии: три единицы, двойка и корявая шестёрка, расплывающиеся алым прудом. Он думал о белом сиянии туннеля, которое становилось ближе, пока не поглотило его. Думал, что будь он немного расторопнее, Синтия могла бы остаться в живых. Он думал. Пытался найти ответы хотя бы на некоторые вопросы из бесконечного множества, но они не находились.

Как всё было бы хорошо, если бы этим утром треклятая дыра пропала, и Синтия в розовой блузке по-прежнему стояла у входа в метро.

– Пожалуй, есть я сейчас не стану, – сообщил Генри. Открыв холодильник, он с отвращением посмотрел на мёрзлые продукты и вернул яйца на место. Голода он не чувствовал, как и позывов справить нужду. С того момента, когда он в последний раз брал еду в рот и ходил в туалет, прошло два дня. Не верилось, что это правда. Слабости Генри не чувствовал – только усталость в мышцах, но она со временем пройдёт. Его не оставляло ощущение, что с остановкой часов в квартире 302 время тоже замерло.

Теперь он стоял на перепутье. На этой линии проходила граница кухни и гостиной. Он мог усестись на мягкое кресло и предаться тяжёлым, но бесполезным думам, а мог снова посетить ванную и...

Что?

... лезть в дыру, конечно же! Посмотреть, куда она приведёт сегодня. Может... ещё одна безумная идея: может, он снова попадёт на странную станцию, встретится с ничего не подозревающей Синтией – и на сей раз сумеет

сделать всё, как надо? Повернуть время вспять?... Нелепость, но не более, чем окаменевшие стёкла окон.

Генри вспомнил жёлто-розовую морду и стоящие торчком острые уши. Раз Синтия умерла *там* под ножом того выродка, то собака тоже могла прикончить его... как это ни смешно. Он мог умереть и не встретить этот пасмурный рассвет. Навевало на размышления.

К чёрту, подумал Генри с горечью. Если улечься задницей на кресло, то рано или поздно всё равно придётся обратить взор на дыру, ведь другого выхода из квартиры 302 нет и не предвидится в ближайшем будущем. Проклятье – как будто кто-то намеренно заблокировал все выходы, оставив только один...

Стоп.

Вот эта мысль, пожалуй, была хорошей. Чёрт побери, просто отличной. Конечно, Генри не мог быть ни в чём уверен сейчас... но он ясно почувствовал, что стал на шаг ближе к истине.

3

Он держался полчаса, потом встал и нетвёрдым шагом направился в ванную. Дыра широко улыбнулась ему в лицо, и едва слышные детские голоса, доносящиеся из её глубин, снова завели свою песнь. Генри полез в дыру. Кожа от холода и волнения покрылась пупырышками. Болели локти и рана на животе, но он упорно полз вперёд, пока вдалеке не замаячил знакомый белый свет.

4

Те, кто проводил ночь в лесу, знают, что гуща деревьев в тёмное время суток разительно отличается от того же самого места днём. Ночью лес затихает... но сказать, что среди стволов царит молчание, было бы ошибкой. Жизнь продолжается – но жизнь совершенно иная, чуждая дневным существам, пугающая их до смерти. Это не стволы деревьев, а грозные великаны, покачивающие бахромой крон. Не шорох мелких животных, а звуки невидимого хищника, который крадётся за тобой. Не ветер, перебирающий листьями, а древняя неспетая песнь – если долго прислушиваться, обязательно различишь страшный смысл её слов... Ночной лес – жуткое место, и людям здесь делать нечего. Для их же блага.

Этот лес ничем не отличался от миллионов других – разве что опушка выходила на берег большого озера. Лес был маленьким, но плотным. Багровая луна, как глаз злого демона, окрашивала кроны в цвет земельной меди. Она висела необычно низко, почти касаясь горизонта. Стволы в её лучах отбрасывали удлинённые серые тени.

На самом краю леса, там, где он примыкал к невозмутимым водам озера, лежал человек. Он спал – или был мёртв. Если верно второе, то к утру тело вряд ли сохранилось бы в целости и сохранности. Уже сейчас в ближайших кустах что-то закопошилось, задвигалось, пока не решаясь подойти ближе.

Когда на луну набежало сизое покрывало туч, человек шевельнулся. Наблюдатель в кустах разочарованно шмыгнул обратно в укрытие. Человек открыл глаза. Первое, что попало в его взору – тёмная вода, и на ней отражение полного лика луны. Он недоумённо моргнул, но озеро и луна никуда не делись.

Человек присел. Далось это ему нелегко: мышцы словно налились свинцом. На нём были помятая светло-голубая рубашка и джинсовые брюки. К одежде комьями прилипла земля. Человек этого не замечал, жадно вдыхая свежий воздух. Воздух казался настоящим – как это озеро, эта луна и внезапный душераздирающий вой, пронёсшийся над лесом. *Всё* было настоящим.

Генри Таунсенд прибыл на место.

5

Луна пугала его. Она живо напоминала картины сюрреалистов – идеально круглая, красная до рези в глазах, неестественно яркая. Под её лучами всё вокруг источало приторное медное сияние. Дурная луна – так называла красную луну мать Генри, до совершеннолетия доившая коз на айовской ферме. Она говорила, что в ночь такой луны ни в коем случае нельзя шастать на улице. Не говоря уже о лесах. *Я снова не внял её совету*, рассеянно подумалось Генри, когда он оглядывал озеро. Он всё не мог вдоволь насладиться хрустальным воздухом. Было время, когда загородный воздух был его постоянным спутником... Отзвуки давно минувших дней, когда он колесил по Америке.

Истоптанная тропинка брала начало на берегу и уходила в глубину леса. Она ясно прочерчивалась среди опадающей листвы. Генри без раздумий последовал было по ней, но некстати вспомнил вой, который слышал, когда пытался прийти в себя.

В лесу небезопасно. Банальная истина и сущий ужас городского человека. Если он будет действовать опрометчиво, то сможет скоро убедиться в правдивости поговорки на собственной шкуре.

Он схватился за морщинистый сук, торчащий из-под корня ближайшего дерева. После трёх попыток сук с хрустом отломался, и в руке Генри оказалась крепкая палка около четырёх футов длиной. Он взвесил импровизированное оружие на ладони. Всё лучше, чем ничего. Правда, памятуя о созданиях, которые были в его предыдущем... сне, Генри предпочёл бы пистолет или – мечтать так мечтать, – скорострельное УЗИ.

Сжимая сук в кулаке, Генри начал своё путешествие. Тропа извивалась, как змея, словно стараясь запутать путника. Луна хмуро мелькала меж стволов. Генри не оставляло настырное ощущение, будто этот пейзаж он где-то видел. И впрямь, местность была знакомая. Да только с его прошлой страстью к путешествиям под определение «знакомой местности» могла попасть четверть территории Штатов. Он надеялся, что сможет найти какие-то знаки, которые помогут лучше понять, где он находится. Пока он мог сказать только одно: это

был не Эшфилд. И близко не похоже на город, где располагалась его злополучная квартира.

Вой раздался снова, на этот раз в отдалении – голодный
(собачий? волчий?)

клич, возвещающий о начале ночной охоты. Несколько более слабых голосов с дальних простор леса подхватили это начинание. По спине Генри торжественно прошествовал взвод муравьёв. Скорее бы достичь если не города, то хотя бы какого-нибудь укрытия. Тропинка стала шире, и он надеялся, что его желание осуществится. Но как скоро?

Четверть мили. Именно столько мысленно отсчитал Таунсенд, когда заметил впереди свет фонаря, висящего на изогнутом столбе. Фонарь располагался у входа в большое прямоугольное здание. Генри предположил, что это какая-то фабрика. Место было вполне подходящее – пригород, да плюс озеро рядом. В любом случае, она была давно заброшена, судя по неопрятному виду и буйной растительности вокруг здания.

Луна окрашивала розовым металлическую табличку у входа. Вход – огромная железная дверь, которая насквозь проржавела под чередой дождей – был приоткрыт на два ярда и вряд ли мог уже открыться шире. Дверь выразительно контрастировала с грозным предупреждением на табличке:

ОПАСНО!

Посторонним вход СТРОГО ВОСПРЕЩЁН!

Несмотря на то, что актуальность предупреждения давно отпала, Генри заглянул в здание с изрядной долей опаски. Но ничего ужасающего не увидел. Справа от входа громоздились наглухо сваренные бочки, сваленные друг на друга. Напротив возвышалась железная платформа – видимо, в золотые деньки на ней располагались рабочие агрегаты. Картину довершали три громадных чана, прислонённые к стенам. Внутри ужасно воняло. Особенно остро это чувствовалось после кристально чистого воздуха озера. Какой-то кустарный завод... Генри по опыту путешествий знал, что именно такие неприметные заводишки вдыхают жизнь в экономику крохотных американских городков. Увидев дверь по ту сторону, он уверенно направился к ней. Ближе к чанам смрад усиливался, напоминая аромат гнилого мяса. Похоже, дело связано с органической химией... *Было* связано, поправил себя Генри, увидев большое тёмное пятно на протекающем потолке. Вряд ли производство реабилитируют, раз всё так запущено.

Он прибавил шагу, стремясь скорее избавиться от воню. За дверью тропинка продолжалась аж по трём направлениям. Правая тропинка примыкала к грунтовой дороге, где тихо урчал мотором зелёный «субару». Левая сторона углублялась в лес. Видя вязкую, почти осязаемую темноту между деревьями, Генри не горел желанием туда идти. Ещё одна, самая широкая тропинка вела вперёд через железную калитку. Там была площадка, где колыхались слабые разрознённые огоньки, но сумрак мешал увидеть чётко, что там находится.

Генри заинтересовала машина и перспективы, которые сулила проезжая часть. Он до сих пор не мог взять в толк, снится ему всё это, или он на самом деле перенёлся чёрт знает куда. Но его радовало, что тут есть куда податься в крайнем случае – не то что закрытая коробка подземки...

Дверца машины со стороны водителя была открыта. Внутри никого не было. Генри увидел какие-то листочки, разбросанные по всему салону. Создавалось впечатление, что водитель куда-то страшно спешил и даже не припарковал машину как следует. Генри поднял один из листов – он выпал из салона и лежал на земле. Мутная чёрно-белая ксерокопия какой-то книги. На парафиновом свете фар Генри прочитал:

Изначально у людей ничего не было. Тела их болели, а сердца не хранили ничего, кроме ненависти. Они без конца воевали между собой, но смерть не настигала их. Люди отчаялись, и казалось, что они погрязли в вечном болоте. Но нашёлся однажды мужчина, который преподнёс солнцу в дар змея и помолился о спасении. И нашлась женщина, что преподнесла солнцу животворящий тростник и попросила радости. Испытав жалость к печали, накрывшей землю, Бог был рождён от этих людей...

Дальше Генри не стал читать, небрежно бросив листок на водительское кресло. Если написанное не шутка, то либо бред сивой кобылы, либо владелец «субару» – очередной сектант, коих немерено по Богом забытым уголкам Америки. Не то чтобы Генри особо трепетно относился к религии – он причислял себя к христианам, хоть и не заглядывал в церковь с детства. Но он здраво полагал, что перегибание палки в любом деле ни к чему хорошему не ведёт.

Генри начал спускаться по пологому склону, трава на котором достигала до колен. Подойдя к калитке, он увидел, что источниками света на площадке выступают свечи, внушительное их количество, поставленное на деревянную стойку. Свечей точно было больше ста, и каждая из них заставляла своих соседей отбрасывать длинную подёргивающуюся тень.

Ещё на площадке был человек. Он сидел на сером булыжнике, как гипнотизированный наблюдая за пляской сотен мини-факелов. Таунсенд видел его косо со спины, так что взору попал только чисто выбритый затылок с пучком волос на макушке (Генри сразу вспомнил повальное увлечение панк-культурой в восьмидесятые, когда он только начал ходить в школу). Он зашаркал ботинками по траве, давая знать о себе. Не оборачиваясь и вообще ничем не изменив умиротворённую позу, человек заговорил:

– Т-так ты тоже п-пришёл, чтобы посмотреть на к-камень?

Выдавив эти слова, человек оглянулся. Первое, что зафиксировало сознание Генри – его ужасная худоба. Зелёная футболка болталась на торсе, как на пугале. Лицо было совсем молодое, чуть ли не подростково-прыщавое, но Генри показалось, что это впечатление обманчиво. Человек одарил его неуверенной и в чем-то подобострастной улыбкой.

– Что? – переспросил Генри.

– Этот к-камень, – он указал жестом. – Я п-подумал, что ты к нему. Когда я был з-здесь раньше, то встретил п-парня, который изучал его, в-вот и решил...

Генри проследил за его жестом. В самом деле, в тени деревьев высился большой чёрный камень. Удивительно, что он не заметил его сразу. Камень лежал у ограды мрачной громадиной. На поверхности были видны бесчисленные трещины и расколы, из-за этого он напоминал пожилого старика, стоящего одной ногой в гробу. Картина удручала.

– Н-но я нашёл к-камень раньше него, – не без самодовольства сообщил заика. – В-впечатляет камушек, а?

– Ну да, – согласился Генри без особой охоты. Собеседник расцвёл, найдя подтверждение своей правоте:

– В с-старые времена индейцы н-называли его Наки... – он запнулся и выговорил тщательно по слогам, – Накихона. Т-тут проводились обряды. Индейцы общались с душами с-своих предков. К-круто!

Прийти сюда на ночь глядя, чтобы полюбоваться старым валуном? Генри вспомнил ворох бумаг в машине.

Хм, а этот тип, похоже, религиозный фанатик. Час от часу не легче.

– С-сейчас его тоже используют, – доверительно сообщил человек, снова уставившись на свечи. – Парни из п-приюта, они величали его «К-камнем Матери».

– Из какого приюта?

Человек взглянул на Генри снизу вверх с таким удивлением, будто тот ляпнул что-то невообразимо глупое.

– Там, – он неопределённо махнул вперёд, – н-недалеко. Детский приют. Им управлял здешний р-религиозный культ, это знали н-немногие...

Он выждал, словно надеясь получить похвалу за столь выдающиеся знания. Но Генри молча ждал продолжения: его тоже околдовал хоровод огня и теней.

– В-общем, – человек обиженно насупился и стал напоминать совсем уж малолетнего подростка, – эти п-парни собирали там с-сирот и делали с ними странные в-вещи. Я слышал...

Он спохватился и замолк, сообразив, что сболтнул слишком много. Повисла неловкая пауза, нарушаемая лишь треском пламени. Посчитав, что пришло время сменить тему разговора, Генри подошёл ближе к собеседнику и протянул руку:

– Генри Таунсенд.

– Очень п-приятно, – рукопожатие у человека было вялым и неуверенным. Его ладонь так и жгла холодом, хотя вокруг было довольно тепло. – Д-джаспер Гейн.

– Взаимно, – Генри кивнул.

Гейн было снова ушёл в свой астрал, но вдруг подозрительно прищурился:

– Если т-ты не к камню, то з-зачем сюда приехал?

Хороший вопрос. Генри поразмыслил и решил, что смысла скрывать правду нет. Но перед этим...

– Джаспер, можно вопрос? Обещаю, что после того, как ты дашь ответ, я отвечу на твой.

– В-валяй, – кивнул Гейн, и в глазах появился азартный блеск. Генри это почему-то насторожило.

– Где мы?

На этот раз даже разговорчивый Гейн замолк надолго. Сначала он полминуты изучал лицо собеседника, выискивая намёки на шутку. Потом попытался рассмеяться, но смех растаял в горле при взгляде на серьёзное лицо Таунсенда. Лишь после этого он решился подать голос:

– Т-ты не знаешь?

– Увы, – ответил Генри, чувствуя себя круглым дураком.

Гейн почесал в затылке, абсолютно сбитый с толку:

– С-странно это. Но вообще мы на б-берегу озера Толука. Ш-тат Мэн. Г-город... – он выдержал паузу, прочищая горло. – Город Сайлент Хилл.

6

– Понятно, – сказал Генри спустя три секунды после того, как Джаспер сообщил ему название города. Тон его голоса не изменился, как и выражение лица... но в эти три секунды он подумал о многом. Он разворошил свой мысленный архив до самого дна в поисках сведений о маленьком мэнском городке. И найденное его не порадовало.

Сайлент Хилл. Теперь Генри понял, почему местность казалась ему знакомой. Пять лет назад он впервые поддался безмолвному очарованию озера Толука, и его стало влечь к его побережью, как магнитом. Ему нравилось сидеть на границе воды и земли, глядя на бескрайнюю, как ему казалось, туманную гладь. И он был на берегу не один... озеро покоряло всех, кто хоть раз бывал на нём.

Он потратил возмутительное количество плёнки, делая фотографии местного пейзажа. К большому сожалению Генри, безжизненные клочки хлорной бумаги не способны были передать неуловимое очарование этого места. Снимки получались размытыми и безжизненными... скорее пугающими, нежели привлекающими. Генри щелкал затвором снова и снова, надеясь отыскать в конце концов удачный ракурс, который воплотит на плёнку живой дух озера. Отдельные снимки получились весьма неплохими, но результат его так и не устроил. Впрочем, вскоре он махнул на западные края в поисках новых впечатлений, и озеро Толука, как и город, расположенный на нём, поблекло в памяти. Больше Таунсенд не приезжал на полюбившийся живописный уголок... во всяком случае, до этой ночи. Но пара сделанных им фотографий до сих пор хранилась у него, и он временами брал их, чтобы полюбоваться ими, потосковать по прежним порам.

Сам город ничем особым не выделялся. Жил в основном за счёт туристов, которые устраивали паломничество на озеро, и имел амбиции стать курортным центром, что было довольно трудным делом для городишка, который не имел выхода на море. Генри знал в городе только отель, где останавливался, да пару-тройку ресторанчиков, и эти знания его вполне

устраивали. Во время путешествий сонных поселений, как Сайлент Хилл, на его пути встречалось немерено.

Впрочем, когда он посещал город четыре года назад в последний раз, то заметил, что уж слишком много домов пустуют или пестрят надписями типа «продаю задешево». Кое-кто утверждал вечером в баре, куда он вышел расслабиться, что город умирает. Тут же завязалась оживлённая дискуссия – кажется, тема была злободневной в этих краях. Генри не стал в ней участвовать; молча выпил свою порцию и поднялся в номер. Весь следующий день он провёл у озера Толука, в последний раз наслаждаясь величественным молчанием. Больше он в Сайлент Хилл не приезжал.

Но один раз Генри всё-таки пришлось оживить в памяти это причудливое имя. Листая сводку новостей несколько лет назад, он наткнулся на кричащий заголовок:

КРОВАВАЯ РЕЗНЯ ПОД ПОКРОВОМ НОЧИ

Сайлент Хилл (штат Мэн) вновь становится ареной страшных и загадочных происшествий.

Содержание статьи было настолько жутким и неправдоподобным, что Генри предпочёл счесть его за банальную утку. Не хотелось думать, что подобные вещи могут происходить рядом с озером Толука. Это было бы святотатством.

И вот он снова здесь. Наверное, стоило себя пожурить за то, что он не узнал с первого взгляда объект своего обожания. Но, во-первых, Генри никогда не смотрел на озеро с этой стороны, во-вторых, ночь растворяла в себе гладь воды, делая её неузнаваемым... и в-третьих, он был в этом уверен, само озеро тоже было каким-то не таким. Как эта багровая луна, чересчур густые кроны и заикающийся человек, который таращился на него во все глаза.

– Т-теперь ты, – осторожно напомнил он. Генри нахмурился:

– А?

– Т-ты обещал ответить н-на мой вопрос...

Ах вот в чём дело. Джаспер Гейн жаждал узнать правду. Генри неохотно начал рассказывать:

– Дело в том, что шесть дней назад я оказался заперт в своей квартире...

По мере того, как он говорил, блеск в глазах Джаспера разгорался всё больше, а на лице прорезывался неподдельный щенячий восторг. Генри поведал ему всю историю, умолчав только о том, что произошло в подземке. Если кого это дело и касалось, то только его... и Синтии. По этой версии получалось, будто Таунсенд некоторое время бесцельно бродил по пустым коридорам станции, натываясь на собак, потом хлоп – и проснулся у себя на кровати.

– ... снова полез в дыру и оказался здесь, – закончил он. После такого неприкрытого бреда он ожидал у собеседника всё, что угодно – вспышку гнева, недоверие, насмешки, страх, может быть, даже ужас. Но на Гейна история оказала совершенно непонятное воздействие. Он вскочил с места и

принялся ходить вперёд-назад, что-то сосредоточенно пришептывая под носом. В отблеске свеч Гейн выглядел скелетом, на которого кто-то шутки ради напялил одежду. Генри наблюдал за ним с растущим изумлением, а когда Гейн внезапно вскинул руки к небу и расхохотался в голос, он испытал нечто, очень похожее на панику.

– Д-дыра, – лихорадочно изрёк Гейн. – Теле-п-портация. Альтернативная р-реальность. В-великолепно!

Генри вновь вспомнил религиозную белиберду в машине и почувствовал себя совершенно не в своей тарелке.

– Джаспер, может, объяснишь, что здесь такого смешного?

Гейн посмотрел на него своими водянистыми глазами, вернувшись к облику надутого мальчугана. Но руки всё-таки опустил и смеяться перестал:

– Из-звини, Генри. Конечно, н-ничего смешного, но... Р-разве это не интересно?

– Что интересно?

– Т-то, что с тобой произошло. З-значит, ты сейчас спишь и в то ж-же время бодрствуешь, ага? – Гейн ткнул пальцем вверх, куда-то на небо. – Находишься з-здесь, в Сайлент Хилле, и л-лежишь на своей кровати в...

– В Эшфилде, – машинально дополнил Генри.

– ... в Эшфилде. Это н-называется биолокация. Я ч-читал в книгах об этом, но н-никогда не в-встречался.

Он опять испустил нервный смешок. Генри всё больше убеждался, что его собеседник невменяем.

Показалась ли бы тебе, приятель, эта хреновина такой интересной, если бы ты был в той подземке... слышал её крики?

– Джаспер, – строго спросил он, – это ты зажжёг свечи?

Гейн замотал головой:

– Н-нет, так и было, к-когда я пришёл к камню. С ч-чего бы мне зажигать их?

– Тогда, может, знаешь, откуда здесь свечи?

– Они з-зажигают свечи, когда Святая М-мать близка к пробуждению, – Гейн отвечал без раздумий, гордый своими познаниями. – П-по крайней мере, должны. Так н-написано в их Священной К-книге. Д-думаю, это они.

– Культ? – в голосе Генри сквозило сомнение.

– К-кто же ещё?

Генри поразмыслил и пришёл к выводу, что ответ резонный. И это настораживало. Если свечи действительно поставили загадочные культовики, то они должны быть где-то рядом. Встречаться с ними Генри не хотелось.

– Джаспер, это твоя машина? – он указал на смутные очертания «субару» на обочине. Гейн кивнул:

– М-моя.

– Не мог бы ты подбросить меня до города? Я не знаю, как сюда попал, но больше оставаться здесь не хочу. Надеюсь, ты меня понимаешь.

– П-почему нет, – Гейн поднялся с камня; впрочем, с видимой неохотой. Похоже, его огорчало, что интригующая история обрела конец так быстро. – А тебе к-куда?

– Куда угодно, лишь бы отсюда.

Генри сказал чистую правду. Место пугало его всё больше, и нерасторопность визави начинала раздражать. Гейн направился было к калитке, но потом подозрительно уставился на левую руку Генри:

– А это з-зачем?

Генри с недоумением проследил за его взглядом. И увидел в своей ладони толстый сук, который он оторвал у берега.

– Для защиты, – он с тяжёлым сердцем бросил сук на землю. – Думаю, здесь небезопасно.

– Почему? – спросил Гейн с любопытством. – Д-думаешь, здесь тоже эти... с-собаки, о которых ты р-рассказывал?

– Вполне возможно. Слушай, Джаспер, давай пойдём к машине, а?

7

Они никуда не уехали. «Субару» исправно урчал мотором, поставленный на ручник, но когда оба уселись и Джаспер нажал на педаль газа, двигатель поперхнулся струёй сизого дыма и заглох. Генри, начавший изучать бумаги, которые Гейн бережно переложил в бардачок, почувствовал неприятный холодок в солнечном сплетении.

– Од-дну минуту, – тот вылез из салона и раскрыл капот. Генри последовал за ним. Дым продолжал сочиться из двигателя, отдавая явным запахом копти. Джаспер прикоснулся к двигателю и тут же отдернул руку с приглушённым вскриком: металл был раскалён.

– С-странно, – он почесал в затылке. Генри уразумел, что в автолюбителях Гейн никогда не ходил... как и он сам. Во время странствий Генри пользовался либо междугородним транспортом, либо автостопом. А поломка была серьёзной. Он сомневался, что они вдвоём смогут разобрать двигатель прямо здесь.

Пока Гейн бормотал проклятия, Генри снова расцениваяще оглядел пейзаж. Багровый лик луны сместился к озеру, и деревья послушно повернули тени. Ночной бриз успел потушить несколько свеч, но в целом армия искусственных светлячков держалась неплохо. Большой камень (*Накихона*, вспомнил он) невозмутимо лежал и, казалось, поглядывал на них трещинами, напоминающими узкие глаза.

– Старая ж-железяка, как вернись, п-продам к чёртовой...

– Джаспер, что там, дальше по тропе?

Гейн без особого интереса бросил взгляд в сторону, куда указывал Генри:

– Я уже г-говорил. Там детский приют, к-которым заправлял культ. То есть з-здание приюта. Сейчас т-там никого нет, оно з-заброшено. В-власти, они не п-пожелали дальше т-терпеть их организацию.

– Но тогда кто...

Генри повернулся к островку догорающих свеч с нарастающей тревогой. Словно почувствовав его взгляд, крайняя справа свеча дрогнула и погасла под напором ветра.

– Я ув-верен, что они есть, – заявил Гейн. – Н-но не афишируются. Т-такая старая религия н-не может исчезнуть.

– Куда ведёт это шоссе?

– В С-старый Город. Но идти д-далеко, п-придётся обогнуть в-всё озеро. Эта часть берега н-не заселена, местные её н-называют Пустырём.

– А можно добраться до жилых кварталов как-нибудь побыстрее?

Задавая вопрос, Генри уже знал ответ.

– Д-да, – Джаспер указал на тропу, которая вела к приюту. – П-пожалуй, если пойти н-напрямик, т-то можно срезать часть п-пути. Тропа п-примыкает к Натан-авеню возле м-маяка.

Маяк. При этом слове в памяти Генри заворчалось что-то нелицеприятное.

– А на шоссе машин, я так понимаю, мало?

– Их т-там нет в-вообще, – усмехнулся Гейн. – П-по крайней мере, я, к-когда ехал сюда, не в-видел ни одну. С-слушай, ты с-собираешься п-пойти по т-тропе, д-да?

Придётся, вздохнул Генри. Ой как не хочется, но иного выхода нет. Точно так же, как дыра в ванной вкупе с запертой дверью – словно чья-то могучая воля заставляет поступать именно так, как хочется *ему*.

От внимания Генри не укрылось, что Гейн стал заикаться чаще, когда понял, что им не избежать прогулки мимо приюта. Человек в зелёной футболке стоял и ждал ответа – Генри даже показалось, что Гейн мелко дрожит в поджилках. Свет фар делал его лицо белым, как мел.

– Почему бы и нет, – с деланным равнодушием отозвался Генри. – Ты со мной, Джаспер?

Гейн затрясся – теперь это стало явно видно. Глаза округлились, нижняя губа чуть отвисла. Генри не знал, чем ему так не нравится приют, но в глубине души даже ощутил потаённое злорадство. Хотели волшебного-мистического приключения – получите и распишитесь.

Не дождавшись ответа, он пошёл по тропе обратно к обронённому суку. Гейн засеменял следом, и когда они добрались до свеч, то увидели, что их свет отливает кровью из-за медного сияния луны.

8

Собаки завывали где-то поблизости, когда Генри и Джаспер преодолели половину пути. Тоскливый голодный вой сотряс ночной воздух, заставив обоих подскочить. Гейн до хруста в пальцах вцепился в сук, подобранный им по примеру Генри, и шумно сглотнул слюну. Генри, хоть и не выказал свой страх, чувствовал себя не лучше.

– П-потянул м-меня чёрт приехать с-сюда, – пробормотал Гейн.

А ведь действительно, Джаспер, какого чёрта ты притащился к камню посередине ночи? Генри так и подмывало задать щекотливый вопрос, но он не

хотел устраивать допрос и без того перепуганному спутнику, да ещё в таком месте. Тропинка прокладывала себе путь меж стволов, иногда расширяясь, иногда сужаясь. В воздухе носились первые опадающие листья. Бриз не прекращался – они шли вдоль берега озера.

– Где ты живёшь, Джаспер? – спросил Генри, чтобы развеять невесёлое молчание.

– В П-плезант Ривере, – с готовностью ответил Гейн. – Это н-недалеко от С-сайлент Хилла. Н-но я ч-часто сюда п-приезжаю.

Он замолчал. Видно было, что Гейну хочется разговориться, стереть с памяти вой, который только что прозвучал, но язык предал его. Речь становилась всё более нечёткой, он заикался через каждое слово. Генри тоже не мог выкинуть из головы глас собак. Он не питал никаких иллюзий по поводу их вооружения, если им придётся вступить в схватку с этими тварями. С одной собакой они ещё могли кое-как справиться, а если их будет больше... Генри с сомнением покосился на Гейна. От этого типа помощи ждать точно не придётся.

И вдруг тот схватил его за рукав.

– С-смотри!

Что-то тёмное появилось между стволами на тропе. Существо невысокого роста, лишь до живота Генри... но его бездвижность внушала страх. Генри остановился. Джаспер во все глаза смотрел вперёд, побелевшие губы что-то беззвучно шептали.

Генри посмотрел налево (лес), потом направо (кусок озера, поблескивающий, как осколок зеркала). Ничего утешительного. Он снова всмотрелся в фигуру, тускло освещённую лунным светом, и на этот раз кое-что смог увидеть. Во-первых – это был человек. А во-вторых, его рост...

Бред какой-то. Откуда может взяться маленький ребёнок в ночном лесу?

Однако же, это был ребёнок. Сделав пару шагов, Генри убедился в этом окончательно. Маленький мальчик лет семи-восьми в полосатой водолазке, сосредоточенно грызущий ногти. Он без тени страха смотрел на приближающихся людей с лёгкой искоркой любопытства в глазах. В копне тёмных волос застрял красноватый лунный свет.

– Эй, парень, – осторожно позвал Генри. Мальчик поднял взгляд и уставился на него угольно-чёрными глазами, но палец изо рта так и не убрал. – Что ты здесь делаешь?

Возможно, тот и дал бы ответ, но в этот момент Гейн, оставшийся позади, вдруг пролепетал:

– Я... я з-знаю! Т-третье Пришествие... Что-то случится, да!

Генри с досадой развернулся. Джаспер закинул голову, сложил руки на груди и хрипло, отрывисто рассмеялся. Он трясся с головы до ног, язык заплетался, но продолжал выплёвывать новые порции бессмысленных фраз. Генри догадался, что у парня началась форменная истерика.

– Я в-вспомнил! – кричал Гейн, обращаясь к звёздному небу. – Т-тот парень, к-который был з-здесь раньше... Он т-тоже говорил... С-случится что-то б-большое! Н-наконец-то с-случится! С-сегодня, д-да!

– Джаспер, успокойся! – сердито закричал Генри. Гейн не обратил на него никакого внимания, продолжая кривляться и вопить. Когда Генри снова переключил внимание на мальчика, то увидел, что тот со всех ног бежит прочь, углубляясь в лес – лишь пятки сверкают. Парень уже был достаточно далеко, чтобы Таунсенд не вздумал пуститься вдогонку. Несколько секунд, и мельтешение полосатой водолазки пропало среди нагромождения теней.

– Хватит, Джаспер! – Генри с трудом удержался, чтобы не въехать хорошенько по разгорячённому лицу Гейна. В кою-то пору тот вроде услышал – во всяком случае, остановил свои песни-пляски и вернул голову в нормальное положение. Остекленевшие глаза Джаспера смотрели не на Генри, а на место, где минуту назад стоял мальчик. Увидев, что того и след простыл, Гейн окончательно пришёл в себя.

– Г-где он?

– Ушёл, – бросил Генри, закипая. – Джаспер, ты знаешь этого мальчика?

– Я? – Гейн выглядел безмерно удивлённым. – Н-нет, конечно.

– Тогда объясни, что за номер ты только что закатил?

– К-какой ном...

– Ты знаешь, о чём я! – рявкнул Генри ему в лицо. – Что это за Третье Пришествие? Какой парень, с которым ты раньше здесь встречался? И что, чёрт возьми, ты здесь делаешь?

– Я... – при виде взбешенного Таунсенда Гейн с перепугу потерял дар речи. – Я-я ничего н-не знаю, Генри. С-сам не з-знаю, зачем я з-здесь. М-мне просто н-нравится в С-сайлент...

– Ох, Джаспер, – страдальчески вздохнул Генри. – Говори правду, прошу тебя. Ты член культа, не так ли?

– Нет-нет, – Гейн для пущей убедительности замахал руками. – Я п-просто изучаю к-культ, его в-верования. М-мне это интересно. Но с-сам я никогда н-не с-состоял в нём.

Генри хмуро смотрел на него. Похоже, Джаспер говорил правду. При всём желании Генри не мог представить тщедушного, умирающего со страху человечка членом какого бы то ни было культа. Возможно, он просто фанатик – так малолетние дети боготворят героев любимых комиксов.

Почувствовав, что буря проходит, Гейн осмелился добавить:

– И в-вообще, культа д-давно нет. Их л-лавочку прикрыли.

Ага, если бы культ был, ты с радостью примкнул в их ряды? Генри сокрушённо прикрыл веки.

– Всё-таки, почему ты закатил истерику из-за этого парня? Кто он?

– Н-не знаю, Генри. Ч-честно, – взмолился Гейн. – Но разве т-ты не чувствуешь, что г-грядёт нечто? Я эт-то отлично чувствую. Н-наверно, п-потому и приехал с-сюда. П-предчувствие, з-знаешь ли. А этот м-мальчик... он, согласись, и п-правда какой-то с-странный. Я-я просто н-не выдержал. Клянусь.

Они смотрели в глаза друг к другу несколько долгих секунд, потом Генри тяжело вздохнул и отступил от еле живого Гейна. Он знал, что собеседник недоговаривает, но для того, чтобы встряхнуть мешок до дна, можно найти

более подходящее место. А они и так потеряли уйму времени. С такими темпами до заветного маяка не добраться и за семь лет.

– Ладно, пошли. Что я хочу сказать – ты напугал парнишку, и он убежал. Один. В ночной лес. Нужно его найти.

– Т-ты ув-верен, Генри? – Гейн мало-помалу свыкался с возвращением в жизнь. – М-мне кажется...

– Джаспер, ради Бога. Он всего лишь ребёнок. Давай, скорее.

Они снова зашуршали палой листвой. Гейн волочился за Таунсендом, как поруганная собака, то и дело что-то выговаривая под носом. Генри перестал обращать на него внимание и нёсся едва ли не галопом. Он полностью сосредоточился на главной задаче – найти ребёнка и отвести его в безопасное место. Судя по завываниям, лес кишмя кишел жёлтыми безглазыми тварями. Очень не хотелось бы, чтобы на его глазах умер ещё один человек... мальчик. Две смерти на его совести – это уже слишком.

Они отшагали четверть мили, когда Гейн снова дёрнул Генри за рукав. Что—что, а зрением природа его не обделила, и он первый заметил высящуюся впереди прямоугольную тень на фоне тёмно-синего неба.

– В-вот он, – сказал Гейн. – Т-тот п-приют. «Д-дом Ж-желаний».

9

«Дом Желаний» на поверку оказался белым двухэтажным параллелепипедом, облепленным известняком. Генри он сразу напомнил городские поликлиники. Здание было огорожено высоким сплошным забором, и через прутья калитки они увидели детские игровые снаряды, заполняющие дворик. Качели и песочницы, как и весь приют, было давно мертвы. Лунные искорки играли на ржавых механизмах, основательно обработанных местными вандалами. Сам дом кренился, даже чуть уходил под землю. Стены были изрисованы граффити, окна зияли разбитыми стёклами. По гладкой штукатурке пробежали глубокие трещины. Генри прочитал дощечку у входа:

*Сиротский приют «ДОМ ЖЕЛАНИЙ»
Основан Городским Обществом Радости*

– К-конечно, – злорадно усмехнулся Гейн, тоже заметив табличку. – «Общество Радости» и есть к-культ. Это просто п-прикрытие для отвода глаз.

Ничего не ответив, Генри зашёл во двор, заставив петли испустить душераздирающий стон. Тропинка вела мимо здания к другой калитке на дальнем конце двора. Он споро направился вперёд, стараясь не отвлекаться, но заброшенный приют так и притягивал взор. Генри не мог избавиться от мысли, что стоит расслабиться, и из чёрных провалов окон вынырнет костлявая рука и схватит его за шею. Что касается Гейна, тот и вовсе пожирал приют взглядом. В его глазах любопытство перемешивалось со страхом. Язык так и тянулся поведать о том, какие слухи ходили об этом жутком местечке,

но демонстративное молчание Таунсенда отбивало всякие поползновения в эту сторону.

– Ин-нтересно, – шептал Гейн, почёсывая запястье, – что тут они н-на самом деле д-делали?..

Изучая здание, он отстал от Генри, который уже добрался до середины двора. Джаспер торопливо сделал несколько шагов за ним... и тут его слух уловил какой-то странный звук. Как работающий двигатель. Или приглушённое пение. Он остановился.

Звук исходил из большой потрепанной корзины с волейбольными мячами. Мячи сдулись и потемнели (более-менее целые, должно быть, забрали ошивающиеся здесь дети), но главное было не в этом. Широко раскрыв глаза, Гейн наблюдал, как они сами собой перекатываются по прогнившему днищу. Во рту мгновенно пересохло. Звук усиливался.

– Г-генри, – слабо позвал он. Тот даже не обернулся.

Мяч докатился до угла и замер. Гейну показалось, что дно всколыхнулось и начало топить мяч в себе... но секундой позже до него дошло, что он видит на самом деле. Вот тогда он закричал по-настоящему.

Дно корзины было забито огромными чёрными насекомыми, которые покрывало его сплошным живым одеялом. Одеяло шевелилось, заставляя мячи катиться. Насекомые издавали тот самый жужжащий звук, который привлёк Гейна – на его же беду. Услышав его крик, «одеяло» мгновенно вспучилось и разлетелось на отдельные частицы, дохнув на лицо несчастного градом гудящих тварей. Чёрная туча взмыла в воздух.

Посмотрев назад, Генри увидел, как Джаспера заволокло нечто чёрное и бесформенное, издающее противное жужжание. Гейн махал руками и истошно вопил. Генри бросился назад, к обезумевшему спутнику. Когда он приблизился к нему, облако вытянулось в длину, подбираясь к Генри. Он почувствовал на шее острый укол боли; мгновением позже жало насекомого пронзило и щеку. Укусы были очень сильными, кровь сразу потекла тёплой струёй. Генри выругался и попытался сбить насекомых палкой. Но они с лёгкостью уворачивались от ударов, делая новые атаки. Несколько секунд, и на лице Генри не осталось места, которое не пометило бы жало этих тварей.

Схватив за руку Гейна, который успел сорвать голос, Генри потащил его к приюту. Решение принял спонтанно, не раздумывая... всё равно другого пути к спасению не было. Парадная дверь была гостеприимно приоткрыта. Они вломились в отсыревшие своды, вызвав своей поступью громкое эхо, звенящее под потолком. Генри навалился на дверь, отрезая насекомым путь, но несколько самых шустрых успели просочиться внутрь. Одного Таунсенд раздавил ладонью, когда тот присосался к его запястью, другого скинул на пол и смачно раздавил ботинком. С оставшимися двумя расправился немного образумившийся Гейн. К счастью, в прихожей не было окон, и твари не могли влиться внутрь.

– Г-господи! – Гейн прикоснулся к обезображенному укусами лицу и всхлипнул. – Ч-что это з-за...

– Не знаю, – Генри осел на пол. Всё произошло быстро, даже слишком быстро. В памяти остался только сумасшедший нечёткий круговорот. Он провёл ладонью по лицу. К пальцам прилипла кровь.

– Чёрт... – вид крови оживил в памяти не столь отдалённое воспоминание: как он сидел над умирающей, захлёбывающейся в крови девушкой... и как блестела на пальцах кровь. Её кровь...

Он нащупал укус на правом виске. Место успело отечь и горело огнём. Как бы эти твари не оказались ядовитыми. Но даже если так, он ничего не мог сейчас делать.

– Джаспер? Ты как?

– Б-больно, – Гейн закрыл лицо руками; между пальцами текли слёзы. – Генри, скажи мне, что я с-сплю, как было с тобой в м-метро... Это н-не может быть в-ваправду, не т-так ли?

Генри поднялся с пола, огляделся. Вроде бы в помещении без окон должна была стоять кромешная тьма, но, странное дело, он мог различать вещи довольно хорошо.

– Не знаю, Джаспер. Не знаю...

Он подошёл к двери и прислушался. За тонкой перегородкой был неровный, то стихающий, то усиливающийся гул насекомых. Они не собирались улетать – кружили возле двери, как стражи. *Что-то слишком они умные*, подумал Генри. *Как те собаки в метро*. Ему стало не по себе. Может быть, пчёлы тоже лишь отвлекающий маневр, призванный не дать им добраться до ребёнка, чтобы защитить его?

Не «может быть», а так оно и есть. Генри чертыхнулся. Ну конечно! Нужно выбраться из этого плена сию же минуту. Мальчик, маленький мальчик, один в лесу, один во власти багровой луны.

Он лихорадочно обернулся:

– Джаспер, нам нужно...

Гейна нигде не было видно. Он пропал из узкой прихожей. Ощущение дежавю с такой силой нахлынуло на Генри, что ему пришлось моргнуть, отгоняя наваждение.

– Джаспер?

Голова закружилась в предчувствии непоправимого. Генри с внезапной ясностью понял, что угроза таится здесь, в этом покинутом приюте, а не в лесу. И жертвой на заклятие сегодня выбран не мальчик – они.

Словно подтверждая его догадку, за дверью на правой стене вспыхнул ярко-оранжевый свет.

Джаспер слышал голос, когда человек в голубой рубашке ушёл изучать дверь. Голос зазвучал из ниоткуда, наполняя воздух льдом. Он был мягким, вкрадчивым и обольстительным. Этому голосу нельзя было отказать, он манил за собой, дурманя разум и волю. Джаспер никогда не сомневался, что голос

будет именно таким, хотя никогда раньше его не слышал... ведь голос принадлежал самому Дьяволу.

И голос сказал ему, чтобы он пришёл. Пришёл и посмотрел на него.

Иди сюда, Джаспер. Просто зайди в комнату, и ты получишь то, чего жаждал все эти годы. Ты увидишь меня – а ты так мечтал об этом, не так ли?

– Да, – он облизнул губы и сделал шаг вперёд. Из-за дощатой двери, которую давно уже никто не открывал, исходили невидимые маслянистые волны, которые опутывали руки и ноги. Но сильнее всего был голос... он не умолкал.

Признайся, Джаспер, ведь потому ты сегодня здесь. Потому ты так боишься и в то же время лисуешь. Ты хочешь увидеть меня, хотел ещё десять лет назад. Тогда тебе не хватило смелости... но ты изменился за эти годы. Я прав, Джаспер?

– Да, – он едва не плакал; впрочем, то были скорее слёзы счастья, чем страха. Он покорно шёл к двери, его бросало то в жар, то в холод.

Наконец он достиг её – вот она, медная втулка ручки, перед ним. Он сжал её в ладони, и пальцы словно сковало инеем. Стоит только повернуть ручку... и он увидит его. Увидит Дьявола.

Твои друзья оказались храбрее тебя, Джаспер. Они не испугались тогда, десять лет назад... они взглянули в мои глаза. Но и тебе ещё не поздно. Так давай же. Ну, Джаспер.

Он закрыл глаза и на мгновение увидел их – Шона и Бобби, как они лежали мёртвые рядом друг с другом, с посиневшими лицами и ртами, разорванными в последнем крике. Он их видел, его заставили смотреть на них в полицейском участке. В тот момент он и начал заикаться...

Дверь не скрипела. Теряя сознание, с горящим от укусов лицом, Джаспер вошёл в тёмную комнату. Дверь неслышно закрылась, но он этого не заметил.

Он был здесь. Дьявол, Аид, Самаэль – всё одно. Он ждал его.

Молодец, Джаспер, похвалил голос. Молодец. А теперь, прежде чем ты увидишь меня, я дам тебе то, чего тебе так не хватает. Я отдам тебе...

На столе у противоположной стены стояли кубки. Много кубков. Возле них – длинные, незажжённые свечи. Сбоку лежал стальной нож, даже в полумраке холодно поблескивающий наточенным лезвием. Затаив дыхание, Джаспер склонился над столом. *Алтарь*, внезапно понял он. Мысль принесла облегчение.

В самый большой кубок, стоящий в центре, была налита маслянистая бесцветная жидкость. Джаспер втянул носом воздух, но запаха не было. Он осторожно взял кубок в руку и поднял. Не знал почему, но поднял...

– Ты схватываешь всё на лету, – сказал мягкий голос за спиной, и из груди Джаспера вырвался приглушённый крик. На этот раз голос был вполне реальным... но оттого ничуть не менее страшным.

– Я здесь, Джаспер. Смотри на меня.

– Нет, – пролепетал он, и на стриженной голове заблестели капли пота. – Я н-не хочу...

– Смотри на меня.

Жидкость в кубке пошла волнами, часть выплеснулась ему на кисть. Джасперу пришлось удерживать кубок обеими руками, чтобы не пролить всё. Он понял, что придётся обернуться и увидеть его. Глаз в глаз. Он понял, что это будет последнее действие в его жизни.

И он сделал это.

Дьявол был в облике человека в синем плаще – с прямыми, ниспадающими на плечи тёмными волосами. В руке он держал длинный нож, точно такой же, какой лежал на столе. Лицо Дьявола было на редкость благожелательным. Они так и стояли, глядя друг на друга. Гейна покидали последние силы. Он зашатался на месте, и тогда Дьявол изрёк:

– Тебе холодно, Джаспер.

– Да, – отозвался он, чувствуя, как под этим гипнотическим взглядом страх рассеивается, сменяясь радостью. Он так хотел увидеть Дьявола, и добился своего. Чего ещё желать? И потом, ему действительно было холодно. Он не мог согреть себя с той страшной ночи десятилетней давности, когда умерли Шон и Бобби. А он остался в живых. Его знобило день и ночь, в самую жаркую погоду. Пальцы рук и ног всегда оставались ледяными, и люди не хотели с ним здороваться за руку. Из-за холода, живущего внутри, он даже не мог нормально говорить...

Ему было холодно.

– Тебе нужно согреться.

– Да.

Глаза Дьявола... такие глубокие и тёмные, его голос – хорошо поставленный, выразительный, но неживой... Кубок качнулся в руке Джаспера. Он вознёс его высоко над головой.

– Да, – повторил за ним Дьявол, как эхо. – Ты больше не будешь заикаться. Не будешь бояться и мёрзнуть. И мертвецы не будут приходить к тебе во снах. Всё позади.

Джаспер поверил, потому что этому голосу невозможно было не верить. Он послушно опрокинул кубок над своей макушкой, почувствовал, как жидкость потекла вниз, заливая соляной плёнкой лицо, шею, грудь. Он не сопротивлялся, когда Дьявол в синем плаще подошёл к нему вплотную и водил лезвием ножа по груди, нащёптывая нескончаемые слова. Боли не было, и Джаспер верил.

Но потом, когда в руке Дьявола вспыхнул огонь и он поднёс полыхающее пламя к его груди, всё изменилось.

Гейн кричал за дверью, и красные сполохи выглядывали в щель. Генри неистово заколотил по двери. Та стояла не шелохнувшись, хоть и выглядела донельзя хлипкой. Что-то удерживало дверь с той стороны – что-то настолько сильное, что все старания Генри казались потугами муравья, старающегося перетащить булыжник.

Когда в щель начал лезть дым, отдающий горелой плотью, Генри понял, в который раз за последние дни, что уже поздно. Вопли размылись – теперь они напоминали скорее вой пожарной сирены, нежели человеческий голос. В последний раз приложившись кулаком к двери, Генри отступил назад. Словно того и ожидая, дверь подалась назад на петлях, открыв взору ужасное зрелище.

За дверью была маленькая комната с голыми стенами. Интерьера не было – лишь у противоположной стены располагался низкий стол, на котором громоздились кубки необычайных форм. Джаспер стоял у стола, держа в руке один из них, большой чёрный кубок... Он горел. Пламя пожирало его, заставляя корчиться и бессвязно орать, но он непонятно почему не падал. Языки огня жадно лизали его грудь, руки, голову, вжаривая одежду в тело.

Как это ни невероятно, Гейн, похоже, услышал скрип открывающейся двери. Он вскинул почерневшую голову с остатками волос, которые на глазах осыпались пеплом, и посмотрел прямо на него, на Генри, белками глаз, похожими на сваренное вкрутую яйцо.

– Я встретил его! – во весь голос гаркнул он; когда губы раздвинулись, со щеки сорвалась чёрная короста. – Того, о котором говорил тот парень... это был Дьявол!

Кубок вывалился из пальцев и покатился по полу, и Гейн рухнул на колени, словно этого и ждал. Теперь огонь принялся за его спину, но он этого уже не чувствовал. Последний выкрик забрал все силы, и больше Джаспер не кричал. Тело качнулось набок. Генри бросился к нему, не отдавая себе отчёта, что хочет сделать, но невыносимый, пышущий жар заставил его остановиться. Широко открытыми глазами он смотрел, как то, что минуту назад было Джаспером Гейном, тяжело упало на пол. Деревянные половицы немедленно занялись. Назревал пожар. Предчувствовав ужасное, Генри обернулся. Так и есть – дверь была плотно закрыта. Он был заперт в приюте «Дом Желаний», а огонь быстро прыгал с одной половицы на другую, и дерево весело потрескивало, предвещая последний танец старого дома – карнавал огня, искр и дыма этой пряной ночью, под светом багровой луны.

Глава 4 Взаперти

1

Яркий свет, тьма, снова свет. Они перемежаются, как полоса «зебры» на переходе. Генри смотрит на это мельтешение, пока его не начинает тошнить. Нужно выбираться отсюда, говорит он себе, нужно заставить себя вынырнуть. Но как это сделать, если он лишь бестелесный дух, не имеющий тела и формы? Здесь, на грани «той» и «этой» стороны, он существует именно в таком виде – точка зрения, лишённая облика. Он видит омерзительный перемежающийся свет и слышит не менее омерзительный вялый голос дикторши, доносящийся сквозь снегопад помех:

– *Специальный выпуск новостей... Сегодня утром в лесах возле Сайлент Хилла обнаружено обгоревшее тело молодого мужчины. Полиция возбудила уголовное дело по факту убийства. На теле жертвы обнаружена вырезанная надпись в форме числа 17121. Это послужило поводом для подозрения, что убийство может быть как-то связано с делом Уолтера Салливана десятилетней давности...*

Генри понимает, что непостижимым образом ловит волну утренних новостей. Словно ему в голову вживили маленький радиоприёмник. Каждое слово дикторши вызывает ноющую боль в голове. Он жмурится со всех сил, не желая видеть чёрно-белый свет и слышать отдаляющийся голос. Но образы не оставляют его. Они кружат вокруг, сбивая друг друга. Это чёрная дыра на кафеле, это Синтия, прикладывающая ещё тёплую ладонь к его щеке. Это он сам на могиле матери, которая так и не дождалась сына в день своей смерти. И в конце – когда боль в висках усиливается до дребезжащей ноты, обещая скорый взрыв, – Генри видит в пульсирующем свете молодую девушку (совсем ещё девочку), которая грустно улыбается сквозь прутья решетки. И отчётливо слышит, как она говорит:

– *Так хотел Бог.*

Слова стали последними. Они обрушились на него грохотом скал, и Генри болезненным рывком приподнял веки. Мельтешение не прекратилось, но теперь это были не свет и тьма, а лопасти под потолком. Генри шумно выдохнул. Все мышцы тела на мгновение напряглись и обмякли. Он проснулся. *Так хотел Бог...* и он проснулся.

2

На этот раз Генри не стал первым делом заглядывать в ванную. Он и так знал, что дыра никуда не делась, и от неё по-прежнему веет адским холодом. Вместо этого он направился в кухню – нужно было промочить горло, которое превратилось в сухую папиросную бумагу. А ещё не помешало бы вымыть лицо. Следов от укусов не осталось, но чувствовал он себя так, будто его прижали физиономией к куче битого стекла.

Наклонившись над кухонной раковиной, он крутанул кран. По закону подлости, воды в трубе не должно было быть, но она хлынула с весёлым журчанием. Генри подставил стакан и наполнил его до краёв живой влагой. Смог остановиться, только когда осушил третий стакан. Желудок не приветствовал внезапное наводнение – живот недовольно забурчал, но стерпел издевательство. Почувствовав, как светлеет в глазах, Генри начал умываться, уже более спокойно. Полотенца в кухне не было, оно висело в ванной, так что вытираться он не стал. Сейчас это было неважно.

А что важно – так это думать над тем, что делать дальше. Снова лезть в проклятую дыру, чтобы увидеть ещё одну ужасную смерть? Или попытаться что-то предпринять здесь, на этот раз более спланированно?

Но перед тем Генри хотел кое на что взглянуть.

Он вернулся в свою комнату. В ящике рабочего стола лежали вырезки из газет и старые фотографии – память о тех днях, когда он ещё не осел в квартире 302. Сейчас Генри интересовал только один снимок... тот самый, что он сделал во время последнего визита в Сайлент Хилл. В городе, где он был прошлой ночью.

Застекленная фотография лежала в самом низу стопки, покрытая толстым слоем пыли. В последний раз Генри брал её в руки полтора года назад. Озеро Толука, его прибрежные камыши. Водная гладь уходит до горизонта, но на снимке всё теряется в тумане: лёгкая дымка, день и ночь висящая над озером, ограничивала видимость сотней ярдов. Сквозь туман на заднем плане заметна высокая сигарообразная конструкция, рвущаяся к небу. Маяк. Тот самый, о котором говорил бедняга Джаспер... о котором писалось в газете. Рядом с маяком, к северу от него, располагался парк развлечений, один из главных источников дохода в городе. Генри пару раз был там, но аттракционы его не впечатлили.

Маяк. Парк. Забытая статья, которая казалась банальнейшей уткой... но после сегодняшней ночи Генри не был ни в чём уверен.

Так хотел Бог.

Эти слова. Они занимали ровно одну строку на газетной бумаге, но врезались в память навечно. Их ужасающая краткость и завершённость поразила Генри. И вот сегодня, балансируя на нити полусознания, он вновь их услышал. И не просто услышал – увидел ту, которая сказала эти слова. Эта девушка... Он не знал её имени, но знал, что она натворила.

В статье говорилось, что утром в понедельник городок ждало страшное потрясение. Холодная ночь с воскресенья на новую неделю обагрила кровью парк развлечений, где шокированные служащие обнаружили мёртвого старика и девушку, которая сидела рядом с ним и беззвучно плакала. Вначале они приняли её за жертву преступления... но потом увидели нож, который она любовно сжимала в руке.

Репортёр с нескрываемой гордостью сообщал, что ему удалось добиться разрешения на интервью через прутья решетки. Но он успел задать только один вопрос девушке, которая, по его словам, «забилась в угол своей койки, глядя в пустое пространство». Он спросил, зачем она это сделала. Она молчала, и он повторил вопрос. Тогда она ему ответила... и репортёр счёл нужным выделить её короткое высказывание жирным шрифтом.

– Так хотел Бог, – сказала она с болезненной улыбкой. И больше не проронила ни слова, как бы репортёр ни извращался в дипломатии. Это были её последние слова. Обескураженный журналист ушёл из тюрьмы. На следующий день девушку ждала перевозка в Портленд, но этого не состоялось: она повесилась ночью на верёвке, сооружённой из своей же блузки. На том дело и кончилось, и репортёр отмечал в конце статьи, что для Сайлент Хилла это не первый и наверняка не последний загадочный инцидент. «Так или иначе, – завершил он статью, – мы вряд ли когда-нибудь узнаем истинные причины этой ужасной резни. И, сдаётся мне, это даже к лучшему». Раскрыть имя девушки или дать её фотографию в редакции не решились, так

что шапку статьи венчал снимок того самого маяка, который был на фотографии Генри.

Маяка, мимо которого они с Джаспером должны были пройти прошлой ночью.

3

Генри смотрел на грозную тень маяка долго, загипнотизированный внезапно ожившей историей. Он вспоминал то, что видел перед пробуждением – грустное юное создание, которое произносит три слова. Была ли это действительно *та самая* девушка, или это только плод его воображения? Он не знал. Но видение предельно чётко стояло перед глазами, стирая всё, что было до него. Генри смутно вспоминал, что слышал какую-то радиопередачу и ему показалось, что там речь шла о чём-то важном. Но дальше думы не шли. Точно он мог сказать только одно: это был не бейсбольный матч.

У двери затрезвонил звонок. Генри не шелохнулся. Трель раздалась во второй раз. Он оторвал взгляд от фотографии и недоумённо огляделся. Что за шум?.. После семи дней молчания разум отказывался верить, что внешний мир вспомнил о Генри Таунсенде.

Однако это было так. Окончательным доказательством стал третий звонок, взорвавшийся раздражённой какофонией.

Ну так ты подойдёшь, приятель, или мне вечно издавать эти противные звуки?

Кто-то стоял у квартиры 302 и звонил в дверь.

Едва Генри понял это, фотография выскользнула из его рук и шмякнулась об пол. Он уже бежал к двери, как иностранец, опаздывающий на самолёт, который должен доставить его домой. Кто-то звонил, в любой момент он мог уйти, снова оставив его одного с ухмыляющейся дырой.

Оказавшись у двери (Генри даже с разбегу несильно ударился плечом), он жадно приник к глазку. Над головой в последний раз подал голос звонок, но его глас разочарованно оборвался на середине.

В первую секунду Генри охватил ужас, когда в круглом стёклышке он увидел лишь серую темноту с мутной белесой массой посередине. Он моргнул, и темнота отодвинулась, заставив его издать вздох облегчения: бывают же такие совпадения. Хозяин и гостя умудрились заглянуть в глазок одновременно с двух сторон. Только что Генри видел глаз своей соседки Айлин Гелвин, которая убрала палец с кнопки звонка, посчитав дело безнадежным.

– Не уходите! – Генри в сердцах хватил кулаками по двери. Правый кулак попал по цепи, и руку полоснула боль. – Откройте дверь! Помогите мне, я...

– Что-то не так с этой квартирой, – задумчиво констатировала Айлин, отходя от двери. Таунсенда охватило чёрное отчаяние. Но Айлин не ушла, а осталась стоять у двери, глядя на кого-то, кто не попадал в поле обзора.

– Что ты имеешь в виду? – спросил этот «кто-то» без особого интереса. Мужской голос, грубый и отрывистый. Поняв, что ещё не всё потеряно, Генри удвоил усилия:

– Помогите! Вытащите меня отсюда! Вы что, не слышите?

Айлин снова покосилась на дверь с видимым сомнением. Генри отметил, что на ней тот же разноцветно-полосатый топик, что и день назад, когда уронила склянку под дверь.

– Я постоянно слышу странные звуки... – она нахмурилась. – Кажется, они исходят из этой квартиры. Ричард, – обратилась она к мужчине, и тот наконец появился в глазке. – Ты ведь живёшь в противоположном крыле, да? Может, ты видел в окне что-нибудь странное?

Генри узнал человека в галстук с изображением Сикстинской Мадонны. Житель квартиры 207, Ричард Брейнтри. Крепкий мужчина, который никогда не улыбался. Иной раз Генри слышал, как он раздражается криками в коридоре, разгоняя собравшуюся в подъезде детвору. Уж чего Брейнтри терпеть не мог, так это детей. Сам он жил один и редко вылезал из дома. За исключением одного – у него была довольно гадостная привычка вечерами шастать по всем этажам, как крыса, вынюхивающая съестное. Генри часто видел его в глазке за два года. Лично он сталкивался с Брейнтри раза три-четыре. В первый раз он вежливо поздоровался, но Брейнтри прошествовал мимо, делая вид, что не услышал приветствие. Во второй раз (через месяц после первого) они разминулись на узком лестничном проходе. Генри спросил, опять-таки максимально дружелюбно, как тот поживает. Брейнтри пожал плечами, сказал: «Нормально», и ушёл по ступенькам с лицом, выражающим крайнее презрение. После этого Генри прекратил попытки установить с ним контакт. Позже, размышляя от нечего делать над странной враждебностью Брейнтри, Таунсенд пришёл к довольно правдоподобной догадке. Ричард принял его за гомосексуалиста.

А теперь он с напускным равнодушием заглядывал в глазок, сверкая булавой у основания галстука.

– Нет, – сухо ответил он на вопрос Айлин. – Вроде всё нормально.

Сейчас он фыркнет и скажет, что ему нет дела до всяких гомиков, подумал Генри и перестал стучаться. Всё равно они не слышали.

Но Брейнтри сказал другое:

– Вообще, что за парень, который живёт здесь? Ты о нём хоть что-нибудь знаешь?

– Нет, – Айлин покачала головой, – только то, как он выглядит и как его зовут.

– Да уж, – Брейнтри, к превеликому счастью Генри, отлепился от глазка и взглянул на Айлин, как ему показалось, с неприязнью. – Думаешь, стоит вызывать управляющего?

Думаю, стоит, подумал Генри.

Айлин недоумённо посмотрела на Ричарда:

– Зачем?.. Я не думаю, что он...

– Нет, я ничего не утверждаю. Но раз там что-то не то, надо же предпринимать действия. Ты когда его в последний раз видела?

– Н-ну... – она призадумалась. – Уже и не помню. Он нечасто выходит из квартиры.

– Семь дней, – констатировал Брейнтри. – Ни за продуктами, ни мусор выносить... Более чем странно.

Так вы следили за мной, мистер Брейнтри, вяло догадался Генри. Бури возмущения и ярости это открытие не вызвало. Напротив... излишне длинный нос Ричарда, похоже, стал его единственной надеждой.

– Тогда действительно, – Айлин кивнула; Генри с тоской наблюдал, как они уходят дальше по коридору, выпадая из поля зрения. – Да, хорошая идея.

– Схожу прямо сейчас, – теперь Генри слышал только сухой голос Брейнтри. – Всё равно мне нечего делать.

Хлопнула дверь – Айлин снова зашла к себе. Но Ричард не спешил удаляться. Генри слышал, как он с минуту постоял в коридоре, и мог хорошо себе представить его лицо: сосредоточенное, равнодушное, скрывающее эмоции. Брейнтри внимательно подслушивал. Генри без особой надежды ударил пару раз кулаком по двери. Когда Ричард ушёл, он вернулся в кухню и открыл холодильник. Продукты в нём большей частью зачерствели, но молоко вполне можно было выпить без риска отравиться. Генри снова осознал в себе желание поесть.

Айлин что-то чувствовала. Не отдавая себе отчёта, она воспринимала сигналы Генри, но слишком слабо, чтобы понять, что это мольбы о помощи. Ему оставалось только надеяться, что управляющий, который скоро посетит его, будет более восприимчив.

Генри надеялся.

4

Сандерленд появился к квартире 302 через пятнадцать минут. Время шло обеденное (то есть Генри так полагал), и он вполне мог бы отложить дело. Но он пришёл, как только принял заявление Брейнтри. Став свидетелем такой оперативности, Генри понял, почему на этого человека никогда не поступало жалоб от жильцов с момента возведения дома.

Сначала Фрэнк Сандерленд немного постоял, прислушиваясь у двери (Генри, ясное дело, уже прилип к глазку). Лет ему было около шестидесяти, но на вид никто не дал бы управляющему больше пяти десятков. Не услышав ничего подозрительного, Фрэнк уверенно постучал в дверь:

– Ты дома, Генри?.. Это я, управляющий!

В свою очередь Генри начал долбить дверь изнутри. Скоро на ней навечно впечатаются следы моих кулаков, мрачно подумал он.

– Помогите мне! Вы слышите меня?.. Вытащите меня отсюда! Что-то не так с этой квартирой!

Фрэнк нахмурился, и его на мгновение охватило ликование: он услышал! Но когда Фрэнк задумчиво почесал в затылке, он понял, что ошибся. Может, *почувствовал* каким-то уголком сознания... но не услышал.

Достав связку ключей из кармана, Сандерленд начал перебирать в ней пальцем. Он решил отпереть дверь ключом, да только вряд ли мероприятие могло увенчаться успехом. Генри в этом сомневался, глядя на толстые стальные звенья, удерживающие дверь с внутренней стороны.

Удовлетворённо цокнув языком, Фрэнк выудил один ключ из общего вороха. Перед тем, как вставить его в скважину, он постучал в последний раз:

– Есть кто-нибудь?

– Я здесь! – Генри уже знал, что кричать бесполезно, но ничего не мог поделать. Просто стоять и наблюдать за тем, как ускользает последний шанс, было выше его сил. – Я, Генри, здесь! Вызовите кого-нибудь, пускай взломают эту чёртову дверь!

Сандерленд вставил ключ и повернул. Генри услышал, как щелкнул замок. Но когда управляющий потянул дверь на себя и она отказалась двинуться, лоб Сандерленда снова прорезала глубокая вертикальная морщина; он озадаченно уставился на связку ключей в руке:

– Странно, вроде бы это правильный ключ.

Он снова предпринял попытку открыть упрямую дверь и потерпел неудачу. Хмыкнув, Фрэнк убрал связку в карман. Однако уходить он не спешил. Озадаченное выражение не сходило с лица. Генри увидел, как оно начинает смешиваться с каким-то новым чувством. Что это? Раздражение? Воспоминания? Или же страх?..

– Что-то я точно слышал, – чётко заявил Сандерленд. Он смотрел прямо в глазок, и Генри вздрогнул. – Этот звук...

Он ушёл, снова оставив Генри одного. Таунсенд пару минут потоптался у глазка в совершенно нелепой надежде, что управляющего вдруг осенит и он вернётся, но коридор был пуст. В глазок были видны лишь несмываемые отпечатки ладоней на стене. Вроде бы их стало больше.

Они меня не слышат, думал Генри. Но почему?..

Совершенно неожиданно он получил ответ на свой вопрос... и девушка, которая глядела на него сквозь прутья решетки, сказала: *Так хотел Бог.*

Генри пробрала дрожь. За одно короткое мгновение он снова пережил все приключения прошлой ночи. Увидел обугливающегося Джаспера, фанатика культа Сайлент Хилла, вспомнил, как превратился в бестелесную точку. Но главное всего было имя, всплывшее в памяти. Имя, которого упомянула дикторша новостей. «Уолтер Салливан».

На этот раз он держался дольше. Но когда солнце вошло на зенит, обагрив края туч цветом сырого мяса, и вращение лопастей превратилось в нечто невыносимо противное и тошнотворное, Генри сдался и вновь полез в ненавистную дыру. Скорее всего, он не отдавал себе в этом отчёт, но перед

тем, как войти в чёрный провал тоннеля, он прошептал у себя под носом: «Так хотел Бог».

6

Где-то капала вода. Влажное чавканье раздавалось с удручающей регулярностью. Звук терзал нервы даже в полудреме. Когда-то Генри читал о китайской пытке водой – осуждённому на макушку медленно капала вода, и несчастный сходил с ума только от ожидания следующей капли. Вот уж не думал он, что когда-то сам окажется в похожем положении. Он желал скорейшего просыпания, но вода всё капала и капала, и к тому моменту, когда Генри нашёл силы разлепить веки, он был на грани.

Первое, что он понял – на этот раз он не под открытым небом, а в помещении. Под головой был жёсткий пол, едва уловимо пахнувший формалином. Он приподнял голову, и тут же игривая капля юркнула в макушку, скатившись на лоб. Генри вскочил, словно его ударило током. Пока он поднимался, ещё одна капля успела вдарить ему по шее и гордо съехать на спину.

Искривленный коридор освещался мощными лампами на потолке. Никаких обоев или облицовки на стенах коридора не было – один голый бетон. Кое-где по поверхности бежали чёрные трещины. Здание явно переживало не лучшие времена.

Где я?

Генри огляделся. По правую сторону тянулся ряд массивных железных дверей с крохотными зарешеченными окошками, за которыми царила тьма. Камеры?

Но если так... помещение до чертиков напоминало тюрьму.

Он сделал шаг вперёд и сразу наступил на лужу прозрачной воды. Вода обильно капала сверху, просачиваясь сквозь трещины на потолке, и создавала невыносимый аккомпанемент. За исключением звука воды в коридоре было тихо, лишь негромко гудела нить накаливания в лампах. Генри бесцельно пошёл вперёд, смотря во все глаза. Делать какие-либо выводы было ещё рано, сейчас требовалось просто наблюдать и ничего не пропустить. И благодарить Бога, что он проснулся в коридоре, а не в одной из этих жутких камер. Генри вспомнил свой первый кошмар – как он сидел в камере без выхода и собирался проткнуть наточенной ложкой шею. Да уж... было за что говорить спасибо Всевышнему.

Кап-кап-кап. Дразнящие голоса множились, когда он огибал коридор. Похоже, коридор был кольцевым. По крайней мере, так показалось Генри. По старой доброй традиции лампы в некоторых участках коридора «отдыхали» – видимо, вода проникла в патроны. Тут и там к стенам жались бесцветные сгустки, напоминающие не то моллюсков, не то медуз. Генри не хотел подходить к ним, чтобы выяснить, что именно.

– Помогите!.. Выпустите меня отсюда!

Отчаянный крик ворвался в коридор, отразился от глухих стен и обзавёлся эхом. Существа на стенах недовольно шевельнулись. Крик раздавался где-то впереди, и Генри быстро зашагал в ту сторону.

– Есть кто-нибудь? Боже, *кто-нибудь!* – кричащий закашлялся; голос осел.
– Боже...

– Я здесь, – поспешил уверить Генри, ещё не видя, кто, собственно, кричит.
– Успокойтесь.

Он обогнул дугу коридора и наконец увидел обладателя голоса. Человек находился в камере – в окошке одна только голова посреди темноты, с жидкими седыми волосами и толстым морщинистым лицом. Голова чрезвычайно напомнила Генри по своей форме яйцо. Но на «яйце» были глаза, вззирающие на него с таким невыразимым ужасом, что у него засосало под ложечкой.

– Вы, – пролепетал человек в камере и крепко схватился руками за прутья, словно вздумал сорвать их. – Вы... Вы должны выпустить меня. Он убьёт меня. Вы слышите, он убьёт меня!

Резко вскинув вперёд правую руку, он поймал подошедшего Таунсенда за воротник. Следы грязных пальцев с изломанными ногтями остались чернеть на голубой ткани.

– Кто убьёт? – растерянно спросил Генри, не пытаясь высвободиться.

– Откройте дверь, – умолял человек. Вблизи Генри увидел, что он уже немолод. Пожалуй, можно было даже назвать несчастного стариком. – Пожалуйста, быстрее... Уолтер хочет убить меня. *Я знаю!*

– Уолтер? – имя показалось знакомым. Генри довольно быстро вспомнил, где его слышал. – Вы имеете в виду... Уолтер Салливан?

Собеседник не услышал вопроса. Он потерял рассудок от страха, и продолжал причитать, держа Генри за рубашку. Он должен выпустить его, выпустить, выпустить, потому что Уолтер хочет ему отомстить. Он собирается убить его, он это знает, потому что...

Генри осторожно сделал шаг назад, и рука безвольно соскользнула вниз. Человек начал беззвучно плакать.

– Хорошо, – сказал Генри. – Я постараюсь открыть. Только скажите, где ключ. Вы меня понимаете?

– Не знаю, – человек быстро замотал головой. – Я не знаю, что это за место... Выпустите!

Он готов был вцепиться зубами в железо решеток. Генри понял, что ничего от этого перепуганного старика он не добьётся – по крайней мере, сейчас.

– Ждите здесь, – коротко бросил он, проходя дальше по коридору. Есть ли здесь хоть одна живая душа, кроме них?.. Вдогонку ему летели истошные вопли:

– Ради Бога, скорее! Уолтер скоро будет здесь!

Проклятье, Генри, сделай что-нибудь! Тут кто-то есть!

Вспышка. Память выдала моментальный снимок двухдневной давности. Генри встал на месте, как громом поражённый, но всё-таки пошёл дальше, отбросив неприятные мысли. Не время для самобичевания. Если он правильно

понял, и загадочный Уолтер – тот самый мерзавец, что расправился с Синтией в станции метро, то человек в камере в большой опасности. И чем быстрее он отыщет ключ или что-то, чем можно открыть дверь камеры...

Время пошло.

Он перешёл на бег.

7

Когда Генри вышел через большую дверь на внешней стене коридора, ему внезапно стало дурно. Возникло желание захлопнуть дверь и никогда её больше не открывать... но он сдержался, только крепко зажмурил глаза.

За дверью была узкая полоса винтовой лестницы, которая обегала здание цилиндрической формы, постепенно поднимаясь вверх. Как кольцо Сатурна, только расположено вплотную. А дальше, за этой конструкцией, разверзлась белая бездна. Вселенная цвета сливочного мороженого – всё терялось в воздухе, пропитанном белизной. Куда ни гляди – вверх, вниз, влево, вправо – взгляд упирался в стену сплошного света, режущего глаз. словно эта цилиндрическая тюрьма парила в далёком космосе, да только космос имел прямо противоположный цвет, чем нужно. У Генри мгновенно пересохло горло. Он провёл языком по нёбу (в голове раздался неприятный шуршащий звук) и решился вновь посмотреть вперёд. Свет был на месте, как и винтовая лестница. На лестнице не было даже намёка на перила – словно тем, кто строил здание, было наплевать, что люди могли оступиться и провалиться в эту совершенную белизну.

Он посмотрел вниз, под ноги. В просвете между ступеньками проглядывала всё та же пустота. Генри слышал тихий, но отчётливый звук там, далеко внизу... Очень знакомый звук. Он давал надежду, что здание всё-таки не дрейфует в воздушном океане, а имеет какой-то фундамент.

Это был звук воды – шелест, с которым перекачиваются волны на озере в ветреный день. А ветер был – Генри явственно ощущал его прикосновения у себя на щеке. Ему стало легче. Да, под круглым строением находилось озеро. А этот матовый свет – просто очень плотный туман. В годы поездок Генри случалось попадать и в более густое марево (например, в Йеллоустонском парке). Всё логично, и никакой мистики.

Лестница вела только вверх, и Генри это не понравилось. Как и то, что горемонтажники забыли пристроить перила. Но податься было больше некуда.

Он начал подниматься, переставляя ноги с величайшей осторожностью. Ветер налетал урывками, угрожая нарушить равновесие. Поначалу сердце замирало каждый раз, когда он делал шаг, но вскоре Генри понял, что ничего особо трудного и опасного в этом деле нет. Не сложнее, чем подниматься в лестничной площадке своего дома... если не заглядываться по сторонам.

Лестница облетела здание, и Генри заметил, что нигде на внешней стороне нет окон. Его это удивило – пусть это тюрьма, пусть даже строгого режима, но отсутствие окон?... Куда могут деться заключенные на такой высоте?

Расстояние с первого этажа до земли (точнее, до воды) было не меньше восьмидесяти ярдов, иначе бы он видел отсюда воды озера.

Дверь второго этажа он нашёл над первой дверью, она отстояла на десяток футов вверх. Пока Генри добирался до неё, он успел поразмыслить над одним вопросом... над тем, где, собственно, это здание расположено. В Эшфилде и его окрестностях ничего подобного точно не было.

Ответ пришёл в голову очень быстро, как бы сам собой. Конечно, это Толука – озеро, на котором стоит Сайлент Хилл. Генри хорошо помнил, какой туман день и ночь висел над этими местами. Местные не без гордости сообщали, что метеорологическая служба из-за этого даже занесла их город в список округов с аномальными природными явлениями. Вот так-то.

Но никакой водной тюрьмы в Сайлент Хилле не было. Это Генри мог гарантировать. Такую здоровенную «сигару» сложно было не заметить.

Значит, другой город, с облегчением заключил он. Не очень Генри жаловал Сайлент Хилл за последние дни. Но ту часть мозга, которая всегда знает больше нас самих, вывод не удовлетворил. Генри остро чувствовал это, но на дальнейшие раздумья времени не хватило, ибо он дошёл до двери.

Второй уровень тюрьмы на первый взгляд ничем не отличался от первого – разве что большей степенью сырости. Воздух был до того влажным, что казалось – с каждым вдохом в ноздрях оседают капли воды. Пол под ногами был мокрым и скользким. Желеобразных существ на стенах было заметно больше, и они стали крупнее. Генри брезгливо скривился, когда со стены сорвался один из «моллюсков» и с противным чавканьем упал на пол.

Ни души. Двери камер зияли чёрными провалами, все похожие друг на друга. Генри засомневался, можно ли их вообще открыть – большинство дверей насмерть заржавели.

Он пошёл по коридору в поисках чего-нибудь полезного, стараясь не наступать на шевелящихся тут и там «моллюсков». В первую очередь он возлагал надежды на комнату охранников. Раз это тюрьма, то таковой должен существовать. А где охранники, там и ключ. Возможно, посчастливится встретиться и с самими...

Он остановился, осенённый неприятной догадкой. Человек в камере утверждал, что его запер некий Уолтер. Значит, он всё ещё здесь, и у Генри гораздо больше шансов лицезреть в заветной комнате этого Уолтера, чем охранников.

Честно говоря, он не желал этой встречи – особенно сейчас, когда он ничем не вооружён. Генри пошёл дальше.

Но этаж был пуст. И никакой комнаты охранников тоже не было. Лишь стройный ряд камер по кругу – пустых и отдающих затхлостью.

Генри сделал полный круг и вернулся к двери, через которую вошёл. Он уже собрался выйти, когда случайно заметил, что дверь ближайшей камеры стоит... как-то не так.

Нет, свиду дверь была совершенно нормальной и не имела никаких изъянов, но разве не показалось ему, что она немного, всего на миллиметр, сдвинулась на петлях, когда он проходил мимо? Генри потянул стальную дверь на себя

без особых надежд. Дверь скрипнула и открылась. Он увидел замочный механизм, покрытый ржавчиной, отслуживший свой век, и с опаской распахнул дверь, впуская внутрь свет. На другой стороне коридора мерный топот капель нарушился сбивчивым гудением – вода попала на оголённый участок проводки.

Камера была самая что ни есть обычная – с железной койкой, столиком и кое-какими удобствами. Все вещи были смастерены из неокрашенного железа, один взгляд на них вызывал зубную боль. Генри попытался вспомнить, эта ли камера была в его кошмаре, но не претерпел успеха. Впрочем, вряд ли это было важно.

Спрятаться в камере было негде, поэтому Генри решился войти и исследовать её получше. Дверь он оставил широко открытой. Камера имела форму дуги. Должно быть, там, в центре здания, находилась комната наблюдения. Подозрение Генри усилилось, когда он заметил круглое отверстие высоко на внутренней стене. Сейчас глазок был мёртв, в него проглядывала темнота.

Края койки истёрлись и сгладились – должно быть, на ней пролежало немало человек. Генри стало не по себе. Что это за место? Каких преступников держали в этом гробу – а как иначе назовёшь эту тесную обитель? В камере не было даже крохотной лампы. Генри случалось посещать тюрьмы, но нигде не видел он таких бесчеловечных условий. Да плюс этот бесстрастный взор глазка...

Наклонившись, Генри прочитал короткую надпись на стене над койкой. Буквы были удлинённые и рублёные. Он не сразу догадался, что их гравировали ногтём: день за днём, неделя за неделей.

они наблюдают за мной я знаю

Генри поднял взгляд. Глазок молчал.

Какой смысл следить за заключёнными, если они всё равно заперты?

Нужно посетить эту центральную комнату. Наверняка это и есть обитель охранников. Найти бы только вход туда...

Когда Генри с тяжёлым сердцем собрался выйти из этого жуткого места, слух уловил нечто, чему он вначале не поверил. Но звук повторялся, ритмичный и гулкий, разрушая всякие сомнения. Это был стук каблуков, и доносился он со стороны глазка. Кто-то ходил в центральной комнате и сторожил опустевшую тюрьму.

К тому времени, когда Генри обнаружил дыру на полу, он успел облазить третий этаж, не преподнёсший никаких сюрпризов, и вернуться на первый проведать узника. Тот был в порядке, но узнав, что он не добился успеха в поисках ключа, впал в истерику, требуя «немедленно выпустить его из проклятого душного мешка». Генри поспешно пообещал, что сделает всё

возможное, хотя начал сомневаться, что из цилиндрической живодёрни вообще есть выход. С тем и удалился по коридору, дёргая за каждую дверь, стараясь игнорировать выкрики человека о том, что Уолтер его непустит и вздёрнет в этих стенах. Генри не стал сообщать ему, что загадочный Уолтер, скорее всего, слышит все его причитания со своего поста в центральной комнате. Иначе бы бедняга явно съехал с катушек.

На первом этаже сырость ещё не выиграла свою войну, так что двери стояли крепко, закрывая вход в камеры. За исключением одной-единственной. Камера находилась на прямо противоположной от входа стороне. Дверь выглядела исправной, но когда Генри взялся за неё, не стала оказывать сопротивления. Замок был цел – его отперли ключом, и Генри не пришлось гадать, почему. Ответ буквально лежал на поверхности – на полу камеры, в самом центре, зияла круглая дыра. Точно такая же была на потолке, но пол второго этажа загораживал этот проём.

Это ещё что такое?

Генри присел и вгляделся в дыру. Внизу было темно, но не настолько, чтобы не увидеть пол, расстояние до которого он оценил футов в восемь.

Нижний уровень, догадался Генри. Под первым этажом был ещё один пласт помещения, как слоёный пирог. Возможно, подвал. Возможно, кое-что другое. Одно он знал точно: сюда кто-то спускался, и этот «кто-то» чувствует себя в этих мрачных стенах как дома, раз знает о столь мудрёных секретах.

Но почему именно дыра? Почему не лестница, не лифт, а такой односторонний способ? Словно тем, кто туда попадает, нет нужды подниматься обратно... Генри это было не по душе, но другого выхода не было. Потом, в круге света внизу были видны края столов, так что при необходимости он сможет соорудить из них горку и взобраться обратно.

Эта мысль успокоила его. Ничего необратимого.

– Помогите! – визжал человек на обратной стороне коридора, и стены многократно усиливали его пороссячий голос. – Ради всего святого, *помогите!*

Бог ты мой, заткнись, взмолился Генри, готовясь к прыжку. С той поры, когда он ходил в бойскаутах, утекло много воды, но кое-какие навыки сохраняются надолго. По крайней мере, он надеялся. Высота приличная, но если хорошо сгруппироваться, ноги ничего не почувствуют.

Он задержал дыхание и прыгнул в дыру, вскинув руки вверх, чтобы не задеть края. Свет ухнул вверх, мгновение пустоты и невесомости... затем последовал удар. Рефлексы подвели Генри – он приземлился практически стоймя, ступни запылали болью. Он знал, что это надолго. Как минимум три дня придётся морщиться при ходьбе, а уж о беготне и речи быть не может.

Столы и в самом деле были в полутёмном помещении, только это были не совсем столы. Идеально прямоугольной формы, отливающие цинковым серебром, на ножках прикреплены колёсики. Генри узнал их сразу. В таких койках в клиниках перевозили умерших пациентов. Труповозки, вот как с иронией называл их медперсонал.

Он посмотрел вверх, на дыру, и постепенно в голову пришла ужасная догадка насчёт её предназначения... настолько ужасная, что он отмёл её и предпочёл просто идти дальше.

Нет, такое невозможно. Это было бы слишком жестоко...

Дверь вывела его в короткий коридор, на одном конце которого Генри увидел красную висячую лестницу наверх. Это была самая сердцевина цилиндра здания. Сомнений, куда ведёт лестница, быть не могло. Комната наблюдения.

Он уже взялся руками за ступеньки, и его посетила яркое видение, слишком яркое: он лезет вверх и высовывает голову из отверстия на полу первого этажа и тут же получает крепкий удар сапогом в висок. Мир чернеет, Генри Таунсенд навзничь падает вниз и замирает на полу подвала. Злодей Уолтер снисходительно смотрит на него с высоты.

Плюнь на это, парень. Всё равно больше нет вариантов.

Генри отцепился от лестницы и прислушался. Звука шагов наверху не было, зато всюду звучала непрекращающаяся песня капель. Возможно, наблюдатель ушёл на второй этаж (лестница пронизывала все три этажа насквозь). А возможно, и не ушёл. Генри не стал долго гадать, просто полез вверх, готовый отпустить ступеньки и съехать вниз при малейшей опасности.

Рывком просунув голову в круглый проём, он увидел, что комната пуста. Как и следовало ожидать, она была круглая, и по стене на равном удалении друг от друга располагались дыры глазков, из которых лился мутный свет. Больше Генри не смог что-либо различить: в комнате не было лампы, сумрак размывал все контуры. Вроде бы у закруглённой стены стоял низенький столик...

Генри поднялся вверх, спрыгнул на пол. Его заинтересовал странный механизм, расположившийся почти в центре комнаты, рядом с проёмом дыры. Сначала ему в полутьме показалось, что кто-то в шутку нацепил на колонну руль от машины, но, подойдя ближе, он увидел, что это вентиль, как на водопроводных трубах. Размером он был действительно с руль автомобиля, и имел терпко-красный цвет. Генри машинально взялся за ручку и уже хотел повернуть, но голос разума заставил его отказаться от этой идеи.

Не гони лошадей, Генри. А вдруг ты повернёшь эту вентиль и сделаешь тем самым... что-то ужасное?

— Где вы? — создавалось впечатление, что крик доносится прямо из стены. — Куда вы подевались?.. Выпустите меня!

Человек плакал в голос. Генри посмотрел в три глазка, прежде чем нашёл нужный. Узника было видно со спины, лысина на его темени белела пятном на свете коридора. Он молотил руками по прутьям и кричал. Из горла вырывалось что-то уже совершенно бессвязное.

— Мистер? — окликнул Генри. Человек подскочил на месте, словно получил подзатыльник, и моментально развернулся. Толстое лицо было перекошено ужасом. Оно вселяло только отвращение, и Генри поборол в себе порыв отойти от глазка.

– Не бойтесь, это я. Я в центральной комнате. Похоже, отсюда раньше охрана вела наблюдение.

– В-вы? – он поднял взгляд к глазку и перекрестился трясущимися пальцами. – Господи, я уж подумал...

– Слушайте, мистер. Похоже, я знаю, как вас оттуда выпустить. На полу вашей камеры есть какое-нибудь круглое углубление? Мне отсюда не видно.

– А? – голос оставался дрожащим и писклявым. Толстяк взирал на глазок, как туземец на золотого идола.

– Круглое углубление. В центре пола.

Ну смотри же!

Человек посмотрел себе под ноги. Взгляд сначала недоумённо упёрся на носки собственных ботинок, но потом двинулся дальше. И там на чём-то застрял.

– Да! – закричал он. – Есть! Круглое углубление!

– Хорошо, – сказал Генри. Он мог бы объяснить узнику, что собирается делать, но решил, что в нынешнем положении дел легче будет читать обезьяне том Шекспира. Он только надеялся, что того не хватит инфаркт, когда камера придёт в движение. Должна была прийти.

– Стойте у двери, не двигайтесь.

Генри вернулся в центр комнаты к красному вентилю. Он был почти уверен, что знает, для чего она предназначена, и раскрыл секрет дьявольского механизма тюрьмы.

Эти дыры на дне камер... Он догадался об их назначении ещё тогда, увидев «труповозки». В дыры скидывали трупы. Если заключённый умирал на третьем этаже, то его без всяких лишних свидетелей можно было проводить в трупохранилище, не волоча тело по винтовой лестнице, огибающей тюрьму. И порукой тому были эти вентиля.

Он крутанул вентиль вправо с омерзением, какое возникает, когда становишься участником противоестественного действия. Раздался скрежет, заполонивший тёмную комнату, и Генри остался в полной тьме. Сердце замерло... но через секунду глазки вновь начали струить матовый свет. Камеры сдвинулись по кругу вправо. Из-за стены заорал благим матом толстяк. Не обращая внимания на вопли, Генри повторил простое действие ещё три раза. Камеры покорно сместились вокруг центральной оси, как детская игрушка-пирамидка. Рано или поздно дыры на этажах должны были совпасть, открывая путь вниз. Так начальники тюрьмы избавлялись от трупов. Охранники фиксировали смерть со своего убежища, где, попивая кофе, вращали вентиля. И бездыханное тело попадало сначала во второй этаж... в первый... в подвал, а там его уже ждала приготовленная для него труповозка.

Что потом? Крематорий? Цинковый гроб с порядковым номером вместо имени? Или же мертвец отправлялся в дальнейший полёт – и теперь уже пунктом назначения были глубины озера? Почему-то Генри казалось, что последняя версия ближе к истине.

Он с ожесточением вывернул ручку последний раз. Скрежет на этот раз был громче, и вместе с тем он услышал удивлённое оханье узника. Он представлял

эту картину – посредине пола возникает спасительная дыра, как по мановению волшебной палочки. Есть чему поразиться. Он бы и сам наверняка не остался безмятежным. По правде говоря, он не был безмятежен и сейчас – его воротило. Он не мог представить, каким отродьем дьявола нужно быть, чтобы соорудить подобный дом смерти. Соорудить – и успешно эксплуатировать...

– Мне прыгать?

Голос толстяка оживился, в нём появилась надежда. Ну хоть что-то хорошее. Генри вздохнул и подошёл к глазку, отсчитав четыре отверстия направо от прежнего места.

– Да. Постарайтесь ничего не ушибить, там довольно высоко. И ждите меня, я сейчас спущусь.

– Хорошо, – он увидел, как тот нервно облизнул губы. – Хорошо.

9

Хотя Генри и спешил выбраться из комнаты для палачей, он не успел добраться до освобождённого человека первым. Его опередили. Спускаясь по лестнице, он увидел в коридоре странную и в чём-то зловещую картину: толстяк стоял на коленях, прижав обе руки к груди, и смотрел перед собой. Губы беспрестанно шевелились, словно он читал молитву в церкви. Но вряд ли во время чтения молитвы полагалось иметь такое затравленное лицо. Он не отрывал взгляда от дальнего конца коридора, где висел сумрак. Генри машинально посмотрел туда. Поначалу ему показалось, что в коридоре ничего нет, и толстяк просто впал в прорастацию... но затем он *увидел*. Мальчик в полосатой водолазке почти сливался с темнотой, но блестящие пуговкой глаза выдавали его. Он смотрел на толстяка, потерявшего дар речи от страха, и на его хмуром лице ничего не отражалось. Абсолютное спокойствие; казалось, мальчик даже не дышит. Генри остановился под лестницей, не зная, что делать. Заметив его, малыш едва заметно кивнул (Генри оценил этот жест как приветствие), с достоинством развернулся и ушёл за двустворчатую дверь в конце коридора. Хотя дверь была большой и тяжёлой, она считай что сама распахнулась под пальцами мальчугана.

Толстяк застонал – то ли от облегчения, то ли от разочарования, – и закрыл лицо руками, раскачиваясь вперёд-назад. На его шее блестели прозрачные росинки пота. Генри осторожно спросил:

– Кто этот мальчик?

Он ожидал, что человек опять дёрнется и заорёт, но он даже не отнял ладоней с лица:

– Его зовут Уолтер. Уолтер Салливан.

Генри нахмурился. Этот мальчик?.. Он и есть гроза и ужас этих стен? Верилось слабо.

– Вы говорили, что он вас убьёт...

– И сейчас не поздно, – огрызнулся толстяк; на этот раз он всё-таки оглянулся на него и поднялся с колен. – Он так и так убьёт меня. Понимаете?

Человек обречённо взглянул в лицо Генри, бескровные губы перекосило слабое подобие улыбки. Это, решил Генри, от нервов. Нужно было сменить тему разговора, пока толстяк окончательно не свихнулся.

– Как вас зовут? – примирительно спросил он.

– Эндрю ДеСальво, – ответил толстяк, и тут его буквально прорвало. – Я знаю его... видел, когда работал в детском приюте, присматривал за детьми. Они пытались обустроить всё как забота о детях-сиротах, но на самом деле там был центр их гребаной религии. Понимаете?

Генри в растерянности кивнул. Правду сказать, он почти ничего не понял, кроме слова «приют». На ум сразу пришёл сгорающий на глазах Джаспер и дурная луна, плывущая над лесом.

– Этот мальчик... – ДеСальво облизнул губы и посмотрел назад через плечо, словно боялся, что Уолтер их подслушивает. – Он замешан во всей этой кутерьме. Какое-то «Пробуждение Святой Матери», или что-то такое. Я не силён в их бреднях, но... Чёрт возьми, мне страшно. Страшно...

– С чего ему вас убивать? – спросил Генри. ДеСальво бросил на него короткий осуждающий взгляд:

– Вы не знаете. Он с удовольствием меня прирежет, если сможет. Да и вас тоже...

Генри на мгновение похолодел, но взял себя в руки и произнёс со всей рассудительностью, на которую был способен:

– Тогда нам лучше выбираться из этой тюрьмы, пока он не сделал этого.

– Он нас не отпустит, – нервно заявил толстяк. Словно в подтверждение его слов, с потолка сорвалась крупная капля воды и со смачным звуком размазалась по полу. Мужчины вздрогнули.

– Но он же мальчик, – сказал Генри. – Что он может сделать?

– Многое, – ДеСальво опять боязливо оглянулся. – Этот культ... Они готовят из них настоящих убийц. Гадёнышей, которых надо давить ещё до рождения.

Его верхняя губа приподнялась, придав лицу чрезвычайное сходство со свиньёй. Кажется, он собрался плакать.

Он слишком напуган, подумал Генри. Пожалуй, не будет оказывать сопротивление, если этот Уолтер просто подойдёт и начнёт его душить.

– Обследуем этаж, – сухо сказал он. ДеСальво уставился на него, как на умалишённого. – Тут где-то должен быть выход, потому что на верхних трёх этажах только камеры и круговая лестница.

Собственный голос придал ему уверенности. Конечно, они выйдут, как же ещё? Где-то рядом находится лифт, на худой конец – лестница. Нужно только отыскать. Если единственная опасность, которая им угрожает – этот мальчик, которому нет и десяти, то они как-нибудь справятся.

Но живучий червячок, имеющий собственное мнение, сомневался в этом, и в качестве доказательства подсовывал картины из недалёкого прошлого.

А этот м-мальчик... он, согласись, и н-правда какой-то с-странный.

О да. Этого Генри не мог отрицать при всём желании.

Увидев, что ДеСальво по-прежнему таращится на него в оба глаза, он решил подать наглядный пример и зашагал к ближайшей двери. Но за ней

обнаружилась лишь тёмная каморка, полная пыльных шкафов. Генри не стал в них копать – просто оставил дверь открытой и пошёл дальше. Краем глаза с удовлетворением ответил, что ДеСальво тоже направился к двери на противоположной стене, что-то тихо выговаривая сам себе. Генри услышал только одно слово: «Напрасно».

За следующей дверью был какой-то короткий коридор. Генри увидел, что в его конце есть люк наподобие канализационного, и туда спускается красная лестница. Он подошёл к люку и заглянул вниз. Было темно.

... ему показалось, или там действительно слышится тяжёлый шипящий звук, похожий на дыхание?

– Эндрю, – позвал он, наклонившись над дырой. – Подойдите сюда... Я что-то нашёл.

Из люка отдавало сыростью и неприятным запахом застоявшейся воды. Было что-то ещё... слабая, но сбивающая все остальные запахи вонь, от которой нос сворачивался в трубочку. Что это? Очередной подвал? Что-то их тут много...

И снова проблески догадки замаячили в голове, и снова Генри нашёл их слишком ужасными, чтобы верить в них. Достаточно было только спуститься вниз и проверить всё на деле, но уж этого он бы не стал делать ни за какие коврижки.

– Эндрю! Мистер ДеСальво!

И этот звук. Размеренное дыхание большого существа – ничем иным оно не могло являться. Генри сделал шаг назад, руки непроизвольно сжались в кулак. Ладонь была потной.

И тут до него дошло, что товарищ по несчастью слишком долго не откликается на зов.

– Чёрт...

Он пулей вылетел в коридор, в душе радуясь подвернувшемуся поводу. Коридор был пуст, все двери закрыты. ДеСальво исчез.

– Эндрю!

Генри кинулся к двери, куда шёл незадачливый толстяк, и схватился за ручку. Из бетонной коробки размером шесть на шесть футов вывалилась гора тюремной одежды, пропахшая хлоркой. Он метнулся к соседней двери. Клозет, которым никто не пользовался со времён потопа. На бачке кто-то нарисовал синим маркером кучу соответствующих выделений. Генри громко выругался и закрыл дверь. Как он мог так попасться – после того, что уже происходило раньше?..

Он толкнул третью дверь. Мгновение она стояла на месте, будто раздумывая, открываться или нет, затем медленно ушла внутрь.

Комната была полна воды. Видимо, часть воды с крыши стекала сюда через решетчатые отверстия на потолке. Помещение было почти утоплено, и лишь круглый выступ, на котором оказался Генри, гордо возвышался над этим незапланированным бассейном. Но он не обратил на это внимания: его взгляд был прикован к устройствам, которые заполняли комнату. Вначале он

подумал, что попал в мастерскую. Потом он понял, что ошибся. В который раз...

Круглое зазубренное лезвие, насаженное на ось. На нём засохли капли крови. Рядом – точно такое же лезвие, только поменьше. Электрические клеммы, свисающие с потолка. Железный крест, усеянный шипами. И ещё множество других ужасных орудий. Это была камера смерти. Всё заржавело и истерлось за долгие годы, но Генри наяву почувствовал запах человеческой крови, витающий внутри стен. Он впитался сюда навечно – как несмываемая печать Каина.

Вода капала, и капала, и капала, пополняя и без того приличные запасы. Генри стало дурно. Он схватился за колонну, которая вырастала из бетона перед ним. Взор опустился вниз, на бетонный настил, чтобы увидеть цепочку кровавых мазков – совсем свежих. Он проследил взглядом за этой вереницей, обрывающейся у края выступа. Там, в воде, доходящей до колен, плавал человек. Почему-то Генри этому не удивился. Не удивился он и тогда, когда узнал его. Эндрю ДеСальво лежал, широко раскинув руки, словно хотел напоследок заключить своего убийцу в смертные объятия. Невидящие глаза источали ужас, но вместе с тем смирение. Тело покачивалось, то погружаясь, то всплывая снова. На животе, прямо сквозь рубашку, были вырезаны цифры, окрашивающие воду в розовый цвет. 18121. Восьмёрка обрывалась, не замкнув круг. Тот, кто его чертил, явно спешил, и произведение осталось незавершённым.

Генри смотрел на убитого, вслушиваясь в пронзительный хор капель. Когда умерла Синтия, он ощутил ярость и жажду отмщения. Когда умер Джаспер, им овладел животный ужас. Теперь же он не чувствовал ничего.

То есть совсем.

Глава 5

Отель «Южный Эшфилд»

1

Она нажала на кнопку звонка и стала ждать, не отрывая взгляда от таблички с номером 302. И одновременно задалась вопросом, стала ли бы она когда-нибудь стучаться к соседу при иных обстоятельствах. Не найдя ответа, она позвонила ещё раз, но квартира безмолвствовала. Либо хозяина не было дома... либо он был, но не мог подойти к двери.

– Что происходит с этой квартирой? – вырвалось у неё. Конечно, она изначально не рассчитывала на успех, но *надеялась*, что хотя бы сегодня, на восьмой день, сосед подаст признаки жизни. Потому что больше не могла продолжать жить, слыша эти странные, вызывающие зуд в голове звуки.

Но Генри по-прежнему не отвечал.

Её вопрос был чисто риторическим, но Сандерленд, наблюдающий за её действиями, понял его по-своему.

– Я пытался открыть, – озадаченно промолвил он. – Но, м-м... как бы сказать... что-то блокирует дверь изнутри, что ли. Так мне показалось.

Айлин повернулась к нему. Фрэнк о чём-то усиленно думал, о чём-то крайне неприятном – и эти думы делали его глубоким стариком. Она уже хотела сказать, что всё в порядке, и уйти к себе, когда он вдруг заговорил – по-прежнему сбивчиво и рассеянно, словно говорил сам с собой:

– Я хочу сказать, это не первый раз.

Она ощутила неприятное покалывание на спине:

– Вы имеете в виду... того, который жил здесь раньше?

Айлин помнила этого человека – подтянутого, хоть и лысеющего, вечно занятого неотложными делами. Кажется, он был журналистом. В отличие от Генри, этот часто бывал в разъездах – по крайней мере, поначалу. Но потом всё изменилось.

Сандерленд кивнул:

– Да. Но не только его. Иногда мне кажется...

Он замолчал и уставился куда-то в дальний конец коридора. Айлин посмотрела туда, но ничего не увидела. Глаза Фрэнка были тусклыми, будто бы сделанными из стекла. Таким она его видела редко, и эти моменты ей очень не нравились.

– Что? – осторожно спросила она.

Какое-то время казалось, что Сандерленд и вовсе не услышал её, но он нехотя сказал:

– Что-то не так со всем этим домом. Не только квартира 302. Я разное здесь видел...

– Нет-нет, не рассказывайте, – дрожь на спине вернулась, только на этот раз была гораздо сильнее. Айлин глубоко вдохнула. – И не говорите так. Вы пугаете меня.

Фрэнк посмотрел на неё. Матовый налёт исчез из глаз, и она облегчённо улыбнулась ему. Вот так-то лучше.

– Не обращайтесь внимания, – сказала она. – Я прям как ребёнок, боюсь всего и вся...

– Ну, я тоже хорош, – он указал пальцем под дверь. – Кстати, я тоже стучался вчера вечером, просунул под дверь записку. Он должен увидеть, если находится там. Так что всё в порядке.

Ну это как сказать, подумала она. Насчёт записки Фрэнк, конечно, здорово придумал... но вряд ли этот клочок бумаги уберёт неприятное режущее чувство в голове, терроризирующее её всю неделю. И этот звук. Этот проклятый звук, сочащийся через стену. Она отдала бы год жизни, лишь бы он умолк.

– Вообще, в мире много странностей, – Фрэнк почесал затылок; голос опять уплыл за пределы вселенной. – Сколько я их навиделся за свою жизнь... Эта квартира ещё что. Например, та пуповина, которая лежит...

– А?.. Пуповина?

Сандерленд прикусил язык, увидев, как девушка отпрянула от него, и глаза её стали большими и круглыми. Настало неловкое молчание. Наконец он устало рассмеялся:

– Нет-нет, ничего... Болтовня старого дурака. Забудь.

Он ушёл, стараясь выглядеть спокойным и уверенным, но было видно, что Сандерленд едва сдерживается, чтобы не убежать от неё. Спина сгорбилась, и он неловко перебирал ногами, шаркая по паркету. Вот так, со спины, Фрэнк выглядел пожилым и очень несчастным. Айлин стало его жалко. Он был хорошим управляющим, отдавал себя всецело благоустройству дома и его жителей. С каждым обитателем он находил общий язык, быстро и ловко улаживал все конфликты... но все, в том числе и Айлин, знали, что Фрэнк один в своей квартире на первом этаже. Жена Сандерленда давно умерла, а единственный сын пропал без вести вместе со своей женой три года назад. С тех пор Сандерленд углублялся в работу с маниакальным рвением. Почти в любое время суток его можно было видеть в коридоре, смывающего надписи со стен или ремонтирующего подгоревшую лампочку. Иные даже полагали, что старикан съехал с катушек на почве горя. Айлин к ним не относилась. Она жила тут достаточно давно и справедливо считала Фрэнка одним из самых рассудительных и добродушных людей, которые встречались ей. Но сегодня Фрэнк был сам на себя не похож. Что означали этот потухший взор, плавающий взгляд и эти странные речи?

Вот, например, та пуповина, которая лежит...

Её передёрнуло. Снова страстно захотелось вернуться в мирное обиталище, лечь на кровать и забыть обо всём – о странном поведении Фрэнка, о молчащей квартире 302 и об отвратительных звуках, которые лились в уши днём и ночью. Она в последний раз посмотрела на дверь с трехзначным номером. Дыра глазка чернела, как зрачок. Ей даже показалось, что глаз мигнул, незаметно опустив белесое веко.

Ну всё. Она отвернулась. Что бы там ни происходило, не её это дело, и нечего выдумывать всякие страшилки. Айлин равнодушно взглянула на давние, едва различимые отпечатки ладоней на стене и направилась к себе. Странно, вроде бы пятерен там раньше было меньше. Гораздо меньше.

2

Генри видел их диалог от начала и до конца, прижавшись к глазку, вслушиваясь в собственное сиплое дыхание. Когда Сандерленд упомянул записку, он озадаченно посмотрел под дверь. Никакой записки не было и в помине. Неизвестно, куда совал Сандерленд своё послание, но оно до адресата явно не дошло.

Когда Айлин ушла, двигаясь плавно, как в прострации, Генри вернулся к завтраку, который был прерван голосами в коридоре. Завтрак состоял из загустевшего шоколадного молока. Большого организм требовал... он давно уже ничего не требовал, питаться Генри продолжал скорее по привычке.

Итак, размышлял он, вливая в рот сладковатую жидкость, *выходит, я не первый с такой проблемой*. Если верить словам Сандерленда, прежний жилец квартиры 302 тоже сталкивался с неоткрывающейся дверью. Фрэнк ничего не сказал о том, удалось ли в конце концов откупорить темницу, но раз в момент приезда Генри квартира была абсолютно нормальной, то всё закончилось хорошо, не так ли?

Хотелось верить. Очень хотелось. Но, вспоминая, что он пережил этим утром, Генри посещали ужасные сомнения. Потому что эти события могли означать только одно: у него начались по-настоящему серьёзные проблемы.

На сей раз он проснулся без всяких переходов и зависаний в пространстве и времени. Только что в апатии смотрел на труп ДеСальво, и мгновение спустя оказался на кровати в невообразимой позе. Ныли ноги, повреждённые в прыжке, но сперва всё оттеснила на задний план головная боль, полыхающая алым пламенем. Боль была настолько сильной, что Генри в первые моменты казалось, что смерть таки настигла его – не в страшном сне, который не был сном, а здесь, в собственной квартире, на своей же постели. Он ещё негодовал, что это несправедливо. Однако смерть не спешила забирать его в небытие. Генри с криком встал. Голова превратилась в чан, полный вязкой чёрной жидкости. Поднялся Генри только потому, что знал: если он будет так и лежать и паяться на вентилятор, то лучше не станет. Он вышел из спальни, хватаясь за стены. Вот тут-то начались сюрпризы.

Первым подарок преподнёс телевизор. Генри хорошо помнил, что не делал никаких попыток включить его перед тем, как лезть в дыру. Но экран светился, транслируя чёрно-белый эфир. Шипение заполняло комнату, поддакивая и без того невыносимую головную боль.

– Что за чёрт? – только и смог сказать Генри. Найдя пульт управления (он лежал на столике), он нажал на кнопку питания. Экран погас. Воцарилась благословенная тишина, и Генри облегчённо вздохнул – как оказалось, зря. Это он понял, когда подошёл к кухонной раковине, чтобы помыться. Он повернул кран и поставил руку в ожидании животворной струи, но из дыры вырвалось лишь скорбное бульканье. Генри попытался включить горячую воду. Единственная капля повисла на кончике крана и сорвалась вниз.

– Отлично, – устало сказал Генри. Боль усиливалась. Он заковылял к дивану, растянулся на нём во весь рост и зажмурил глаза. Спать не хотелось, но он надеялся, что это хоть как-то утомит боль. Когда ему начало наконец казаться, что победа над недугом близка, радиоприёмник на книжной полке взорвался шквалом аплодисментов, от которого задрезжали стёкла окон:

– Добро пожаловать на WBLC – лучшее радио восточного побережья! Мы рады, что вы всё ещё на нашей волне – значит, мы вместе преодолеем любые трудности, не так ли?

Будь алая пелена чуть слабее, Генри бы непременно удивился, с чего вдруг приёмник решил снова заработать. Но он почувствовал лишь прилив ненависти к жизнерадостному голосу ведущего. Он заперт у себя в квартире, на его глазах убивают людей, у него болит голова, и в это время какой-то

оболтус за десятки миль треплет языком у микрофона. Генри встал, преодолевая боль, и потянулся к приёмнику. Он успел услышать начало передачи, прежде чем палец дотянулся до кнопки:

– А теперь поговорим о погоде. Этой ночью над городом была переменная облачность...

Щелк. Тишина снова восторжествовала в квартире 302. Генри вернулся на диван и лёг, стиснув зубы. Из всех сил пытался заснуть – *по-настоящему* заснуть, – но сон не приходил. В конце концов, он встал и пошёл в ванную с великолепной, как ему показалось, идеей. Раз уж воды в кухне нет, может, она есть там? Конечно, мыться в обществе чёрной дыры – удовольствие ниже среднего, но ему нужно было любой ценой ополоснуть раскалённое лицо. Генри подозревал, что у него начался жар. То и дело картина перед глазами подёргивалась рябью, и его шатало. В голове звучало безостановочное гудение. Холодная вода могла помочь... если не снять боль, то хотя бы уменьшить. Ради этого Генри был готов на многое.

Разумеется, едва открыв дверь, он обратил всё внимание на дыру. Она стала ещё больше, шероховатые края заметно сгладились. Теперь Генри мог спокойно залезть в неё, не рискуя наткнуться плечом о штукатурку. И звуки, которые доносились из глубины – они стали громче, и теперь в них был отчётливо слышен жалобный детский плач. Плач продолжался урывками, не останавливаясь – так ноет заноза, вонзившаяся в палец. Долго это нельзя было слушать. Генри наспех повернул кран и почти с облегчением убедился, что воды нет. Следующим действием должен был быть побег, но он почему-то задержался. Генри заходил в ванную каждое утро в течение пятисот с лишним дней, поэтому он кожей почувствовал: что-то изменилось. Что-то, кроме дыры, холода и голосов. Он оглядел кафельные стены, но ничего такого не увидел. И лишь взявшись за ручку двери, он понял. Дело было в запахе. В ванной стоял затхлый аромат сырости, сдобренный духом металлических стружек. Такой спёртый воздух стоял в сводах цилиндрической тюрьме, где нашёл свою смерть ДеСальво.

Тогда он не придавал особого значения этой странности – слишком болела голова. Озарение пришло часом позже, когда боль наконец стихла, и Генри подошёл к окну, чтобы полюбоваться на свободный мир. По тротуару по-прежнему текла живая протока людей, ревели клаксоны. На глазах Генри пронеслась, надрывно завывая, полицейская машина. Небо было почти чистым. Впрочем, солнца с этого крыла всё равно не было видно; Генри мог видеть только жёлтые блики на окнах противоположного дома. Он изучал давно намозолившую глаза вывеску отеля «Южный Эшфилд» по ту сторону улицы, когда в голове зазвенел тревожный колокол, соединив вместе все события этого утра: беспричинную головную боль, включённый телевизор, странное поведение радио и запах в ванной комнате.

Боже мой, в панике подумал Генри, да ведь это перебирается сюда. Это происходит в моём доме!

Молоко кончилось. Генри по привычке начал скрести ложкой по стенкам бутылки, но потом бросил это занятие. Мысли вернулись к Айлин и Сандерленду, которые почти шёпотом переговаривались у его двери. Оба – с напуганным видом.

Они больше не вернутся.

Генри знал, что это правда. Они что-то чувствовали здесь – что-то очень неприятное. Возможно, квартира 302 источала какую-то невидимую глазу отраву. И он, Генри, находился в центре змеино-го источника уже восемь дней. А то и все два года.

До него здесь ещё кто-то жил и тоже напивался этой отравы. Сандерленд знал, однако же ни словом ему не обмолвился.

Странно это. Генри вспомнил, как проходил их первый разговор – управляющий держался вежливо и уважительно, как и подобает, но при этом завоевал его благосклонность тем, что не пытался войти в роль рекламного агента, цель которого – впихнуть товар любыми средствами. Фрэнк прямо указывал все недостатки и достоинства квартиры, предупреждал, что иные квартиранты могут быть шумными, сожалел о том, что отсюда далеко до центра города. Было видно, что он сам искренне любит дом и делает всё для того, чтобы всем в этих стенах было комфортно по максимуму. После того, как Генри въехал, Фрэнк захаживал ещё несколько раз, завязывая знакомство. Узнав, что Генри увлекается фотографированием, в один из визитов Сандерленд подарил большой застекленный снимок дома. Ракурс был действительно неплохим, хотя и любительским – должно быть, снимал сам досто-почтенный управляющий. Генри был приятно удивлён.

Но закадычная дружба у них не вязалась. Должно быть, Генри не уделял Фрэнку нужного внимания – в те дни он большей частью мог думать только о матери. Но даже в этом погружённом в себя состоянии он догадывался, почему Сандерленд хочет быть ему ближе. Жители сообщили ему, что год назад у Фрэнка без вести пропал сын. Догадка превратилась в уверенность, когда Фрэнк как-то раз случайно назвал Генри «Джеймсом».

Со временем визиты управляющего в квартиру 302 стали реже, потом прекратились совсем. Но Генри по-прежнему оставался в тёплых отношениях с Фрэнком. И вот он узнаёт, что управляющий скрыл от него историю его квартиры, хотя он в своё время просил рассказать, кто здесь жил раньше. На что Сандерленд сбивчиво объяснил, мол, квартиру арендовал какой-то журналист, но он уехал и не собирается вернуться. Генри такой рассказ вполне удовлетворил тогда. Но теперь – о нет.

Но завтрак закончился, и нужно было что-то делать. Генри твердо знал только одно: в дыру он залезать не будет. Всему есть предел. Он чувствовал, что как раз достиг этого предела. Если он ещё раз увидит этих тварей... это молочно-белый свет... он не выдержит. Потом, может быть. Но не сейчас. Ему нужно отдохнуть. Генри лёг на диван, чувствуя боль в мышцах и пустоту в голове. И скоро уснул, загипнотизированный вращением лопастей. На этот раз ни радио, ни телевизор ему не помешали.

И снился ему сон. Даже не сон, а жуткий коллаж, составленный из отрывков предыдущих дней. Он был везде и нигде, всегда и никогда. Он видел одновременно множество людей, и все звали к нему за помощью, протягивая руки. Синтия в розовой блузке с оторванной пуговицей, Джаспер со своей ужасной причёской, перепуганный толстяк ДеСальво, бьющийся об окошко камеры, и многие, многие другие. Были знакомые лица, были незнакомые. В этом мельтешении он видел собственную мать, Фрэнка Сандерленда, Айлин Гелвин, Хогана Кларка, лучшего друга детства. Они все умирали, и он понимал, что только он, никто другой, может спасти их. Но он не знал, что делать. Единый во многих лицах, он в панике пытался вытянуть их из лап смерти, но его жалкие попытки оставались безрезультатными. И Синтия снова истекала кровью на его руках, Джаспер вспыхивал кричащим факелом, ДеСальво плавал в гнилой воде. Наконец все образы, все параллельные вселенные сфокусировались на одного-единственного человека. Он, естественно, тоже умирал – жизнь покидала его, но Генри никак не мог взять в толк, отчего он умирает. Но осознание, что смерть этого человека ужасна и не идёт ни в какое сравнение со всеми остальными, хлестала по нервам, обрывая проводки в мозге, зажигая синие искры. И когда человек наконец умер, он вдруг понял, кто это – и закричал. Крик глухим стоном вырвался из его груди; Генри подбросило на диване, он замахал руками и больно свалился на пол. На мгновение показалось, что его квартира – вовсе не его квартира, что всё вокруг другое, и телевизор светится, и радио поёт, и часы ходят с бешеной скоростью... Он поднял голову, размыкая веки, и увидел, что всё осталось прежним. Сон, на этот раз это точно был сон. Но когда он вставал, перед глазами стояла агония последнего в мире человека. Генри содрогнулся от страшного воспоминания. Такому воспоминанию не должно было быть места в его голове, потому что оно могло свести его с ума и слишком скоро отправить в могилу... но он не мог забыть. Он всё помнил. Он знал, кто этот обречённый.

Это был он сам.

4

Он сидел, не двигаясь, не думая, не дыша. Время замерло, покрылось инеем. Тишина звенела в ушах натянутой гитарной струной. К запертой двери больше никто не подходил. Наверное, думал он в редкие моменты просветления, так сходят с ума. Больше нет смысла отрицать... Больше незначит.

Но когда свет за окном сменился вишнёвыми сумерками и вдоль улицы зажглись жёлто-синие неоновые огни, он снова почувствовал прилив желания жить и бороться, разрушить глухую стену. И с тяжёлой мыслью пошёл в ванную комнату, чтобы вновь взглянуть в лицо своему худшему кошмару.

5

До того, как открыть глаза, он услышал вблизи наэлектризованное гудение, которое перемежалось громким потрескиванием. В этом звуке тонул далёкий, на краю земли, гул машин. Кажется, шумел ветер где-то высоко, но его свист был слишком слабым, чтобы слух воспринимал его в полной мере.

Разлепив веки – они намертво слиплись, и Генри потратил на это неприлично много времени, – он сразу понял, куда на этот раз попал по воле Божьей (или чьей-то другой). Это была крыша здания. Он лежал в позе мертвеца под открытым небом, которое приняло фиолетовый оттенок. Солнце зашло, шли финальные аккорды вечера позднего лета. Надвигалась ночь.

Он встал. На фасаде крыши висел проволочный стенд, где были натянуты огромные буквы, слепленные из неоновых трубок. Трубки светились приторным жёлтым светом, придавая рубашке Генри окрас сливочного масла. Он увидел первую букву – исполинский круг, буква О. Следом шла Т, который почему-то был более тусклым, чем остальные буквы, и издавало то самое электрическое потрескивание. Е, Л... Дальше Генри не стал читать – отчасти потому, что часть надписи всё равно пряталась за пентхаусом на крыше, отчасти... Он уже понял, какой текст образует надпись. Имел возможность любоваться из окна каждый вечер за всё время проживания в квартире 302.

Отель «Южный Эшфилд».

Он располагался напротив его дома – громадина в восемь этажей, в чью стеклянную пасть день и ночь вливались толпы людей. Четырёхзвёздочный отель был одним из достопримечательностей города и уж точно – главной гордостью района Южный Эшфилд. Генри ни разу там не ночевал, но вид здания вызывал в нём стойкую аллергию – постоянные гудки и грохот машин на стоянке отеля мешали спать.

Теперь он находился на самом верху этой обители роскоши, рядом с зазывающе яркими буквами, на высоте тридцать футов над землёй. Генри подошёл к краю и выглянул вниз. Он хотел видеть машины, людей, собственный дом – и убедиться, что он может спуститься туда, вырваться, пускай и таким сюрреалистическим образом, из заточения. Но проволочная конструкция вкупе с надписью ограничивала обзор, не давая видеть ничего, кроме смазанных огней на той стороне улицы.

Ладно. Раз уж я здесь, то могу просто пойти вниз по лестнице... или на лифте... толпы служащих и постояльцев, опять же...

Мысль не принесла желанного успокоения. Что-то было ненормально уже здесь, на крыше. Мусор лежал горой – битые бутылки, газеты, даже порванная автомобильная покрышка, бог весть каким образом забредшая. У правого ботинка Генри склизлой массой валялся использованный презерватив. Генри не прибавилось радости от осознания того, что минуту назад он, скорее всего, лежал на этой штуковине.

Да. В этом и дело – слишком всё ветхо, шатко и смахивает на дешёвую ночлежку. Даже буквы еле крепились на каркасе, угрожая обвалиться со дня на день. Конечно, вблизи всё выглядит прозаичнее, чем издали, и на деле отель вовсе не сказочный дворец. Но до такой степени...

Гул моторов стал громче. Генри различил в этой какофонии отчаянный гудок сигнала, и это придало ему уверенности. Как бы там ни было, на этот раз он не в запертой коробке, как метро или цилиндрическая тюрьма. Нужно только добраться до земли...

Вниз вела металлическая лестница, прикреплённая к заднему фасаду. Выглядело достаточно крепко, но Генри первые шаги делал с осторожностью. Конструкция не закрипела и не обвалилась градом железных скоб. Он почувствовал себя увереннее и бодро зашагал вниз, мимо чёрных, как дёготь, окон. Перебраться в окна он отсюда не мог – лестница отстояла по меньшей мере на фут. Внизу виднелась узкая полоса проулка.

Когда он преодолел три этажа, лестница внезапно свернула под прямым углом, упёрлась в пол обозревательной площадки и бесцеремонно кончилась. Чувствуя себя жестоко обманутым, Генри сошёл на площадку. Похоже, он находился на служебном крыле. Площадка использовалась работниками отеля как курильня – место, куда при желании выходят проветриться, не опасаясь застать критичного постояльца. Достаточно широкий бетонный квадрат, на дальнем конце несколько дверей, и на каждой из них надпись: *Только для персонала*. Никаких признаков жизни. Ни одного светящегося окна. Отель словно вымер.

Тут что, никого нет?

Наверное, Генри подумал настолько громко, что мысленный глас достиг небес. Во всяком случае, кто-то решил ему помочь с этим вопросом – не успела мысль пронестись в мозг, как наверху раздался вопль и что-то стремительно промелькнуло в наступающей мгле. «Что-то» кулем рухнуло на бетонный пол и громко охнуло. Генри не успел ничего понять, как упавший шевельнулся и проворно вскочил на колени. Кажется, это был человек... судя по очертаниям. С места, где стоял Генри, он выглядел неясным чёрным силуэтом.

– Чёрт возьми! – совершенно по-человечески воскликнул он. У Генри не осталось никаких сомнений. – Что за дерьмо опять?

Вскинув голову, человек порывисто огляделся; видимо, падение не причинило ему серьезных ушибов. Голос казался знакомым, но Генри остался на месте, считая за благо пассивное наблюдение. Но когда человек замер, глядя в его сторону, он понял, что далее молчать нет смысла.

Генри сделал шаг ближе к упавшему, и тот резко поднял правую руку. Что-то было сжато в руке... Голос стал ледяным:

– А ну назад!

Генри поспешно вскинул ладонь, показывая, что не вооружён. Но тут же вспомнил о сумраке и в сердцах плюнул. Забавно получится, если его здесь банально застрелят.

– Опустите оружие, я не враг, – вслух сказал он, не спуская взгляда с пистолета. Тот вздрогнул:

– Ты человек?

– Да, – ответ почему-то вышел слегка неуверенным.

– Тыфу ты, едва не выстрелил, – грозное оружие поникло и уставилось на пол. Генри сразу стало легче дышать. – Надо же, первый человек, которого я вижу в этом проклятом местечке.

Человек устало хохотнул и поднялся. Отсвет неоновых ламп упал на лицо, и Генри едва сдержал возглас удивления. Кого он меньше всего ожидал здесь увидеть, это любопытного жителя квартиры 207. Ричард Брейнтри был в той же невозможно щегольской рубашке с галстуком. Редящие волосы были аккуратно зачесаны. Когда Генри подошёл к нему, он нахмурился, сразу став похожим на оцетинившегося пса:

– Постой-ка, я тебя знаю. Ты живёшь на противоположном крыле, так?

Генри с готовностью протянул руку:

– Да, вы правы. Меня зовут Генри.

Брейнтри демонстративно сделал вид, что не замечает жест, и посмотрел куда-то в конец площадки, где копилась тьма. Лицо выражало крайнее презрение. Генри с усилием подавил в себе неожиданный прилив злости.

– А я Ричард Брейнтри, – представился сосед. – Живу в двести седьмом.

– Да, мы уже встречались несколько раз, – Генри с удовольствием увидел, как лицо Брейнтри скосила гримаса. Впрочем, он быстро нашёлся:

– Не знаешь, что за хрень тут творится?

Генри молча покачал головой. Можно было бы рассказать про свои прошлые приключения, но что-то не хотелось.

– Эта дыра... – Брейнтри взглянул на тёмное небо со скудными гирляндами звёзд. – Что-то это местечко мне напоминает. Случаем, это не тот отель, который расположен напротив нашего дома?

– Похоже на то, – согласился Генри и почему-то тоже взглянул вверх. Сливовый оттенок сошёл, над головой была пронизывающая чернота.

Брейнтри вдруг нахмурился:

– Погоди-ка... Раз ты тоже сюда попал, то значит... Ты ведь полез в эту гребаную дыру, не так ли?

Генри кивнул. Брейнтри задумчиво потёр подбородок дулом пистолета. При виде столь небезопасного действия у Генри заныли зубы, но Ричард не испытывал никакого дискомфорта:

– Получается, это не только у меня... Что-то не так со всем зданием. Точно. Так вот что могло случиться с тем парнем...

– С каким парнем? – немедленно отреагировал Генри. Он жадно впитывал каждое слово, как губка.

Брейнтри взглянул на него, будто увидел Таунсенда впервые в жизни.

– Журналист. Он раньше жил в твоей квартире, но однажды исчез. Полиция приезжала, устроили полный шум-гам.

– Его нашли?

– Нет, – скривился Брейнтри. – Откровенно говоря, я думал, что этот писака... журналист... полностью сбрендил и просто сбежал. Он был странный, особенно в последние месяцы. Заперся в квартире и не выходил. Всё корпел над своим то ли расследованием, то ли исследованием.

– Как его звали? – отрывисто спросил Генри. Он подошёл к Ричарду почти вплотную, и тот отошёл в сторону, бросив через спину:

– Не помню. То ли Шиммер, то ли Шварцнер. Довольно простая фамилия.

Он дёрнул ручку одного из дверей, и та с лёгкостью открылась. Внутри было довольно светло – но свет был грязный и засалённый, как от керосиновых ламп. Брейнтри оглянулся на Генри:

– В-общем, я сматываюсь отсюда. Эта хренотень давит на нервы, не находишь?

Глаза пристально наблюдали за Генри, пресекая любые предложения пойти вместе. Генри не сомневался, что если он совершит такую глупость, то Брейнтри попросту наставит на него револьвер и скажет, что их дороги лежат порознь.

Поэтому он только заметил:

– Будьте осторожны, здесь опасно.

– Опасно? – Брейнтри, казалось, заколебался; рука крепче сжала рукоять револьвера. – Что ты имеешь в виду?

Генри подумал о толстяке, его трясущейся от страха руке, которая сжала воротник рубашки, и выдал:

– Остерегайтесь ребёнка. Если увидите его, держитесь подальше.

И тут же понял, какую глупость сморозил.

– Ха! – Ричард рассмеялся так резко, что смех отдался эхом у стены. – Ребёнка?.. Надо же.

Он окинул Генри испепеляющим взглядом вкупе с холодной снисходительной улыбкой:

– И вообще, тебе тоже следовало бы как-нибудь выбраться из этого места. А я пошёл. Ребёнка...

Фыркнув, он захлопнул дверь. Жёлтый прямоугольник исчез с пола, убрав неестественно удлинённую тень. Генри направился к соседней двери, на ходу размышляя над тем, что имел честь только что слышать.

Он раньше жил в твоей квартире, но однажды исчез.

Картина стояла перед глазами предельно ясно – бедолага журналист, который ошарашенно смотрит на дверь, увешанную цепями. Потом – часы мучительных попыток обрести свободу, и в конце взрыв отчаяния. Но потом...

Явилась дыра. Журналист – Шиммер? Шварцнер? – отправился путешествовать в её бездонную глотку. Конечно... иначе и не могло быть. И он исчез.

Куда привёл журналиста нескончаемый тоннель? В станцию метро? В леса возле Сайлент Хилла, где его загрызли безглазые собаки?

Чёрт бы тебя побрал, Фрэнк, как ты мог умолчать об этом?

Но с другой стороны, что бы изменилось, если Фрэнк ему об этом сказал? Разве он стал бы отказываться от устраивающей его по всем характеристикам квартиры только из-за того, что раньше в ней жил журналист, который «полностью сбрендил»? Господи, нет, конечно. Если бы Сандерленд рассказал, что в квартире 302 повесилась целая семья, то в ответ услышал: «Да-да, конечно, спасибо, так когда мне въезжать?». В то горькое время у

Генри было только одно желание – уединиться, и чтобы никто ему не мешал. Никто.

Как ни крути... всё было предопределено. *Так хотел Бог*, ага? Генри дрогнул и открыл дверь.

Увиденное подтверждало его худшие опасения. Полоса лестницы, ограниченная проволочным навесом, спускалась вниз, извиваясь по-змеиному. Напоминало скорее тюрьму, чем роскошный отель... и там, за проволокой... дьявол, что это такое? Сколько Генри ни вглядывался, он не мог взять в толк. Нечто розовое и липкое покрывало всю противоположную стену. На ней ползали толстые ленивые слизняки. На глазах Генри один из гадов лопнул с жирным треском, раскидав ошметки серой плоти. Комочки рухнули вниз с высоты восьмого этажа – никакого пола не было в помине, внизу только чёрный провал. Генри сглотнул твёрдый комок, вставший поперёк горла. Высоты он не боялся, лестница выглядела крепкой, но всё равно на мгновение закружилась голова.

Это был не отель. Очередная безумная ловушка, призванная отнять у кого-то жизнь. Генри догадывался, у кого...

Брейнтри.

Он развернулся и выскочил на площадку, чтобы броситься следом за недружелюбным соседом. И тут же столкнулся нос к носу с существом, которое привольно разгуливало по площадке. Оно быстро обернулось и взглянуло на Генри – почти с детским любопытством. Как и прежде, на секунду мозг Таунсенда перестал анализировать поступающие сигналы, подавая отчаянный сигнал: что-то не так с этой тварью. Что-то далеко не...

Потом он понял. Апатия спала, словно в телевизоре включили цвет и звук. Перед Генри стояло нечто обезьяноподобное, нелепо опирающееся на задние лапы, непрерывно трясущее всеми конечностями. Рваная серая плёнка была натянута на тело, а его голова...

Генри приглушённо застонал и сделал шаг назад. Существо подняло передние лапы с толстыми кривыми пальцами и издало довольный смешок. Оно прыгнуло вперёд с ловкостью шимпанзе, но опоздало: Генри уже захлопнул дверь. Существо ударилось с той стороны, потом начало биться об неё лапами. Дверь выглядела крепкой и способной выдержать эти нелепые атаки, но Генри не стал гадать и побежал вниз, перепрыгивая через ступеньки. На стене лопнул с хлопаньем ещё один слизняк, но Генри было не до того. Он лихорадочно пытался забыть, стереть из памяти то, что увидел. Голова существа. Она всё выплывала перед взором, загораживая грязные ступеньки – серая, с клоком взмокших волос, с выпученными неживыми глазами... человеческая. Но снизу, под подбородком твари, висела вторая голова – и она уж точно принадлежала обезьяне. Взгляд обезьяньих глаз был уже осмысленным, в отличие от человеческой. Монстр прилепил к своему телу голову убитой жертвы – наверное, считал, что так ему будет легче обманывать людей.

Этот смешок... Чёрт возьми, *какая* голова издала её? Уж слишком был человеческим этот злорадный хохот. *Слишком* человеческим. Генри сжал

руками виски. Забыть. Забыть о твари. Не было никого на площадке. У него галлюцинации. Сейчас важно одно: добраться до первого этажа и предупредить Ричарда об опасности.

Лестница кончилась в двадцати футах над землёй, приложившись последней ступенькой к двери с лаконичной надписью: «Спортивный магазин Альберта». Генри это показалось странным – как-никак здание *вроде бы* отельное, так какого баяна здесь делает спортивный магазин?

Внутри было чисто и опрятно, как во всех небольших магазинчиках с заботливым хозяином. Полки с волейбольными мячами, ракетками и прочими снарядами блестели в свете люминесцентной лампы. Генри заметил в углу стройный ряд новеньких бейсбольных бит. Взяв в руку одну, он с огорчением убедился, что бита тренировочная и сделана из пластмассы. Жаль, ему бы очень пригодилась сейчас настоящая алюминиевая. В своё время Генри был запасным страйкером университетской команды. Давно это было.

Чёрный выход был приоткрыт, и из проёма доносилась непонятная гульба. Жалобные завывания, лай, мяуканье перебивали друг друга, поднимая невообразимую симфонию. Генри вышел, держась настороже. И едва не свалился с ног, которые вдруг превратились в ватные кули.

Здесь лестница продолжалась, на сей раз преодолевая только один этаж. Одинокая дверь виднелась в щель между ступеньками как раз под ногами Генри, и оттуда исходил весь животный гам. На этот раз мозг не стал запинаться и сразу донёс леденящую картину – вся лестница была в крови.

Ступеньки были измазаны в багровой жидкости. На стене тонкими струями, как вспухшие вены, засохла кровь. Кровь была на двери внизу, на проволочном ограждении. Давняя и застывшая, она всё равно источала запах, от которого Генри едва не вырвало. Ему не пришло в голову спастись бегством, вернуться в магазин спортивных товаров. И даже глаза Генри не прикрыл – стоял и смотрел на ужасную картину, пока не зашевелились волосы на затылке.

Этого не может быть. Никогда.

Нога дёрнулась сама собой в нервном спазме, и из-под подошвы со звоном отлетело что-то металлическое и блестящее. Генри в апатии проследил взглядом. И увидел использованную гильзу, которая перекатилась на край ступеньки, юркнула там через ячейку сетки и исчезла. Рядом лежала ещё одна гильза. Дальше – ещё одна... Неожиданно до Генри дошло, что кусками стали усыпан весь пол. Словно через лестницу прошествовала расстрельная дивизия, оросив задний выход магазина галлонами крови.

Как пьяный, он сделал шаг вниз, поскользнувшись на краю ступеньки. Отчаянно замахал руками, как пьяный, но всё-таки упал. Ноги предали его. Ладони упёрлись в лестницу и испачкались в застарелой крови. Она выглядела как мелкий бурый порошок. *Вроде тех растворимых напитков*, отрешённо подумал Генри, поднимаясь. Он с остервенением потирал кисти о джинсы, пока кровь не сошла. И пошёл дальше, двигаясь зигзагами в узком пространстве. Генри был бы рад схватиться за ограду, но там тоже была кровь. Везде была кровь...

И опять, как в худшие моменты – короткое расстояние давалось с таким трудом, будто он проходил мили по кровавой дороге. К моменту, когда он наконец коснулся ручки нижней двери (*Всё для питомцев*, *Стив Гарланд*, гласила вывеска, и буквы были утоплены в крови), Генри утратил всякую связь с окружающим миром, полностью уйдя в борьбу с неумолимой тошнотой. Рот наполнился слюной, глаза затуманились, уши отгородились резиновой затычкой. Поэтому он не слышал звуков, доносящихся из-за двери – иначе сто раз подумал бы перед тем, как вторгаться в лавку Стива Гарланда.

Но он был слеп и глух. Он открыл дверь, вступил в сумрак магазина с чувством, с каким утопающий чувствует под ногами твёрдую опору. Но возрадоваться как следует не успел, ибо на голени сомкнулись острые, как ножи, зубы.

– А-а, чёрт! – проорал Генри, когда сумрак внезапно полыхнул всеми цветами радуги. В нос ударил запах рыбы, сухого корма и гнилого мяса. Боль растеклась волной кипятка, и он понял, что падает на пол. *Она вернулась*, думал Генри, когда мир переворачивался. *Она вернулась мне отомстить. Чёртова псина...*

Заним закрылась дверь магазина, облачая комнату в синюю полутьму. Генри слышал, как к нему подбирается любопытный шорох лап. *Всё для питомцев*, гласила вывеска над входом, и это было правдой. Сегодня, например, для питомцев была подготовлена отличная трапеза. Свежее мясо.

6

Ричард заметил мальчика на третьем этаже. Ребёнок хорошо сливался с темнотой в углу лестничного пролёта, но Брейнтри никогда не жаловался на зрение. На секунду он остановился – не от страха, от неожиданности. Он успел привыкнуть к звенящей пустоте внутри отеля (впрочем, если местечко в самом деле являлось отелем, то Ричард был готов сожрать собственные башмаки). Появление темноволосого мальчугана в полосатой водолазке нарушило вырисовывающуюся гармонию. И Брейнтри в первую очередь испытал именно раздражение.

Мальчик нагло глазел снизу вверх, не собираясь даже поздороваться. Что тоже не понравилось Ричарду. Он не любил детей, особенно с таким самоуверенным взглядом. С него хватало той толпы мелюзги, которую развели жители квартиры по соседству.

– Кто ты? – спросил он. Мальчик молчал. Ну уж это никуда не годилось. Когда взрослый спрашивает...

– Не о тебе ли болтал тот тип?

Вопрос был риторическим. Вряд ли в этом омертвелом месте было так много детей. Пижон из триста второй имел в виду этого парня. Ещё предупреждал, что его следует опасаться... Ричард не видел в мальчике ничего устрашающего, но он знал: дай такому шустряку ещё десять лет, и он без зазрения совести отберёт у тебя последнюю корку хлеба. Всё это «новое поколение», достойное потомство хиппи и коммуняк, вместе взятых.

Он крепче взялся за револьвер:

– Ты тоже живёшь в нашем доме?

Молчание.

– Тебя вообще когда-нибудь учили отвечать на вопросы?

На последнем вопросе Ричард повысил голос. Мальчик пугливо вздрогнул, но всё-таки не сдвинулся с места и ничего не сказал, лишь угрожающе насупись, напоминая хомячка. С таким выражением мордашки он был чрезвычайно похож на...

– погоди-ка, – ахнул Брейнтри, взмахнув револьвером, – я тебя знаю! Тот паршивец, который постоянно ошивался в нашем подъезде! Чего тебе здесь нужно?!

Это был он! Ричард не забыл ещё, как он шастал по всем этажам до одышки, разыскивая мелкого мерзавца. Мальчик имел привычку приходить в их дом и целыми днями молча караулил в подъезде, мозоля глаза. Ричард стерпел это в первый раз, во второй, в третий. Но когда через неделю снова увидел настырного мальчика свободно разгуливающим по лестничной площадке его крыла, как полноправный хозяин, он взорвался и выставил его за дверь. Он надеялся, что паршивец получил хороший урок и больше не заявится, но как бы не так: тот продолжал втихаря вползать в дом, на сей раз скрываясь от его глаз. Ричард пожаловался управляющему, но тот лишь рассмеялся и сказал, что их дом не запретная зона, чтобы закрывать вход мальчику. «И потом, – добавил Сандерленд, – он никому не мешает». «Мне мешает, – возразил Ричард. – Не выпроводи его сегодня, и завтра дом будет кишеть такими сорванцами». Сандерленд ничего не сделал, и Брейнтри окончательно уверился, что управляющий слишком мягкотел. С тех пор они общались мало и сугубо по делу. А в следующий день Ричард поймал парня за шиворот на подступах к дому и задал ему взбучку. Помогло ненадолго.

– Ты! – выдохнул Ричард, выходя из себя. – Какого чёрта ты здесь делаешь?! Должно быть, ты знаешь, что за чертовщина тут творится, да?

Он указал на мальчика дулом пистолета. Вот тут парень не выдержал: его глаза расширились, и он пустился наутёк вверх по лестнице, искусно обходя Брейнтри сбоку.

– Эй! – закричал Ричард, вскидывая руку с оружием. – А ну вернись! Эй!

Мальчик лишь добавил прыти. Он скрипнул зубами. Невежливо уходить не прощаясь. Об этом знают даже бродяги. А если тебе десять лет и с тобой хочет поговорить по важному делу взрослый человек, то это и вовсе непростительно.

– Эй, стой!

Увидев, что слова не возымели никакого действия, он бросился следом. Мальчик уже был этажом выше; топот его ног беспрестанно звучал над головой. Брейнтри громко выругался, споткнувшись о ступеньку, однако не прекратил преследования.

Никуда не денешься, злорадно думал он, преодолевая четвёртый этаж. Сердце колотилось в груди, делая дыхание сиплым и прерывистым. *Никуда ты не денешься, панк проклятый. Разве что ветром с крыши унесёт.* Мысль показалась ему забавной, и он холодно улыбнулся.

Шум в магазине стоял невероятный: Генри имел возможность сполна насладиться кошачьим оркестром вкупе с воем собак. Затычки испарились с ушей... слишком поздно. Он сидел на полу, под изувеченной ногой быстро расплывалась тёплая лужа. Перед глазами летели зелёные бублики.

Встать, стучала в мозгу назойливая мысль. Встать, уйти от этих тварей, нет, не сейчас, это несправедливо.

Почти плоская фигура замерла в трёх шагах впереди, прижавшись к полу. Собака готовилась к броску. За тварью виднелись контуры стеллажей – вероятно, там был корм для животных. Генри протянул руки с раскрытыми ладонями вперёд, словно это могло чем-то помочь.

Секунда стала часом, и когда он начал надеяться, что зрение обмануло его и никакой собаки впереди нет, она прыгнула. Генри инстинктивно откинулся на спину. Острые зазубренные когти уткнулись ему в грудь, изорвав рубашку и глубоко вонзившись в тело. Он закричал снова. На лицо шлёпнулся длинный трубообразный язык... пока мягкий, но ещё секунда, и он проткнёт его насквозь, превратившись в заточенную пику. В нос проник отвратительный запах. Генри лихорадочно водил руками по полу, пытаясь найти хоть что-нибудь... хотя бы миску для корма. Пальцы наткнулись на какой-то вертикальный шест – видимо, стойка-вешалка. Недолго думая, Генри сильно, до хруста, ударил ребром ладони по шесту. Стойка наклонилась, потеряла равновесие и со звоном упала на землю. Безглазый монстр тотчас обратил морду в сторону звука. Сжав левую, более-менее свободную руку в кулак, Генри двинул собаке под бок. Когти скользнули вниз, оставляя на груди глубокие борозды. Боли он не почувствовал, зато ощутил свободу. Если бы нога была целой, он мог отпинываться, но сейчас единственной надеждой были руки. Генри оттолкнулся локтями, стараясь вновь принять сидячее положение. Кажется, что-то бессвязно кричал при этом... Глаза отказывались видеть, и он не имел понятия, где находится собака и откуда ждать новой атаки. А может, с нелепым, несвойственным для него сарказмом подумал Генри, тварь не одна. Может, ими полон магазин.

Тяжело дыша, он ждал. Собака была здесь, кружила рядом чёрным призраком. Она уразумела, что жертва не беспомощный агнец, и выжидала момент.

Стойка-вешалка, вспомнил Генри. Она упала, лежит где-то рядом. Если удастся как-нибудь завладеть им... Но как это сделать в почти полной мгле, с кровью, хлещущей из голени, имея в распоряжении только пару секунд? Здравый смысл обречённо шептал: *Всё кончено, Генри. Игра проиграна.*

Иди к чёрту, в ответ прошипел он, смещаясь влево, ближе к стойке. Ладонь лежала на полу, раненая нога отбрасывала снопы искр при малейшем шевелении. Искры летели и перед глазами – целый новогодний фейерверк.

Он искал. Шарил ладонью по полу, вытянув руку до боли в суставах. Стойка должна быть где-то здесь, не могла она откатиться в другой угол... или могла?

Нет. Генри не хотел думать о таком исходе. Даже мимолётная мысль вызвала скручивающую боль в солнечном сплетении.

Есть! Указательный палец задел стержень, и в этот момент собака наконец решилась на новую атаку, словно догадалась о зарождающейся угрозе. Может, она и догадалась. В уме этой твари нельзя было отказать. Увидев тень, серой молнией метнувшуюся к нему, Генри успел поднять левую руку, инстинктивно защищая лицо. Последнее, что он запомнил чётко – шершавый тёплый язык, шурующий под локтём. Потом нахлынула бордовая волна...

Он не знал, сколько лежал в отключке. С равным успехом это могло продолжаться две секунды или пару часов. Когда Генри пришёл в себя, собака всё ещё была близко... слишком близко. Она опять победно нависла над ним, опрокинутым на спину. Генри попытался пошевелить руками. Правая кисть исправно коснулась краешка стержня, а вот левая почему-то отказывалась подчиняться.

Собака вскинула голову, распрямив язык. Генри не хватило времени вспомнить, что предвещал этот жест – было уже поздно. Еле заметное шевеление шеи твари вниз, и под левой ключицей вонзилось жало, рассекая кость, как стекло режет масло. Генри не потерял сознания, хотя потом полагал, что при такой чудовищной боли надлежит либо вырубиться надолго, либо тут же, на месте, сойти с ума. Впрочем (думал он впоследствии), вполне мог иметь место второй вариант... да просто он сам не заметил этого.

Он закричал, забился, прикованный стальным прутком к полу. Крови из раны вытекло мало: она вся уходила по жёлобу в хобот. Собака с аппетитом высасывала у него кровь.

Даже в этот, казалось бы, невозможный миг Генри не утратил способности действовать. Не переставая кричать, он дёрнулся вправо и наконец-то сжал в руке заветную стойку. Она была почти невесомой – может, оттого, что все мышцы руки напряглись до предела, как гитарные струны. Он развернул стержень, направил верхний конец к пирующей собаке. В такой темноте бить наверняка было невозможно, но холод и боль, распространяющиеся от плеча к шее, подстегивали его. Генри резко махнул стержнем, вложив в движение жалкие остатки сил. Он кричал. Он кричал не умолкая.

Язык, медленно поворачивающийся, уткнувшись в его плечо, вдруг замер, обмяк и выплеснул обратно порцию крови. Кровь брызнула из кончика фонтаном во все стороны, обливая лицо, попав в рот, нос и даже глаза. *Его* кровь. Генри ткнул стержнем снова, уверенный, что тварь успела отскочить. Но она была ещё там – *неожиданность? болевой шок? значит, тебе тоже больно, сволочь?* – и на сей раз удар получился действительно хорошим. Генри даже послышался восхитительный хруст ломающегося ребра, но это, скорее всего, было уже из разряда мечтаний. Собака зашлась воём, перетекшим в скуление. Проваливаясь в ямы пустоты, с рукой, заходящимся в жесточайших спазмах, Генри повторил триумфальный приём в третий раз. Звук был другим – более гулким, и сопротивление под импровизированной палицей тоже было слабее. Собака повалилась набок, прямо ему на ногу. Магазин залило малиновым светом. Генри рывком сел (положительно не понимая, как ему это

удалось). Каждая секунда. *Каждая секунда*, думал он, вставая сначала на корточки, потом на здоровую правую ногу. Левой он боялся опереться, но... Каждая секунда. Тварь не умерла, тварь жива.

Генри коснулся носком ботинка пола. Сжав зубы, он переводил вес на другую, раненую ногу. Вопреки его ожиданиям, боль была на порядок слабее, чем в пробитой ключице. Это обнадеживало. Не райское блаженство, но всё же... сгодится, чтобы прикончить жёлтую мразь раз и навсегда.

Да.

Он поднял правую ногу, на какой-то миг покачнувшись, убеждённый, что больная нога не выдержит и он свалится, как набитый картофелем мешок. Но этого не случилось – и Генри со всей силы, злости и желания обрушил тяжёлый ботинок на череп лежащей собаки. Дамоклов меч сорвался.

8

Гадёныш улепётывал с непостижимой скоростью. В молодые годы Ричард не жаловался на спортивную форму, но на шестом десятке лет он утратил былые навыки. Он мог бы наплевать на погоню и спокойно следовать на крышу, где мальчика всё равно ждал тупик. Но в нём бурлила ярость. Да, такой исход был бы более спокойным, но *неправильным*. Пожалуй, это было самое подходящее слово. А вот поймать сорванца за шею во время погони – совсем иное. Глядишь, и заговорит по-другому.

Но – не получалось. Полосатая водолазка мелькала меж пролётов, неуклонно увеличивая разрыв. Брейнтри всё чаще спотыкался, хватался за грудь и выкрикивал пустые угрозы. Когда он добрался до верхнего этажа, мальчика и след простыл. Он прислонился к проволочному ограждению и позволил себе перевести дух. Узкая линия решетки заканчивалась небольшой дверью. За проволокой простиралась чёрная бездна, как засасывающий рот – словно архитектор отеля «Южный Эшфилд» начисто забыл о такой простой вещи, как перекрытия между этажами. Ричарда это не волновало. Он знал, что находится в странном месте, знал, что попал сюда по тоннелю, который брал начало у него в туалете. Остальное представало в сером тумане. Сейчас он жаждал одного – настигнуть, наконец, шустрого мальчика и вытрясти из него дух. И заодно спросить, что тут творится. Брейнтри был уверен, что сорванец всё знает.

Он пошёл к двери. Под ногами звенела решетка. Он начал протягивать руку, чтобы открыть дверь, но пальцы замерли на полпути.

Он знал эту дверь. Впервые увидел её двадцать семь жарких и холодных лет назад, въезжая в новый дом. С тех пор Ричард проходил через её проём каждый день не менее трёх-четырёх раз. Это была дверь его квартиры – до мельчайших царапин и трещин. Даже белая табличка с номером 207 висела, как всегда, криво. Ричард поправлял её чуть ли не каждую неделю, но табличка с патологическим упрямством кренилась набок при первом удобном случае.

Дверь была приоткрыта. В тонкую щель проникал электрический свет.

Что за чертовщина?

Брейнтри смотрел, не отрываясь. Он впервые почувствовал в душе укол страха – страха тёмного, непонятного, иррационального. Ощущения были ему в новинку.

Подняв револьвер, он как во сне вошёл в квартиру. Вместо пыльной крыши и ночного неба над головой взору предстала гостиная, совмещённая с кухней (кухню он восемь лет назад отгородил стальной решеткой). Ванна слева, а там, в конце короткого коридора – спальня. Обыденная картина, которая стала неотъемлемой частью его жизни за эти годы.

Тем страшнее – и непонятнее – было обнаружить в самом центре этой идиллии, на полу гостиной, страшную гостью. От неё веяло холодом и ужасом, как от дыры над унитазом, куда Ричард сдуру полез. Теперь он понимал, что сдуру.

Перед ним стоял электрический стул. Цвет металла резал глаза. Зажимы для рук и ног, клеммы, провода – всё, как полагается. Толстый чёрный кабель тянулся к стене, где впивался в пяточок розетки. Стул был пуст.

Брейнтри поборол первое, самое естественное желание – пуститься наутёк, бежать и сделать вид, что ничего не было. Чёрта с два. Это была *его* квартира, он прожил здесь половину жизни, и он был вправе отвоевать её у... кого бы там ни было. Тем более что цепочка грязных следов описывала круг вокруг стула и красноречиво вела к окну. Точнее, к левой занавеске, которая по странному стечению обстоятельств выступала вперёд.

Он всё понял. Девять из десяти человек непременно крикнули бы в таком случае: «Выходи с поднятыми руками!» или подобную глупость, давая вторженцу сигнал к действию. Ричард Брейнтри был тем единственным, который поступал иначе. Он сцепил зубы, задержал дыхание и нажал на крючок.

9

Расплющив голову собаки в невразумительную кашу, Генри позволил себе рухнуть на пол и отползти назад к двери, туда, где есть свет и нет чудовищ.

В магазине Стива Гарланда зависла тишина. Исчез хор обиженных кошек и гвалт собак. *Наверное, призраки*, на полном серьёзе предположил Генри, безвозвратно уходя от реальности. Почему нет? Бывают же призраки людей, с чего не быть призракам животных. В отеле «Южный Эшфилд» возможно всё.

От долгожданного света его едва не вырвало. Желудок запрыгал в животе, как ребёнок, увидевший карусельных лошадей. Генри ткнулся лицом в грязный металл лестничного пролёта и ждал, когда приступ пройдёт. Он чувствовал, как ежесекундно слабеет.

Когда тошнота отступила, Генри первым делом посмотрел назад – не крадёт ли очередная собака (или обезьяна с мёртвой головой) с тем, чтобы окончательно его добить. Дверь осталась открытой, и за ней не было ничего, кроме темноты. Широкий кровавый след на полу повторял путь Генри. Кровь вытекала из ноги и ключицы.

Плохо дело, мрачно подумал Генри. Кружилась голова. Он мельком осмотрел левую руку и убедился, *насколько* плохо дело. На кисти отсутствовали три пальца – большой, указательный, средний. Собака отхватила их. Вместо пальцев торчали нелепые, на удивление мало кровоточащие обрубки.

Ты всё-таки убила меня, отстранённо подумал Генри, уронив голову. *Задним числом, но убила. Что я могу? Только сдаться на милость очередного монстра.*

Образы, такие яркие – только протяни руку и коснись, – представляли перед взором, и он не очень хорошо различал, что правда, а что иллюзия. Вот, например, резкий собачий лай над головой, похожий на воронье карканье – ложь или правда? Голос, который отчётливо сказал: «Грядет Святое Успение» – ложь или правда? Единственное, что Генри однозначно отнёс к миру грёз – синюшная голова с клоком редким волос, который аккуратненько пролетел перед его лицом, разевая рот в крике. Голова ну очень напоминала бедолагу ДеСальво.

ДеСальво умер, возразил Генри, нечеловеческим усилием переворачиваясь на спину. И тут же услышал, как далеко в другом измерении грохнул пистолетный выстрел. За выстрелом, почти сливаясь с ним, последовал крик – отчаянный, на пределе возможностей человека. На крыше. Генри узнал кричавшего – это был Брейнтри, его недавний собеседник. Револьвер ему не помог... Генри ждал нового крика, но он не повторился. Кажется, в их доме стало жильцом меньше. Двумя жильцами, если считать самого Генри – осталось не больше часа, потом он от потери крови провалится сначала в беспамятство, потом в кому, потом в смерть.

Если только...

Нет, это смешно. Восемь этажей – безумие. Безумие, сопряжённое с мучительнейшей пыткой.

Но если я не доберусь до крыши... смерть будет в любом случае. А там, возможно, сумею снова вернуться... проснуться целым и невредимым... может, Ричард ещё жив, и мы вместе...

Искалеченное тело требовало отдыха, пусть даже этот отдых окажется вечным. Генри перевернулся на живот и попробовал шевельнуть левой рукой. На глаза тут же словно надели очки цвета крови. Нет, так не пойдёт. Придётся ползти на здоровой правой, помогая ногами.

Он протащил тело на фут вперёд, сжав зубы до боли в дёснах. Схватился за первую ступеньку и вытянул себя к ней. Так. Теперь – отдых. Потом ещё. Отдых. Ещё...

Генри не знал, сколько прошло времени и сколько у него крови осталось кружить в венах, пока он преодолевал первый этаж. Осталось ещё пять этажей... или шесть... чёрт возьми, может, десять. Генри едва не впал полное отчаяние, но нашёл спасение в продолжении движения. Ползти стало легче – раненая нога почти перестала болеть, превратившись в мёрзлый кусок мяса из рефрижератора. Он мог работать обеими ногами. Но рука...

Генри прополз через спортивный магазин, поднялся на третий этаж, четвёртый, пятый. Справа срывались со стены и лопались склизни. Свет иногда захватывал весь мир, иногда вытягивался в тонкую пульсирующую макаронину.

Когда до крыши осталось два этажа, Генри снова услышал крик. На этот раз потише, но это по-прежнему был Брейнтри, человек в галстук с Сикстинской Мадонной.

Боже... он жив.

И тут же – буйный приказ мозга, брызнувшая вокруг слюна ярости: *Так скорее же, идиот!*

Остался последний пролёт, когда Генри признал: он проиграл. На все сто. Он больше не мог преодолеть на своих руках-ногах ни дюйма. Его клонило ко сну. Тело стало весить больше тонны. Ему было холодно и жарко одновременно (*африканская пустыня, арктический ледник, ядовито-жёлтые цветы, умирающие под бурей*). Генри преследовало назойливое ощущение, что он сорвался вниз и продолжает падать в глубокую чёрную яму, барахтаясь руками и ногами. Он умирал.

Он и умер. Организм, обеспокоенный стремительным увяданием, отключил от греха подальше все функции, кроме тех, что ещё могли привести к спасению. Таунсенд перестал видеть, слышать, чувствовать, анализировать. Состояние его было очень близко к смерти. Мышцы на автомате делали судорожные сокращения, подталкивая тело вверх по лестнице. Генри стал машиной выживания, имеющей очень мало общего с человеком. Он сталкивался лбом со стойками перил, безразлично мотал головой и полз дальше.

Когда спустя многие годы и века Генри добрался до заветной двери на крышу, он был не в состоянии различить табличку с номером 207, криво приколотую к двери. Позже он считал чудом, что вообще как-то умудрился открыть дверь.

10

Брейнтри сидел в середине гостиной, прикованный к невесть как оказавшемуся здесь электрическому стулу. В зажимах на запястьях и голених плясали голубоватые искры, выбивающие из чернеющей плоти удушливые комья дыма. Но главный электрод, который должен был крепиться к голове и без лишней мучений отправить казнённого на тот свет, задействовать забыли. Поэтому Ричард был до сих пор жив.

Ток, наверное, шёл не большой, раз он сумел между судорогами как-то увидеть вползшего в комнату Таунсенда. Небольшой – значит, очень болезненный. Брейнтри попытался что-то сказать, но выдавил из себя лишь непонятное, придушенное мычание. Губы оскалились, приклеив к лицу жуткое подобие усмешки.

– М-мм... – кричал Ричард, и волосы вздымались и опадали, вздымались и опадали в такт с разрядами. – М-маль...

Рубашка с отвратительным звуком порвалась на локтях; галстук, который уже начал заниматься, ушёл набок, за левое плечо. И там, за левым плечом, у окна...

– М-маль... он... не он...

Ток усилился; искры замелькали чаще, глаза Ричарда всё больше превращались в спёкшееся, застывшее желе. Теперь вся одежда пылала вкупе с телом. А на его лбу, под сгорающими волосами, зияли цифры. 19121.

– Н-не... м-маль... чик... он...

Мальчуган в полосатой водолазке равнодушно наблюдал за агонией жильца квартиры 207, как всегда, еле видный в объятиях сумрака. Он стоял у чёрного, как деготь, окна. На лице не было злорадства или жестокости... равно как страха, жалости и вообще любого другого чувства. Как манекен.

Крик Брейнтри стал последним хриплым ревом, и Генри упал на пол лицом вниз, зажав ладонями уши. Он был почти рад боли, которая прорезала всё его существо, когда он задел обрубками пальцев мочку уха. Этот крик невозможно было терпеть. Это было тысячекратно хуже, чем бесконечный подъём на крышу. Но Генри продолжал слышать, как стихает вопль человека и остаётся лишь холостое гудение электричества, проходящего через мёртвую плоть. Лишь тогда пришла долгожданная темнота и забрала Генри к себе.

11

Темнота, вспышка, чей-то безумный смех. Смех раскатами носится в тёмном пространстве, потом тонет в волне помех. И до него опять доносятся голоса – гулкие, как в пещере.

– Похоже, ещё одна жертва, капитан... Видите, цифры на лбу...

Голос молодой и жизнерадостный. Этому голосу наплевать, кто жертва и что он чувствовал, когда его поджаривали на стуле. Для него обугленный труп – не более чем интересная загадка. На мгновение Генри охватывает ярость.

– Очень напоминает одно дело десятилетней давности...

– Да, – вяло соглашается второй голос, старый и бесцветный. – Дело Уолтера Салливана.

– Но ведь Салливан умер. У них есть даже его тело. Какого чёрта... Должно быть, сумасшедший подражатель?

Старый думает, прежде чем ответить, предоставив Генри возможность наслаждаться нагромождением помех:

– Может быть... Но даже если так...

Всё скрывает пелена белого тумана. Генри бесцеремонно скидывает с вершин эйфории вниз, на его собственную кровать. Он падает, ломая кости, разрывая вены, и минуту ничего не чувствует. Потом открывает глаза и видит приветственное мельтешение лопастей.

Казалось бы, он должен радоваться – жив, на теле ни царапинки. Лишь побаливает нога на месте укуса, и ключица движется как-то неуклюже. Пальцы, которых «там» откусила адская собака, поначалу отказывались

подчиняться, но Генри усиленно занимался их растормошением, пока всё не вернулось в норму. За вычетом этих мелких неудобств и ужасающей головной боли он проснулся совершенно здоровым.

Да, Генри должен был радоваться. Но не мог.

Полицейский со скучающей миной дежурил у окна квартиры 207 на противоположном крыле. Генри видел его со своего окна, вплотную прильнув к стеклу. Он питал искру надежды, что рано или поздно коп заметит подозрительно долго маячащего у окна человека, который пялится на место преступления. Должен был заметить – это его работа. Однако полицейский упорно не желал смотреть в сторону квартиры 302. В любую другую – пожалуйста, но только не на Генри. Была в этом какая-то садистская издевка вселенной.

Небо сплошь затянуто чёрными, но ленивыми тучами, обещая скорый дождь. Несколько чахлых деревьев у тротуара шевелили желтеющими листьями на усиливающемся ветру. Генри заметил у прохожих под мышкой изогнутые тросточки зонтиков. Мысль о дожде вызвала почему-то гадливость. На той стороне улицы гордо возвышался отель «Южный Эшфилд», выглядящий сегодня даже лучше, чем обычно. Люди входили и выходили в жерло здания. Генри скривился, но от окна не отошёл. Он намеревался дёргать за ниточку надежды до конца... пусть даже она истончилась до предела.

Одно он уяснил для себя раз и навсегда: больше он в дыру не полезет. Ни за какие коврижки. Дело даже не в том, как он истекал кровью, орошая кровью ступеньки лестницы, и не в пробиравшей всё тело боли, которую он ещё помнил. Просто Генри был сыт по горло этой бессмысленной чередой смертей. Если кто-то... неважно кто... разводит весь этот театр, чтобы истреблять ни в чём не повинных людей, то Генри не желал играть в этом театре роль зрителя. Он не хотел аплодировать или топтать ногами, принося удовольствие постановщику действия. Уж лучше умереть с голоду здесь, в своих стенах, чем снова вернуться в этот ад.

Так думал Генри. Он пребывал в этой уверенности, пока вдруг не увидел незнакомого человека в окне квартиры 207. Только что там был только коп-недотёпа, и через секунду в проёме окна появился ещё один. Человек стоял, облачённый в синий плащ, и смотрел на Генри. И широко улыбался. Полицейский по-прежнему скучал у окна, но улыбчивый субъект в плаще оставался им незамеченным. Волосы жидкими прядями падали на плечи.

Генри моргнул. Человек не пропал. Не пропала и нехорошая улыбка на его лице. Так они и взирали друг на друга несколько минут, показавшихся Генри одной секундой. Что-то удерживало его от того, чтобы наброситься на стекло и забарабанить кулаками, показывая, что он в беде. Интуиция подсказывала – не тот это человек, который ему поможет.

Человек медленно вытянул правую руку, указывая куда-то вперёд. Генри не сомневался, что жест адресован ему. Он проследил взглядом по указанному направлению. Воображаемая линия шла чуть косо в его сторону. Линия пролетела над улицей, бордюром, тротуаром... упёрлась в крыло дома. С этой

позиции Генри не мог разглядеть точно, куда она привела, но он с лёгкостью догадался. Ему неприятно скрутило печень.

Странный человек указывал на окно квартиры 303 – квартиры его соседки Айлин Гелвин.

Глава 6

Горечь сахара

1

Всю последнюю неделю – а тянулась неделя дольше, чем иной год, – Айлин Гелвин не оставляло странное ощущение.

Она затруднилась бы сказать, когда именно это началось. Но то, что она знала: чувство наполняло её, её квартиру и все вещи в ней постепенно, как ржавчина, покрывающая заброшенный плуг. Поначалу ей было приятно ощущать эти упругие, невидимые волны, носящиеся в воздухе и тревожащие чувства. Она представляла, что у неё в ушной раковине сидит маленький гномик в широкополой шляпе и поигрывает на флейте очаровывающую мелодию. Особенно хорошо получалось с закрытыми глазами.

Затем непрошеное вторжение стало тревожить. День и ночь она чувствовала присутствие этих волн, их прикосновение к лицу и шее, к своим рукам. Звук усилился, стал резче. Теперь он напоминал далёкое томное пиликанье скрипки, завораживал, погружал в транс наяву. Айлин сопротивлялась как могла и всё равно ловила себя на том, что намеренно поддаётся ласкающему, такому приятному насилию.

Нужно было что-то делать. Самое ужасное, что Айлин не имела понятия, как вообще в таких ситуациях можно поступить. Единственное, что она смогла выяснить – странное чувство усиливается к южной стене квартиры. На стене не было окон, и за бетонной перегородкой начиналась соседняя квартира. Так может, осенило её, всё дело кроется там? Но квартира 302, как назло, безмолвствовала с утра до вечера. Хозяин то ли куда-то уехал, то ли беспробудно спал.

Айлин перебирала варианты. Обратиться к управляющему? Позвонить в полицию? Сходить к психотерапевту? Не то, не то... Она не могла решиться. А вскоре это стало и не нужно – чувство взяло её в заложники, взяв на поруки сладкого плена. Теперь Айлин слышала этот звук, даже когда спала и грезилась... и на её губах была улыбка блаженства.

В эти дни она редко выходила из дома. Несколько раз попыталась достучаться до соседней квартиры (очень уж было любопытно, что там, в эпицентре), но попытки не увенчались успехом. А после странных слов Фрэнка она и вовсе перестала ходить туда. В город она делала вылазки лишь за необходимыми покупками, и каждая минута без знакомой скрипичной мелодии была пыткой. Не будь сейчас пора отпусков, с работой у неё начались бы серьёзные проблемы.

А дома её ждало это чувство. В глубине души она пугалась его всё больше, но тем яростнее убеждала себя в обратном.

Что бы это ни было, оно не опасно. Со мною ничего такого не происходит... не растут клыки, не покрываюсь шерстью, и так далее. Я могу в любой момент куда-нибудь уехать и просто забыть об этом. Я в безопасности.

Если бы она знала, насколько ошибалась.

2

– Вот чёрт...

Генри ошеломлённо смотрел на комнату. Вернее, на то, во что комната превратилась. Куда девался мирный кусок пространства, обложенный белым кафелем? Кто – или что – целеустремлённо разрушает его кирпичик за кирпичиком?.. Что здесь вообще происходит?

Дыра на стене увеличилась и обрела почти завершённую круглую форму, завоевав ещё больше места, но Генри заметил это в последнюю очередь. Всему виной был запах – запах разложения и подгнившей воды, затянутой зелёной плёнкой. Вонь валила с ног. Зажав ноздри, Генри отдёргнул ширму с ванны.

Белая посуда исчезла. Ванна была сплошь замазана красно-коричневой жижей, испускающей невероятный смрад. Жижка шевелилась, как живое существо... как один из тех слизняков. Генри сглотнул комок в горле. Призрак цилиндрической тюрьмы отчётливо ощущался в квартире 302.

Откуда эта гадость? Неужто из крана? Но вода ведь больше не течёт... Задержав дыхание, Генри покрутил кран и убедился, что в нём пусто.

Ладно. Потом разберёмся. Времени нет.

С тяжёлым сердцем он повернулся лицом к дыре. К той самой дыре, куда он десять минут назад заклился не подходить на расстояние пушечного выстрела. Быстро же он изменил мнение.

Он опёрся руками о внутреннюю поверхность тоннеля и стал слушать. Странно, но сегодня дыра вроде как умолкла... она по-прежнему звучала детскими голосами, но отдалёнными, приглушёнными. Значило ли это, что ему придётся ползти дальше, чтобы достигнуть обратной стороны тоннеля?

Что его ждёт на этот раз? С каждым разом поход становился опаснее, поэтому Генри ничего хорошего от этого путешествия не ждал. Более того: от него требовалась собранность, как никогда. Он опять согласился стать зрителем в кровавом театре, как и хотел неведомый режиссёр. Генри надеялся – очень надеялся – на этот раз сыграть в постановке более значительную роль. В конце концов, может же зритель выскочить со своего ложа на сцену?.. Если он правильно понял, что очередной жертвой для битвы выбрана его соседка.

Он полез в дыру, думая о ней. Айлин занимала квартиру 303 задолго до того, как он въехал. Генри заприметил её в первый же день. Ещё скромно порадовался, что рядом будет жить симпатичная девушка. Она зашла к нему тем вечером – они представились друг другу, поговорили, Генри предложил бокал за новоселье. Потом она ушла... больше встреч у них не было. *Не срослось*, как сказала бы мать. Генри погрузился в себя, отстранившись от

докучающих ему людей стенами квартиры, а Айлин со своей стороны не предпринимала каких-либо попыток докопаться до него. Всё выглядело правильным и установившимся на веки вечные... Как оказалось, нет.

Свет, как всегда, появился внезапно – словно в глубине зажглась лампа мощного прожектора. Обычно Генри на мгновение замедлялся, увидев этот неестественно чистый свет, струящий тончайшие нити. Но на этот раз он прибавил скорости, отталкивая себя вперёд. Он боялся. Боялся, что в очередной раз останется в недотёпах и, найдя Айлин, увидит на её теле кровавое пятизначное число.

3

Сегодня было особенное утро. Воздух в доме был наэлектризован и наполнен ощущением надвигающегося Грандиозного. Айлин особенно остро чувствовала это сейчас, когда сидела на кровати и вяло следила за телешоу. Всё как всегда... и в то же время совсем не так. Стоит подольше вперить взгляд в жизнерадостного ведущего – и стены квартиры начинают сдвигаться за спиной, отнимая жизненное пространство дюйм за дюймом. Они душат её, хотят раздавить в своих силках. Кончилось тем, что Айлин в раздражении выключила телевизор и откинулась на спину. Хотя бы потолок не замышлял ничего против хозяйки.

На улице собирался дождь. Просто тихий дождь, без грома и ураганного ветра. Такая погода ей нравилась с детства. Нравился неторопливый стук миллионов капель и прозрачные лужи, с молчаливым достоинством распухающие на асфальте. Можно просто стоять у крыльца и подставлять лицо, не боясь, что тебя унесёт взбесившимся шквалом или испепелит молнией. Айлин до смерти боялась молний.

Но только ли это дождь? Щемящее чувство в груди говорило: нет, не только. Что-то должно было произойти, необычное, интересное... быть может, страшное. Она не имела ничего против с одним условием: чтобы ей не пришлось покидать свой спокойный приют. Звуки, которые донимали её, были сегодня такими чистыми и отливали звоном хрустальных шаров, что Айлин приходила в святой ужас при одной мысли, что они умолкнут. Ни за что.

В дверь позвонили. Подождали, позвонили ещё раз. Айлин заглянула в глазок. Фрэнк Сандерленд. Волосы всклокочены, спина ссутулена. Открывая дверь, она знала: произошло что-то ужасное.

– Добрый день, Фрэнк.

– Здравствуйте, мисс Гелвин, – Фрэнк замялся, переминаясь с ноги на ногу.
– Плохие новости.

– Да? – она нахмурилась, и сердце замерло смоляным кулаком. Плохие новости... для неё?

– Ричард умер, – сообщил Фрэнк. Она недоумённо кивнула, вспоминая всех Ричардов, которых знала. В университете был такой парень Рич... ещё педиатр из городской поликлиники... но зачем именно Фрэнку сообщать ей об этом?

И вдруг она поняла.

– Вы имеете в виду... Брейнтри?

Он кивнул:

– Да. Приехали полицейские. Сейчас они в его квартире. Мисс Раймонд слышала, как Ричард громко кричал под утро, и решила на всякий случай вызвать полицию.

– Что с ним?

– Увы, не знаю, – Фрэнк развёл руками. – Следователь отказывается говорить. Но дело явно плохо... Они наклеили жёлтую ленту на проём двери. Ну вы знаете, такая, им обозначают место преступления.

Она широко раскрыла глаза:

– Так его что, убили?

– Не знаю. Но очень похоже...

Айлин медленно кивнула. Ричард умер. Подумать только. А ей казалось, этот человек будет жить вечно. Даже когда она превратится в древнюю старуху, Ричард будет невозмутимо делать вечерний обход этажей. Брейнтри мало кто любил в доме, но лично к Айлин он относился неплохо. Умер. Убили. Ладонь неясного страха на шее.

– Я к вам вот по какому делу, – сказал Фрэнк, неловко отводя взгляд. Такого Айлин за управляющим раньше не замечала. – Я вам как-то говорил, эта соседняя квартира... Вы не замечали ничего странного вчера вечером? Генри – он не выходил?

– Вроде бы нет, но я не следила, – она осеклась. – Вы думаете, это сделал он? Генри?

– Нет-нет, вы меня не так поняли. Просто мы оба знаем, что в триста втором что-то неладно, и, может... – Фрэнк кашлянул. – Ничего особенного. Я размышляю, пытаюсь что-то понять.

– Лучше это предоставить полицейским.

– Наверное, – Фрэнк отступил назад от двери. – Спасибо вам, мисс Гелвин. И извините за глупое беспокойство. Делать мне совершенно нечего, вот и шатаюсь.

Айлин улыбнулась:

– Что вы, Фрэнк. Заходите почаще.

Когда Сандерленд ушёл, шаркая ногами, улыбка сползла с её лица. Она закрыла дверь и прислонилась спиной. В голове метались беспорядочные обрывки мыслей.

Ричард умер. Приехали полицейские.

Неужели это и есть то, чего она так ждала? Айлин знала, что нет. Но почему-то её не покидало ощущение, что смерть Брейнтри связана с предстоящим событием – может, даже его часть, предвестник. Но что это за событие такое, если у него такие предвестники?

Страшно.

И Фрэнк тоже такой непонятный... будто что-то знает, но не хочет говорить. Вернее, хочет, да не может. Потому-то он и приходил, верно? *Просто мы оба знаем, что в триста втором что-то неладно, и, может...*

Стекло оросилось первыми тяжёлыми каплями. Они разбились вдребезги, дробясь на сотни крохотных искр, слились вновь и торопливо потекли вниз тонкими струйками, изгибаясь и наклоняясь. Прошла минута, струи слились в прозрачную пелену, размывающую вид из окна. Первый дождь сухой осени – конец лесным пожарам, конец знойной засухе, которая царила на восточном побережье всё лето. Айлин смотрела и смотрела на замысловатую игру небесной воды, но успокоение не наступало. Дыхание стало неровным, сердце застучало быстрее. Кровь взбудоражилась, делая её квартиру тесной и блеклой.

Что со мной происходит?

Не успела Айлин найти ответ на этот ёмкий вопрос, как снова затрезвонил дверной звонок. На этот раз – громко и нетерпеливо.

4

Человек в промокшем от дождя синем плаще стоял у двери и нажимал на кнопку. Видимо, тихая трель по ту сторону двери его не удовлетворила, и он три раза размеренно постучал кулаком.

Тук. Тук. Тук.

Генри видел его косо со спины. Длинные волосы, обрамляющие лицо человека с двух сторон, не давали разглядеть его хорошо. Впрочем, он особо не пытался. Слишком велико было потрясение.

Придя в себя, Генри обнаружил под собой что-то тёплое и мягкое, как слой лесного мха. Но мох был почему-то влажным и красным, отдающим странным солоноватым запахом. Едва Генри понял, что это такое, он вскочил на ноги, словно его ошпарило кипятком.

Он увидел узкий коридор, кое-как освещённый чередой ламп на потолке. Впереди коридор поворачивал, но до поворота к стене были прилеплены две двери, которые показались ему очень знакомыми. Но главное было в самом коридоре – Генри с первого взгляда показалось, что лампы светят через красный абажур и потому всё здесь видится в кровавых оттенках. Увы, это было не так – он понял это уже на второй секунде.

Тук. Тук. Тук.

Человек постучал во второй раз с той же убийственной неспешностью. Его удлинённая тень падала на мясной пол. Мясо было на стенах, на потолке, оно проступало сквозь поры бетона, как некая буйная растительность. Но это была не растительность, а именно мясо – красное, источающее кровь при надавливании. Оно захватило коридор подобно раковой опухоли, разрастающейся на больном органе. Под весом Генри на полу расплылась лужа крови, выдавленной из пор.

Но самое страшное – чем бы ни была эта аномалия, она была *живой*. Красная поверхность постоянно шевелилась, вспучиваясь то тут, то там. Под покрытием словно шуровала бесчисленная армия червяков. Иногда на мясе появлялись волдыри, наполненные гноистой массой, потом они лопались,

окропляя окрестности серой соплевидной жидкостью. В этих местах мясо начало прорастать с удвоенной силой.

Организм. Большой живой организм, тупо завоёвывающий жизненное пространство. Других аналогий в задурманенную запахом крови голову Генри не пришло.

Человек в плаще будто и не замечал творящегося вокруг безумия. Он повернулся, двигаясь плавно, почти воздушно, и начал уходить в другой конец коридора – высокая худая фигура, молча удаляющаяся от Генри. Он вминал подошвами живую массу и смотрел вперёд, не оглядываясь по сторонам.

– Мама! – услышал Генри детский крик. – Мама,пусти меня! Мама!

Маленький мальчик в полосатой водолазке, такой безобидный и смертельно опасный, неистово колотил кулачками о ближайшую дверь. Голосок дрожал, угрожая перейти в истерический плач. Куда делось ледяное спокойствие, с которым он наблюдал за агонизирующим Брейнтри... Генри сжал кулаки.

Его нужно остановить.

Подкрасться сзади и наброситься, сжать в тисках объятия. Вряд ли мальчик успеет что-то предпринять. Он всего лишь ребёнок. Каким-то образом ему удалось затащить Ричарда на электрический стул, но он не сумеет отместить Генри, как пушинку.

Страх белой паутиной сковывал ноги. Генри подбирался к мальчику, не сводя глаз с затылка, с прямых каштановых волос. В конце концов, за этим он полез в этот ад, верно? Чтобы остановить маленького убийцу, не дать ему добраться до Айлин.

(а может, следующая жертва не она, а этот тип в плаще?)

Без разницы. Хотя Генри этот вариант ещё не рассматривал...

– Ну мама! Я хочу войти! Пожалуйста!

Мальчик явно был на грани. Генри подготовился к прыжку, уже уверенный в успехе атаки. Правда, он не очень отчётливо представлял, что последует после того, как парнишка окажется в его руках. Не станет же хладнокровно бить в лицо, приговаривая: «Вот тебе за Джаспера, а вот за Синтию». Он... ладно, видно будет.

На двери висела табличка 302.

Генри замер, приглушённо вскрикнув от удивления. Он не мог не вскрикнуть. Это была дверь его квартиры! Обложенная стенами, кишущими мясом, покрытая пылью и уродливыми трещинами – но она!

– Мам...

Мальчик мгновенно обернулся, глаза расширились. Генри увидел в них страх и недовольство. Но больше всего – недовольство. Он понял, что проиграл в очередной раз. Сейчас мальчик испепелит его на месте ударом молнии из глаз. Пепел разнесёт по коридору, прилепит к живым стенам.

Но мальчик поступил гораздо проще. Он исчез. Только что стоял полуобернувшись, заноса руку для очередного стука – и пропал. Генри лишь хлопнул глазами. Может, паренёк просто обманул его зрение, а на самом деле мчится прочь на всех парах?.. Он посмотрел по сторонам. Коридор оставался

пустым и мясистым, лампы – тусклыми и жёлтыми, а на двери висела белая табличка с тройкой цифр.

Как во сне, Генри дёрнул за ручку двери. Заперто. Он услышал, как там, на другой стороне, клацнула натянувшаяся цепь. Оно и понятно. Если бы цепей не было, он бы давно выбрался...

Выбрался куда? В этот покрытый неведомой инфекцией коридор?

Но если это – его квартира, то следующая в ряду должна быть квартира Айлин; как раз та, куда минуту назад стучался странный человек с длинными волосами. И этот фантазмагорический коридор – дом Генри, вернее, неудавшаяся его копия.

Генри пошёл вперёд, стараясь ступать легко, но кровь всё равно брызгала из-под ног на каждом шагу. Отвратительно. Если бы он не был закалён предыдущими вылазками в этот мир безумия, то вряд ли смог бы сделать даже один шаг.

На соседней двери действительно была табличка, и Генри несколько не удивился номеру на её поверхности: 303.

Квартира была заперта. Генри нарисовал в воображении, как Айлин смотрит в глазок, стучит ладонями о дверь, силится вырвать появившиеся многопудовые цепи и кричит, кричит... но потом он услышал, как внутри глухо стукнул засов замка, и облегчённо вздохнул. Никаких *цепей* не было. Квартира просто закрыта на замок, как и подобает поступить каждому благоразумному гражданину. Учитывая того типа, который ломался в дверь не столь давно, это было благоразумно вдвойне.

– Айлин? – неуверенно позвал Генри, постучавшись о дверь. – Вы там?

Он нажал на кнопку звонка. Тихо. Пара Таунсенд – Гелвин поменялась ролями в этом спектакле.

С ней... что-то произошло?

Нет, возразил Генри сам себе. Её просто там нет. Зачем ей быть в этом ужасном мире? Здесь только ты сам да человек в плаще, больше никого. Ну и слава Богу.

Он кивнул самому себе, ожидая взрыва облегчения. Взрыва не последовало. Генри по-прежнему стоял у наглухо закрытой двери с растущим, как моток колючей проволоки, беспокойством. Тут и там на стенах с ленивцей хлюпали лопающиеся волдыри.

Не верю.

Это было больше, чем просто интуиция; это была уверенность, подпитываемая неизвестным, но мощным источником. Генри *знал*, что Айлин там, за дверью – запертая, потерянная... бессильная. Хотя, может, сама не подозревает, что происходит. Но вскоре обязательно узнает – и тогда уже будет поздно. Если Генри до того времени не сможет с ней встретиться. А для этого нужно преодолеть эту тонкую перегородку. Генри навалился на дверь плечом:

– Айлин, откройте! Это я, Генри! Нам нужно поговорить!

Молчание. Дверь гордо возвышалась, превратившись в гранитный монолит. Генри растерянно посмотрел на замочную скважину рядом с ручкой двери. *Ключ.*

Если дверь закрыта, то её совсем не обязательно вышибать из петель. Можно просто открыть ключом. А ключ у самой Айлин, она внутри. Хотя, если подумать...

Генри направился в конец коридора. Когда очередной пузырь на мясном полу лопнул и мутные брызги попали на ботинок, он побежал.

5

Тук. Тук. Тук. Тяжёлые, выверенные звуки, пробирающие до костей. Как бой часового механизма, когда стрелки описывают полный круг. Айлин не хотела подходить. Мелькнула даже мысль уйти в спальню, засунуть голову под подушку и сделать вид, что она ничего не слышит, просто спит, и нет никакой странной музыки, стука в дверь (*Тук. Тук. Тук* – второй раз) и ужасного ощущения надвигающейся беды. Теперь она знала – что бы ни приближалось, оно несёт зло. Зло, боль... может, даже смерть.

Она подошла к двери и заглянула в глазок. В коридоре никого не было. Матовое стекло показывало лишь кусок коридора и стену напротив. Пустота.

Вот и хорошо.

В голове возникали пугающие вопросы: кто стучал? почему ушёл? куда? Айлин предпочла не отвечать на них, а пройти в кухню, сесть за столик. На краю скатерти стоял стакан с лимонным чаем, но сейчас ей пить не хотелось. Ей хотелось... сладкого.

Например, сахара, насыпанного в прозрачную сахарницу с узорами на стекле. Она набрала чайную ложку белых кристаллов и критически взвесила на ладони. Целое море углеводов, ночного кошмара всех девушек. Айлин всегда старалась не налегать на еду, следуя принципу: лучше недобрать, чем перебрать. Обычно у неё получалось. Но в дни полного затмения, когда так и хочется свернуться волчком и выть на луну – как, например, сегодня – желание ощутить на кончике языка щекочущую сладость перехлестывало через край, сметая волной все запреты и страх. Углеводы? Лишний вес? Целлюлит? Диабет?.. Бог мой, какая глупость. Ей это было *нужно*. Она поднесла ложку ко рту в нетерпеливом предвкушении.

Сладко, с восторгом думала она, когда сахар размокал на языке. *Сладко* – когда глотала получившуюся терпкую кашу, которая обжигала горло. На свете есть не только этот тихий, чересчур тихий дождь и странные стуки в дверь. Бог мудр, Он создал и более приятные вещи... например, сахар. Он возвращал её прямоком в детство, к вкусу обильно посыпанного сахарной пудрой торта, на котором горели пять жёлтых свеч и надпись банановым кремом: *С пятилетием, любимая Эли!* Ворох серпантин, радостные лица, волшебный, ни с чем не сравнимый вкус сахара во рту. Торта с шестью свечами она уже не видела. Некому было их ставить.

А теперь – завершающая процедура. Нужно тщательно собрать на кончике пальца остатки сахара на ложке и отправить в рот. Пожалуй, эта часть ритуала нравилась Айлин больше всего. Когда кладёшь первую порцию, знаешь, что на дне ложки ещё осталось немного сахара. А когда намазываешь на палец остатки кашицы и понимаешь, что это всё, это последнее – всё меняется, и кристаллы сверкают крахмальной белизной, и вкус становится лучше на порядок. Почему-то последний – всегда лучший.

Айлин медленно положила палец в рот, закрыв глаза. Ради этого мига всё и затевалось, не так ли? Когда ничто вокруг не имеет значения – ни гнетущее чувство ожидания, ни навязчивые звуки скрипки, ни Фрэнк Сандерленд, мнувшийся у порога её квартиры. Только этот миг сладости и горечь, остающаяся на языке после ласкающей нежности сахара. Почти рай...

Она сидела, откинувшись на спинку стула, пробуя палец на вкус, с взглядом, устремлённым в бесконечность, пока Таунсенд за дверью квартиры вновь и вновь звал её по имени.

6

Человек в плаще ушёл недалеко. Когда Генри после минутного сомнения всё-таки осмелился толкнуть дверь подъезда, поросшую слоем живого мяса (петли повернулись с раздрающим ухо рвущимся звуком), то увидел его сидящим на верхней ступеньке лестницы. Здесь крови и мяса было, слава Богу, поменьше, и металл выглядел из-под красной плесени. Но странным образом облегчения это не вызвало. Скорее тошноту – как будто смотришь на голые, торчащие наружу кости. Посоветовав себе не страдать всякой дрянью, Генри подошёл к человеку. Теперь он мог, наконец, разглядеть незнакомца более подробно. Высокий, болезненно худой (впрочем, худоба отчасти скрывалась под широкими полами плаща), с мокрыми волосами, слипшимися в пряди. Услышав шаги Генри, он обернулся и посмотрел на него. Лицо человека произвело на Таунсенда двойственное впечатление. С одной стороны, вроде бы умное, доброжелательное и волевое... а с другой – какое-то слишком невыразительное и спокойное, будто его обладатель нацепил на лицо недвижную маску с раз и навсегда вырезанным обликом. Генри увидел, что в руке человек держит пластмассовую куклу в синем ситцевом платице. Кукла покоилась на ладони, глядя на ржавый потолок пуговичными глазками. Человек отрешённо заговорил:

– Её дала мне мисс Гелвин. Много, много лет назад...

Спокойный, почти апатичный голос – тем не менее, отдающий бархатной мягкостью. Человек блаженно улыбнулся, заметив недоумение Генри:

– ... эту куклу. Она была так молода и счастлива, держалась за руку матери...

Другая его рука ласково теребила куклу за чёрные блестящие волосы. На синем ситце местами были видны прорехи. Генри нашёл в себе смелость спросить:

– Кто вы?

Человек проигнорировал вопрос. Он с любовью разглядывал своё сокровище, и голос становился всё тише, переходя на шёпот:

– Просто увидела меня и подарила... кукла была совсем новенькой... она и сейчас хорошо сохранилась...

Он замолчал, поднеся куклу вплотную к лицу. Так они и смотрели друг на друга – кукла на человека, человек на куклу, с каким-то доступным им самим безграничным взаимопониманием. Генри уже начал думать, что человек в плаще забыл о нём, как тот резко отвёл руку в сторону и положил куклу на ступеньку. И тяжело вздохнул, словно совершил нечто невыразимо трудное.

– На, бери, если хочешь... дарю тебе...

Он снова улыбнулся Генри странной полуопьянённой улыбкой и опустил голову. Генри не знал, что делать, что говорить. Казалось, любое слово в этой ситуации прозвучит по меньшей мере нелепо. Он перевёл взгляд на лежащую лицом вниз куклу. *Дарю тебе.* Он не был уверен, что ему нужен такой подарок. Человек был странным, и кукла тоже немало почерпнула от своего хозяина. Но он сделал вид, что наклонился и разглядывает куклу, чтобы не обидеть незнакомца. Тот сидел недвижно, свесив голову, и невнятно бормотал под носом:

– Так молода... и так радовалась жизни... просто держалась за руку матери...

Голос гипнотизировал, завораживая звуком, а не содержанием. Когда Генри надоело пялиться на бездушный кусок пластмассы, до него вдруг дошло, о ком говорит незнакомец.

Её дала мне мисс Гелвин. Много, много лет назад...

Айлин. Кажется, он лишь шевельнул губами. Человек опёрся ладонью о пол и начал вставать. Генри бросился к нему, с силой положил руку на плечо:

– Вы о ней, верно? Вы её знаете?

Человек кивнул и выпрямился, сразу оказавшись на голову выше Таунсенда. Возможно, это было лишь потому, что Генри стоял ступенькой ниже, но он всё равно чувствовал себя неудобно. Все вопросы испарились из головы, кроме главного:

– Она в опасности? Скажите...

Человек кивнул снова и ровно сказал:

– Мне нужно уходить.

– Как вы можете? – возмутился Генри. – Ей нужно помочь!

– Ничем не могу, – незнакомец сделал один шаг вверх. Генри едва не схватил его за рукав, но что-то удержало его от этого порыва:

– Там заперта дверь. Я не знаю, как её открыть. Может, вы сможете?

– Нет.

– Но я *видел*, как вы стучались к ней! – Генри почувствовал волну чёрного отчаяния и ненависти к этому сомнамбулическому типу. – Вы тоже шли к ней. Вы...

Иногда озарения приходят в те самые моменты, когда становится слишком поздно. Генри осёкся, моргнул. Кроваво-красные стены поплыли перед взором. Он непонимающе посмотрел на куклу, которая свесилась вниз со ступеньки, раскинув руки.

Боже.

Он посмотрел вверх. Человек исчез. Только что он стоял в двух шагах, а теперь его там не было. Генри взбежал вверх, чувствуя, как в висках стучит кровь. Открывая дверь подъезда, он уже знал, что коридор пуст. Мясо влажно поблескивало на стенах, но в нём не было ни души.

Проклиная всё на свете, Генри ринулся вниз, на первый этаж – вернее, во что он превратился. Кукла жалобно хрустнула, когда он случайно раздавил её ботинком. Пуговичный глаз выскочил из углубления и покатился прочь.

7

Застегнув «молнию», Айлин оценивающе оглядела своё отражение на зеркале. Вроде всё на месте, платье не жмёт, бретельки лежат удобно, но ей всё равно казалось, что она надела его криво. И стоит появиться в таком наряде на людях, как за спиной начнут указывать на неё пальцем и хихикать.

Это платье – бордового цвета, с открытой спиной, – она купила пару месяцев назад и поэтому ещё не успела износить. Сначала хотела надеть её на предотпускную корпоративную вечеринку, но решила, что спина всё-таки слишком открыта для офиса. Дальше удобных случаев продемонстрировать приобретение всё никак не выдавалось, и платье так и висело в шкафу, теряя лоск. Пока она пять минут назад не извлекла его и натянула на себя с маниакальной придирчивостью.

Если бы кто-нибудь спросил её, зачем она сделала это, то она пришла бы в замешательство. В самом деле, зачем? Полосатый топик был гораздо удобнее для домашнего наряда, да вечеринок никаких она сегодня не планировала. Мысль пришла спонтанно и показалась единственно верной – действительно, почему бы не покрутиться перед зеркалом в новом платье? Всё равно занять себя нечем, пусть хоть это...

А ещё она подумала – может, это меня отвлечёт. Сахар приютил её от бед этого мира надёжно, но ненадолго. И сейчас Айлин снова начинала чувствовать свою обречённость и незащищённость перед терроризирующими её странностями. Музыка звучала, дождь выводил симфонию на асфальте, в телевизоре мельтешили какие-то смазанные люди, и пальцы были ещё липкими от сахарной массы.

Что бы там ни было, желанного облегчения новый наряд не принёс. Только прибавилось раздражения и грызущего ощущения чего-то неправильного, режущего острыми углами её привычный быт.

Она легла на кровать, хоть в узком платье это и было немного неудобно. Нашарила пальцами розового плюшевого кролика у изголовья и подняла его над собой. Наклеенная широкая улыбка на морде зверька обычно понимала её настроение, но сегодня ей вдруг захотелось плакать при виде беззаботного Робби, которому наплевать на её проблемы, на эти ужасные чувства, доводящие до иступления.

Ах, Робби, Робби, даже ты меня покинул...

Айлин подбросила игрушку под потолок и встала, не пытаясь поймать. Кролик упал на подушку, комично задрал левую плюшевую лапу. Он указывал на неё. *Это она, ловите её! Разодрать на куски!* Того и гляди кровожадно подмигнёт. Айлин дрогнула и отвернулась.

Господи, лишь бы это случилось побыстрее, взмолилась она, слушая топот дождя на окне. *Что угодно, но пусть это произойдёт сейчас. Ещё час мучений я не выдержу.*

Она ужаснулась при этой мысли. Целый час. Шестьдесят минут, или три с половиной тысячи секунд. Когда каждая секунда растягивается до предела, разливаясь каплей пустоты, это было долго – слишком долго.

Сейчас.

В дверь постучали. В четвёртый раз за это утро. Айлин знала, что на Востоке четыре считается числом смерти. Облегчения это знание не принесло.

Тук. Тук. Тук. Громко и отчётливо. Даже когда звонил Фрэнк, звуки не были такими пугающе близкими. Нужно было открывать. А на ней было это ужасное платье цвета крови, к тому же сидящее не ахти как.

Айлин встала и подошла к двери. На мгновение ей послышалось, будто у соседней квартиры (*мы оба знаем, что в триста втором что-то неладно*) слышен детский крик: *Мама, открой, мамочка!* Потом это пропало, осталось только чьё-то дыхание прямо под глазком. Она нагнулась и посмотрела в круг стекла.

Мужчина с длинными мокрыми волосами смотрел прямо на неё сквозь глазок. Словно двери вовсе не было. Айлин дёрнула плечами, отгоняя наваждение, и громко спросила:

– Кто там?

Голос звучал испуганно. Мужчина, казалось, не размыкал губ, но тем не менее голос звучал, на удивление приятный:

– Мисс Гелвин? Откройте. У меня к вам дело.

Дело. Айлин задумалась. Человек знал её по фамилии. Он казался вполне благообразным. На улице стоял считай что день, и стоило ей закричать, как сбежались бы все соседи. Опять же, у квартиры Брейнтри дежурят полицейские...

Даже если бы не было всего этого, она не сомневалась, что всё равно открыла бы дверь. Потому что чувствовала – вот оно, то, чего она ждала всё утро, всю неделю, пока слышала этот невозможный звук. Возможно, даже всю жизнь.

Она открыла дверь.

В это самое время на первом этаже Генри Таунсенд с остервенением раскидывал связки ключей, висящие на стенде в квартире 105. Здесь жил Фрэнк Сандерленд, управляющий, и у него были ключи от всех дверей. Другое дело, что ни Фрэнка, ни кого-либо другого в этом, «мясном» доме не было. Зато были ключи, были дурно пахнущие и шевелящиеся стены квартиры, и

была красная коробка, из которой шёл такой отвратительный запах, что Генри обошёл её стороной за десять шагов.

По закону подлости, нужный ключ отыскался одним из последних. 204. 106. 301. 202. И наконец, 303.

Когда Генри, ободрённый успехом, выходил из квартиры управляющего, сверху донёсся женский крик.

9

Он опоздал.

Генри знал это уже в тот момент, когда вставлял ключ в замочную скважину. Под дверью были чьи-то грязные отпечатки подошв. За дверью по-прежнему была тишина, но немного другая... мёртвая.

Раздался щелчок. Дверь открылась, представив взору прихожую, пол которой был измазан в крови. Красные потёки на электрическом свете отливали приторной маслянистостью. Не желая верить, Генри сделал шаг вперёд. И увидел всё.

Она лежала навзничь на полу, лицом вниз. Жуткое видение – ему показалось, что всё тело Айлин представляет собой сплошной кровавый саван... но нет, слава Богу, это было лишь платье багрового цвета с открытым вырезом на спине. Раньше Генри это платье не видел.

Она силилась поднять голову, но лица её Генри не мог видеть – лишь затылок со слипшимися кровью чёрными волосами. И её спину, белую, с россыпью родинок, с прочерченными алыми бороздами. Они образовывали надпись 20121.

Мальчик возвышался над девушкой, как судия и палач в едином лице, со своим ничего не выражающим лицом. Он смотрел на неё, и она тоже смотрела на него... во всяком, случае, старалась. Она поднимала голову навстречу этому маленькому чудовищу, тратя последние силы.

– Эй, малыш... ты всё ещё здесь... спасибо...

Прерывистые слова, прерывистое дыхание, прерывистая картина, которая грозит обвалиться кусками мозаики. Генри качнуло на месте. Горло сдавила судорога.

– Ты нашёл... свою маму? – спросила Айлин мальчика в отчаянной попытке улыбнуться. Тот не шевельнулся, хмуро изучая умирающую девушку. – Но всё равно... уходи отсюда...

Она закашлялась, голова стукнулась о пол.

– Здесь... опасно... скорее...

Кашель умолк, унося с собою дыхание. Она застыла в странной, невозможной позе – будто от кого-то убегая и в то же время всеми жилами тела стремясь к мальчику. Протянутые вперёд кисти разжались. Ногти были цвета крови.

Мальчик поднял взгляд, посмотрел на Генри. Торжество. *Снова опоздал, большой парень? А я нет...* За его спиной виднелся стол с опрокинутыми

стаканчиками и сахарницей. Сахар рассыпался по полу, кое-где смешавшись с кровью.

Ты.

Генри сделал шаг вперёд. Он не знал, что намеревается делать – может, задушить этого демона в обличье невинности, может, поднять Айлин, унести её отсюда... пусть она не дышит, но всё равно унести... Но ноги подкосились, и он почувствовал отчаяние – никогда, нигде не получается сделать то, что нужно...

Он упал на колени, потом на четвереньки. Не мог иначе – комната заходила ходуном, пол накренился в стороны вместе с мальчиком и Айлин. Генри глухо застонал, чувствуя, как мозг пожирает изнутри красный огонь.

10

Он пробудился с чувством излечения от долгой, изнурительной болезни, что раньше на пути были колючие кусты и шиповники, но теперь всё будет хорошо – и жар, и лихорадка позади. Ложь, как всегда. Но он продолжал лежать, не желая вспугнуть эту иллюзию умиротворения, и наблюдал за застывшими лопастями на потолке.

Сирена ревела за окном, постепенно растворяясь в гуле машин. Её звук покрывал шелест дождевых капель, бьющихся о стекло. Дождь шёл всю ночь и продолжал идти. Уже не благословенная прохлада и не те стеснительные капли, а унылый бесцветный поток, превращающий улицы в болотную топь. Впрочем, его это не касается. Его дело – лежать, просто лежать. Не лазить в дыры, не делать глупых попыток спасти людей от неизбежного.

Впрочем, нет. Он нахмурился. Что не так? Почему глаз сам собою цепляется за эти надоевшие до смерти серые лопасти? Вроде бы всё, как всегда...

Лопасты не двигались. Вентилятор прекратил работу.

Генри приподнялся на локтях. В чём дело? В его доме вырубили электричество для полного счастья?

Какая... разница?

Но он всё-таки встал и щелкнул тумблёром светильника. Свет не зажёгся. Отлично...

Он вышел из спальни. В коридоре стояла полная тишина. Ни едва слышного гудения вентилятора, ни рокота холодильника. Даже со стороны соседей сверху и снизу ничего не доносится.словно все спят или уехали... Совершенно ничего.

Генри посмотрел на дверь ванной. И, не отдавая себе отчёта в том, что делает, открыл её.

Почти вся стена рядом с унитазом была раздроблена в пыль. Остатки зеркала отлепились от кафеля и лежали в раковине, разломанные на куски. Из ванны ёёпо-прежнему исходила вонь, но Генри на этот раз не стал отдёргивать ширму. Он смотрел на круглое отверстие на стене. Совершенная форма, которой могли бы позавидовать чертёжники... но за ним была лишь окаменевшая штукатурка. Туннель пропал, словно кто-то старательно залил

его известью. Не было потусторонних голосов и пугающего холода. Остался лишь голый контур.

Аккуратно закрыв дверь, Генри прошёл в кухню. Цепи были на месте, ломая его последнюю надежду... и было что-то ещё: вентилятор здесь не просто перестал вращаться, а сорвался с потолка и плюхнулся прямо на столик. Из раздавленного пульта от телевизора выглядывали разноцветные проводки. По лаку пошла паутина трещин. Одна из лопастей оторвалась и валялась на полу.

В квартире вдруг стало тяжело дышать. Генри подошёл к окну и мгновение смотрел на целое озеро разноцветных зонтов, проплывающих внизу. Словно почувствовав его внимание, дождь удвоил усилия, выводя целую симфонию на поверхности стекла.

Генри размахнулся и ударил кулаком по окну. Боли почти не было, и он решил, почему бы не повторить простое действие. Он бил и бил по невозмутимой тверди, стирая костяшки пальцев в кровь, и не мог остановиться. Он ждал боли, он жаждал боли, которая затуманила бы разум, скрыла за своей пеленой всё остальное, прожигающее его изнутри. Восьмой день длилось его заточение, и Генри явственно ощущал, как пришёл к самому краю безумия. Квартира заперта. Последняя связь, напоминание, что он всё ещё в прежнем мире, обрушилась вместе с вентилятором. Дыра закрыта. Айлин умерла. Умерли *все*. Остался только он, ни на что не годный, обречённый стать немым свидетелем. Так хотел Бог, чтоб его. Так хотел Бог...

Тяжело дыша, он остановился. Снаружи по окну стекала вода, изнутри – кровь. Люди, которые куда-то спешили под струёй дождя, ничего не заметили. Наверное, они не повели бы ухом, если весь этот дом исчез с лица земли.

Генри закрыл лицо ладонью и сполз на пол. Кровь закапала на джинсы, но он не обращал внимания. Он проиграл. Оставалось только рвать волосы на голове и рыдать, проклиная Всевышнего, что ниспослал ему всё это, но он лишь сидел, опёршись спиной о подоконник, и видел пульсирующий свет на днище глаз. Он никогда не плакал.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ПО СПИРАЛИ ВНИЗ

Глава 1 На тропу войны

1

Дело, которое поначалу казалось детективу Эвори Прайсу таким интересным и многообещающим (он даже надеялся благодаря ему взлететь на ступеньку-другую по карьерной лестнице), нравилось ему всё меньше с каждой секундой. И на то были причины.

Во-первых, дело оказалось стойким «висяком». Убийца действовал настолько умело и скрытно, что не оставлял после себя никаких зацепок. Ни

отпечатков пальцев, ни следов ботинка, ни малейшего волоска. Было бы за что ухватиться, Прайс мёртвой хваткой вцепился бы в это и тянул к себе, пока не размотал весь клубок. За это его ценили в управлении, пророчили большое будущее. Но схватиться было не за что. Казалось бы, после таких топорных убийств должна остаться целая плеяда улик, но эксперты лишь уныло качали головой.

Во-вторых, всё неслось слишком быстро. Прайс никогда не имел дело с таким расторопным маньяком – сегодня резня в Эшфилде, завтра где-то у черта на куличиках в Сайлент Хилле, послезавтра снова в Эшфилде. Горы трупов с вырезанными на теле цифрами – обычные, ничем не связанные между собой люди. Прайс изучил за последние дни до мельчайших подробностей нашумевшее дело Уолтера Салливана, и мог сказать одно: подражатель, кем бы он ни был, копировал почерк кумира с завидным рвением. Чёрт возьми, он был даже лучше, чем сам Салливан. Того-то поймали, потому что он действовал спонтанно, почти не скрываясь... а здесь – чёрт знает что.

В-третьих, Прайс просто не любил чувствовать себя дураком. А меж тем именно это он сейчас и ощущал. А как иначе себя обзывать, если очередная выходка маньяка произошла прямо под носом, на другом крыле здания, и ты даже ухом не повёл? Когда ему сообщили о нападении на женщину из квартиры 303, Прайс едва не лишился чувств. Был бы рядом стул, он немедленно присел.

– Скорая уже едет, – доверительно сообщил сержант Рейнольдс, разглядывая побледневшего начальника. – Сейчас с ней наш медэксперт, оказывает первую помощь.

– Когда это случилось? – спросил Прайс, лихорадочно соображая, что делать дальше, чтобы удержать голову на плечах.

– Минут пять назад, не больше. Сосед с 301-й выносил мусор и увидел приоткрытую дверь....

– Что насчёт выходов из здания?

– У парадного и чёрного выходов дежурят наши люди.

– Я иду в квартиру 303, – Прайс схватил пиджак, висящий в гардеробе у входа. – Здесь ничего не трогать, я ещё не закончил осмотр.

– Как скажете, шеф.

Смачно матерясь про себя, Прайс выскочил из осиротевшей 207-й и зашагал по коридору. Тусклое жёлтое освещение действовало угнетающе. Прайс отметил это, когда зашёл в первый раз. Сейчас неприятное ощущение пробирало до того, что он скрипнул зубами.

Плакала моя голова, подумал он обречённо. Вряд ли его похвалят за такую явную халатность. Если женщина умрёт... что ж, вместо наград придётся считать синяки. Он вздохнул. Одно радовало – теперь он знал: девять к десяти, что убийца живёт здесь, в этом доме. Совершить очередное убийство, когда в соседнем крыле шурует отряд полицейских – не самая хорошая идея, но Прайс мог понять мотивы безумца. Это был вызов – мол, давайте, делайте что хотите, меня всё равно не вычислить. Сукин сын сильно ошибался насчёт этого, но,

ей-богу, он подарил-таки Прайсу несколько седых волос. И вполне возможно, что подарит ещё.

На лестничной площадке старик с метлой подметал пол. Увидев Прайса, он почтительно выпрямился и притеснился к стене, уступая дорогу. Прайс вспомнил, что он представился ему здешним управляющим Фрэнком Сандерлендом. Значит, сейчас последуют вопросы...

– Куда-то спешите, детектив?

– Да, – взгляд Прайса быстро метнулся в его сторону и обежал с головы до ног, прежде чем Сандерленд даже заметил, что его пристально изучают. – Извините, мне нужно идти.

– Да-да, конечно, – Сандерленд закивал. Прайс прошествовал мимо. Странно, управляющий мог бы услышать крики женщины, без криков наверняка не обошлось. Да и соседи не поголовно глухие... Добротная почва, слишком добротная. Лезли ассоциации с мировым заговором и сектами, члены которых покрывали друг друга до последнего под жесточайшими пытками. Мысли плохо пахивали и не укладывались в голову, но в них что-то было.

Вот, скажем, последнее убийство. Человек попросту изжарен у себя в постели. Ток был не такой сильный, чтобы вызвать мгновенную смерть – жертва должна была хотя бы пару минут оставаться в сознании и кричать, кричать не переставая. Если не весь дом, то восточное крыло переполошилось бы точно. Но все жильцы в один голос утверждают, что ничего такого не видели и не слышали. Самое главное, что вроде бы и не врут. Поневоле задумаешься...

Прайс поднялся на третий этаж. Наверху, воздух был теплее и в чём-то неприятнее. Как в пыльных чердаках, куда десятилетиями не ступает нога человека. Он скользнул взглядом по белой табличке на двери. 304. Значит, следующая...

Когда он открыл дверь, сердце на мгновение остановилось. Он застыл на пороге, сжимая дверную ручку, которая стала скользкой и масляной.

Боже... как мы такое допустили?

Медэксперт, молодой парень в очках с роговой оправой, невозмутимо сидел рядом с лежащей на полу навзничь женщиной и что-то вводил ей в вену. Прайс завороченно наблюдал, как поршень впрыскивает жидкость, делая розоватый столбец всё короче.

– Что здесь, чёрт побери, произошло? – тихо взорвался он, когда инъекция кончилась. Медэксперт пожал плечами:

– Множественные ранения, удары тупым предметом. Сломаны несколько костей, повреждён глаз, кровоизлияние в мозг. Вот всё, что я знаю.

– Будет жить? – Прайс посмотрел на женщину. Лица её он не видел, да и не был уверен, что хочет. Вполне хватало взгляда на её спину и стены гостиной, размазанные в крови.

Медэксперт лениво убрал шприц в полиэтиленовый пакет:

– Не уверен.

– Что, так и будет лежать? – удивился Прайс.

– Есть вариант лучше? – усмехнулся парень, стягивая резиновые перчатки с рук. – Одно неосторожное шевеление, и мы можем с ней прощаться. Подождём санитаров. Моё дело – мертвяки.

– Ладно, ладно, – всё-таки Прайсу казалось неправильным, что раненая будет ещё десять минут валяться на полу, как неразделанная туша. Но раз они ничего не смогут поделать...

Он тщательно оглядел гостиную, стараясь подметить детали, пока горячо. Как бы ювелирно ни работал убийца, на этот раз остаться чистым будет сложно. В том, что это именно он, Прайс не сомневался – цифры на спине жертвы, обрамлённые запекающейся кровью, красноречиво в этом убеждали. 20121. Ещё одна белиберда с непостижимым смыслом.

Опрокинутая сахарница... Разбитая фарфоровая чашка... Телевизор включён, и на экране до сих пор разглагольствует какой-то политик. Женщина мирно обедала, ни о чём не подозревая. И тут появился маньяк. Она егопустила. Он принялся за неё сразу, иначе дело произошло бы в не в прихожей. Значит, она знала его. Прайс удовлетворённо кивнул. Ещё один аргумент в пользу того, что убийца живёт в этом странном домишко.

Внизу загорланила сирена, и Прайс подошёл к окну. Белый фургон с мигалкой стремительно выруливал к дому. На противоположном крыле какая-то девочка у окна зачарованно наблюдала за выстроившейся у подъезда кавалькадой машин – полиция, «скорая», экспертиза... Хороший денёк, одним словом.

В ожидании санитаров Прайс прошёл в спальню. Уют и порядок, контрастирующие с кровавыми декорациями у входа. Кровать была аккуратно заправлена. На изголовье, указывая лапкой вперёд, сидел розовый плюшевый кролик с улыбкой до ушей. Прайс поднял его и задумчиво повертел в руке. Кажется, такие игрушки он видел на какой-то распродаже. Так или иначе, кролик был единственным домашним любимцем хозяйки. Но он её не спас от «плохого человека».

В прихожей зашумели. Прайс вздрогнул, положил кролика на место и вышел из спальни. Санитары уже толпились вокруг женщины, разворачивая носилки.

– Детектив Прайс, – представился он в ответ на вопросительные взгляды. – Пожалуйста, не наступайте на кровь, это может помешать следствию.

– Как скажете, шеф, – буднично отозвался санитар. Прайс не был уверен, что он вообще услышал его слова.

– Взяли...

Прайсу показалось, что девушка (увидев лицо, он понял, что жертва очень молода, не больше двадцати пяти лет) чуть слышно охнула, когда её подняли и положили на носилки. Капельница, возвышающаяся над изголовьем, закачалась. Санитары действовали быстро, негромко перебрасываясь словами, понятными только им самим. Несколько шумных секунд, и процессия пропала в коридоре, унося с собою «мисс 20121».

– Куда они её забрали? – машинально спросил Прайс у медэксперта, сосредоточенно меряющего рулеткой в углу.

– В госпиталь Святого Джерома, наверное. Ближе больниц нет.

– Ага...

Место, где минуту назад лежала девушка, расплылось кровавой лужей. Чёрт возьми, как всё-таки много крови... Вряд ли она выживет, но если это всё-таки случится, свободному разгулу маньяка придёт конец. На этот раз блистательный неуправляемый совершил ошибку.

– Скоро закончишь? – спросил он у медэксперта.

– Минут пятнадцать, не больше. Последние замеры, фотографирование...

– Хорошо, – Прайс снова подошёл к окну, сосчитал окна на том крыле и понял, что с допросами дело затянется до глубокой ночи. Зато у них будет кой-какая общая картина. И, самое главное, круг подозреваемых.

– Всё сделано, шеф.

– А? – Прайс обернулся и увидел сержанта Рейнольдса, с интересом заглядывающего в квартиру. При виде прихожей, окропленной кровью, по жизнерадостному лицу сержанта пробежала тень:

– Люди выставлены у всех вылазок из здания. Вряд ли он успел так быстро... Так что он здесь, и никуда не денется.

– Да, я видел, – Прайс сцепил пальцы. – Нам предстоит горячий вечерок.

Рейнольдс вошёл в прихожую на цыпочках, чтобы не испачкать ботинки:

– Так они забрали её в госпиталь Святого Джерома?

– Да, – Прайс невольно взглянул на опустевший пол. – Надеюсь, она придёт в сознание.

– На её спине тоже были цифры, – задумчиво сказал Рейнольдс, глядя на останки разрушенного уюта. Прайс предпочёл отмалчиваться. – Напрашивается заголовок: «Дело Уолтера Салливана, раунд третий». Газетчики будут в восторге.

Прайс никоим образом не разделял этот восторг. Что он сейчас чувствовал – затаившуюся, набирающую обороты злобу на ублюдка, и безмерную усталость, лежащую грузом на плечах.

– Вряд ли, – возразил он, обколотившись о подоконник. – Тот, кто стоял за «вторым раундом», так и не был схвачен. Скорее всего, это тот же самый... хотя, конечно, я не стану клясться на Библии.

Безуспешно пошарив взглядом по окровавленному полу в поисках следов, Рейнольдс покачал головой. На его широком лице появилось странное выражение, которое Прайс не смог понять. Наконец сержант сказал:

– Чёрт возьми, иногда мне кажется, что за всеми «раундами» этого треклятого дела стоит один и тот же мерзавец.

Прайс сокрушённо вздохнул. Он, конечно, и раньше слышал подобные бредни. Уолтер Салливан не был обычным маньяком, его похождения в своё время потрясли весь штат, сделав убийцу чем-то вроде местной достопримечательности. Как и всякая легенда, он был окружён байками грошовой цены. Ходила устойчивая страшилка, что на самом деле Салливан не умер, а фальсифицировал свою кончину, и за «вторым раундом», последовавшей по истечении нескольких лет после его самоубийства, стоит он сам, вернувшийся к любимому ремеслу. Прайс ещё мог терпеть такие сплетни

в курилке полицейского участка, но если это говорит тебе твой помощник на месте преступления...

– Что за хрень ты несёшь? – раздражённо спросил он. – Салливан мёртв, как полено. Я лично изучал обстоятельства его смерти. Он действительно перерезал себе глотку в тюремной камере. В вещдоках есть даже ложка, которым он сделал это. Я думал, хотя бы ты не подвержен этим байкам.

– Я и не говорю, что Салливан жив, – Рейнольдс тяжело повернулся и пошёл к выходу. Кажется, слова Прайса задели его за живое. – Просто мне кажется, скажем так, странным, что наш виртуозный подражатель не совершает ошибок. Что твой бесплотный призрак...

– Призрак? – Прайс фыркнул. – Нужно читать поменьше книжек на ночь, сержант.

– Я просто сказал, и всё, – Рейнольдс вышел в коридор, не оборачиваясь. – Ладно, пойду проведу своих. А не то эти оболтусы заснут у дверей.

– Я вот что скажу, – Прайс вышел из квартиры следом за помощником. – Какой бы призрак ни варил эту кашу, он сейчас находится в этом доме. И от нас требуется его найти. Откровенно говоря, думаю, даже самый страшный призрак в мире будет приятнее этого выродка.

2

Женщину доставили в отделение интенсивной терапии в три пополудни. Обычно в это время от вереницы привозимых в госпиталь жертв катастроф и несчастных случаев не бывало передышки. Но сегодня кандидатов на скорое обретение вечного покоя было на удивление мало. Несколько переломов ребер, одна закрытая травма черепа – вот и всё. Сестра Оуэнс была этому рада. С неё хватило за девять лет работы в госпитале Святого Джерома крови и пациентов, умирающих на глазах. Каждый более-менее спокойный день казался божьим подарком.

Но когда часы забили три, Бог передумал делать подарок. Санитары со свойственной им неторопливой быстротой несли носилки по коридору. У сестры Оуэнс защемило сердце. Судя по озабоченному лицу несущих и белому покрывалу, на котором темнели уродливые багровые пятна, случай был не из лёгких.

– Что произошло? – отрывисто спросила она, ловко пристраиваясь между дюжими спинами санитаров. Ещё одна привычка, приобретённая годами.

– Предкомагиозное состояние, острая анемия второй степени, – отозвался кто-то за спиной. Сестра Оуэнс не обернулась: она наспех изучала показания приборов у изголовья и нашла, что ситуация не так уж и безнадежна. Сердце женщины на носилках билось слабо, но ровно, а угрожающе низкое давление было естественным следствием потери крови. Она на ходу откинула простыню и нахмурилась:

– Нападение?

– Да, мэм. Из Южного Эшфилда. У неё ещё на спине вырезанные цифры...

– Вот чёрт, – процедила сестра Оуэнс. Разом вспомнились заголовки последних газет и вечерние новости. По телевизору всегда кажется, что кошмар происходит где-то далеко, чуть ли не в другом измерении. Другое дело, когда вдруг осознаёшь – вот оно, у тебя перед глазами... Она шумно выдохнула:

– Сюда, направо. Эта секция свободна.

Пока санитары клали женщину на операционный стол, сестра Оуэнс двинулась было к выходу, чтобы позвать врача, но тут он появился сам – доктор Хэнсон с блестящей на макушке залысиной, натягивающий перчатки на пухлые пальцы. Увидев его, сестра Оуэнс окончательно успокоилась. Доктор Хэнсон считался в госпитале одним из лучших, и она спокойно могла доверить жизнь пациентки в его толстые, но такие умелые пальцы.

– Сюда, доктор...

Яркий окварцованный свет ударил в лицо женщины, но она не шелохнулась. Доктор Хэнсон не стал ничего спрашивать – с его опытом достаточно было одного взгляда, чтобы уразуметь, что случилось. Дальнейшее уже решал он сам. Операция началась.

– Анестезия...

В этот раз всё кончилось быстро и без крови – внутренние органы не были повреждены, дело обошлось без глубокого хирургического вмешательства. Однако сотрясение мозга было, и с этим ничего нельзя было поделать. Кривые электроэнцефалограммы иногда начинали плясать, как зайчики на лунной полянке, а порой вытягивались в зловещую почти прямую линию. Сестре это не понравилось. Сколько она видела людей, старых и молодых, неделями лежавших недвижно, не подавая признаков жизни. Они не умирали только потому, что в вену вовремя вкалывали питательные вещества. Люди постепенно иссыхали, превращаясь в живые мумии, и в один не очень прекрасный день их сердце переставало биться. Без никакой видимой причины. Почти безвыходное положение, худшее из уготованных для человека... Сестре было жаль искалеченную молодую девушку с неизвестным для неё прошлым и нежизнеутверждающим будущим. Как всегда она делала в такие моменты, она неслышно помолилась Господу, что зрит над всем, во спасение этой цветущей жизни.

– Сломанные кости зафиксировать, наложить гипс, – распорядился доктор Хэнсон, отходя от стола. – Ближайшее время она будет в коме. Сестра Оуэнс, думаю, вы знаете, что делать.

– Да, доктор, – она подошла к операционному столу. Яркие лампы выключили, и кожа женщины казалась не такой мертвенно-синей. Но и без того она была очень бледна. Сестре показалось, её веки неуловимо дрогнули. Скорее всего, только показалось... в подобном состоянии это было редкостью. Кома – не сон, проявления жизнедеятельности в ней сводились до минимума.

Наложение гипса заняло не больше десяти минут. Уж в чём-чём, а в этом сестре Оуэнс не было равных. Закончив работу, она огляделась.

– Дэнни! – окликнула она долговязого парня в белом халате, который проходил мимо. – Помоги отвезти её в палату.

Дэнни замялся, посмотрел по сторонам:

– Вообще-то, мне нужно...

– Ну всё, всё, Дэнни, потом успеешь. Пошли.

Они с усилием покатали операционный стол по коридору. Дэнни держался с видной неохотой, небрежно проталкивая стол перед собой. Впрочем, когда они вошли в служебный лифт и сестра Оуэнс нажала на кнопку второго этажа, он взглянул на лицо женщины и присвистнул:

– Кто это её так?

– Уолтер Салливан, – ответила сестра Оуэнс. Откровенно говоря, она не думала, что в кругозор рыжеволосого аспиранта распространяется так далеко, но, видимо, телевизор Дэнни всё же смотрел.

– Всё шутите, мисс Оуэнс?

– Меньше всего сейчас я настроена шутить с тобой.

– Надо же, – Дэнни снова всмотрелся в лицо женщины, на этот раз со сдерживаемым любопытством. Ещё один пример, когда разбивается кинескоп и новости втекают в твою жизнь, подумала сестра Оуэнс и толкнула стол вперёд:

– Идём. Уже приехали.

Дэнни молча подчинился, не переставая пожирать жертву взглядом. Сестра Оуэнс вздохнула. Сегодня вечером весь персонал будет разглядывать девушку, как некое диковинное зверье.

Они свернули к тринадцатой палате – первые двенадцать оказались заняты. Да уж, девушке выдался неудачный день, вплоть до номера палаты. Пока Дэнни перекладывал её на койку, сестра Оуэнс занималась включением приборов и думала о том, сколько ещё этому извергу разгуливать на свободе. Кажется, девушка стала четвёртой по счёту его жертвой... *новой* жертвой. Газетные статьи не без злорадства сообщали, что общее число трупов с пятизначными цифрами на спине давно перевалило за десяток. Сначала сам легендарный псих Уолтер Салливан, за ним его не менее безумные подражатели. Хоть убей, сестра Оуэнс не могла взять в голову, каким нужно быть нечеловеком, чтобы убивать людей просто потому, что так когда-то делал другой сумасшедший.

На электронном табло у изголовья койки появились зелёные циферки. Состояние пациентки стабилизировалось, насколько это было сейчас возможно. Сестра вздохнула:

– Ладно, Дэнни, можешь идти. Дальше я сама.

– Ага, конечно, – Дэнни кивнул, но энтузиазма в голосе не было. Пару секунд аспирант потоптался у выхода из палаты, и лишь после выразительного взгляда, которым его наградила сестра Оуэнс, поплёлся обратно по пустому коридору. Шаги гулко отражались от стен.

Собственно, самой сестре тоже больше здесь было делать нечего. Если состояние девушки ухудшится, приборы возвестят дежурного врача, и здесь тут же появится целая армия сиделок. Старшая сестра отдела интенсивной терапии будет в этой компании явно лишней. Но она всё-таки задержалась на пару минут. Убеждала себя, что всего лишь поправляет трубочки и проводки,

но на самом деле с растущим беспокойством чего-то ждала... чего-то, выходящего за рамки обыденного.

Ничего не происходило. Пациентка лежала в коме, гипс на её руке успел затвердеть белой массой. Посиневшие веки плотно сомкнуты. В палате стояло лишь тихое жужжание электроники и мерный писк осциллографа.

– Ладно, – прошептала сестра Оуэнс и направилась к выходу. Ей нужно быть внизу. С минуту на минуту могут привезти кого-то в не менее тяжёлом состоянии.

... но у выхода она вдруг ощутила – скорее интуитивно – слабое шевеление за спиной. И обернулась.

Пациентка заворочалась. Сухие губы дрогнули, глазные яблоки под веками задёргались. На мгновение сестре Оуэнс показалось, что ещё секунда, и она очнётся, откроет глаза, спросит, где она находится и что произошло. Но губы девушки испустили слабый свистящий вздох, и судорожные движения прекратились. Как будто ничего и не было.

Показалось, что ли...

Качнув головой, сестра Оуэнс вышла из палаты и поспешно зашагала к лифту. Почему-то ноги сами несли её всё быстрее, хотя ничего страшного не произошло. Подумаешь, необычная активность во время комы. В её практике и не такое бывало.

Но всё-таки, всё-таки...

Нужно будет за ней присматривать, решила сестра. Не стоит доверять её молодым девкам, что ухаживают за пациентами второго этажа. И, удовлетворённая решением, она с силой нажала на кнопку вызова лифта.

3

Жил-был в обычном американском городке обычный человек. Звали его Генри. Жизнь Генри была тиха и безмятежна, как небо без облаков. Ну, справедливости ради стоит сказать, что иногда его одолевали непонятные головные боли и кошмары про мёртвую мать, которая взывала к нему из своей могилы в Милфорде, но Генри стоически справлялся с этим и продолжал затворническую жизнь. Но вот незадача – однажды утром он обнаружил, что заперт в своей квартире, и единственный выход через дыру в ванной ведёт в некий безумный мир, где немыслимым образом сплелись явь и сон. В этом мире умирали люди, умирали по-настоящему, и он мог быть там лишь наблюдателем, не в силах кого-либо спасти. Генри это сводило с ума, он всё больше погружался в чёрную тину отчаяния. И настал день, когда он понял, что дошёл до низшей точки своей жизни – когда воздух, проникающий в лёгкие, разрывает бронхи, звуки деру уши, а свет выкалывает глаза. Ужасно, но во всём этом было одно хорошее: он достиг предельной низины, и дальше волей-неволей Генри оставалось только всплывать вверх. Что он и сделал. Первый звонок надежды раздался, когда он пытался заснуть, сидя на кресле, и его била лихорадочная дрожь, и он не догадывался о том, что через минуту ему суждено стать Преемником Мудрости.

Сон не приходил. Генри отрешённо ждал, когда отключится сознание, но по прошествии часа, или двух, или пяти до него начало доходить понимание: сна не будет. Не будет больше милостивой темноты, забвения и временного прощенья. Это был приговор, вынесенный для него.

Тихо. Тихо. Тихо. Не журчит вода, не переговариваются соседи, даже дождь перестал идти. Молчит холодильник. Молчит вентилятор. Не бьётся сердце. Не течёт кровь. Генри подумал о том, чтобы встать и перерезать себе вены, чтобы убедиться – кровь там действительно холодная и чёрная. Но это было бы безумием. А безумным он себя не ощущал, несмотря ни на что.

Тишина. Мёртвая тишина. Сон не приходит. Ветер треплет ветви деревьев. Жёлтые листья тоннами слетают на асфальт. Генри видел это с закрытыми глазами – точная копия ветреного дня, когда он ворвался в дом детства, запыхавшийся, в грязной одежде, с угасающей надеждой, что успеет.

Безмолвие нарушилось. Звук был совсем негромким, но всё-таки был, и Генри его услышал. Есть звук – значит, Вселенная ещё не мертва. Он открыл глаза.

Гостиная была пепельно-серой в пасмурном свете. Шорох раздавался со стороны двери, и, приглядевшись, Генри увидел, как в щель под дверью, обвешанной цепями, что-то пролезает. Что-то плоское и прямоугольное. Лист бумаги?..

Он встал, не чувствуя тела. Действительно листок, вырванный из блокнота. Он имел режущий глаза красный цвет, и синие чернила на нём казались чёрными. Листок окончательно пролез внутрь и застрял у косяка. Ступая как можно тише, Генри подкрался к двери и приложился к глазку. Но ничего там не увидел, кроме знакомых ладошек на стене. Если кто-то и был, то быстренько ушёл.

Ну и что это значит?..

Генри взял листок. Строк было мало. Округлый каллиграфический почерк выдавал, что автору послания не впервой записывать текст на блокноте.

Теперь ты провёл в его мире достаточно времени, чтобы понять, что он из себя представляет. Это мир кровавого кошмара, целиком находящийся в его власти. Но для тебя... и для других его жертв... это больше, чем просто кошмар. Одно неверное движение, одна нерешительность, и ты будешь убит.

Генри перестал читать. Глазок невозмутимо смотрел на него, как объектив телекамеры. Он отвернулся от его липкого взора и пошёл к окну, где больше света. Красный листок, казалось, светился изнутри матовым огнём.

Скорее всего, он так или так убьёт тебя. Он слишком могущественен в своём мире... Но я хочу тебе сказать: не теряй надежды. Я долгое время изучал его, и теперь знаю ненамного меньше, чем он сам. Вряд ли эти знания помогут мне выжить, но тебе... может быть.

Запомни: двери с символом культа. Они есть везде в его владениях, но хорошо спрятаны. Уж не знаю, почему именно «Нимб Солнца» он выбрал для их обозначения, но, попав на обратную сторону таких дверей, ты вырвешься из плена той части мира, в котором ты находишься.

Даже у окна глазок буравил спину калёной спицей. Он нервно оглянулся. Как будто кто-то стоит там, за дверью, и следит, как он читает записку. Конечно, это невозможно – глазок предназначен, чтобы смотреть из квартиры, а не из коридора. Но всё-таки...

Путь будет всё время вести тебя вниз. Тебе придётся пройти через все его извращённые фантазии и увидеть воочию, насколько больным может быть человек. Если тебе повезёт, когда-нибудь ты достигнешь дна всей этой мерзости: самой сокровенной, глубинной точки мира, им выстроенного. И ты найдёшь там истину. Ту самую, что поможет тебе остаться в живых.

Начало этой дороги находится в кладовке. Когда-то я замуровал вторую дыру, находящуюся там. Боялся, что через неё он сможет достать меня даже в квартире. Глупец – я надеялся, что буду укрываться вечно в своей квартире. Но одну хорошую службу это сослужило... возможно, он забыл об этой дыре и оставил её открытой. Через неё ты войдёшь в его мир в последний раз. Дальше всё зависит от тебя самого.

Взгляд Генри переметнулся на дверь кладовки – узкую, стоящую боком к нему. И провалился он на месте, если не почувствовал в этот миг знакомый адский холод, веющий из-за фанерной перегородки.

Помни, что бы ни случилось... он не Бог, хоть могущество его в том мире не знает предела. Он всего лишь человек. И этим всё сказано.

Джозеф.

Послание заканчивалось крючковой подписью с длинным хвостиком. Генри прочитал имя ещё раз в надежде, что в памяти что-то всплывёт. В жизни он встречался с двумя, от силы с тремя Джозефами, и все они остались в далёком прошлом. Имя для него было просто именем.

Слова, нацарапанные на бумаге, были слишком ёмкими, чтобы пытаться разобраться в них с разбегу. Так что Генри до поры до времени оставил попытки понять, о каких таких дверях идёт речь и почему, собственно, он должен быть убит (но как ни крути, от этих строк пробирала холодная дрожь). Первое, за что следовало ухватиться – кладовка. И замурованная там дыра. Если верить автору, ванная комната была не единственным выходом из этой ловушки.

С каждым шагом ближе к кладовке Генри явственнее чувствовал возрастающий холод, от которого коченели пальцы. Как только он раньше не замечал? Или холода раньше не было, а появился он в тот момент, когда он

прочитал записку? Холод нахлынивал волнами, и, находясь в шаге от заветной двери, Генри различил *там* далёкий щебет детских голосов. Тот самый...

Он открыл дверь и несколько секунд отупело разглядывал тесное помещение, пожёывая губы. Кладовка оставалась совершенно обычной. Никакой дыры. Только сломанная сушилка в углу, ящик с инструментами да полки со всяким хламом. Давно он здесь не убирался.

Генри ждал. Пара секунд, и привычный вид станет зыбким, размоется, обнажив на стене оскал дыры. Но время шло, а чуда не было. Едкая пыль, разлетевшаяся от дуновения двери, снова улеглась на пол. Загадочный Джозеф ошибся, или солгал, или и то и другое. Генри почувствовал, как губы сами растягиваются в нехорошей усмешке. Чёрт возьми, иначе и не могло быть. Уолтер Джозеф Салливан – не таково ли твоё полное имя, малыш? Если так, то это была хорошая шутка.

Он закрыл дверь нарочито аккуратно, комкая клочок красной бумаги в другой руке. Можно будет спустить в унитаз, или разрезать на ленты красного серпантина. Генри решил, что так он и сделает. Спешить всё равно некуда.

Но, возвращаясь на кресло, он всё-таки не удержался и ещё раз украдкой посмотрел на смятую записку.

Начало этой дороги находится в кладовке.

Не верилось, что послание, такое доброжелательное и вселяющее луч надежды, не более чем издёвка. Может, он что-то проглядел. Что-то очень важное...

Начало этой дороги находится в кладовке. Когда-то я замуровал вторую дыру, находящуюся там.

Генри остановился, впившись глазами в строку. Буквы радостно запрыгали, ликуя, что до него наконец дошло.

– Вот чёрт, – тихо выругался Таунсенд и стремглав кинулся обратно. Более сдерживаться не было сил.

Дыра была замурована!.. Джозеф спрятал его, а он, тупица, хотел, чтобы ему не только разжевали еду, но и положили в рот. Подняв ещё один пыльный мятеж, Генри ворвался в кладовку и во все глаза уставился на противоположную стену. На этот раз он увидел то, что нужно. А именно – маленькую, с волосок толщиной трещинку, которая бежала по бетону. Генри не знал, был ли он здесь все два года или появился на днях. В кладовку он заходил редко. Но трещина была...

Генри открыл ящик с инструментами и схватился за молоток – впрочем, тут же с проклятием отбросил, увидев, что у того нет наконечника. Зато в углу кладовки обнаружился небольшой ломик, которым он в первый день заточения пытался выбить окно. Недолго думая, Генри взял лом в руки, оценивающе взвесил и размахнулся. Действовал быстро, не давая мыслям растекаться по древу и вселять сомнение. Чем быстрее, тем...

Ломик глухо звякнул, ударившись о бетон. Заныли пальцы, но стена на первый взгляд осталась прежней – такой же меланхолично-целой, как стекло окна. Но только на первый взгляд. Трещина на бетоне чуть вытянулась в длину, пустила тончайшие отростки в стороны.

Второй удар сделал отrostки более различимыми, а после третьего трещина выросла почти вдвое. На четвёртом ударе стена развалилась; неровный зияющий провал появился в самом её центре. Голоса детей хлынули в кладовку, заставляя содрогаться кости. Они были громче, как никогда.

Генри продолжал усиленно махать ломиком, и успокоился, только когда дыра обрела былой идеально круглый вид. Она была шире на три-четыре дюйма, чем её подруга в ванной. Вдоль края дыры шёл странный узор, напоминающий орнамент. И внутри был не цемент, не штукатурка, а холодное ничто, заманивающее к себе. Генри поймал себя на том, что уже неосознанно приближается к дыре, признавая её власть, готовый сделать всё, что прикажут голоса. Опомившись, он выпустил ломик из рук и молнией выскочил из кладовки. Зовущие голоса проникали даже за закрытую дверь, но здесь они были тише.

Итак, вот она – ещё один путь в кошмар, почти было потерянный, но воскресший воистину волшебным образом. Джозеф. Генри понятия не имел, что это за человек, но, судя по всему, он был на его стороне. И он хотел, чтобы Генри вернулся в дыру. Он говорил, что это его единственный шанс. Минуту назад, не видя другого выхода, Генри был с ним согласен. Сейчас, когда дыра стала доступной – только пожелай, и ты вырвешься из темницы номер 302 – он не был в этом так убеждён. В конце концов, он клялся никогда больше не залезать в дыры. Синтия, Джаспер, ДеСальво, Ричард, Айлин... кто дальше?

Я. Вспышка выродилась в мысль, мысль стала уверенностью. Уверенность влекла за собой страх. Таунсенд вспомнил сон про последнего человека на земле, его мучительную, не поддающуюся описаниям кончину. Притягательность дыры померкла в его глазах.

Скорее всего, он так или так убьёт тебя. Констатация, отдающая математической стройностью. Генри опёрся локтём о поверхность стола. Нет, он сейчас не готов войти в дыру. Что, если там в самом начале пути его будет ждать армия тех собак? Выпотрошить их голыми руками?.. Смотрите сегодня вечером – супергерой Генри с лёгкостью справится с ордой дьявольских созданий.

Лучше подождать. Дыра никуда не денется...

... или денется?

... возможно, он забыл об этой дыре, и оставил её открытой.

Но ведь Генри нашёл дыру. Нашёл – и открыл. О ком бы ни говорил загадочный Джозеф, если он настолько властен, то тоже может в любой момент узнать о дыре и закрыть её. Живое доказательство висело на стене ванной. Значит, каждая минута промедления может стоить головы. Если не хуже...

Одно неверное движение, одна нерешительность, и ты будешь убит.

Будешь убит.

Убит.

Взявшись за ручку двери, Генри оглянулся и обвёл квартиру взглядом. Несмотря на события последних дней, на неискушённый взор здесь ничего не изменилось. Если не считать отсутствия света и обвалившегося вентилятора, гостиная сохранилась отменно, и мягкое кресло напротив телевизора по-прежнему призывало к раздумьям на мягком лоне. Фотографии на стенах – лучшие снимки, сделанные Генри, и пара фотокарточек прошлых лет: Генри на своём первом уроке в школе, он же в бакалаврской шапочке с кисточкой. На полках шкафа плотными рядами толпились книги, к которым он так и не притронулся за два года проживания в квартире 302. Наверняка на переплётах скопились килограммы пыли.

Это была моя квартира, с грустью подумал Генри. Место, где он надеялся обрести прибежище от остального мира и спасение от бурного прошлого, когда он полосовал карту Америки красными линиями автострад. Генри действительно любил своё тихое обиталище, как только человек может любить свой дом. Это *была* его квартира... сейчас она переменилась, находясь в чьей-то невидимой кровавой власти, как всё, что его окружало. Как сам Генри.

И теперь он собрался уйти от неё. На этот раз – надолго. Возможно, даже навсегда. Снова чёрный провал дыры, откуда доносится шёпот мёртвых.

Генри метнул холодный взгляд на дверь выхода, увешанную цепями. Вот оно перед ним – его проклятие, разметавшее на осколки маленькое счастье. Генри откуда-то знал, что если ему суждено выбраться из чёрного туннеля, ведущего вглубь стены, то цепи уже не будут ему преградой. Все замки когда-либо ржавеют, обращаются в железную пыль, со звоном проваливаются вниз. Хотелось надеяться, что ему повезёт и он станет свидетелем этого великого мига.

Но до этого было далеко. Сейчас его ждала темнота.

Он открыл дверь кладовки. Ресницы тут же окропились инеем, и дыхание начало выходить из носа сизыми клубами пара. Из дыры нёсся не просто холод, а лютый мороз, пробирающий до мозга костей. Словно кто-то пытался запугать Таунсенда, заставляя его отступить.

На этот раз у тебя не выйдет, отрешённо подумал Генри, ставя локти на край туннеля, где разграничивались свет и тьма. Детские голоса попеременно со зловещим шёпотом забивали уши. Он залез в дыру и начал ползти на четвереньках, стараясь ни о чём не думать. Свет кладовки исчез позади, но впереди простиралась та же всепоглощающая тьма. Как змея, выпускающая ядовитое жало, появилась мысль, что это ловушка, на этот раз не будет никакого выхода из туннеля и ему предстоит вечно проталкивать своё тело в этой холодной трущобе. Но огонь паники не успел разрастись – свет, вспыхнувший мощным прожектором далеко впереди, развеял сомнения. Генри пополз быстрее, всем телом, всей душой чувствуя необратимость момента. Искрящееся море света быстро приближалось, заливая стены туннеля, и Генри с почти эйфорическим облегчением предался его ледяной приветливости.

Пробуждение было жутким. Отвратительные чавкающие звуки раздавались прямо над головой вкупе с чьим-то тяжёлым сиплым дыханием. Неестественно мощный свет бил в глаза, ослепляя сквозь сомкнутые веки. Генри рывком сел, сбрасывая оковы холода на суставах. В первые секунды всё вокруг казалось подёрнутым плёнкой вуали. Когда в глазах прояснилось, он увидел ножки металлических столов, отливающие стальным блеском.

Где я?

Странные звуки продолжались. Они шли из-за тонкой зелёной ширмы. За ширмой светила яркая лампа, источающая лучи с ядовито-зелёным оттенком (такой свет вселял в Генри священный ужас со времён первого посещения стоматологического кресла). И в этом сиянии на ширму отбрасывалась тень – чёткий силуэт человека, склонившегося над чем-то бесформенным, сжимающего в руке... нож? Нет, скорее, скальпель. Напоминало операцию или вскрытие, но слыша шумное прерывистое дыхание «хирурга» и видя тень сладострастно трясущихся рук, Генри в этом засомневался.

Хрум. Он с трудом сдержал вскрик, когда человек за ширмой поднял свободную левую руку и резко погрузил её в то, что лежало перед ним. Опять влажное чавканье, и на ширму брызнула кровь, осевшая чёрными точками. Господи, что он делает?..

Человек повернул голову к Генри. Теперь он видел силуэт «хирурга» не в профиль, а спереди. Что-то показалось ему знакомым в этих прямых волосах, падающих на плечи, но мысли в голове упрямо не хотели шевелиться. Впрочем, «хирург» помог в этом деле, сорвав ширму одним движением руки.

Синий плащ человека был весь в тёмно-бурых брызгах – от полы до ворота. Кровь попала и на лицо, странно спокойное и безмятежное. «Хирург» смотрел на Генри почти доброжелательно, лишь плотно сжатая линия губ выдавала в нём раздражение. Человек, который стучался к Айлин за минуту до кровавой расправы. Он же и указывал на её окно из квартиры Ричарда. Два человека с любопытством смотрели друг на друга несколько секунд, прежде чем взгляд Генри украдкой не скользнул на то, над чем работал «хирург». Вот тогда он не выдержал и прижал ладонь ко рту, сглотнув слюну.

На металлическом столе лежал труп. То, что это труп, не вызывало сомнений, стоило посмотреть за зияющую рану на голом животе. Женщина с длинными волосами, вся белая и бесцветная, словно из неё высосали все краски. Хотя, может быть, так казалось из-за чересчур яркого света. Кровь на животе шла алыми струями, образуя перекрестья сеток. Под столом скопилась порядочная лужица красной жидкости. Нечто розовое и бесформенное распласталось на краю стола. Генри догадался, что до недавнего времени это «что-то» находилось *в ней*.

Он снова посмотрел на «хирурга» в немом ужасе, не в силах вымолвить ни слова. В ответ тот сделал вкрадчивый шаг вперёд, торжественно поднимая окровавленный скальпель. Подошвы ботинок оставляли на полу чёткий багровый след. Как тогда, в метро...

Здравствуй, Генри. Я ждал тебя – ты как раз успел на новую операцию...

Отталкиваясь негнущимися руками от пола, Генри отползал назад, уходя от «хирурга» и его скальпеля, купающегося в красных потёках. Что-то в глазах человека мешало ему закричать, сказать, чтобы тот остановился и не валял дурака. Он бы не остановился.

Расстояние между ними уменьшалось, и на лице «хирурга» проступала ухмылка, обнажающая ряды крепких белых зубов. Лишь когда их разделяла пара футов, Генри догадался подняться на ноги. Человек остановился, не без интереса наблюдая, как Таунсенд спешно встаёт, стараясь не зацепиться одеревеневшими ногами о нагромождение коек. Едва почувствовав под ногами опору, он не оглядываясь бросился к выходу. «Хирург» проводил его тем же праздно-заинтересованным взором, пока не хлопнула дверь.

Оказавшись за дверью, Генри не стал обольщаться и без остановки побежал дальше, не в силах думать ни о чём, кроме страшного «хирурга», его мускулистых рук, испачканных в крови. Он ждал, что вот-вот за спиной закрипит открываемая дверь и безумец начнёт свою погоню. Этого пока не происходило, но Генри это успокаивало мало. Свернув в какое-то ответвление, он задёргал за дверь на его конце. Заперто. Генри схватился за боковую дверь, выкрашенную в тёмно-зелёный цвет. Тоже заперто. Что за чертовщина?..

Он оглянулся, восстанавливая дыхание, и внимательнее рассмотрел место, в котором очутился. Просторный холл, пускающий щупальца коридорчиков и проходов во все стороны, освещался ордой ламп дневного света. Лампы чуть слышно гудели. В воздухе витал тяжёлый запах формальдегида – этот аромат мог так остро чувствоваться только в одном месте.

Генри ждал, скрывшись за углом, когда появится преследователь. Чёткого плана действий не было. Надежды остаться незамеченным в тени мало, так что оставалось только вступить в борьбу. Генри осмотрелся в поисках чего-нибудь, что могло в этом деле пригодиться, но кроме куч какого-то тряпья на полу ничего не нашёл.

Прошла минута. Холл оставался тихим, стены подрагивали под ярким освещением. Никто не появился.

Генри позволил себе немного расслабиться и вышел в холл, нервно осматривая помещение. Место было ему незнакомо, но без сомнения здесь располагалась больница. То есть когда-то располагалась... сейчас здесь царила та же окостенелость и разруха, что и в метро. Некогда стерильный холл при ближайшем рассмотрении оказался завален грязью – это подчёркивал люминесцентный свет, давящий на глаза. Обрывки тканей, пустые шприцы с малоприятным содержимым, какие-то жёлтые листы документов застилали пол. Для оплота чистоты, коим должна была бы быть больница, это смотрелось издевательски.

Что делать теперь?

Взгляд Генри невольно вернулся к двери, из-за которой он выскочил, уверенный, что человек в плаще сейчас полоснёт скальпелем по его шее. Дверь оставалась глухой и немой, как и всё убранство это более чем странной

больницы. Тишина пульсировала в ушах ватным комком, нарушая стрекот ламп.

Нужно было выбираться. Повторного свидания со странным «хирургом» Генри не жаждал. Он выискал большую дверь, ведущую, судя по всему, на улицу. Но почему-то ни радости, ни хотя бы облегчения не ощутил. Что-то подсказывало – дверь ему ничем не поможет, и красная табличка с надписью «ВЫХОД» над ней не более чем очередная циничная ложь.

Так и вышло. Дверь была заперта. Она сидела в проёме как влитая и не сдвигалась ни на дюйм, несмотря на усилия Генри. Всё равно что стараться открыть дверь, нарисованную злым шутником на каменной стене. После пятой попытки Генри понял, что на этом поприще ему ничего не светит, и потерял к двери интерес. Горький опыт подсказывал, что если двери отказываются открываться, то можешь хоть до потери сознания бесноваться над ними, а толку не будет.

«Хирург» по-прежнему не спешил показываться. Может, ему просто показалось спросонья? Внезапное пробуждение, яркий свет, усталый рассудок... Генри криво усмехнулся краем губ. Как бы не так.

Лампа на дальнем углу холла мигнула, испустила разочарованное шипение и погасла. Стало темнее – свет уже не резал глаза. Для Генри это стало знаком, что глупо ждать перемен в лучшую сторону, стоя бревном. Он открыл ближайшую дверь с тревожной зелёной краской, готовый отскочить в сторону при малейшей угрозе. После того, что он насмотрелся при пробуждении, рефлексy натянулись до предела.

– Есть кто-ни... – он одёрнул себя, заставив заткнуться. Что за глупость, неужели он надеется встретить в этом мёртвом месте нормальных людей?.. Мёртвых – может быть. Собак с языками-жалами – как ни прискорбно. Типов, кромсающих с бессмысленным упоением женские трупы – да. Но людей...

В палате – или что это тут – было торжество хаоса. Массивные шкафы, прислонённые к стенам, были распахнуты настежь, а содержимое разворошено по всему полу, как внутренности. Бессметное число ампул, аптечек, жгутов и бинтов – всё смешалось и почернело, став единой невнятной кашцей. На низких столиках лежали грязные медицинские халаты, забрызганные кровью. В довершение картины у противоположной стены Генри увидел странную металлическую конструкцию, похожую на гамак или качели. Провода тянулись от крюка на потолке, и прикреплённая к ним стальная доска качалась в воздухе с тихим, но крайне раздражающим поскрипыванием. На доске валялись отрубленные конечности – с первого раза Генри увидел их именно так, в мгновение ока покрывшись солёным потом. Но всё-таки это были не настоящие руки и ноги, а бутафория из серой пластмассы, как манекены. Генри не стал гадать, кому понадобилось вешать в больнице эту сюрреалистическую конструкцию, просто захлопнул дверь. Попал не по адресу, что называется...

На следующей двери висела табличка, буквы на которой расплылись до нечитабельности: «СЕСТРИНСКАЯ». Генри открыл дверь без энтузиазма, готовый ужаснуться и пройти дальше. Но за этой дверью не оказалось никаких

признаков содома. Сестринская была небольшой каморкой, обставленной просто и с каким-то даже уютом. Вешалка у входа пустовала. Белый экран на стене был увешан рентгенограммами и фотографиями. На столике рядом с бумагами стояла кофеварка, наполненная до половины, и компьютер с принтером. Белую поверхность электроники успели изъесть безобразные коричневые пятна.

Генри взял со стола несколько листов. Ничего интересного в историях болезни он не увидел (зубы сводило от взгляда на записи *поступил – лечился – выписался*, или *поступил – критическое состояние – умер*), зато на каждом листе была гербовая печать с названием больницы. ГОСПИТАЛЬ СВЯТОГО ДЖЕРОМА, ЮЖНЫЙ ЭШФИЛД. Несколько раз Генри проезжал мимо двухэтажного госпиталя на маршрутке. На здоровье последние два года он не жаловался, так что ему ещё не доводилось увидеть госпиталь Святого Джерома изнутри. Видимо, судьба решила, что это неправильно, и предоставила ему этот шанс. Генри не собирался сказать ей за это спасибо. Он в недоумении перечитал синюю кальку на бумаге. Почему он именно здесь, а не в другом месте?.. Какой смысл?

С другой стороны, зачем искать смысл? Он мог с таким же успехом проснуться в отеле «Южный Эшфилд», или в лесах Сайлент Хилла, или на краю Вселенной.

Когда Генри возвращал бумаги на место, его внимание привлекла оранжевая рукоятка, выглядывающая из-под кипы бюллетеней. Такой же ножичек для резки бумаг хранился дома в ящике стола. Генри взял нож и повернул лезвие, подставляя его под свет лампы. Хотя и короткое, но наточенное. За неимением лучшего приходилось брать. По крайней мере, при встрече с горе-хирургом он будет не на таких плачевных условиях – острое против острого.

С отвращением посмотрев на загустевшее кофе, слипшееся в комки, Генри пошёл к выходу. Когда он коснулся двери, чтобы открыть её, он вдруг почувствовал у себя на спине пронзительный взор чужих глаз. Ощущение было таким острым и внезапным, что в первую секунду казалось – его ударили в спину, подкравшись из угла кабинета. Генри мгновенно оглянулся, но ничего не увидел – тот же стол с испорченным кофе, те же листы с печатями, которые в разрушенном госпитале ничего не значили, и белый экран, увешанный фотографиями. Но ощущение, что кто-то с отчаянной мольбой смотрел ему в спину, не исчезало. С неприятным шевелением в животе Генри сделал шаг в центр комнаты. Ничего. Лампа трещала, искрясь зеленью. В комнате спрятаться было негде.

Ничего не понимая, Генри крепче взялся за нож. Он был уверен в реальности глаз, которые секунду назад буравили его насквозь. Это не могла быть иллюзия, ощущения слишком сильные... Но где тогда?

Взгляд остановился на экране с рентгенограммами. Подложка излучала мягкий матовый свет, просвечивая карточки насквозь. Что-то показалось Таунсенду знакомым в этом ворохе, и он подошёл ближе.

А. Гелвин.

Несколько секунд он рассматривал надпись чёрным маркером в углу одной из фотокарточек, потом посмотрел на лицо, запечатлённое на бумаге. Глаза закрыты, на щеках и шее багровые кровоподтёки. Левый глаз закрывала полоска пластыри, а веко на правом распухло и посинело.

Она мертва.

Генри посмотрел на другие карточки. Это кто-то другой, тоже не тот... А вот эта рентгенограмма... Генри наклонился так, что едва не касался лицом поверхности экрана. Да, это она, Айлин. Отпечатанные на нижней строке инициалы А. Г. подтвердили его уверенность.

Но ведь у мёртвых не снимают рентгенограмму. Может быть...

Генри выпрямился, осторожно снял первое фото с экрана. Он рассмотрел лицо Айлин ещё раз. Боже мой, что он с ней сделал... Но она была жива. Генри не мог сказать, с чего это взял, но он знал, что будь Айлин действительно мертва, на фото всё выглядело бы иначе. Страшнее во сто крат.

Айлин... Ноги внезапно отказали, и Генри обколотился спиной об экран, закрыв глаза. Вспомнился вой сирены, который уходил вдаль, за горизонт, когда он просыпался. Конечно – это была сирена «скорой», врачи увезли её в больницу, в госпиталь Святого Джерома, чтобы спасти ей жизнь. Айлин не умерла. На этот раз дело убийцы осталось незавершённым. Огонёк радости, зародившийся в сердце, погас под ледяным душем, когда Генри понял, почему он здесь находится. Этот госпиталь. Этот призрачный зелёный свет, эти пустые коридоры. И человек в синем плаще, забрызганном кровью.

Он хотел закончить неудавшееся дело. И хотел, чтобы Генри в этом присутствовал, беспомощно наблюдал уже второй раз, как убьют Айлин.

– Чёрт, – шипло прошептал Генри. Рука сжалась, сминая фотокарточку. Острый край больно врезался в ладонь. – Чёрт, чёрт, чёрт.

6

Апатия исчезла. Голова прояснилась и заработала с лихорадочной быстротой, делая цвета вокруг ярче. Генри с остервенением скидывал на пол одну бумагу за другой, проходясь беглым взором по выцветшим заголовкам. Не то. Не то. Не то. Где-то в этом ворохе должна была быть история болезни Айлин. Если только он снова не ошибся и она жива...

Он не ошибся. На этот раз – не ошибся. С торжествующим возгласом Генри поднёс к глазам невзрачный серый листок. Почерк был торопливый, но мягкий и округлый, что выдавало в писавшем женщину – скорее всего, медсестру.

Айлин ГЕЛВИН (2-й этаж, палата 13), доставлена в реанимационное отделение в 15.00 в тяжёлом состоянии. Множественные ушибы вследствие ударов тупым твёрдым предметом (предположительно палкой), закрытый перелом левой руки, закрытый перелом левой голени, сотрясение мозга (возможно кровоизлияние в мозг). После операции впала в коматозное состояние, регулярно нарушаемое психической активностью неизвестной природы. Прогноз неопределённый, продолжать наблюдение.

Генри снова оглянулся на экран, выискивая там что-то ещё, что уверило бы в том, что Айлин жива. Вместо этого за освещённым прямоугольником ему почудилась изломанная тень человека в плаще, заносящего свой скальпель. Заносящего над Айлин, которая лежала недвижно с закрытыми глазами в палате 13 этого фальшивого госпиталя.

Едва не вышибив дверь с петель, Генри вырвался в коридор, где уснули вечным сном ещё две лампы. Тени стали гуще, и резкий запах формальдегида жёг ноздри. Генри увидел лифт в десяти шагах и торопливо зашагал к нему. *Второй этаж, тринадцатая палата*, повторял он про себя, страшась, что забудет нехитрый адрес. *Второй этаж, номер тринадцать...*

Он нажал на кнопку вызова лифта. В шахте что-то зашумело, лязгая металлом. Через секунду звук захлебнулся, издав душераздирающий скрежет. Двери с соскобленной краской раздвинулись, обнажая чёрный прямоугольник шахты. Вместо кабины лифта перед Генри были ржавые шестерёнки и валы, предпринимающие ленивые попытки закрутиться, но что-то их удерживало, и они неизменно возвращались в прежнее положение. Генри растерянно задрал голову. Лифт висел заколоченной коробкой двадцатью футами выше, не подавая признаков жизни. Генри нажал на кнопку ещё раз. Новый визг. Крупная шестерёнка внизу решительно завертелась, выдала сноп синих искр и разочарованно умолкла. Лифт не шелохнулся.

Чертыхнувшись, Генри отступил назад. К счастью, долго искать дверь на лестничную площадку не пришлось – она находилась рядом, на расстоянии вытянутой руки. Прежде чем Генри успел скрыться за ней, тишину холла нарушил скрип двери... той самой, где находился «хирург» со своей мёртвой пациенткой.

Кровь застыла замороженным желе. Не мигая, Генри смотрел, как неестественно высокая тень идёт к нему, волоча длинные ноги. Пока только тень, но ещё пара шагов, и оно попадёт в зону света... Пока одно было ясно – это не человек в плаще. Слишком неуклюжая походка, и силуэт не тот. А вот...

– Дерьмо, – пролепетал Генри. Ругался он редко, но сейчас был один из подходящих случаев. Женщина огромного роста, с остатками изорванной одежды на теле, с зияющей окровавленной дырой на животе растянула губы в подобии приветственной ухмылки. Зелёный свет делал её эфемерной, чуть ли не мерцающей. Генри овладела уверенность, что стоит протереть глаза, и она исчезнет, как плохое видение. Что он и сделал. Мёртвая женщина продолжила путешествие к Таунсенду, не собираясь исчезать. Из раны на животе выглядывали серые сосиски кишков. Ухмылка стала шире, обнажая зубы до жёлтых корней. Волосы чёрной проволокой торчали за затылком.

– Стой, – прохрипел Генри не своим голосом, поднимая нож. Нож для резки бумаг – ну не смешно ли? Грозное оружие только подчёркивало его беспомощность перед лицом невозможного. Он сделал шаг назад, едва не свалившись в шахту лифта.

– Остановись!

Она не слышит, подумалось ему. *Не слышит, потому что... она мертва.* Руки начали дрожать, лезвие ножа затанцевало перед глазами. Если он сейчас же не возьмёт себя в руки, то окажется лёгкой добычей для этого чудовища. Генри сделал отступил ещё на шаг, выигрывая время. Дальше было уже некуда. В остановившихся глазах мёртвой женщины проскочило торжество. Или это из-за игры света и тени?

Смрадный запах исходил из разлагающегося тела, вызывая тошноту. Генри замер, занеся нож для удара, готовый к защите. Женщина тоже остановилась – казалось, она испытала некоторое колебание. Когда Генри осознал это, на него напало внезапное звенящее спокойствие. В последний раз судорожно дёрнувшись, пальцы стали твёрдыми и холодными. Напряжение, превращающее тело в гитарную струну, осталось, но страх потупился, как гвоздь, размазанный о чугунную поверхность.

Ну давай. Иди сюда.

Женщина топталась на месте, скалясь тупой усмешкой. Бретелька лифчика отслоилась; Генри с отвращением увидел её левый сосок, серый и вмявшийся внутрь. Из раны на животе продолжала сочиться кровь.

И тут Генри сделал то, что меньше всего от себя ожидал. Он сделал шаг, наступая вперёд. Сердце ёкнуло в сумасшедшем прыжке, стены госпиталя вспыхнули белым огнём, и он подумал: сейчас она набросится, не стерпит подобной наглости. И был безмерно удивлён, когда мёртвая женщина осадила назад, мелко потрясывая головой, как голодная волчица.

Ещё шаг. Она отступала.

Боисься?

Дверь с изображением человека, бегущего вверх по лестнице, оказалась в двух шагах справа. Не сводя глаз с противницы, Генри сместился в сторону двери. Замелькала надежда, что встреча окончится ничем, и они разойдутся «с миром» вопреки желаниям того, который это устроил – «хирурга» в синем плаще, что минуту назад глумился над её телом. Но тут проклятый механизм лифта выдал очередной лязг, сопровождаемый искрой огня, и Генри невольно скосил глаза в ту сторону. Всего лишь на долю секунды, но... Краем глаза он заметил, как мёртвая женщина с удивительной проворностью скользнула вперёд. Неуклюжий взмах ножом опоздал: лезвие лишь рассекло кожу на её переносице, вызвав жалкие капли чёрной крови. А уж потом ледяные пальцы с острыми ногтями сомкнулись на горле Таунсенда, погрузив его в пучину боли, оторвали от пола, вознесли вверх. Он замахал руками, ничего не видя, в надежде нащупать её лицо. Напрасно – мир заволочла серая пелена, и осталось лишь его собственное горло, пышущее огнём. Генри бессвязно прохрипел, задергал ногами. Пальцы женщины вжались удавкой. Теряя сознание, Генри поднял руку с ножом и полоснул им около своего горла, зацепив что-то мягкое, легко расходящееся под лезвием. Хватка тотчас ослабла, потом исчезла вовсе. Генри понял, что падает вниз. Низвержение длилось недолго и окончилось болезненным ударом о пол. Ничего не видя и не чувствуя, Генри тем не менее вскочил на ноги, как заведённый. Она была здесь, всё ещё живая своей неживой жизнью, всё ещё опасная и мечтающая вонзить ногти в его шею.

Женщина рассматривала свою кисть, на которой недосчиталась двух или трёх пальцев. Они бесформенными чёрными обрубками валялись на полу. Крови было мало, но в ходячем трупe чувствовалась растерянность. Не давая ей и себе времени опомниться, Генри сделал выпад ножом, целясь в горло. Она попыталась подставить локоть, в какой-то мере ей даже удалось отвести удар, но вряд ли она рассчитывала на такой исход: лезвие скользнуло от удара наверх и снова вонзилось ей в переносицу, на сей раз сминая хрящ, проходя дальше. Мягкий хруст заставил Генри поморщиться, но он не стал вынимать нож... напротив – надавил сильнее, погружая его в то, что осталось от мозгов чудовища. Не выдержав давления, тонкое лезвие переломалось. Генри отскочил в сторону, тяжело дыша, готовый к новому противостоянию. Но это было уже лишнее: мёртвая женщина мгновение стояла на месте, покачиваясь вперёд-назад, словно не веря тому, что сотворил с ней этот человек, потом кулем повалилась вперёд. Голова стукнулась глухо, как мешок с картофелинами. Руки дёрнулись в конвульсиях и замерли.

Убедившись, что угроза миновала, Генри прислонился к стене, потом сполз на пол. Чудовищный скачок адреналина оставил после себя зудящее жжение в суставах. В горло, казалось, запихнули горящую вату, пламя переливалось там всеми цветами радуги. Генри испугался, что не сможет дышать, но воздух продолжал накачивать лёгкие. Он посмотрел на свои руки, где осели капли стылой крови и чего-то ещё с противным серым оттенком. Недолго думая, Генри потёр руку о джинсы и перестал об этом заботиться.

Нельзя здесь долго оставаться. Даже в нынешнем разбитом состоянии Генри отдавал себе в этом отчёт. Ему нужно на второй этаж, отыскать там тринадцатую палату, не дать «хирургу» добраться до Айлин. Этот бой – отвлекающий маневр, чтобы задержать его, он здесь и так потерял слишком много времени... Бог мой, а что, если он уже *там*?

Он поднялся и прошёл в заветную дверь. Полутьма добралась и до лестничной площадки. Что ж, хотя бы нет этого мерзкого зелёного света. Обессиленно прислонившись к перилам, Генри начал подниматься. Он и не подозревал, что путь на второй этаж может быть таким долгим.

7

Мужчина в синем плаще стоял у больничной койкой молча, не двигаясь, почти не дыша. Число тринадцать на изголовье койки почти стёрлось под налётом ржавчины. Человек слышал приглушённые вскрики и шум борьбы внизу, на первом этаже, но беспокоился об этом в последнюю очередь. Его место было здесь и сейчас.

Он задумался, стоит ли включить свет. С одной стороны, без света в этой палате было слишком темно, и когда девушка очнётся, она может перепугаться. С другой – ему нравилось смотреть на неё так, в объятиях полумрака, а слишком сильное освещение могло убить хрупкую равновесную красоту. Но он всё-таки переборол себя и щёлкнул тумблёром на проводке, заливая палату ярким рассеянным светом с крахмальным отливом.

Фиолетовые остовы синяков на теле девушки обозначились чётче, а лицо казалось белым, как бумага. Он пожалел, что включил свет, но раз сделано, тут ничего не изменишь. Мужчина отвернулся и вышел из палаты. Больше ему здесь было нечего делать... пока. Преемник Мудрости уже на пути к Возрождённой Матери. К добру это или к худу – покажет время...

8

Удар. Вспышка. Боль. Свет окрашивается темнотой, и звон разбивающегося фарфора осыпается в её ушах градом. «Боже мой, – она приходит в ужас, – он разбил мою любимую чашку!». Ещё удар, и свет полностью поглощается тьмой, увлекается вниз, как бурлит вода в стиральной машине. Она перестаёт что-либо чувствовать. Пустота.

Следующее – чьи-то голоса над ней, слишком яркий свет, белые халаты, мелькающие перед взором. Сверкает скальпель, и выглядит это ужасно. Кого-то оперируют?.. Кому-то плохо? Не успевает она как следует подумать, как опять теряет сознание.

Сколько времени прошло? Час, секунда, год? Она не знает, но на этот раз смутно видит человека в синем плаще, который взирает на неё с непостижимой высоты. «Это же он, – шепчут её губы, – тот самый». Её пробирает озноб, когда она понимает, что ничего не кончено, и боль сейчас продолжится. Но потом она видит, что человека в плаще уже нет... он ушёл. Ушёл. Она рада, и если бы не слепящий свет и ноющая боль в руке, то всё было бы совсем хорошо.

Потом он появляется снова. Сначала молча смотрит, наслаждаясь её паникой, потом наклоняется над ней, совсем близко, и сладострастно шепчет её имя, шепчет, шепчет...

– Нет!

Генри отпрянул, когда она открыла глаза и закричала. Зрачки с зелёным отсветом расширились, наполнились первобытным ужасом. Айлин подбросило на койке, словно через неё пустили ток; не давая Генри времени что-либо предпринять, она перекатилась на другой край койки, но там её не ждало ничего, кроме глухой белой стены. Поняв, что спасения с этой стороны не дожидаться, Айлин резко присела, поморщившись от боли: рука в гипсе задела край койки.

– На помощь! Помо...

– Айлин! – Генри бросился к ней, схватил за плечи. – Айлин, это я. Успокойся. Успокойся же!..

Ещё секунду она вырывалась с такой силой, что ему показалось – её не удержать, она так и свалится с койки на пол. Перспектива ужасала; Генри сжал ладони на её плечах чуть сильнее, чем хотелось.

– Всё в порядке, – сказал он, когда она утихла. – Успокойся...

Айлин обмякла, как воздушный шар, из которого выпустили воздух. Она оглянулась через плечо, мельком взглянула целым глазом на Генри. Испуг на

лице сменился удивлением. Решив, что более нет смысла держать, Генри отпустил девушку. В палате воцарилась тишина, кажущаяся оглушительной после минувшей какофонии. Наверное, нужно было как-то приветствовать возвращение Айлин в жизнь, но слова не находились. Генри молчал.

– Т-ты... – она сидела вполоборота, недоверчиво разглядывая его с ног до головы. Свет падал на спину Айлин, меняя цвет числа 20121 с багрового на синий. На ней было бордовое вечернее платье с открытой спиной, в котором он её раньше не видел. – Ты Генри... Генри с соседней квартиры?..

В дрожащем голосе было столько неуверенности, что Генри даже пришлось осмотреть самого себя, чтобы убедиться – да, это он самый, Генри Таунсенд с 302-й.

– Где я? – спросила Айлин. Взгляд сместился за спину Генри, на грязно-белые стены палаты. – Что ты здесь делаешь?

Вопрос на шестьдесят четыре тысячи долларов. *Если бы я знал*, грустно подумал Генри.

– Я не знаю... – он запнулся. – То есть не знаю, с чего начать. У меня в квартире появилась дыра...

Он снова осёкся, почувствовав, как глупо это звучит в этих стенах, в этом белесом окружении. Беспомощно посмотрел Айлин в глаза, но не встретил там ни капли понимания. Страх, недоумение, холодная отчуждённость – но не понимание.

Генри решил начать с главного:

– Это началось неделю назад... Я стал видеть, как убивают людей... мне снились какие-то странные места... вчера я увидел, как ты... – он сглотнул. – На тебя кто-то напал, и тебя увезли в больницу. Потом я оказался здесь.

– О чём ты говоришь? – она нахмурилась; пластырь на левом глазу сморщился грибным стручком. – Я ничего не понимаю...

– Я тоже, – признался Генри. – Кажется, это какой-то другой мир, что ли...

– Какой «другой мир»? – вот теперь в голосе Айлин отчётливо проступила злость. Злость на него, что он пытается водить её за нос, как пятилетнюю. – Ты думаешь, я поверю в это?

Генри растерялся:

– Но это... это правда...

Неправда, с горечью возразили её глаза. Айлин не хотела верить. Только что она была в квартире, в обыденном окружении, а теперь сидит в незнакомом, но явно жутком месте с загипсованной рукой и ногой, с ноющей болью в ключице, и единственный человек поблизости (сосед, с которыми она спасибо если перекидывалась двумя словами в месяц) пытается ей что-то втолковать про дурацкие другие миры. Скорее это мог быть сон, или видение, или что-то ещё... *неправда*. Генри бы тоже этого хотелось, и он ощущал себя экзекутором из-за того, что ему придётся болезненно вырвать её из плена заблуждения. Это был не сон, и опасности здесь были вполне реальные. Никто им не поможет, кроме них самих... Ей нужно было это понять.

– Я не знаю, о чём ты говоришь, – упрямо повторила она.

Генри понял, что придётся пускать в ход тяжёлую артиллерию. Как это ни было противно.

– Мальчик, – подсказал он. Айлин вздрогнула. – С тобой был мальчик... Помнишь?

Она не могла не помнить. Возможно, шок и боль подавили в памяти воспоминания о тех страшных минутах, но после такого явного указания они должны были всплыть. Генри воочию увидел, что достиг цели. Губы Айлин задрожали; она отвернулась от него к стене, и глаза Генри снова зацепились за вырезанные цифры на спине, на контуре которых засохла кровь. Он сжал кулаки. *Ублюдок.*

Молчание затягивалось. Генри уже хотел что-то сказать, попросить прощения за свою опрометчивую реплику, когда Айлин подала голос:

– Я... я вспомнила.

Она вскинула голову; в глазах стояли слёзы, которые каким-то чудом умудрялись не скатиться по щекам. Право дело, Генри не мог хоть как-то радоваться успеху своего мероприятия.

– Новое платье, – отстранённо продолжала Айлин, глядя мимо. – И сахар... Четыре – число смерти, так я подумала...

О чём она говорит? Генри смущённо кашлянул. Айлин посмотрела на него:

– Да, там был мальчик. Он спас меня от него... от человека в плаще. Боже...

Она замолчала. Что будет, осторожно подумал Генри, когда она узнает, что тот самый человек вскрывает мёртвых женщин пятью футами ниже?.. Значит, это его рук дело. Но мальчик... при чём тогда мальчик? Если всё проделывал человек в плаще, какого чёрта рядом с умирающими везде торчал этот парень?

Айлин посмотрела на Генри и предприняла попытку улыбнуться разбитыми губами:

– Извини, Генри. Мне не следовало тебе так говорить. Я просто забыла. В последнее время со мной вообще творится что-то неладное.

– Всё хорошо, – Генри прислонился к стене. Что-то неладное и правда творилось, но только не с Айлин и не с ним, а со всем окружающим миром. Особенно с домом, где они безбедно проживали все эти годы.

Айлин выпрямилась, огляделась по сторонам. И, разумеется, не нашла ничего ободряющего.

– Где мы, Генри? Что это за место?

– Госпиталь Святого Джерома, – на её лице отразилось недоверие, и Генри спешно продолжил. – То есть я не уверен. Это какая-то искажённая копия госпиталя. Везде разруха, непонятные вещи, монс... – он запнулся; только рассказней про монстров Айлин ещё не хватало. – Как во сне, понимаешь? Не по-настоящему. Но я знаю... – чёрт, всё-таки придётся сказать. – Знаю, что если ты умрёшь здесь, то в настоящем мире тоже...

Айлин внимательно изучала его лицо, выискивая намёк на шутку или издевательство. Не найдя ничего подобного, она недоверчиво взглянула на свою загипсованную руку.

– Ты знаешь, как мы можем... выбраться отсюда?

Если я скажу «нет», это будет конец, подумал Генри. Не только для неё... для нас обоих. Нельзя сдаваться сейчас. Нельзя.

– Да. Мне кажется, я знаю.

Айлин вскинула голову, умирающая бесцветность ушла из её голоса:

– Как?

– Айлин, ты знаешь человека по имени Джозеф?

Она ответила, не раздумывая ни секунды:

– Конечно. Это тот журналист, который раньше жил в квартире 302... в твоей квартире. Джозеф Шрайбер.

Шрайбер, значит. Генри кивнул. Не Шиммер, не Шварцнер, а *Шрайбер*. Джозеф Шрайбер.

– А где он сейчас?

– Он исчез, – сказала Айлин. – За полгода до того, как въехал ты...

Она осеклась и опять посмотрела на Таунсенда, который напряжённо размышлял, обколотившись о стену:

– Причём тут Джозеф? Ты говорил, что знаешь, как мы можем...

– Я получил от него письмо, – сказал Генри. – Буквально час назад, прежде чем оказался здесь. Он писал, что я... то есть мы... должны идти куда-то вниз, чтобы выйти отсюда. Не знаешь, что это может быть?

Подумав, Айлин покачала головой:

– Не имею понятия. Джозеф... он был какой-то странный, особенно в последние недели, прежде чем приехала полиция. С тех пор, как начал своё расследование.

Генри поднял голову. Брейнтри тоже упоминал о расследовании. Тогда он не обратил особого внимания на это, да и собеседник был далеко не задушевный, но теперь...

– Какое расследование? Он не говорил тебе?

– Ну, я один раз спросила, что это за старые кипы газет, которые он таскает вверх-вниз по лестнице, – Айлин невесело улыбнулась. – Он сначала отшучивался, потом всё-таки сказал, что это газеты десятилетней давности, и он ищет в них материалы для своего расследования по делу Уолтера Салливана. Откровенно говоря, я пожалела, что спросила, потому что Джозеф потом битые полчаса меня удерживал на лестнице, рассказывая об этом маньяке... Ты уверен, что письмо от Джозефа? Ведь о нём давно ничего не слышно.

– Айлин, – Генри присел на корточки, чтобы унять нездоровое возбуждение. Наконец-то в темноте забрезжил свет, и он начал что-то понимать. – Расскажи, пожалуйста, о Джозефе и о том, как он пропал. Мне нужно знать. Это может быть очень важно для понимания того, что нам делать дальше.

Айлин прижала загипсованную руку к груди и подалась назад на койке:

– Хорошо, – сказала она. – Я постараюсь.

Джозеф Шрайбер был мужчиной крепкого телосложения. Из-за этого, хотя он особо не вышел ростом, рядом с ним все чувствовали себя спичечными головками. Поговаривали, что дед у Шрайбера был эмигрантом из Германии, перебравшимся в Штаты во времена Второй Мировой (из-за этого журналист сразу попал в нелюбовь к Ричарду Брейнтри, который терпеть не мог «понаехавших»). В первый же день своего приезда Джозеф лично обошёл все квартиры своего крыла, чтобы представиться жильцам. Видно было, что он приехал в город всерьёз и надолго и высоко ценит добрососедские отношения (не то что некоторые из старых жильцов).

Айлин он понравился сразу. Разговаривать с ним было легко, он обладал даром любой разговор незаметно направлять на лёгкое русло. Говорил Джозеф внятно и с расстановкой, словно бы раздумывая над каждым словом, но это вовсе не мешало его воспринимать. Он часто шутил над своей манерой речи, утверждая, что в этом деле виноват проклятый журналистский институт.

В первые месяцы можно было часто видеть, как журналист выходит из квартиры, насвистывая под носом какую-нибудь мелодию. Он всегда носил с собой потрёпанный кожаный портфель, в котором хранил материалы для статей. Как-то раз он сообщил Айлин, что подписал долгосрочный контракт с «Конкордом» и теперь наконец-то может не беспокоиться о ближайшем будущем, что было роскошью в последние годы. Она искренне порадовалась за него и попросила экземпляр журнала с его статьёй. Джозеф пообещал дать ей, но обещание так и осталось висеть в воздухе, потому что как раз к тому времени он начал... меняться.

Почему-то Айлин была уверена, что отсчёт странностей начался с того самого вечера, когда она столкнулась с ним на лестнице и поинтересовалась о кипах газет в его руке. Джозеф казался странно возбуждённым, глаза его так и горели; когда он наконец закончил сбивчивый рассказ о маньяке, вырезающем цифры на телах своих жертв, она успела сто раз пожалеть, что просто не прошла мимо.

– Что за рассказ? – кротко поинтересовался Генри, который жадно ловил каждое слово Айлин. Она пожала плечами:

– Если хочешь, могу пересказать. Правда, помню не очень хорошо...

– Нет-нет, продолжай, – Генри не без оснований опасался, что если услышит ещё и это вдобавок, то мозг просто взорвётся от обилия информации после длительного голода.

После разговора на лестнице с неделю Айлин не видела Джозефа, но особо по этому поводу не печалилась. Он часто уезжал в командировки собирать материалы для статей, так что такое не было редкостью. Но однажды вечером, возвращаясь с работы, она увидела, как Джозеф стоит у своей квартиры, и, нагнувшись, считает количество ладошек на стене напротив. Айлин поразило, насколько журналист похудел за последнее время. Сначала она хотела тихо прошмыгнуть в квартиру, не мешая занятию соседа, но решила хотя бы просто поздороваться.

– Джозеф? – окликнула она его. Шрайбер вздрогнул и резко оглянулся через плечо. Увидев, что это она, он расслабился:

– Ах, это вы...

– Добрый вечер, Джозеф.

– И вам также...

Ей не понравилось, что взгляд Джозефа беспокойно мечется по коридору, потолку и стенам – по чему угодно, кроме её лица. Это было непохоже на него.

– Как поживаете? – спросила Айлин. Вопрос прозвучал как-то глупо: было видно невооружённым глазом, что у Джозефа что-то стряслось. Вместо ответа он придвинулся к ней ближе и спросил – очень тихо, будто опасаясь, что их подслушивают:

– Айлин, эти отпечатки на стене – они давно были?

Она с недоумением посмотрела на чёрные пятерни, усеивающие стену. Пару раз Фрэнк Сандерленд пытался их вывести, но шалуны использовали очень едкую краску, и окончательно стереть рисунки так и не удалось.

– Сколько я себя помню, они всегда были здесь, – осторожно ответила она.

Губы Джозефа тронула нервная вспыхивающая улыбка:

– Вы никогда не пытались сосчитать, сколько их тут?

Вопрос показался Айлин совершенно бессмысленным. Зачем считать ладошки на стене? Более глупого занятия нельзя было придумать. Однако же, похоже, до её прихода сосед занимался именно этим.

– Нет, – ответила она, машинально начиная водить глазами по пятёрням. Джозеф её опередил:

– Не надо. Я только что считал – ровно четырнадцать штук. Я имею в виду, не считали ли вы их раньше, до моего приезда сюда?

– Вряд ли... – его поведение беспокоило её всё больше и больше. Айлин украдкой покосилась на дверь своей квартиры. Кажется, Джозеф это заметил – по крайней мере, он тут же перестал загораживать путь и учтиво отступил к стене:

– Ну это неважно. Извините за глупый вопрос, Айлин. Просто мне, в некотором роде... ну скажем так – было бы интересно это узнать.

– Понимаю, – на самом-то деле ничего она не понимала. Может, подумала она, Джозеф пьян? Или подсел на наркотики?.. Нет, не похоже. Он явно не в себе, но это не алкоголь и не наркотики.

Попрощавшись с Джозефом, Айлин вошла в квартиру. Минутой позже хлопнула соседняя дверь. По вечерам Шрайбер включал негромкую музыку (он держал в квартире старинный граммофон с коллекцией виниловых пластинок и, похоже, страшно этим гордился), но в тот день красивой мелодии, сочащейся сквозь стену, не было – Джозеф словно проспал мёртвым сном весь вечер, всю ночь и всё утро.

Следующий раз Айлин увидела журналиста уже через две недели, опять же возвращаясь с работы – и ужаснулась. Всегда аккуратные волосы Джозефа растрепались жидкими прядями, а одежду он явно не менял последние семь дней, и от него начинало, мягко говоря, пахнуть. Мощная мускулатура всё ещё угадывалась под одеждой, но во всём остальном Джозеф буквально высох, превратившись в ходячий скелет с глубоко впавшими щеками. На её глазах он прошествовал мимо по коридору, даже не удостоив её взглядом, и спустился

вниз. Айлин по-настоящему испугалась за него. С Джозефом было что-то неладно. Он болен?.. Или у него помутнение рассудка? Скорее всего и то, и другое. Она поспешно заперлась в квартире. Вскоре услышала, как тяжёлые шаркающие шаги прошли в обратном направлении: Джозеф вернулся в свою квартиру.

Она не могла оставить это просто так. Вечером следующего дня, после череды раздумий и сомнений, Айлин постучалась в дверь к Джозефу. Он открыл ей после восьмого звонка, и на измождённом лице читалось раздражение.

– Добрый вечер, Джозеф, – поздоровалась Айлин. Он вяло улыбнулся. Когда-то обаятельная улыбка теперь вселяла жуть.

– Добрый вечер, мисс Гелвин.

Он назвал её по фамилии, хотя до этого они звали друг друга по имени. Айлин почувствовала себя неуютно, все слова мигом выветрились из головы:

– Джозеф... можно с вами поговорить?

– Со мной? – он удивлённо посмотрел на свои руки, словно не узнавая самого себя. – Извините, сейчас не самое подходящее время. Видите ли, я сильно занят. Я почти довёл это до конца.

– Что? – вырвалось у неё. Она тут же пожалела об этом: долгое мгновение Джозеф буравил её холодным, почти враждебным взглядом, вгоняя в холодную дрожь. Таким она его никогда не видела.

– Моё расследование. Уолтер Салливан, Сайлент Хилл... помните, я вам говорил?

– Да-да, конечно, – она согласно закивала. – Но, если вы не против, я бы хотела всё-таки спросить...

– Нет, – жёстко сказал он и лихорадочно оглянулся назад, где светильник заливал гостиную мягким жёлтым светом. – Извините, мисс Гелвин... Это действительно срочно. А если вы беспокоитесь за меня, то я вам скажу, что со мной всё в полном порядке. Вы ведь это хотели спросить?

– Вообще-то, – она растерялась, – вроде того...

– Ну вот, – он вымученно улыбнулся, – тогда, надеюсь, я развеял ваши сомнения. Спасибо за заботу.

И закрыл дверь, не дожидаясь её ответа. С той стороны щелкнул замок. Айлин стояла в пустом коридоре ещё немного, ожидая: может, Джозеф ещё откроет дверь, скажет что-то ободряющее... но нет.

Больше она к нему не приходила. Вылазки Джозефа из квартиры становились всё реже и вскоре прекратились совсем. Возможно, Айлин всё-таки попыталась бы разузнать что-то ещё о странном поведении Джозефа, но как раз тогда она получила долгожданный отпуск и уехала на западное побережье, во власть моря и солнца. Когда она вернулась, квартира 302 уже осиротела; белая табличка с номерком покрылась пылью. Айлин спросила Сандерленда, в чём дело. Оказалось, через две недели после того, как Шрайбер перестал выходить из своих стен, управляющий не выдержал и позвал полицию. Они взломали дверь, вошли и увидели внутри...

– Что? – спросил Генри, затаив дыхание.

Айлин закусила губу с засохшей на ней кровью:

– Ничего. Квартира была совершенно пуста, продукты в холодильнике успели зачерстветь. Джозеф не жил там по меньшей мере три недели.

Через шесть месяцев в злополучное обиталище въехал новый жилец – Генри Таунсенд из Милфорда, штат Айова.

10

Айлин закончила рассказ и выжидающе следила за Генри, который изучал складки на своих джинсах. Только что он услышал от соседки свою собственную историю... разве что двумя с половиной годами раньше. Без хэппи-энда, заметьте. Сногсшибательные ощущения.

– А там... в ванне не было никакой дыры? – глухо спросил он. – Или в кладовке...

– Дыры? – Айлин была удивлена. – Фрэнк ничего не сказал, но, думаю, если бы были какие-то дыры, то он бы не стал молчать.

Фрэнк о многом стал бы молчать, беззлобно подумал Генри. Злиться на прошлое не имело смысла. Лучше думать о будущем. О том положении, в котором они оказались (дерьмовом, честно говоря, положении), и о том, что с ними будет, если они отступят. Джозеф предупреждал: *Одно неверное движение, одна нерешительность, и ты будешь убит*. Чем дальше Генри заходил, тем больше в этом убеждался.

Но в записке Джозеф обращался только к нему. А меж тем Генри сейчас был не один. Что-то в плане убийцы пошло не так... теперь чаша весов имела двойной груз. Генри поднял взгляд на девушку, сидящую перед ней – на её загипсованную ногу и заклеенный пластырем глаз. Как она сможет идти и защищаться от этих ужасных созданий? Как вообще выжить в этом коловращении, будучи в таком состоянии? А кошмар на сей раз затянется надолго... Он это чувствовал.

– Мы должны идти вниз, – сказал Генри. Получилось просто и обыденно, словно он звал её на прогулку по супермаркету. – Так сказал Джозеф в своём послании. Там, внизу, что-то есть, что может нам помочь вернуться в настоящий мир. Он в этом уверен. Понимаю, это звучит глупо... но кроме этого указания у нас ничего нет.

Он поднялся с пола, машинально нащупал рукоятку ножа в кармане. Долго с этим чудом ходить нельзя, нужно в ближайшее время найти что-либо поувесистее. Генри больше не мог позволить себе роскошь играть с опасными ситуациями.

Айлин поднялась вслед за ним. Он с приятным удивлением увидел, что она вполне твёрдо стоит на загипсованной ноге.

– Хорошо, – обречённо сказала она. – Я пойду с тобой, Генри. Я не понимаю, о чём ты... но другого выхода у меня нет.

И, помолчав, тихо добавила:

– Но всё-таки мне кажется, что это просто плохой сон.

Генри не стал её разубеждать – со временем Айлин всё поймёт сама. Главное, что она приняла решение... не покориться, а сопротивляться, встать на тропу войны, пусть неравной и нечестной. Так же, как и он сам. Впервые за многие дни Таунсенд ощутил в себе бурный прилив желания жить, не существовать, а именно *жить*, что бы это ни значило.

Итак... как там было, в записке от его предшественника?

Путь будет всё время вести тебя вниз.

Запомни: двери с символом культа. Они есть везде в его владениях, но хорошо спрятаны.

Значит, вниз. Значит, двери с символом культа. И там, на дне, их ждёт истина, которую они должны постичь... которая поможет им прорвать это кольцо безумия. Может, там они узнают, что это за маньяк, Уолтер Салливан, почему маленький мальчик всё время следует за этим вырожденком по пятам, и где находится сейчас Джозеф, который почти довёл до конца своё расследование.

– Пойдём, – сказал Генри и направился к выходу из палаты.

Глава 2

Синтия

1

На третьем этаже по-прежнему было невыносимо душно. Прайс даже расстегнул верхнюю пуговицу рубашки, наплевав на цивилиность, но это не помогло. То ли сам воздух был застоявшимся, то ли ему нездоровилось – ощущение сдавленности не исчезало, сжимая на груди железный обруч. В детективе постепенно закипало желание поскорее закруглиться и выметаться из этого кривого домишка, сделать это было бы непростительно. Особенно когда убийца почти в руках – и если коты не будут зевать, скоро мышь забьётся в ловушке.

Массируя гудящий висок, Прайс подошёл к единственной квартире, которая осталась непроверенной. Вообще-то, соседние квартиры они должны были посетить в первую очередь, но почему-то 302-я осталась не затронутой до последнего момента. Прайс был уверен, что была какая-то веская причина, по которой лакомый кусочек остался напоследок. Но, хоть убей, он не мог вспомнить. Подобные провалы в памяти были недопустимы в его работе, и раньше он вроде не жаловался... Неужто стареет, теряет хватку? А ведь ещё и до начальника отдела не дослужился...

Рядом с квартирой Прайс почувствовал себя совсем худо. Трахея словно смялась, не желая впускать воздух в лёгкие. Детектив закрыл глаза и один раз глубоко вдохнул, отгоняя недомогание. Не болеть. Силы ему ещё понадобятся. Он нажал на звонок. Глухая трель с той стороны. Прайс выпрямился и ждал,

когда раздадутся звуки шагов, приближающихся к двери, и сонный голос спросит: «Кто там?». Время стояло позднее, почти полдесятого.

Но дверь молчала. Прайс позвонил ещё раз со сдерживаемым раздражением. Он хотел побыстрее перекинуться с хозяином дежурными фразами и уйти вниз, где нет этого тяжёлого воздуха и света, который сочится невидимой чернотой, выдавливая глазные яблоки. Пока этот недоумок дрыхнет на постели, стоять ему столбом в этом коридоре.

Снова тишина. В мозгу что-то шевельнулось, выдало щелчок, с которым воссоединяются части мозаики. Прайс внимательно посмотрел на чёрное стекло глазка, словно пытаясь увидеть насквозь внутреннее убранство квартиры. В какой-то мере это ему удалось... по крайней мере, он понял то, что ему нужно.

Квартира 302 была пуста.

Прайс сделал шаг назад. Головной боли как не бывало; всё заблестело красками, заиграло огнём надвигающейся разгадки. Нужно быстро спуститься, захватить с собой Рейнольдса с парой человек, пусть они взломают дверь. Прайс был уверен, что внутри они найдут некоторые интересные.

Он уже почти ушёл, когда дверь негромко скрипнула, открываясь. Прайс на мгновение застыл, потом расслабился. Сонливость навалилась с новой силой, как только он понял, что ничего ещё не кончено и эта долгая резина продолжает тянуться.

– Здравствуйте, сэр, – говорит он, обращаясь к хозяину квартиры, который не виден в сумраке прихожей; глаза детектива стекленеют, фокусируясь на бесконечность. Он слушает, что ему отвечают, и губы беззвучно повторяют слова собеседника. Прайс медленно, зачарованно кивает и делает шаг вперёд, ближе к темноте. Он называет своё имя и профессию и интересуется, не может ли владелец квартиры 302 быть так любезен ответить на несколько вопросов. В прихожей не раздаётся ни звука, лишь синееет проём окна далеко на противоположной стене; Прайс, тем не менее, снова кивает головой и спрашивает, не слышал ли собеседник странных звуков сегодня днём около половины третьего дня. Он стоит у открытой двери ещё десять минут; в какой-то момент вытаскивает из кармана пиджака блокнот и делает там отметки. Рука не дрожит, почерк остаётся таким же, как прежде, скорым и рваным – но глаза остаются пустыми и по-прежнему взирают на что-то, находящееся в недостижимой дали. В заключение Прайс благодарит квартиранта за помощь следствию и извиняется за беспокойство. Тишина. Дверь квартиры закрывается с тем же лёгким поскрипыванием. Стук косяка выводит Прайса из оцепенения. Он резко вздрагивает, взгляд становится осмысленным.

Прайс нахмурился, разглядывая торопливые записи на жёлтых страницах блокнота. Всё верно, он только что проверил последнюю квартиру этого крыла, но его не оставляло ощущение, что он сделал что-то не так. Пренеприятное чувство – если вовремя не дать отпор, то оно вполне способно вызвать очередную бессонницу. Так что Прайс предпочитал разобраться с

сумбурными сомнениями сразу. Не сходя с места, он скрупулёзно, до деталей восстановил в памяти диалог, который протекал между ним и владельцем квартиры. Вспоминалось почему-то с запинками, словно цепляясь за края. Но он помнил, и это главное. Прайс удовлетворённо кивнул самому себе. Всё в порядке. Конечно, надежда найти в квартире 302 логово маньяка обрушилась карточным домиком, но придётся стерпеть. Нужно продолжать раскапывать эту гнилую нору, разворошить до самого дна. Ну и ещё убраться из этого этажа, пока не задохнулся.

Прайс спрятал блокнот в карман и пошёл к лестнице.

2

– Куда мы идём?

Генри ждал этого вопроса. С тех пор, как они вышли из тринадцатой палаты и одолели две трети коридора, он успел спросить себя о том же самом раза три. С каждым разом уверенность в том, что он знает, что делать дальше, безнадежно терялась.

– Нам нужно найти дверь с изображением какого-то символа, – сказал он. – Так написал Джозеф.

– Но почему именно эти двери? – удивилась Айлин. – Может, лучше просто выйти из госпиталя на улицу? Должен же там быть хоть кто-то...

– Боюсь, что нет, – мрачно ответил Генри, замедляя шаг: Айлин опять начинала отставать. Он привык ходить споро, не ограничивая себя в скорости, и приходилось то и дело одёргивать себя, чтобы дать Айлин догнать себя. Впрочем, она тоже шла неплохо. Сломанная рука, похоже, доставляла ей куда больше неудобств, чем нога: то и дело Айлин поглаживала застывший гипс и нетерпеливо постукивала по нему пальцами. Генри знал, что срастающиеся кости вызывают зуд, от которого иные могли сойти с ума. Его мутило от одного только представления о том, каково сейчас приходится спутнице.

– Что ты имеешь в виду?

– Дверь на улицу не открывается, – сказал Генри. – И здесь нет окон, ни одного. Мне кажется, это место специально создано, чтобы отсюда нельзя было выбраться. Глупо, конечно, но...

– Господи, – прошептала Айлин, и он заткнулся. Остаток коридора они прошли молча. Только когда Генри открывал дверь на лестницу, она спросила:

– А где они, эти двери? Ты не видел их?

– Увы, – Генри чувствовал горечь из-за того, что ему остаётся только разводить руками в ответ на её вопросы. Если бы он сам хоть что-то знал...

Выйдя на лестничную площадку, он оглянулся:

– Помочь?

– Думаю, смогу как-нибудь сама доковылять, – усмехнулась она, нервно сжимая перила. У Генри оставалась сомнения, но он послушно пошёл вниз. Айлин спустилась на одну ступеньку, на другую, сосредоточенно целясь здоровой ногой на ровный участок. На следующем шаге она оступилась; если бы не перила, в которые она вцепилась мёртвой хваткой, и Генри, который

ждал подобного исхода, она бы упала навзничь. Айлин слабо вскрикнула. Генри осторожно поставил её на место и взял за ладонь:

– Всё-таки, давай я помогу.

– Да, пожалуй, – она разочарованно вздохнула. Они продолжили спуск. Добрались до подножия лестницы без особых приключений, и здесь Генри резко остановился у двери – так, что спутница едва не врезалась ему лицом меж лопаток.

– Что случилось? – обеспокоенно спросила она.

Генри повернулся к ней. Зрелище, которое ждало за дверью, было не для слабонервных, а он забыл её предупредить. Хорошо, что вовремя вспомнил... иначе могло бы быть хуже. Чёрт возьми, при мысли о мёртвой женщине с дырой в животе у него желудок самого сворачивался змейкой.

– Айлин, тебе может не понравиться то, что ты увидишь в холле...

– Там что-то есть? – взгляд Айлин метнулся поверх его плеч.

– Да. Чем бы это ни было, оно теперь мертво, но выглядит... не очень. Я просто хочу, чтобы ты была готова.

– Всё в порядке, – она улыбнулась, но как-то натянуто. – Если имеешь в виду кровь и всё такое, то мне не впервой... Всё же когда-то училась в медицинском институте. Правда, так и не доучилась.

– Это хорошо, – кивнул Генри. В голову пришёл совершенно неуместный вопрос: а кем работает Айлин сейчас? Интерес пробудился внезапно и был до того нелепым, что Генри едва не фыркнул. Вместо этого он открыл дверь и вышел в холл. Айлин осторожно последовала за ним.

На грязном линолеуме под ногами расплылась лужа крови, большая и бесформенная, с вкраплениями серых комков. Угадывались контуры исполинского тела, что раньше лежало здесь: вот кровью обведены следы рук и ног, а там, где серой массы больше, находилась голова. Но самого тела не было. Мёртвая женщина исчезла, и багровые потёки размазались по полу в длинный след.

След исчезал в шахте лифта, где скопилась резиновая тьма.

– Генри? – спросила Айлин. – Где...

– Айлин, зайди мне за спину, – очень тихо перебил Генри, не оборачиваясь, не выпуская проём лифта из поля зрения. Темнота там шевелилась, ползла из угла в угол вязкими сгустками. Генри это видел. Рука сама собой опустилась в карман, вытащила давешний нож. Он отрегулировал длину лезвия, выпустив ещё несколько дюймов взамен сломанных.

– Оно... там? – Айлин тоже говорила тихо, положив ладонь ему на спину. Генри не почувствовал её тепла. Всё его тело словно превратилось в негнущуюся тупую древесину. Лишь на горле ещё горел след от острых ногтей чудовища.

Нужно было убить её в тот раз. Нужно было долбить, пока она не сдохла окончательно...

– Да, – сказал он, дюйм за дюймом пятясь назад. Далеко уйти они не успели; словно почуяв, что они уходят, из шахты показалась рука, кожа на которой шла лохмотьями. За ним последовала вторая. Мёртвая женщина наклонилась

вперёд, к свету, и улыбнулась Генри единственным уцелевшим глазом. Лезвие ножа всё ещё торчало из переносицы, отбрасывая тусклые блики.

– Боже, – выдохнула Айлин; трясущаяся ладонь врезалась в лопатку. – Боже мой, Генри, что это...

Она судорожно сглотнула и замолчала. Генри не ответил. Ему было нечего сказать – по крайней мере, сейчас, когда ходячий труп неуклюже вылезал из шахты.

Генри рванулся вперёд, к шахте лифта, где мёртвая женщина почти вылезла из проёма. Она мгновенно вскинула голову; в остановившихся зрачках нельзя было ничего увидеть, но он почувствовал её страх. Женщина протянула к нему руку, стараясь ухватить за одежду, свалить на пол; Генри на ходу увильнул в сторону и сделал выпад ножом. Он чувствовал себя уверенно, паники не было, и казалось – вот-вот чудовище будет повержено в очередной раз, уже окончательно... но тут холодная кисть защёлкнулась на его запястье и увлекла вниз, в гудящую темноту шахты.

3

Айлин видела, как сгнившее создание собирается схватить Генри за ногу. Она что-то закричала, предупреждая его, но было поздно: Генри беспомощно взмахнул руками, а в следующее мгновение уже исчез внизу, и она перестала его видеть. Генри приглушённо вскрикнул: Айлин услышала какой-то влажный рвущийся звук из шахты. Она многое бы отдала, чтобы не слышать этого.

Опять звук. Тяжёлые удары, нарушаемые сиплым, прерывистым дыханием. Это Генри? Или чудовище?.. Айлин отшатнулась. Неужели это конец? Нет, не может быть. Она спит. Наверное, задремала, когда слизывала сахар с ногтей. Всё, что произошло потом – всего лишь сон: и сосед с 303-й, и мёртвое существо с отслаивающейся кожей, и человек в синем плаще, которому она открыла дверь...

Звуки в шахте затихли. Айлин осмелилась открыть глаза. Сон или нет, это продолжалось.

– Генри? – окликнула она. В провале кто-то зашевелился, встал на ноги. Айлин едва различала силуэт, и уж конечно не могла увидеть, кто это, Генри или... не Генри.

– Это ты?

Из темноты снова выскользнула рука. Рваная кожа, фиолетовые трупные пятна, чёрные струи вен. Оно шло за ней...

Оно!..

Нет, не гнилая, а совершенно обычная, обрамлённая голубым рукавом. Всё остальное, которое появилось вслед за рукой, тоже было вполне живым. На щеке Генри осела длинная красная ссадина. Глаза Таунсенда лихорадочно блестели; в первую секунду Айлин засомневалась, не сошёл ли сосед с ума.

– С тобой всё в порядке? – она шагнула к нему, всё ещё опасаясь подвоха. Генри схватился за края проёма и рывком выпрыгнул наверх:

– Вроде бы да. Чёрт, я было решил, что мне конец...

– Господи, как я испугалась! – убедившись, что её спутник в целости и сохранности, она бросилась к нему. – Генри, у тебя рана. Наверное, в госпитале есть перекись...

– Забудь, – он махнул рукой. – Даже если есть, я из этого местечка ничем живиться не стану.

– Давай, покажи, – она подошла к Генри, рассмотрела лицо. Слава Богу, ничего страшного, просто порез. Айлин испытала облегчение и одновременно безотчётный ужас перед будущим. Всего пять минут, как они вышли из палаты, и вот уже первая кровь. Что дальше?..

– Что это была за тварь?

– Не знаю, – Генри пожал плечами; когда воротник рубашки врезался шее, Айлин впервые обратила внимание на уродливые фиолетовые полосы на его горле. – Но явно не живая. Я увидел её там, в операционной...

Он замолчал и выпрямился. Айлин хотела спросить, в чём дело, но взглянула на окаменевшее лицо Генри и решила оставить это. Видно было, что воспоминания не представляют ничего приятного. В конце концов, какое ей дело? Тварь была, теперь её нет. Если она не хочет сойти с ума в ближайшее время, нужно научиться смотреть на вещи проще.

– В любом случае, – сказал Генри, – я, похоже, что-то нашёл.

– Где? – Айлин испуганно покосилась на шахту. Кривой прямоугольник напоминал лаз в горную пещеру.

– Там, – Генри указал рукой. – Помнишь, я говорил о записке Джозефа? Там было написано, что нам нужно искать двери с символом культа...

– Какого культа? – Айлин осознавала, что своими вопросами раздражает собеседника, но она правда ничего не понимала – словно бежишь за убегающим поездом, но он непреклонно увеличивает разрыв, оставляя тебя позади.

– Ах да, ты же не знаешь... – Генри замялся. – Неважно. Кажется, я нашёл нечто похожее на то, о чём писал Джозеф.

– В шахте лифта?

– Увы, – сказал Генри. – Нам придётся туда спуститься. Или, может, я пойду проверю, открывается ли дверь, а ты подождёшь здесь?

– Нет-нет, – Айлин решительно замотала головой, только представила, как это будет выглядеть.

Генри пристально взглянул на её лицо и кивнул:

– Хорошо, спустимся вместе. Только тебе нужно осторожно, там вместо пола шестерёнки...

– Понятно, – Айлин мысленно чертыхнулась, но отнекиваться не стала. Холл госпиталя был слишком пуст, слишком страшен, чтобы снова оставаться здесь одной.

Они подошли к проёму. Изнутри веяло тёплым воздухом с запахом плесени и машинного масла. Айлин подошла к краю и сдавленно охнула, увидев над собой громаду лифта, готовую раздавить её.

– Не бойся, – Генри уже спустился, и теперь казался до смешного низким – его голова доходила ей только до живота. – Лифт на решетке безопасности. Не упадёт.

Ну а если?.. Игнорируя навязчивый вопрос, Айлин присела на краю проёма и свесила ноги. Генри почему-то смутился, натянуто кашлянул. Она до жжения в глазницах всматривалась вглубь, но не видела никакой двери. Наверное, нужно подойти ближе.

– Генри, помоги...

Он подал ей руку, и она крепко сжала её, прижав гипс к груди.

– Раз, два... три, – отсчитал Генри. Айлин почувствовала, как срывается с места, мгновение висит в воздухе, потом увлекается вниз, на подрагивающую конструкцию, которая заменяет пол. Она вся сжалась, ожидая боли, когда долетит до опоры, но Генри поставил её очень бережно, и она почти не почувствовала, как ступни соприкоснулись с твёрдой поверхностью. *И всё?..* Открыв глаза, Айлин убедилась – да, всё. Она стояла в шахте лифта, утопленная во мрак, вдыхающая тяжёлый аромат масла. И в руке по-прежнему была ладонь Генри.

– Сюда. Осторожно, здесь лежит труп.

Сказал он, конечно, удачно – она тут же воззрилась себе под ноги и увидела растянутое на шестерёнках тело. Темнота не позволяла увидеть лишние детали, но Айлин всё-таки заметила, что из странно скошенной шеи твари торчит что-то длинное и прямое. Нож. Она вспомнила, как Генри вынул нож для резки бумаг из кармана перед тем, как накинуться на чудовище. Каким-то образом он сумел всадить его в шею твари. Айлин болезненно поморщилась. Заживающая рука зачесалась сильнее. *С этим дальше будет только хуже,* подумала она.

– Вот, – сказал Генри, как ей показалось, не без толики гордости. – Видишь, на нём какой-то рисунок?

Рисунок на двери и вправду был, но его видно было из рук вон плохо. Айлин разобрала большой круг, напичканный какими-то непонятными символами. Ни с чем подобным она раньше не встречалась. Что там сказал Генри... культ?

– Сможешь открыть? – она нервно следила краешком глаз за тварью. Вроде не подаёт признаков жизни, но один раз чудовище уже восставало из мёртвых. У Айлин не было причин верить, что и эта смерть окончательная.

– Попробую, – Генри пошарил рукой по двери, стараясь нащупать ручку. Она услышала, как он пробормотал севшим голосом:

– Чёрт, тут нет ручки.

Он растерянно оглянулся на неё. Айлин отмолчалась. Ей было нечего сказать. Генри попробовал протолкнуть дверь рукой. Бесполезно – она сидела как влитая, и границы, разделяющей своды шахты от двери, было не различить.

– Может быть, здесь несколько таких дверей? – вслух предположил Генри. В голосе катастрофически не хватало уверенности. Айлин опустила глаза. Ей показалось, что тело сместилось с прежнего места, стало неуловимо ближе.

Конечно же, это не так. Поскорее бы выбраться из темноты, которая делает страхи слишком реальными...

Генри в сердцах хлопнул ладонью по глухой и немой двери. Он никак не мог успокоиться, признать своё поражение. Записка Джозефа стала для него путеводителем, звездой Вифлеема, которая вспыхнула огнём надежды в тёмном небе. Ему не хотелось верить, что эти благословенные строки – лишь чьи-то очередные заблуждения. Вот же дверь, вот она, и нанесённый на ней знак сочтется странным чёрным светом. Что он делает не так?

– Выйдем, – глухо предложила Айлин, не отрывая глаз от мёртвой женщины. Почему-то ей овладела уверенность: стоит отвернуться, и тварь распахнёт неживые глаза, протягивая к ней руки, покрытые трупными пятнами.

Прежде чем Генри что-то ответил, чудовище *действительно* открыло глаза. Айлин не могла видеть чётко, темнота играла на руку этим тварям, но она это заметила – две крохотные бесцветные искорки, проскочившие во мгле. И кисть, безвольно лежавшая на шестерёнках, дёрнулась, сомкнулась в кулак. На этот раз – точно.

– Генри! – Айлин в панике схватилась за плечо Генри, который всё ещё разглядывал дверь. – Генри, она жи...

И закричала, не договорив, когда склизлые, чешуйчатые пальцы схватили её за голень и потянули к себе. Чудовище поняло, что его разоблачили. Генри тоже закричал, отчаянно пытаясь разминуться с Айлин в тёмном пространстве. Женщина приподняла голову. Нож, всаженный в шею, свесился вниз. Она испустила низкий горловой рык.

Господи, только не упасть, только бы не упасть... Айлин старалась вырвать ногу из цепкого захвата твари, но в её положении, балансируя на больной ноге посреди нагромождения шестерёнок, это было почти невозможно. Генри оказался зажат в углу; единственное, чем он мог помочь в этот момент – поддерживать Айлин за плечо, не давая упасть. Но она чувствовала, как выskalывается, и ногти женщины больно впивались в голень. Она дёрнула ногой вверх и из последних усилий подалась вперёд, вглубь шахты, где была заветная дверь. Вырваться она не вырвалась, зато Генри наконец смог проскочить в образовавшийся проём и с победным кличем наступить ботинком на руку женщины. С хрипящим рычанием тварь разжала пальцы; ногти напоследок попытались зацепиться за туфли, но соскользнули вниз. Айлин буквально упала на странный символ, задыхаясь, вся дрожа. Перед глазами плясали разноцветные огни. Когда дверь вдруг с удивительной податливостью ушла назад под её весом, Айлин оказалась к этому не готова и свалилась на колени. Голень дзинькнула вспышкой боли, но сейчас было не до того.

– Ген... – она закашлялась; горло пересохло, словно она неделю не брала в рот ни капли воды. – Генри, сюда! Закрой дверь!

Таунсенд как раз заносил ногу для очередного пинка по ползающей твари. Услышав её голос, он уставился на Айлин и открытую дверь со смешанным чувством удивления и досады.

– Что...

– Генри, *скорее*, ради Бога! – она готова была заплакать. Хрюкая и испуская звуки, очень похожие на рыгание, чудовище протягивало руки вверх, к Генри, чтобы поймать его, заключить в смертельные объятия. Айлин неистово затошнило.

Вот теперь он послушался. Сорвался с места, заскочил в проём двери. Бессмертная тварь, уже ничем не напоминающая ни женщину, ни человека, поднялась на колени, утробно хрюкая, и с ненавистью посмотрела на Айлин единственным уцелевшим глазом. Не дожидаясь, что она предпримет на сей раз, Генри с плечом навалился на дверь, вталкивая обратно на место. Только сейчас, да и то боковым зрением, он заметил, что знак, начертанный на двери, светится необычным алым огнём, который, быстро угасал по мере того, как сужалась щель между дверью и косяком. Дверь встала в проём идеально, превратившись в часть единого монолита. Не было ни ключей, ни замков, но оба – и Генри, и Айлин – поняли, что дверь больше никогда не откроется.

4

Теперь, когда время сумасшедшего действия прошло, прежде всего следовало позаботиться об Айлин. Она сидела на коленях, держась за локоть в гипсе, и покачивалась вперёд-назад. Синий сумрак, разбавленный дымкой тумана, окрашивал девушку в неживую пепельность. Зрелище было жутким; Генри прошиб холодный пот.

– Айлин, ты... – он присел рядом с ней. – С тобой всё в порядке?

– Кажется, да, – она подняла голову, и по отрешенному взгляду Генри понял, что она врёт. – Только вот рука... не так держала, когда падала.

– Сильно болит?

– Да нет... пройдёт. А как ты? Не злишься, что я оторвала тебя от плотного общения с этой особой? – она улыбнулась через силу, но рука, лежащая на гипсе, по-прежнему судорожно подрагивала. У Генри сжалось сердце.

– Со мной всё хорошо, – он огляделся по сторонам. Айлин последовала его примеру. Увиденное поразило обоих. Меньше всего они ожидали найти за шахтой служебного лифта нечто подобное.

– Где мы? – невольно вырвалось у Айлин. Голос потонул в густом тумане, обволакивающим всё вокруг.

Похоже, там, где надо, подумал Генри, но не решился озвучить это вслух. Потрясение было слишком велико, чтобы пытаться что-то говорить.

Они сидели на бетонной площадке размером десять на десять футов. Площадка, в свою очередь, висела высоко над бездной, глубины которой скрывались в синем тумане. Гаснущий, мутный свет долетал откуда-то сверху, напоминая закат в пасмурный зимний день. Клубы тумана неспешно плавали в воздухе, меняя формы, как январские облака. Непроизвольное сравнение с зимой пришло в голову Генри не беспричинно – на площадке стоял лютый мороз, сковывающий члены, и если с каждым словом изо рта не вылетало

облачко пара, то только потому, что его тут же поглощал туман. Пальцы Генри уже коченели, и тепло уходило из тела.

Узкая винтовая лестница начиналась у правого края площадки и извивалась вдоль круглой отвесной конструкции, уводя вниз. Лестница вращалась прямо в грядущем тумане, и можно было только гадать, где она заканчивается. Строение из стальных балок напоминало самую большую и нелепую в мире смотровую вышку, которая достигала облаков. Отметая головокружение, Генри привстал и заглянул вниз с края, чтобы узнать, что там, внизу. Увидел только синее марево полумрака, которым было забито пространство между бесконечными витками лестницы. Слои дымки скользили по воздуху, напоминая кипящий бульон.

– Что это за место? – Айлин тоже подошла к краю. Мельком посмотрела вниз и тут же поспешно отвернулась. Генри последовал её примеру – любопытство любопытством, но долго любоваться этим пейзажем было невозможно.

– Не знаю, – сказал он. – Наверное, нам нужно идти вниз...

– Куда – вон туда? – Айлин нервно трянула головой. – Зачем нам туда идти? Уж лучше вернуться в госпиталь, чем... – она неосознанно всхлипнула. – Неужели нет никакого выбора?

Генри снова посмотрел на знак, нарисованный на стене. Алый свет, который наполнял символ жизнью, ушёл.

– Больше некуда, – сказал он. Мёрзли пальцы. – Нужно пойти скорее. Здесь очень холодно, и ещё неизвестно, сколько нам придётся спускаться...

Айлин закрыла глаза, вскинула голову, обратив бледное лицо к невидимому небу. Генри подумал, что она сейчас упрямо заявит: «Я никуда не пойду», – и сядет на месте, как обиженный ребёнок.

Но она сказала другое:

– Хорошо. Будем спускаться.

Генри помог ей встать. Пальцы Айлин были не теплее его собственных. На него накатило страшное сомнение – что, если этот спуск

(путь будет всё время вести тебя вниз)

окажется длиннее, чем он думает, и холод одолеет их прежде, чем они достигнут его конца? Или ещё хуже – если винтовой спуск никуда не ведёт и кончается ещё одной мёртвой площадкой?

Но он без колебаний встал на первую ступеньку, держа Айлин за руку. Подошвы ботинок скользнули по поверхности, покрытой инеем. Нужно быть осторожнее...

Через несколько шагов обнаружилась ещё одна неприятная деталь. Высокие перила, которые жгли холодом, оказались вымазаны в крови. Капли крови лежали и на самих ступеньках, иногда их было больше, иногда меньше, но кровавый след тянулся с удручающим постоянством. Айлин беззвучно охнула, когда в первый раз случайно схватилась за сгусток крови, примёрзший к перилам. Дальше они шли, не касаясь перил, и путешествие от этого отнюдь не становилось лёгким.

Генри рассчитал ровно два круга по винтовой лестнице, когда Айлин спросила:

– Это уже не госпиталь, правда?

– А? – он отвлёкся от созерцания спирали ступенек.

– Мы уже не в госпитале. Это место другое, Генри. Разве так может быть?

Что Генри мог сказать? Она ждала от него ответа, хоть какого-нибудь, пусть фальшивого, объяснения тому, что происходило. А ответа у Генри не было. Всё, что он знал, ограничивалось уверенностью в том, что нужно идти вперёд, не останавливаясь, потому что неподвижность здесь означала смерть. Он сильнее сжал её руку в своей, надеясь, что это в какой-то мере заменит ответ. И Айлин, кажется, поняла... по крайней мере, она ответила его жесту. С тем и продолжили путь вниз, и на их ресницах незаметно выростала седина инея.

Время растянулось. У них не осталось даже слов, которыми они могли перебрасываться во время долгого спуска – лишь гулкий звук шагов по мёрзлым ступенькам, окропленных кровью. Генри позднее считал, что спуск длился около получаса. Айлин могла бы сказать, что они шли никак не меньше сорока минут. Туман оставался таким же ватыным и обжигающим щёки. К тому времени, когда они увидели повешенного, они уже еле передвигали ноги от холода.

Первым труп увидела Айлин. Когда она вскрикнула и попятилась назад, Генри вскинул взгляд и увидел человека, висящего в стороне от лестницы, ближе к средоточию спирали. Туман и полумрак обезличивали его, нельзя было даже сказать, мужчина это или женщина. Но то, что человек мёртв, было ясно с первого взгляда. Моток толстой верёвки тянулся от шеи вверх и чёрной нитью растворялся в дымке. Голова с переломанной шеей повисла на грудь. Ветра не было, но повешенный плавно покачивался в воздухе, и верёвка отвратительно хрустела.

Он, наверное, уже превратился в сосульку, подумал Генри. *Ткни – и разломаешь.*

– Боже мой, что это такое? – в голосе Айлин отчётливо проступила истерика. На лице появилось нечто вроде напряжённой улыбки, и это порядком напугало Генри.

– Айлин, – он пошёл дальше, не выпуская её, – сейчас нельзя останавливаться.

Она плавно, как сомнамбула, двинулась за ним, беспрестанно оглядывалась на повешенного, который, казалось, исподлобья следил за ними.

– Но это...

– Не обращай внимания. Он мёртв.

Генри ждал, что Айлин ещё что-то скажет, запротестует, но она не ответила – вместо этого перестала оглядываться и прибавила шаг. Таунсенду тоже пришлось поднажать, чтобы поспеть. Не надо бы ей так споро, ноге это может не понравиться...

Не успел он так подумать, как лестница кончилась – просто и бесславно, как начиналась. Уткнулась в крохотную площадку и прекратила существование. Генри в растерянности остановился. Площадка была точной копией той, куда

они попали после того, как покинули шахту лифта. Только вот загадочного знака, как и двери, Генри не увидел, и это его встревожило.

Айлин подошла к краю обрыва, задержала дыхание и взглянула вниз, надеясь что-то увидеть. Но под ними был всё тот же океан бушующей дымки, отсекающий всякую надежду что-либо различить. Как глубоко тянется лестница? Тысяча футов, или две, или же миллион?.. *Миллион*. Слово больно резало острыми углами, полосуя и без того истекающее кровью сердце.

Миллион.

Генри смотрел на голую бетонную стену, напрасно пытаясь что-то разглядеть на почерневшей поверхности. Айлин догадалась, что он ищет, и вместе с тем у неё зародилась мысль – странная, нелогичная, но яркая, как вспышка молнии... до того хрупкая, что она побоялась проверить свою правоту.

Генри подошёл к стене, попробовал протолкнуть её руками. Стена стояла сплошным монолитом без единой щелки, и никакие богатырские усилия не смогли бы сдвинуть её с места. Он повторил попытку в другом месте. Ничего. В груди у него что-то оборвалось.

– Нет, – глухо сказал он. – Здесь должна была быть дверь.

Айлин прошла мимо него к стене. Генри отстранённо наблюдал, как она прикладывает здоровую ладонь к бетону и толкает вперёд. Конечно же, стена осталась стоять. Айлин отошла на шаг вправо. На этот раз толчок был слабым и неуверенным. Стена торжествующе молчала. Айлин сместилась ещё на шаг, не глядя в сторону Генри.

– Айлин, я проверял, там нет дв...

– Тс-с! – радостный шёпот оборвал его на полуслове. – Смотри!

Под ладонью Айлин участок стены засветился, словно там, внутри бетона, пустил росток неведомый искрящийся цветок. Во все стороны расползлись алые струи, которые выглядели совершенно хаотично. Но уже через секунду сияние начало обретать формы, складываясь в узор, уже знакомый им: круг, внутри три меньших круга и закорючки непонятных символов. Теперь ладонь Айлин покоилась в сердцевине светящегося знака, и красный свет просвечивал её насквозь. Генри с беспокойством взглянул на лицо девушки – показалось, что знак обжигает ладонь палящим жаром. Айлин оставалась спокойной, лишь в глазах отражалась неприкрытая, детская радость.

Она толкнула стену. Прямоугольный участок стены с готовностью отошёл назад. Электрический свет залил площадку, ослепляя обоих. За стеной горела лампа не меньше чем стоваттной мощности.

– Зайдём? – нерешительно спросила Айлин, прищуриваясь от яркого света.

– Да, – Генри едва узнал свой голос. Они торопливо прошли через образовавшийся проём. Здесь было какое-то тесное помещение, полное водопроводных вентилей и бачков. Лампа за проволочной сеткой и вправду имела внушительные размеры – она горела прямо над дверью у противоположной стены, заставляя трубы отбрасывать кривые тени. После зыбкого окружения на винтовой лестнице картина казалась неподобающе реальной.

Айлин отняла руку от двери и осторожно толкнула её назад. Знак тут же начал угасать, сияние померкло. К тому времени, когда дверь влилась в стену и исчезла, символ полностью размылся, стёк вниз невидимыми розовыми струями. Почему-то стало очень тихо. Наконец Генри спросил:

– Откуда ты догадалась?

– Ты ещё не понял? – Айлин рассеянно поглаживала руку в гипсе. – Эти двери могу открывать только я. Не знаю почему... но это так.

Она мельком взглянула на него, и на её лице Генри увидел не торжество или гордость, а затаившийся страх.

5

Южный Эшфилд.

Если Генри когда и впадал в полный ступор, то это был один из тех случаев. Табличка с белыми буквами на чёрном сразила его наповал, лишив не только дара речи, но и способности мыслить. Он оказался не подготовлен к тому, что увидел. Ждал чего угодно – секретного нижнего уровня госпиталя, туннеля в центр земли, да хоть даже ядерного бомбоубежища – но только не этого.

– Генри? – голос спутницы доносился откуда-то издалека. – Ты в порядке?

Не уверен, думал он, не отводя взгляда от треклятой таблички. Она ничем не изменилась с прошлого раза, висела такая же потрепанная и ржавая на тонких цепях. С неё началось его путешествие в этой безумной кашнице.

Как это называется? Полный круг? Возвращение к истокам? Или даже проще – безысходность?.. Генри стало дурно, но рядом не было ничего, за что можно уцепиться. Пришлось пересилить подкашивающиеся ноги и продолжать стоять.

– Это место мне что-то напоминает, – сказала Айлин, тревожно озираясь. – Станция Южный Эшфилд, не так ли?

Чёрт возьми, это было действительно так. Комната с вентилями стала проводником к бесцветному коридору, по которому Генри уже имел удовольствие прогуливаться. С тех пор обстановка ни на йоту не изменилась. Даже та подмигивающая лампа продолжала потрескивать, бросая серые и чёрные полосы. В первые секунды Генри пребывал в болезненной уверенности, что сейчас в конце коридора промелькнет розовая блузка, и Синтия весело закричит: «Бой, ну *как долго* тебя ждать!». Но Синтия не появилась. Станция оставалась мёртвой и безмолвной.

– Генри, ты меня слышишь?

– Да, – сказал он, чувствуя, как внутри черепа мозг превращается в расплавленное железо. – Айлин... мне кажется, я здесь уже был.

– Я тоже была, – сказала она. – В последний раз два дня назад. Но тогда здесь всё выглядело нормально, а не как сейчас... Что здесь случилось?

– Нет, я не о том, – Генри покачал головой. – Я был в *этом самом* месте. Когда впервые попал в этот мир...

– Правда? – Айлин прислонилась к стене. – И что это за место?

Генри немного подумал перед ответом:

– Это станция, но не та, которую мы знаем. Она другая – как тот госпиталь. И здесь тоже опасно. Какие-то жёлтые твари. Я встретил здесь...

Он вовремя прикусил язык. Так кого он здесь встретил? Разрази его гром, да никого, конечно. Не было здесь ни души.

– ... этих существ, – продолжил он, стараясь не выдать смятение. – Что я хочу сказать, нам нужно быть очень осторожными. Они чертовски сильны.

Оба невольно посмотрели на дальний конец коридора и бетонные стены, увешанные рекламными плакатами. Пока там было пусто. Пока.

– И как ты отсюда выбрался? – спросила Айлин.

– Просто проснулся, – признался он. – Оказался у себя в постели, и всё. Не думаю, что на этот раз фокус прокатит. Будем искать дверь со знаком.

Айлин кивнула с явным сомнением:

– Но ведь здесь, наверное, сотни дверей. В госпитале нам просто повезло. Будем проверять каждую комнату? Или...

– У меня есть идея, – перебил Генри. – Я думаю, дверь должна вести дальше вниз. Значит, она находится на самом нижнем уровне здания. Понимаешь?

– Хорошая мысль, – она вдруг улыбнулась. – Генри, это правда прекрасная идея. Я начинаю подумывать, может, мы даже...

Она запнулась, улыбка сползла с лица. Генри понял невысказанную мысль, которая едва не сорвалась с её губ: *может, мы даже не умрём*. Именно так, а не иначе. В какой-то момент они безропотно приняли факт, что им предначертано поражение. Это проклятье лежало на каждом их движении, в каждом слове, петлёй сдавливало шею. Генри был рад, что тяжкий груз начинает соскальзывать.

– Ты можешь идти сейчас? – спросил он. – Или нам немного отдохнуть?

– Пальцы всё мёрзнут, – Айлин с сожалением посмотрела на ногти, красный лак с которых отслоился острыми кусками. – Но идти смогу. Не стоит долго задерживаться.

Генри с этим был согласен на все сто, поэтому без лишних слов пошёл по коридору, сдерживая темп, чтобы Айлин могла держаться рядом.

А вот и поворот. За ним простирался знакомый, слишком хорошо знакомый участок. Двери с фигурками людей, одна из которых распахнута, и гниющий труп на полу, скалящий зубы. Собака не смогла бы так быстро разложиться сама – наверняка не обошлось без помощи сородичей, которые не отказали себе в удовольствии полакомиться бывшим дружкой. От трупа разлило мерзким запахом. Айлин судорожно выдохнула и закрыла нос ладонью. Не говоря ни слова, они прошли мимо трупа, вгрызаясь в полосу тени. Собака проводила их взором вытекших глазниц, словно проклиная путников за свою бесславную участь.

– Генри, подожди, – сказала Айлин, когда темнота наконец начала сдавать свою власть и череда ламп стала ближе. Генри обернулся; на него накатило такое острое ощущение дежа-вю, что он почти увидел это – фривольную розовую блузку на месте багрового вечернего платья, испачканного в крови.

Генри, подожди... Мне плохо.

– В чём дело? – отрывисто спросил он, чтобы развеять глупую иллюзию. Айлин смущённо подняла сломанную руку, заключённую в гипс:

– С этой рукой что-то не так.

– Что? – он недоумённо посмотрел на посеревший гипс.

– Я не знаю. Но это началось, когда я коснулась двери со знаком – там, ещё в госпитале. Странное ощущение...

– Болит? – вопрос прозвучал по-идиотски, но ничего другого в голову не приходило.

– Не так чтобы очень. Что-то другое, словно прокатывают по руке маленькие шарики. Очень неприятно...

Генри сочувственно кивнул. В очередной он раз вскипел ненавистью к ублюдку в синем плаще и проклял себя за нерасторопность. Больше он не мог ничего сделать.

Оказалось, Айлин остановила его не для того, чтобы пожаловаться.

– Мне кажется, это не из-за перелома, – сказала она. – Это напоминает мне чувство, которое я испытывала последнюю неделю. Только раньше было как музыка, а теперь это похоже на вибрацию в теле. Генри, у тебя не было ничего подобного? Может, за последние дни?

Подумав, Генри качнул головой:

– Нет, такого не было. Но у меня часто болела голова...

– Я не об этом, – Айлин разочарованно опустила руку. – Ладно, пойдём. Всё равно, сейчас это неважно.

На секунду Генри оказался позади неё, в нескольких дюймах от полыхающих на лопатках цифр. *Боже мой*, осенило его, *ведь она до сих пор не знает, что у неё на спине вырезаны цифры!* Наверное, нужно было как-то сказать Айлин, но, хоть убей, Генри не мог придумать, как это сделать. Погружённый в невеселые думы, он вырвался вперёд и продолжил путь к турникетам.

6

Темнота представлялась вечной. Так и казалось – она будет в этой бесформенной пустоте до скончания веков, и ещё останется время, чтобы вдоволь искупаться в чёрных водах небытия. Но это было неправдой. Она признала ошибку, когда ткань пустоты с треском разошлась, обнажая яркий, слишком ярким, невыносимо яркий свет.словно вместе с лучами в глаза заливают расплавленный свинец. Она открыла рот, чтобы закричать, но горло не слушалось, и вместо отчаянного вопля она издала тихое невнятное мычание.

Что-то неотвратимо тянуло её наверх, как ныряльщика, делающего заплыв в глубоком пруду. Она не сопротивлялась. Тело легко оторвалось от пола, который не казался холодным, и взвилось в воздух. Она вспомнила, как в детстве мечтала летать. Но радости от свершившейся мечты не было.

Она находилась в маленькой комнатухе, обставленной непонятной аппаратурой. Углы предметов вызывали боль в голове. Она попыталась

зажмуриться, чтобы не видеть их, но веки не слипались. Всё против неё. Она отыскала глазами лампу, насажанную на патрон. Вот он, источник её боли и страданий – ещё с тех пор, как она лежала на полу и не могла отвести взгляд, и жестокие лучи утрамбовывали днища глаз. С победным криком она рванулась к лампе. Дотянулась легко, несмотря на то, что до потолка было несколько футов. Сжала стекло в ладони, не боясь обжечься или получить удар током. Хруст. Свет возмущённо вспыхнул (*боль!*) и угас, оставив после себя благословенную темноту. Так гораздо лучше. Осколки, впившиеся в ладонь, никакого неудобства не доставляли, и она просто стряхнула их, как стружки.

Свет ушёл, но она не стала чувствовать себя лучше. Теперь ей было холодно. Не то чтобы она мёрзла... холод шёл внутри – он не обжигал кожу, но обращал в льдинки сердце, печень, лёгкие. Она попробовала растереть ладони. Шуршащий звук, рвущаяся кожа, но не тепло. Она вскинула голову к потолку и снова испустила нечленораздельное мычание, заменившее для неё плач.

Холод. Холод. Она слепо направилась вперёд в поисках чего-нибудь, что могло ей помочь, изгнать это ужасное могильное ощущение. Почему ей так плохо? За что?.. Ведь она ничего не сделала, просто хотела съездить в магазин одежды. Она не заслужила этот холод. Уж лучше проклятый свет, разрывающий глаза. Нужно отсюда выйти – туда, где теплее. Она пошарила непослушными пальцами в поисках двери. Стена... где-то здесь. Ей удалось найти дверь, и она с торжествующим скулением вырвалась из плена страшной каморки, навстречу свету и теплу.

Мощь ламп обрушилась лавиной, пронизала мириадами иголок света, превратив её в сито. Это было хуже, чем она ожидала – хуже, чем даже представляла. С громким хрипом она поднесла ладонь к лицу, чтобы защититься от напора света, но её всё равно отбросило вниз, к полу, где она прижалась к бетону пола и застыла, чувствуя, как треклятые лампы обугливают спину, проходятся граблями тупых лезвий. Но вставать было нельзя. Идти назад, в темноту – тоже нельзя. Она слишком хорошо помнила недавний мёртвый холод. Лучше лежать так, на тонкой границе, и постараться снова забыться в пустыне цвета ночи, где нет света и холода, нет боли.

Она не знала, сколько пролежала, напрасно пытаясь уйти. Наверное, долго. Покалывание стрел света на спине стало терпимым – во всяком случае, можно как-то привыкнуть. Несколько раз ей казалось, что вечность снова близка и вот-вот она погрузится в неё, но каждый раз она ошибалась. А потом... она услышала *голоса*.

Они доносились издалека, из-за поворота, где стены коридора терялись во мраке. Приглушённые и раскатистые, как из бочки. Два голоса. Одного она узнала сразу – этот голос был для неё последним, что она слышала, прежде чем пришёл мрак. Он сказал ей, что всё хорошо, что это всего лишь сон, и она поверила. Она поверила...

Второй голос принадлежал женщине. Именно он стал причиной того, что в недвижной, холодной груди всколыхнулось пламя обиды и негодования. Она с ним. Они вместе. Он соврал ей, когда она умирала, бросил её одну в поезде,

невзирая на мольбы, он оставил её кричать под ножом страшного человека в плаще. Теперь они живы и идут вместе, разговаривают... а она лежит здесь, скрючившись под турникетами, боясь шевельнуться, чтобы не вызвать опять ту адскую боль. Что-то было явно неправильно.

Но кроме ненависти, было ещё что-то: трепещущее, сладострастное ощущение, которое росло по мере того, как голоса приближались. Она облизнула почерневшие губы, пытаясь встать на четвереньки. Наплевать на свет и боль – всё это только временно... пока она не вернёт себе тепло, которое подпитывало жилы. У этого лжеца было то, что ей нужно – кровь, горячая и животворящая, сердце, которое могло заменить небьющийся кусок камня, который осел у неё в груди. А если не у него, то у его спутницы. Какая разница.

Синтия Веласкез притаилась в тени турникетов, замерев готовящейся к прыжку гончей.

7

Летние вечера имеют своё несравнимое очарование. Закат, румянящийся на кромке горизонта, гудки автомобилей, проносящихся мимо, и из динамиков в ближайшем магазине льётся заводная песня, распыляющая золотых светлячков в тёплом воздухе. Вечер полной свободы, пьянящей и завораживающей, как крепкое вино. Синтия довольно хихикнула, когда в голову пришло это смешное сравнение.

Она взбежала вниз по ступенькам эскалатора, обгоняя людей, которые дожидались, пока механизм довезёт их. Не то чтобы куда-то спешила – просто терпеть не могла бездействие и скуку, пусть даже на короткое время спуска. Подруги не разделяли её взглядов, так что Синтии всё равно пришлось ждать внизу, пока они не сошли с эскалатора.

– Могли бы и побыстрее, – упрекнула она. Прежде чем Джесси открыла рот, чтобы что-то сказать, она быстро спросила:

– Ну, значит, какие планы у нас на вечер?

– погоди, Си, – Джесси неодобрительно взглянула на подругу, – это у *тебя* планы. Я лично была бы рада просто дотащить до дому. После сегодняшней мороки в школе голова трещит.

– Ну конечно, – фыркнула Синтия. – А ты, Ки?

Ки, или Кира, отстающая на шаг, виновато потупила взор. Она не привыкла отказывать, особенно Синтии, которая не без оснований считала себя полной её хозяйкой. Но нынешнее мероприятие было безумием чистой воды, и ей приходилось плыть против течения. Как бы это её ни пугало.

– Я не знаю, Си, – промямлила она, отводя глаза. – Сегодня много домашних заданий, и потом, Джесси права, я тоже устала...

Синтия резко остановилась и развернулась. Кира, казалось, от страха понизилась на целый дюйм; она старательно теребила подол платья, как провинившаяся дочь перед отцом.

– Ки, ты обещала, – нарочито спокойно напомнила Синтия. – Чёрт с ней, с Джесс, но ты... Ты же обещала?

– Оставь её в покое, – одёрнула Джесси. Синтия не обратила на неё никакого внимания. – Она не хочет, не видишь?

– Я... я правда не могу, Си, – наконец выдавила Кира и зажмурила глаза, боясь обернуться пеплом под ненавидящим взглядом. Синтия поняла, что сегодня она проиграла. Что ж, прекрасно. Эти расфуфыренные дурочки потом пожалеют об этом. Она постарается...

– Ладно, валите, – она вырвалась вперёд и зашагала на перрон. – Маменькины дочери. Не хочу с вами вместе идти.

Многозначительно переглянувшись, подруги последовали за ней.

В вагоне поезда все хранили враждебное молчание. Синтия села подальше от своих подруг, в другом конце вагона, и разглядывала стены подземки. На половине пути Кира не выдержала – хотела встать и подойти к ней, но Джесси решительно удержала её за руку. *Не вздумай.*

Обычно в часы пик станция Южный Эшфилд бывала полна людьми – так, что не повернуться. Но сегодня разгорячённой толпы на перроне не оказалось, и, выйдя из вагона, подруги оказались на практически пустом перроне, не считая жалкой кучки людей, высадившихся на станции. Впрочем, Синтии до этого не было дела – едва сойдя, она устремилась наверх по знакомой широкой лестнице. Подруги тенью шли по пятам, не пытаясь её остановить. Все знали – в таком состоянии Синтия Веласкез сродни пороховой бочке, и помилуй Бог того, кто окажется на зоне взрыва. Синтия тоже знала, что её бояться, и упивалась осознанием того, что в минуты гнева ни один хмырь в школе не посмеет к ней пристать.

Ну и хрен с ними, удовлетворённо думала она, поднимаясь на верхний уровень здания. Пускай идут, одной только интереснее. Теперь побыстрее домой, пока не вернулась ма, принять душ, приодеться и обратно в метро. Сегодня суббота, никто не вправе помешать мне...

– Извините?

Погрузившись в приятные размышления, Синтия не заметила человека, который догонял её сзади теперь нерешительно плёлся вслед. Только когда он позвал, она обернулась и узнала его. Синтия часто видела этого парня здесь, ошивающимся в метро. Этаким «дух станции», он всегда витал где-то рядом – иногда сидел на скамейке в зале ожидания, иногда торчал на перроне, прислонившись к колонне, в то время как остальные спешили либо уйти из перрона, либо попасть в поезд. Лохматый парень в грязной одежде стал привычным интерьером, и многие попросту переставали его видеть, как не замечают пятно на скатерти или трещину на окне. Так и Синтия. И она вовсе не впала в эйфорию оттого, что предмет обихода вдруг заимел голос.

– Да? – нетерпеливо спросила она, ещё не отходя от мечтаний.

– В какой... школе... вы учитесь? – парень так сильно волновался, что говорил с заиканием. А разило от него так, словно он последние три года не слышал о ванне.

– В средней школе Северного Эшфилда, где же ещё, – Синтия сделала шаг назад, чтобы отвязаться от назойливого собеседника. – В чём дело? Что вам от меня нужно?

Парень замялся, нервно потирая ладони. На лбу заблестели капельки пота; на запахе это ничем хорошим не отразилось. Синтией овладело непреодолимое желание убратся прочь. И подружки, наконец замаячившие у горизонта, были весьма кстати.

– Нет, ну ты посмотри, – шепнула Джесси в ухо Кире. – Что творит, а? Уже за кем-то увязалась.

Кира промолчала, на лице отчётливо выразилось беспокойство. Она, конечно, тоже знала этого человека. Более того – несколько раз ей даже казалось, что он следит за ними... особенно за Синтией. По крайней мере, стоило им появиться на перроне, как этот тип начинал испытывать явное беспокойство – вскакивал с места ни с того не сего, уходил на другой конец перрона или делал вид, что зашнуровывает ботинки. Кира, конечно, ни разу не обмолвилась об этом подругам.

Парень тем временем что-то мучительно пытался объяснить Синтии:

– Понимаете... я знаю тут квартиру... квартира 302... я давно хожу сюда...

Джесси рванулась вперёд, бесцеремонно схватила Синтию за руку:

– Всё, мальчики и девочки, свидание окончено. Пошли, Си. Чего разговариваешь с этим типом?

– Он сам подошёл... – запротестовала Синтия. Парень замолчал, закрыл глаза. Лицо побледнело как мел.

– Оставь его, пошли, – тон Джесси не терпел возражений. И именно поэтому Синтии он не понравился. Она не любила, когда ею командовали. Синтия резко вырвала руку из ладони Джесси и осталась на месте. Та озадаченно оглянулась:

– Какого чёрта, Си? Не позволяй ему обдурить себя!

Игнорируя её гневные тирады, Синтия повернулась к парню, который стоял ни живой ни мёртвый, и всмотрелась внимательно. Выцветшая джинсовая куртка, помятые брюки... Для очередного бродяги, облюбовавшего беспокойный уют станции, парень был слишком молод. Его трясло с ног до головы: того и гляди свалится на пол без чувств. Синтия улыбнулась ему самой обворожительной из своей коллекции улыбок и с удовольствием отметила, как разбушевавшиеся нервы парня тотчас осадили назад. Он даже неуверенно растянул губы ей в ответ.

А он неплох, пронеслось в голове.

– Откуда ты, красавчик? – приветливо спросила она, с удовольствием чувствуя на спине возмущённые взгляды подруг.

– Из Сайлент Хилла, – на этот раз уже внятно. Синтия никогда ни про какой Сайлент Хилл не слышала; впрочем, ответ она в любом случае пропустила мимо ушей. Хотела спросить что-то ещё, столь же бесполезное, но тут терпение Джесси лопнуло; подскочив к Синтии, она поволокла её за собой, прежде чем она успела опомниться. Конечно, ещё секунда-другая, и она вырвалась бы и напомнила Джесси, что она ей не мать, чтобы решать за неё, но парень, похоже, принял те несколько шагов, которые Синтия отошла от него, за катастрофический поворот. Он в отчаянии вскинул руки следом за ней:

– Не уходи... Синтия!

Она остановилась, не веря ушам. Даже Джесси застыла и полуобернулась, забыв обо всём. Парень по-прежнему протягивал к ней руки, в глазах пылал огонь безнадёги. Искусно высвободившись от Джесси, Синтия вернулась к нему – на сей раз твёрдо и решительно.

– Слушай, – сказала она парню, – ты неправильно меня понял. Я сказала «красавчик»? Ты в моём вкусе, да... но это вовсе не значит, что на тебе должна быть эта ужасная одежда, не так ли? Не знаю, знаешь ты или нет, но она отвратительно пахнет. Это мне не нравится. Так что как-нибудь в другой раз, договорились?

В знак закрытия темы она бережно провела ладонью по его щеке – безотказный жест, который она использовала много раз до и после этого. Парень судорожно кивнул; кадык бешено задвигался вверх-вниз.

– И ещё, – Синтия убрала руку с его щеки, – откуда ты знаешь моё имя? Я с тобой раньше не общалась...

Теперь парень почти не заикался:

– Я давно знаю тебя, Синтия. Услышал твоё имя десять лет назад... когда ты была совсем маленькой.

Слова подействовали, как холодный душ. Синтия отпрянула от парня, задержав дыхание. *Десять лет?* Сколько ей тогда было? Три года? Господи, кто он такой?.. Она посмотрела на парня широко открытыми глазами. Он всё ещё силился улыбнуться ей напоследок. Синтия с трудом сдержала тошноту.

– Ты следил за мной десять лет? – она почти кричала; люди поблизости обернулись на её голос. – Ты... ты сумасшедший!

– Синтия, я... – он начал было делать шаг навстречу, но она проворно отскочила назад, как от прокажённого. Парень остановился.

– Не подходи, – процедила Синтия сквозь зубы, прячась между подругами. – Ты отвратителен. И не вздумай попадаться мне в глаза ещё раз, иначе я вызову полицию. Они отправят тебя в тюрьму. Там тебе и место.

Она одёрнула Киру, которая остолбенело таращилась на поникшего парня:

– Пошли.

Кажется, он ещё назвал её имя, когда они втроём выходили наружу. Синтия не обернулась. У неё было ощущение, что только что её обмакнули в грязь и она вся в серой илистой массе, и отмыться никак нельзя. Оказавшись на свежем воздухе, она вдохнула полной грудью пыльный уличный воздух и почувствовала себя чуть лучше. Но золотой вечер был безвозвратно испорчен.

– Не стоило тебе заигрывать с ним, Си, – назидательно заметила Джесси, едва поспевая за ней.

– Отстань, – Синтия махнула рукой. – Он сам начал. Господи, что за придурок. Весь настрой выбил.

– Может, сообщить в полицию? – робко предложила Кира. Синтия кинула на неё раздражённый взгляд:

– Ки, я тебя обожаю. Но у меня есть план лучше. После этого как никогда нужно хорошо развеселиться, и я это сделаю.

– Всё-таки идёшь в свой клуб? – Джесси, похоже, смирилась с решением подруги, и яда в её голосе заметно поубавилось.

– Это не «мой» клуб, – Синтия остановилась у бордюра тротуара, ожидая зелёного света. – Вы как хотите, а я собираюсь повеселиться.

– Ох, Си, – Джесси предупреждающе качнула пальцем. – Ночные клубы не для тринадцатилетних. Мне уже больше пятнадцати, и то не впускают. Когда они узнают твой настоящий возраст, тебе не поздоровится.

– Ничего, – Синтия усмехнулась. – Если за дело возьмётся мисс Веласкез, никто ничего не узнает.

У меня найдётся, чем их удивить, мысленно добавила она. При воспоминании о сладком табачном дыме и смазанных розовых огнях внутри стен клуба ей стало совсем хорошо. Огни на светофоре сменились, поток машин замер. Она пошла вперёд, в то время как подруги по привычке плелись сзади. Ещё до того, как достичь другого края улицы, Синтия безвозвратно забыла встречу в станции Южный Эшфилд. Дар у неё был такой – не помнить ничего плохого.

8

Когда привычное однообразие нарушается и приходит время действия, в памяти после всего остаётся очень мало. Генри не раз в этом убеждался. Так вышло и в этот раз – казалось, что всё промелькнуло за несколько секунд сумасшедшей круговертью, и кое-какие свои действия он так и не запомнил. Что въелось в анналы мозга навечно – это первобытный ужас, пролившийся ведром жидкого азота, и острое, пронизывающее чувство вины.

Он почувствовал неладное, когда ещё подходил к турникетам. Лампы здесь работали, было светло, но чем-то это место ему пришлось не по душе. Плюс к тому опять начала трещать голова, но он слишком спешил, чтобы обращать внимание на такие мелочи. Поэтому клоки чёрных спутанных волос, стелющихся под турникетами, он заметил в последнюю очередь.

Волосы усеивали бетон обильно и беспорядочно, как у кресла неумелого парикмахера. Но всё-таки при должном внимании в них просматривалось некоторое направление, ведущее по ту сторону турникетов. Генри проследил взглядом по волосам, пока ещё ничего не чувствуя. Но как только он увидел женщину, выползающую из полумрака обратной стороны, в голове взорвалась красная петарда.

Пламя заполонило всё. Айлин, идущая следом, что-то спросила, но для Генри её слова слились в один низкий гул. Он видел только одно посреди пелены бушующего огня – женщину, которая становилась всё ближе, неуклюже подползая на четвереньках. Его удивило, что ладони женщины словно скользят над поверхностью пола, не касаясь его. Но не в этом было главное. Он *знал* её, эту посланницу темноты за турникетами. Узнал в первый же миг, невзирая на разительные перемены в её облике. Это была Синтия.

Как?

Отвечая на исступлённый вопрос разума, женщина приподняла голову. По всему телу Генри будто прошлись горячим утюгом – и не столько из-за восковой бледности лица Синтии, так отличающейся от прежнего кремового

оттенка, и не из-за волос чёрной проволоки, змеящихся по щекам. Всё это (может, даже ещё ужаснее) он видел в обликах других монстров. Но её глаза... такие живые, полные боли, мольбы, ненависти... они раздавили Генри под своим весом, приковав к полу. Станция вокруг потемнела, стёрлась мокрой акварелью. Остался только полыхающий огонь, пульсирующая резь в голове и приближающиеся влажные глаза.

Ты дал мне умереть, говорили эти глаза. Ты бросил меня здесь, и вот что со мною стало. Полюбуйся. Посмотри, во что я превратилась. Благодаря ТЕБЕ, бой.

Кажется, в какой-то момент Синтия попросту просочилась сквозь прутья турникетов, но Генри этого не заметил. Он не мог оторваться от этих бездонных глубин, не шевелясь, не смея дышать.

Ну иди ко мне, сладкий. Думаю, мы ещё можем поquitаться. Сердце... кровь, она горяча... может, она сможет вернуть тепло, которое ты у меня отобрал. Да, Генри?

И он был согласен. Согласен на обмен, потому что это было бы справедливо. Синтия была права – именно он был с ней в станции, но не смог защитить, именно он соврал ей в последний миг, что всё будет хорошо. За это стоило расплатиться. Генри ждал, одурманенный эйфорией предвкушения, один посреди вечной пустоты цвета крови.

Особая услуга, шепнула Синтия. Я всё-таки окажу тебе...

И тут что-то изменилось, пошло не так. Глаза Синтии исчезли, уплыли в сторону. Генри успел увидеть, как в них проскользнули страх и удивление. Секундой позже он пришёл в себя – вернулись стены, яркие лампы и твёрдый пол под ногами. И рядом была Айлин, которая тяжело дышала, схватившись здоровой рукой за его плечо. Призрак – то ли плоть, то ли дух – снова оборачивался к ним. Айлин вцепилась в Генри со всей силы, заставив его поморщиться от боли:

– Не смотри на неё, Генри. Не смотри!

Она ударила её, внезапно понял он. Она ударила призрака, чтобы я очнулся! Мысль показалась невероятной.

– Бежим, – отрывисто прошептала Айлин. – Ну же, Генри!

Мокрые чёрные волосы, плавно струящиеся в воздухе, закрывали лицо Синтии. Возможно, это было к лучшему – если бы он вновь увидел её глаза, они снова взяли бы его в свой плен. Даже так Генри ощутил острый укол в виске, словно сумасшедший столяр начал сверлить дыру в черепе. Воздух на короткий миг засветился алым. Это стало позывом к действию.

Они побежали на другой конец холла станции – опрометчиво, не жалея лёгких, не оглядываясь. Генри подивился, что Айлин едва ли не опережает его по скорости – Бог знает в какую цену ей это выливалось. Синтия – то, чем она стала – скользила за ними, едва касаясь ногами пола. Впрочем, выйдя на свет, она задёргалась и выдала что-то вроде жалобного собачьего скула. Волосы всколыхнулись, разметались по кругу. Но она не перестала преследовать бывшего спутника, которому когда-то обещала услугу.

Турникеты, думал Генри, снова чувствуя, как лёгкие разбухают и упираются в грудную клетку, и мир крутится волчком. Впереди должны были быть турникеты, ведущие на платформу Кинг-стрит. Единственный шанс.

Боль в висках поутихла – должно быть, Синтия (у Генри язык не поворачивался называть так *это*, даже про себя) поотстала. Похоже, свет ей не нравился. Турникеты были уже близко, и даже – должно же даже им в чём-то везти – почти открыты, что можно было проскочить в проём без особых усилий. Генри готовился к финальному рывку с почти спортивным азартом, когда ощутил рядом пустоту. Оглянувшись, он увидел, что Айлин отстала и еле ковыляет на загипсованной ноге. Синтия чёрной тенью маячила в десяти шагах.

– Айлин! – он подбежал к ней, схватил за руку. Но она слишком ослабела, чтобы бежать. Хоть Айлин настойчиво пыталась ему что-то сказать, отталкивая Генри от себя, он понял, что с такими темпами чёрные волосы, жадно извивающиеся в воздухе, обернутся вокруг шеи Айлин через несколько мгновений.

– Держись за мою шею, – прошептал он, приседая, чтобы удобнее было нести её на руках. Времени на сантименты и объяснения не оставалось; перед глазами опять плыли красные круги. Генри даже не расслышал, сказала она что-нибудь в ответ или нет. Подняв её одним рывком, он бросился вперёд. Следом пронёсся протяжный разочарованный стон.

У турникетов было хуже. Пришлось опустить Айлин и протискиваться через узкое пространство, разрывая рубашку об острые края спиц. Она, в свою очередь, проходила через препятствие очень осторожно, чтобы не зацепить раны. Но полностью это не удалось – Айлин стиснула зубы, когда острый конец шеста прочертил на спине алую дугу, соединив числа 1 и 2. Генри про себя чертыхнулся. Вслух никто из них ничего не сказал; он взял её за руку, и они направились вниз по лестнице, где притаилась тьма, так знакомая Генри ещё с прошлого посещения этой гиблой станции.

9

Лампы на перроне опять-таки не работали. Единственным источником света выступали ярко освещённые окна поезда, припарковавшегося на рельсах. Но если поезд на линии Линч-стрит выглядел заброшенной рухлядью, то этот своим видом никаких нареканий не вызвал. Впрочем, Генри так и так не думал, что на этом транспорте можно куда-то уехать.

Что теперь?

Они добрались до нижнего уровня станции. Дальше отступать было некуда. Синтия (*Господи, это правда была она?!*) более не висела за спиной. Генри очень надеялся, что она надолго заплутает в коридорах станции.

– Айлин? – спросил он, более-менее отдышавшись. – Ты как?

– Я-то нормально, – удивительно, но её в глазах витали озорные искорки. – А как ты сам?

– Ничего, – но рука сама потянулась к виску, недавно пылавшему огнём. – Кажется, мы оторвались от неё... хотя бы ненадолго.

– Ты не встречал её раньше?

Генри вздрогнул. *Откуда она знает?*

– Она не преследовала тебя... м-м... прошлый раз, когда ты здесь был? – Айлин спрашивала без всякой задней мысли.

– Нет, – подчеркнуто спокойно ответил Генри, отводя глаза. – Я – её – не встречал... Что будем делать?

Оба огляделись. Дальних концов перрона было не видать – колонны тонули в хребтах темноты. Окна вагонов сияли, как ярмарочные вывески. Семафор не работал, и весь состав словно размышлял в нерешительности, что же делать без надёжного указчика.

– Это платформа Кинг-стрит, – вымолвила Айлин.

– Угу, – Генри рассеянно кивнул; он смотрел на провал туннеля, так напоминающий дыру, через которую он попал сюда. Интересно, куда он приводит, если пойти дальше? На станцию Карпентер-стрит, что по соседству? В леса Сайлент Хилла, дремлющие под дурной луной? А может, всё проще... туннель будет тянуться в беспроглядное ничто, не оканчиваясь.

Так что же дальше? Неужто им придётся начать долгий поход в разинутую пасть подземки? Неужели – выбора нет?

– Дверей со знаком нет, – грустно констатировала Айлин. Голос разнёсся в пустом пространстве гулким эхом. Она зачарованно смотрела на жёлтый свет окон, будто пытаясь что-то найти за стёклами. Генри украдкой взглянул на неё. Нельзя было не заметить, что с тех пор, как они разговаривали в палате номер тринадцать, лицо девушки чуть осунулось – усталость наложила свой отпечаток на черты. Им обоим не помешало бы отдохнуть...

Интересно, а можно ли заснуть в этом чёртовом мире, подумал Генри. *Питаться не нужно, справлять нужду тоже, можно ли хоть спать?*

– Давай зайдём, – предложила Айлин. – Зайдём в поезд. По крайней мере, там светлее.

Генри заикнулся было о том, что единственный путь, похоже, лежит в туннель подземки через мили беспросветной мглы, потом махнул рукой. Синтия, похоже, найдёт их ещё не скоро, а если и придёт, то, может, им удастся забаррикадироваться в вагоне. Хотя бы на полчаса. Полчаса отдыха, пусть символического, многого стоили. Предложить отправиться в туннель прямо сейчас – это издевательство.

Они пошли к поезду. Генератор работал неисправно, яркость ламп неуловимо менялась, делая тени то серыми, то иссиня-чёрными. Изнутри стены вагонов, как водится, оказались расписаны цветными мелками. Генри это даже обрадовало – хоть что-то привычное. Впрочем, радость иссякла в тот момент, когда он увидел на левой стене красное граффити, сливающееся в трудноразличимое число 20121. Айлин, кажется, не увидела. Генри со своей стороны ничего не сказал.

Облегчённо вздохнув, Айлин присела на скамью. Генри хотел последовать её примеру, но решил всё-таки остаться на ногах. Так обзор был лучше, и если на перроне появится... скажем так, *кто-нибудь*, то он не останется незамеченным.

– Значит, это Кинг-стрит, – сказала Айлин, озирая перрон. – Боже мой, ведь отсюда я каждое утро ездила на работу. Ни за что бы не узнала...

– Если хочешь, можешь думать, что это другое место, – предложил Генри. – Всё равно это ненастоящая станция.

– Но что тогда сейчас происходит в настоящей станции?.. Что происходит с нами, если это только сон? Неужели мы просто спим и нам это снится?

– Нет, – без раздумий ответил Генри. Один раз он уже солгал, и ни во что хорошее это не вылилось. Второй раз делать ошибку он не хотел. – Я не знаю, что происходит в реальном мире, но вряд ли мы просто спим на своих кроватях. Ты сама сказала, что Джозефа не было в квартире, когда туда вошли.

– Но если его там не было... – Айлин задумчиво поднесла указательный палец ко лбу, сразу став похожей на студентку института. Генри даже улыбнулся уголком рта. – Значит ли это, что Джозеф до сих пор может быть где-то здесь? Ведь его так и не нашли...

Если он коротает время в этой чёртовой подземке два с половиной года, то как-то не хотел бы я с ним встречаться, подумал Генри. Но слова Айлин имели смысл. Кто-то ведь подсунул записку ему под дверь... Итого – опять вопросов больше, чем ответов.

– И ещё тот мальчик, – продолжала Айлин. – Надеюсь, хоть он-то не затянут в этот кошмар? Генри, ты ведь его видел там... у меня в квартире?

– Да, – с неохотой признался Таунсенд.

– Он искал свою маму. Прибежал, когда я уже теряла сознание. – Айлин помрачнела. – Теперь уже кажется, что он скорее не был, чем был, и мне просто пригрезилось...

– Он был, – подтвердил Генри, пристально глядя на лестницу за стеклом. Ему почудилось какое-то движение в этой темноте.

Айлин не видела, как окаменело лицо Генри, и продолжала вспоминать:

– Он закричал на человека в плаще, и я подумала, что сейчас он его тоже... Но он только обернулся на крик и смотрел на него, не сходя с места. Потом мальчик сказал, я запомнила его слова: «Не трогай её, она хорошая, а ты плохой. Мне нужно к моей маме, а ты мешаешь». И...

– Айлин, – перебил Генри едва слышным шёпотом. – Кажется, нам пора уходить.

Она смотрела на него снизу вверх с недоумением, потом резко обернулась к окну. И увидела то же, что и он – высокий тёмный силуэт у лестницы, недвижно наблюдающий за ними.

Они его заметили. Мужчину это не побеспокоило – рано или поздно они должны были столкнуться лицом к лицу, и с этим ничего не поделаешь. Но его

забавляло, что обе – и Возрождённая Мать, и Преемник Мудрости – настолько переключили на его скромную персону своё драгоценное внимание, что перестали замечать то, что происходит у них под носом. А именно – чёрную, расплывчатую, но вполне реальную тень на противоположном перроне, которая неслышно подбиралась к парочке, заходя сзади. Жаждающая мести женщина – что может быть опаснее в этой жизни?.. Мужчина продолжал безмятежно наблюдать, пропуская мимо ушей глупые вопросы, выкрикиваемые ему Преемником Мудрости. Через минуту здесь разыграется настоящая авансцена, и он собирался насладиться зрелищем сполна. В конце концов, он почти довёл трудное дело до конца, и заслуживал небольшой толики развлечений. Хотя бы вот так...

11

– Кто вы? – громко спросил Генри, приложив ладонь к окну. – Если вы меня слышите, ответьте!

Человек молчал. Генри показалось, что он довольно ухмыляется, зная, что они не могут видеть его лицо. Это его даже раззадорило.

– Ау, вы живы?

– Генри, не стоит звать этого типа, – прошептала Айлин. – Выйдем по другую сторону вагона и уйдём. Пожалуйста.

Генри, уже вобравший воздуха в лёгкие, чтобы выкрикнуть очередной бесполезный зов, остановился и согласно кивнул. Убедил его не столько зловещий вид человека под лестницей и его безразличие к попыткам вступить в контакт, сколько разом побледневшее лицо спутницы. Айлин и так находилась на грани, и играть с неизвестностью не стоило хотя бы ради её блага. Генри был уверен, что «человек под лестницей» добрых вестей им не принесёт.

– Хорошо, – сказал он. – Пошли.

Не спускать глаз с этого типа, строго приказал он себе.

Сначала всё шло хорошо, и до распахнутой дверцы вагона они добрались без приключений: Генри шёл впереди, за ним на расстоянии шага следовала Айлин, нервно оглядывающаяся через плечо. Наблюдатель оставался неподвижным и безмолвным, но Генри не собирался купиться на этот подвох и был начеку. Неприятность случилась на выходе, и никто – ни Генри, ни Айлин – не оказались сколько-либо подготовленными к ней.

У дверцы Генри внезапно пронизало до тошноты знакомое чувство, будто висок протыкают промасленными спицами. Красный свет просочился сквозь ткань реальности; в ушах загудело, словно прямо над головой полыхало мощное пламя огня. Генри понял, к чему всё идёт, ровно за один миг до того, как в проёме дверцы появились пряди чёрных волос, извивающихся в воздухе, тянущихся к его горлу.

Единственное, что он смог сделать – остановиться, как вкопанный, и что-то приглушённо вскрикнуть, предупреждая Айлин. На большее времени не хватило – волосы моментально обвились вокруг его многострадальной шеи

тысячами нитей смерти, вдавились в вены и артерии, нагоняя туман перед глазами. Крик вышел несостоявшимся хрипом. Верх и вниз поменялись местами. Генри успел увидеть расширившиеся глаза Синтии с мутной покрасневшей радужкой, истлевший ворот её розовой блузки. *Мой!* – торжественно возопила она в его голове, и это стало последним, что услышал Генри.

12

Когда Генри сдавленно закричал, Айлин поняла, что случилось нечто ужасное. Так и есть – тень, едва касающаяся пола, выскользнула из тёмного перрона и накинута на Генри с умопомрачительной скоростью, не давая времени защититься. В воздухе натянулись чёрные струны волос. Айлин увидела, как они свивают петлю вокруг горла Генри, затягиваясь уже. Секунда, и виселица обрела завершённую форму, отрывая ноги Генри от пола.

– Генри! – в ужасе закричала Айлин; в ответ раздался только слабый хрип, затем петля сдавила все звуки. – Генри, сюда!

Он судорожно задёргался, ботинки забились о край скамьи, выбивая пыль из покрытия. Айлин закричала. Услышав крик, из-за Генри выползла его хватчица, всё ещё парящая в воздухе тёмным сгустком, как грозовое облако. Всё та же самая, что у турникетов. Вперила в Айлин свои набухшие, водянистые глаза, пытаясь напугать или загипнотизировать, но это ей не удалось. По крайней мере, Айлин такого ничего не почувствовала. Зато пришла буйная ярость – желание вырвать Генри из змеевидных волос нелюди. Не переставая кричать, Айлин бросилась вперёд, на мёртвую тварь, убивающую её спутника. Та не ожидала подобного поворота; волосы дрогнули, на миг ослабили захват и снова завернулись тугим узлом. Генри не подавал признаков жизни. Ещё чуть-чуть, и будет поздно...

– Отпусти его... тварь! – Айлин сжала в кулак здоровую руку, но ударить так и не решилась, хотя мёртвая была совсем рядом. От неё разило запахом гниения и могильных червей.

Господи. Этого не может быть. Что я делаю?..

– Отпусти, – взмолилась она, стоя перед призраком, парящим в воздухе. – Просто дай нам уйти. Мы тебя не тронем.

Что это? На её губах была издевательская ухмылка? Или ей показалось?.. Но волосы по-прежнему были натянуты колючими проводами, выжимая остатки жизни из Генри; последние судороги, сотрясавшие ступни, прекратились.

Она убила его!

– Отпусти! – на этот раз даже не крик, а вопль раненого зверя, от которой прогнулись стекла окон. Айлин совершенно потеряла голову от страха; не понимая, что делает, она накинута на чудовище, продолжающееся тайком лыбиться над её мольбами, и ткнула здоровым кулаком в лицо. Слепой удар левой, конечно, не мог быть хорошим; но мёртвая всё равно дрогнула, отступила назад, злобно взирая на неё из-под мокрых чёрных косм.

Ободрённая этим, Айлин продолжила атаку, занося руку для очередного удара. Никогда не ходила в любительницах подраться, но, как говаривал её отец, в иных делах главное – начать.

На этот раз удар был весомее, и Айлин догадалась сомкнуть пальцы на щеке противницы, вцепившись ногтями. Щека была склизкой и какой-то маслянистой, так и норовила выскользнуть. Но Айлин не дала обидчице уйти. Она продолжала сжимать кисть, с отвращением погружая пальцы глубже в полуразложившуюся плоть, и громко кричала – без остановки, бессвязно, делая перерывы лишь затем, чтобы вобрать в лёгкие порцию воздуха. Боялась, что вместе с криком уйдёт буйство, и она вновь окажется беспомощной, дрожащей от страха.

Когда противница оказалась зажатой у проёма дверцы, её посетила новая мысль, настолько же омерзительная, сколько манящая: *выдави ей глаза*.

Так просто, стоит только сделать одно движение. Тварь ослепнет и не сможет видеть. Она спасётся. Генри... может, он ещё жив. Может, не всё потеряно. Хотя верилось с трудом, когда правый глаз заливал пот, а пластырь на левом можно стало выжимать.

За секунду до того, как она воплотила мысль в действие, противница, поняла, что сейчас будет. Может, увидела неестественную, болезненную улыбку, которая посетила губы Айлин. Во всяком случае, она внезапно с силой дёрнулась в сторону, уплывая меж рядов скамей. Айлин почувствовала, как ногти соскальзывают со щеки.

– Нет! – она бросилась за призраком, но тут заныла нога, на которую она неудачно ступила. Сзади что-то тяжёлое кулем свалилось на пол. Змеящийся клубок волос стремительно пролетел мимо, следуя за хозяйкой. Мёртвая ретировалась.

Айлин лихорадочно развернулась. Генри лежал лицом вниз, левая нога задралась на скамью. На спину рубашки прилипли безобразные клоки чёрных волос. Она наклонилась над ним, приложила ладонь к посиневшей шее, задерживая дыхание. И радостно выдохнула. Слава Богу. Пульс прощупывался, хоть и слабый донельзя. Она успела...

Мой, пронзительно зазвенел голос в голове. *Мой!*

Призрак разворачивался на месте, вновь обращая к ним мёртвое лицо и глаза, не видные за волосами. Губы не шевелились: исступлённый крик лился прямо в мозг. И руки жадно тянулись вперёд.

Мой! Он был мой!

Закусив губу, Айлин взяла Генри за подмышки и потащила прочь по проходу между скамьями, сама не зная, чего хочет добиться. Мёртвая приближалась, и через пару секунд она доберётся до них. Но Айлин продолжала волочить Генри по полу, громко всхлипывая, чувствуя, как в загипсованной руке снова плещется боль.

Очнись, Генри, молила она. Это желание стало средоточием её Вселенной. *Генри, очнись! Я больше не могу...*

Мой! Пальцы женщины сжались в крючок; Айлин показалось, что вместе с криком она выпустила горестный стон. *Он же был мой...*

Всё. Больше никак. Айлин выпустила взмокший ворот голубой рубашки. Ещё один бой? На этот раз, когда призраку не придётся играть на двух фронтах, она не была уверена, что сможет повторить подвиг. Запал сражения уходил, оставляя холод и опустошённость. Айлин поднялась с колен, готовая к худшему.

... и тут кто-то постучал в окно. Тихо так, костяшками пальцев. *Тук, тук, тук.* Айлин это уже слышала. И ещё до того, как увидела, знала, кто там.

Мужчина в наглухо застёгнутом синем плаще, её ужас и палач, приветливо улыбнулся Айлин сквозь стекло. Она никак не ответила, превратившись в холодную каменную статую, неспособную двигаться, думать, говорить. Мужчина сочувственно кивнул ей и указал пальцем куда-то в сторону. Словно бы просто так, невзначай... но в жесте чувствовалась повелительность. Айлин взглянула туда, куда он хотел. И увидела.

Дверь. На ней – идеальный чёрный круг с тремя кругами внутри. За второй дверцей вагона, которая вела почему-то не на перрон, а вниз по короткому туннелю. Так близко, что казалась миражом... Айлин закрыла глаза, открыла снова. Спуск вниз и дверь в его конце не исчезли. В отличие от человека в плаще – когда Айлин снова посмотрела на стекло, там остался лишь белесый след от пальца на пыльной поверхности.

Это был он, потрясённо думала Айлин. Господи боже мой, он зд...

МОЙ!!!

Крик выбил её из апатии, возвратив в реальность. Мёртвая была уже совсем близко – только протяни руку, чтобы вновь коснуться этого шелушащегося лица. Схватив Генри за руку, Айлин потащила его к заветной дверце. Почему-то на этот раз Генри весил больше. Ей показалось, что прошло больше часа, прежде чем они достигли проёма. Дальше спуск, и будет лучше...

Спутанные волосы вскинулись и выпрямились, обмотавшись на правом запястье Генри.

– Нет! – закричала Айлин, вцепившись в другую руку Генри, который балансировал на краю спуска. – Ты не можешь!

Она была слишком слаба, чего нельзя было сказать о сопернице. Генри постепенно втягивало обратно в вагон. Айлин сжала губы, завалилась назад всем весом, наплевав на разноцветные фейерверки, пляшущие под гипсом на руке и ноге. *Давай! Давай! Ну же!.. Мы почти добрались!*

Настало мгновение – она даже не почувствовала, когда именно, – и Айлин обнаружила, что ничто их больше не держит, и они скатываются вниз по удивительно мелким, словно бы детским, ступенькам. Почти без боли. Мёртвая завывала и бросилась следом, колыхаясь в сумрачном проходе. Айлин не стала терять время на то, чтобы подняться на ноги – лишь вскинула голову и толкнула дверь локтём. Дверь открылась без единого скрипа, как промасленная, открыв выход на обледеневшую площадку. Знак загорелся багровым огнём.

Призрак почти успел... когда Айлин выносила Генри за проём, женщина предприняла последнюю попытку схватиться волосами-щупальцами за ботинок Генри, но потерпела неудачу. Паря на месте, она буравила Айлин

ненавистным взглядом – не тем прежним, мёртвым, а почти живым. Айлин догадывалась, что она не будет ломиться за дверь. Её темница была здесь, в бесцветном «мире метро».

Ты не понимаешь! – вскричала женщина; Айлин поморщилась от рези в голове. – *Он раньше был мой! Я хочу его!*

– Размечталась, – отрезала она и захлопнула дверь. Свечение знака угасло красным отблеском. Айлин поняла, что опасность миновала и пришло время потерять сознание уже самой.

Глава 3

Руины

1

Ветер затих, и остатки пожара, полыхавшего на протяжении многих часов, перестали дымиться. Угли ещё были тёплыми и живыми – нечаянно прикоснувшийся к ним тотчас отдёрнул бы руку с криком боли, но действие уже кончилось. Вместо большого дома, царившего посреди двора, как глава семейства, осталась лишь горка пепла, которую первая же буря подняла бы сизым облаком. Спортивные снаряды и резные зверьки поникли, скорбя о славном прошлом. Нескончаемая ночь, зависшая над этими местами, продолжалась.

Посреди развалин, в сердцевине того, что раньше было детским приютом, стояла инвалидная коляска. Тоже обугленная и почерневшая, как и всё, что находилось в доме и не рассыпалось в пыль. А на коляске восседал человек, уронивший голову на грудь; сгоревший и недвижимый.

Этот человек не мог дышать. Не мог смеяться или расплакаться, или встать с чёрного остова коляски. Не потому, что был мёртв или ранен огнём; не потому, что не желал этого. Человек был вырезан из дерева. Издалека могло показаться, что в центре гиблого величия сидит владелец дома, ушедший в смертную горесть: *Всё кончено. Огонь сожрал всё*. Но стоило подойти ближе, и наблюдатель не смог бы не обратить внимания на древесную копоть, покрывающую куклу.

Тишина наслаждалась собственной властью, пока могла, но ей скоро должен был прийти конец. Надвигались перемены, и собачий вой, пронёсшийся эхом над пустым лесом, стал знамением начала. Лес словно коротко охнул в мощном порыве, вторя кличу твари, и всё изменилось за мгновение: по листьям с шелестом прошёлся молодой ветер, во дворе заскрипели петли детских качелей, не тронутых огнём. Лес ожил. Наконец, из-за туч выглянул красный глаз луны, добавив в пейзаж смутно-кровавое сияние.

Кукла продолжала сидеть на коляске на развалинах «Дома Желаний». По-прежнему – не смещаясь ни на дюйм. Но всё-таки... возможно, острый глаз что-то и заметил бы в её чёрном облике, какое-то неуловимое изменение. А может, и нет. Коляска с седоком торчала из горстки праха, став этой ночью

средоточием мёрзлого леса – местом, куда стекались все ветра и даже случайные дуновения воздуха.

2

Пробуждение стало жутким. Первое, что Генри понял, открыв глаза: у него нет тела. Он попробовал шевельнуть пальцем, но не обнаружил руки; словно её и не бывало. Та же история приключилось с другой рукой и обеими ногами. Тогда он не выдержал и со стоном подтянулся вверх, с хрустом выворачивая шею, чтобы посмотреть, что же такое с ним стряслось.

К счастью, всё оказалось проще. Генри опять лежал на замёрзшей площадке под небом цвета недоваренной ухи, затянутым туманом. Лежал, наверное, долго, раз конечности успели принять оттенок бумаги и окончательно потерять чувствительность. Холод почти выиграл войну: ещё полчаса-час забытья, и Генри мог бы не проснуться. Да и сейчас он не был уверен, что жив. А как быть по-другому, если члены отказываются подчиняться, тебя всего знобит, как проклятого, и в довершение всего в глаза забивается лёд, примёрзший на ресницах?

Первым делом Таунсенд возвратил к жизни руки – старательно сжимал и разжимал пальцы, постепенно расшевеливая их. Жизнь возвращалась вместе со сводящим с ума покалыванием, будто кисть сжимали в ежовых рукавицах. Приток крови восстановился, и бумажный цвет начал сходиться на нет. Теперь следовало активно разминать ноги и протирать щёки, но Генри мигом забыл о сем великом плане, как только вспомнил, что произошло перед тем, как он отключился.

– Айлин?

Голос вырвался на середину спирали, унёсся куда-то далеко вниз. Эха не было; пучина жадно поглощала все звуки.

Генри развернулся на другой угол площадки и увидел её. Айлин сидела, прислонившись к стене, вытянув ноги. Видимых ранений, кроме прежних, не было. Она тоже была без сознания. А может...

Он подполз к ней, приложил палец к губам. Тёплая. Дыхание сочится слабой струей. Слава Богу...

Нужно было разбудить её. Генри не имел понятия, давно ли Айлин без сознания, но чем скорее она придёт в себя, тем лучше. Он осторожно похлопал её по щекам:

– Айлин? Айлин, очнись.

Она не отреагировала. На правой щеке льдинкой повисла замёрзшая слезинка. Генри вспомнил, как его ноги отрывались от пола, и как всё чернело перед глазами. Господи, что произошло потом? Как она справилась с... той тварью?

– Очнись, – он усилил шлепки, – ну же, вставай...

Она дёрнулась, надсадно закашлялась. Генри тут же отполз назад на ватных ногах, чтобы не напугать её. Через секунду Айлин открыла глаза.

– Где... – снова кашель, сухой и ломящий. – Что случилось?

– Не знаю, – Генри принялся разминать суставы ног. – Кажется, мы в очередной раз едва не умерли.

Он не желал сострить; горькая шутка вырвалась само собой. Айлин приподнялась на локте. Рука в гипсе соскользнула с колен и гулко стукнулась о бетон.

– Генри, рука не слушается, – она испуганно смотрела на него.

– Это от холода, – сказал он. – Главное, немного подвигать. Пройдёт...

Пока Айлин занималась оживлением руки, Генри с кряхтением поднялся на ноги. Странное ощущение: будто заново учишься ходить и вот-вот можешь свалиться бревном на пол. Он постоял секунду, потом всё же решился сделать первый шаг. Взмахнул руками, схватился за балюстраду площадки. Дальше дело шло веселее. Убедившись, что способность использовать ноги по назначению вернулась, Генри подошёл к более-менее оклемавшейся спутнице и помог ей встать. Поддерживал её за руку, пока она предпринимала первые робкие попытки пройти по площадке. Времени для Айлин потребовалось больше: лишь минут через пять он решился её выпустить.

Генри крайне интересовало, что случилось в станции метро и каким ветром их занесло на заледеневшую площадку. Но спрашивать об этом здесь и сейчас выглядело бы как-то глупо. А ещё Генри было стыдно, что он вырубился в тот самый момент, когда был больше всего нужен Айлин.

– Тут всё выглядит так же, как прежде, – констатировал он. Айлин проследила взглядом по рваному туману, облегающему их со всех сторон; в отличие от Генри, она задержала взор на участке стены, ничем не примечательном с первого взгляда. Там ещё были видны останки того, что прежде было знаком культа.

Мой! – вспомнила она. Это воспоминание способно было вогнать её в дрожь, но второе, которое последовало за ним, взорвалось в разуме пороховой бочкой.

– Генри, он был здесь! Я видела его!

Таунсенд, ощупывавший свою шею в поисках живого места, удивлённо обернулся:

– Кого?

– Тот... – Айлин понизила голос. – Тот человек, который был у меня в квартире.

– Что он делал? – Генри вмиг запомнил о больной шее.

– Ничего, – Айлин даже сама растерялась. – Я просто видела его у вагона, он... – Она широко раскрыла глаза. – Он указал мне на дверь с символом. Я бы сама не увидела...

– И что потом? – Генри вспомнил зловещего наблюдателя у лестницы. Так и догадывался, что под покровом мглы скрывается он, «хирург» из госпиталя. Чего ему от них нужно? Почему он неотрывно преследует их по пятам?

Айлин коротко рассказала ему о событиях в вагоне поезда. Говорила просто и без укора, но Генри всё равно налился пунцовой краской. Выходит, Айлин тащила его по всему вагону со сломанной рукой, пока он дрых в отключке. Хорошая помощь, герой. Ну просто замечательная.

– Значит... – Генри говорил медленно, выискивая нужные слова. – Он просто ушёл?

Айлин кивнула:

– Да. Я сама была в шоке.

– Ты уверена, что это был именно он?

Господи, как я могла бы спутать ЕГО с кем-то другим? Айлин даже почувствовала обиду:

– Полагаю, что да.

Вопросы иссякли, и Генри замолчал. Свет не разлился по сводам тайны; окружающее безумие оставалось непонятным картонным спектаклем. Но он был рад, что всё обошлось – непонятно почему, но оба были ещё живы. С этой точки зрения даже холод, от которого конечности снова начинали превращаться в соляные столпы, казался ласковой трепкой.

И Генри произнёс единственно верное, что он мог сейчас сказать, прежде чем они продолжают свой путь вниз:

– Ты спасла мне жизнь.

– Генри, я бы не стала называть это так...

– Но это так, – возразил он. Айлин слабо, но весело улыбнулась:

– Ну хорошо, хорошо. Пойдём дальше?

– Угу, – кивнул Генри. Они подходили к той черте, после которого можно было не заботиться о спуске; мороз превратил бы обоих в заснеженные туши на полпути. Следовало торопиться, и они без лишних слов направились вниз, держась за руки. Туман вокруг стал гуще, свет – темнее, и через минуту оба окончательно заблудились в серой зернистой пучине.

3

В этот раз спуск был короче, и удовольствия созерцать повешенных со сломанной шеей не представилось. Но им хватило других страхов спиральной лестницы – не столь очевидных, но не менее пугающих: странных скрипящих звуков за пределами железной конструкции, словно там кто-то выворачивал ржавую трубу; бледноватых теней, искусно прячущихся за туманом, проплывая иной раз прямо у них носом; наконец, крови на ступеньках, которой стало значительно больше. Не похоже было, что багровая жидкость шла у кого-то из носа. В таком случае бедняга сто лет назад истёк бы галлонами крови, и его труп валялся бы скрюченным на очередной ступеньке.

Пару раз Генри обращал внимание на какие-то красноватые трубки, намотанные на стальные штыри конструкции. Они были едва различимы, но всё же он предположил, что это кишки какого-то мелкого животного. Ничего другого в голову не приходило. Айлин их не увидела, ну и слава Богу.

Они пришли на третью бетонную площадку, когда зубы перестали попадать друг в друга от холода. В любых других условиях Генри беспокоился бы о возможной пневмонии, может, даже менингите. Однако здесь это волновало мало. По сравнению с другими опасностями этого мира угроза болезни теряла остроту. К тому же Генри знал, что никакой пневмонии не будет, даже если

они будут кружить по спирали неделю. Холод являлся в этом мире голой формой без содержимого – чем-то сродни декораций на сцене, где разыгрывается действие.

Айлин подошла к стене, уже привычным жестом приложила ладонь к мёрзлой поверхности. Где-то с третьей попытки ей удалось найти нужное место, и алые трещины стремительно побежали по бетону, как паутина. Она зачарованно смотрела, как свет складывается в правильный узор под её прикосновением. Зрелище было красивым и бодрило ум, но Генри радоваться сейчас не мог. Он увидел кое-что, чрезвычайно его встревожившее.

Одновременно со странным знаком цифры, вырезанные на спине Айлин, тоже расцвели свечением. Не таким невинно-алым, а более темным, под цвет крови. Единица, почти слившаяся с кожей, снова развела края, как горное ущелье. 2... 0... 1... 2... 1... число разбухло, расплылось фиолетовым ореолом. Генри в ужасе ждал, когда Айлин закричит от боли, но она, похоже, ничего не замечала. Дверь открылась, как всегда, без единого скрипа. Жуткая трансформация прекратилась как только Айлин отняла руку от двери. Цифры снова стали простыми порезами, разве что выделялись чуть ярче.

– Генри, я вижу луну! – воскликнула Айлин. Генри не разделял её восторга: возможно, у Айлин не было матери с Айовы, которая могла прояснить её на сей счёт, но эта луна, висящая кровавой каплей на линии горизонта, не предвещала им ничего хорошего. «Дурная луна», знаменующая ночь нечисти, опять входила в свою власть.

Айлин порхнула в проём двери, не чувствуя ног от радости. Открытое небо, благословенное тепло, свежий воздух... конец душных закрытых помещений, которые давят на плечи. Генри последовал за ней, ощущая спиной, как дверь тихо закрывается за ними.

Это было кладбище. Достаточно маленькое, чтобы поместиться на крошечной лужайке посреди леса. Могильных плит было немного, и имена, выгравированные на них, успели обточить дождь и ветер. Сквозь решетчатую ограду была видна тропинка, вьющаяся между стволами навстречу встающей луне. Ночные цикады еле слышно стрекотали в полегшей траве. Свежий воздух ворвался в лёгкие живительным напитком. Генри и Айлин посмотрели назад одновременно: разум отказывался переваривать то, что произошло. Но двери за спиной уже не оказалось – на глыбе гранита у ограды остался только выцветший круг. Генри задрал голову. Винтовой лестницы, спускающейся с ночного неба, тоже не было.

– Как такое может быть? – спросила Айлин. Не скажи она этого, секундой позже тот же вопрос вырвался бы у Генри.

– Не знаю, – он мотнул головой. – Чёрт возьми, иногда кажется, что мы сошли с ума. Что ж, по крайней мере, тут тепло.

Айлин коротко улыбнулась в знак того, что шутка принята:

– В нашем положении это уже немало.

Они замолчали, вслушиваясь в шелест ветра, играющего листьями на кронах. Генри ждал протяжного собачьего воя над лесом, который окончательно расставил бы все точки над *i*. Он был бы даже рад его слышать

– это стало бы знаком того, что он вновь в знакомых местах. Всё лучше, чем полная неизвестность. Но пока в лесу шумел только ветер.

– Смотри, Генри, – Айлин вскинула руку вперёд, в центр кладбища, где могилы вроде бы образовывали полукруг. – Ты видишь это?

Сначала Генри ничего не замечал в нагромождении чёрных прямоугольников – *Смитов, Джонсонов и Ламли*, нашедших упокоение на этой лужайке. Но потом глаз выхватил какое-то несоответствие в расположении камней. Одна могильная плита не встраивалась в ряд, грубо нарушая общую гармонию. Она лежала на траве, повалившись набок, наполовину засыпанная горсткой земли. Будь это другая плита, Генри бы увидел сразу, но эта оказалась самой низкой и неприметной. Оттуда, где стояли Генри и Айлин, разрытой могилы не было видно, она пряталась за очередным красивым мраморным надгробием.

– Что это такое? – шёпотом спросила Айлин, придвинувшись ближе к Генри. Он сделал шаг в сторону и увидел неглубокую чёрную яму на земле. Яма имела неправильную форму, словно рыли второпях. Комья земли не лежали по одну сторону могилы, как сделал бы всякий, кто орудовал лопатой; нет, они окружали её сплошной грядой, кое-где высокой, кое-где почти незаметной. Генри догадался, что причина тому проста: могилу не раскапывали. Наоборот, кто-то вырывался из её недр, пробивая путь наружу. И... ему это удалось.

Айлин тоже поняла, что случилось.

– Там пусто? – она сжала руку спутника. – Генри, там ведь никого нет, правда?

Таунсенд сделал шаг вперёд, но видимость лучше не стала. Дно могилы по-прежнему не пряталось во мраке. Воображение рисовало одну картину за другой, упиваясь исступлёнными судорогами сознания: у провала нет дна, и это не могила, а шахта, ведущая в центр земли – в тот самый пресловутый ад. Или: дно у ямы есть, а там... там... скажем, труп. Мёртвый человек. Он терпеливо ждёт, пока Генри приблизится на достаточное расстояние, чтобы вцепиться ему в горло одним победным рывком.

Но могила была пуста. Ещё три осторожных шага, и Генри с безмерным облегчением увидел внизу подгнившее днище гроба. Продолговатое вместилище было открыто, пялясь своим дном на ночное небо.

– Пусто, – сказал Генри. Голос почему-то охрип. Возможно, из-за резкого перехода в тепло после мороза.

Айлин недоверчиво взглянула на него и подошла ближе. Увидев гроб, прерывисто вздохнула – то ли от ужаса, то ли от облегчения. Они так и стояли, уставившись на разрытую могилу, и в голове носились сотни страшных догадок о том, что случилось на этой тихой лужайке. По прошествии минуты Генри внезапно почувствовал всю абсурдность этой сцены и тронул Айлин за руку:

– Пойдём.

– Да-да, – она отстранённо кивнула, не глядя на него. – Один... один... два...

Говорила она едва слышно, но Генри всё прекрасно понял. Цифры. Он едва не поддался порыву схватить Айлин за плечо – удержался в последний момент, сообразив, что жест причинит ей боль:

– О чём ты говоришь?..

– Эти числа, – она в недоумении посмотрела на него. – Ты их не видишь?

– Нет, – честно признался Генри. *И не хочу видеть, знаешь ли.*

– Вот же они, – Айлин указала на днище гроба, где выступали грязно-жёлтые доски. – Числа. Они написаны прямо там.

Ещё немного приблизившись, Генри убедился, что она права. Возможно, красный лунный отсвет обманул его зрение, или у него начали сдавать глаза после двухлетней отсидки в четырёх стенах, но взгляд спутницы оказался куда острее его собственного. Число *было*, и с этим ничего нельзя было поделать.

11121.

Надпись была нанесена каким-то бурым составом во всю длину гроба. Скошенная и неровная, как каракули неуспевающего первоклассника. Та же характерная закорючка за изгибом двойки, которую Генри видел на груди Синтии... или на животе Эндрю... или на спине Айлин. Плохой знак.

Здесь была ещё одна жертва, с содроганием понял Генри. *Была, но уже ушла...* В глазах взметнулось пламя чёрных волос, любовно обвивающее шею.

Он не убивает их. То есть убивает, но для его жертв это ещё не конец. Это лишь начало... начало самого страшного.

– Одиннадцать-двадцать один, – скороговоркой выговорила Айлин, и Генри едва не подскочил на месте. *Не читай!* – захотелось закричать ему. – *Не читай, иначе накликаешь беду.*

Но прежде чем он сказал, Айлин произнесла ещё два слова:

– Уолтер Салливан.

Генри повернулся к ней:

– Откуда ты о нём знаешь?

– Убийца, который нумеровал своих жертв такими пятизначными числами, – Айлин отступила от могилы. – Мне о нём рассказал Джозеф, когда мы столкнулись на лестнице.

И то верно. Таунсенд совсем забыл о том, что Айлин тоже знала кое-что об этой истории. Возможно, это «кое-что» было самым главным.

– Он много рассказал?

Она горько улыбнулась:

– Достаточно, чтобы я пожалела, что вообще заговорила с ним. Джозеф был одержим этим Салливаном, Генри. Видел бы ты его лицо...

– Сможешь пересказать мне, что запомнила?

– Конечно, – взгляд Айлин снова вернулся на яму. – Но давай сначала уйдём отсюда, Генри. Мне здесь не нравится. И знаешь...

Генри ждал продолжения. Айлин коснулась лба рукой, словно проверяя, нет ли у неё повышенной температуры:

– Наверное, стоит сказать сразу. Эти числа, Генри – они как порядковый номер. 11121 – одиннадцать из двадцати одного. Из двадцати одного человек,

которых Уолтер Салливан намеревался убить. Единица посредине – это не число, а разделитель. Ну, как дроби в школе.

Генри согласно кивнул, всё ещё не понимая. Впрочем, следующие слова Айлин показали, что водоём вещей, которых невозможно понять, куда более глубок, чем он предполагал:

– Джозеф особо говорил об одиннадцатой жертве. Собственно, о нём только и рассказывал все время. – Айлин украдкой оглянулась назад; гроб оставался безжизненным и покинутым. – Генри, три единицы-два-один – это сам Уолтер Салливан. Когда его схватили после десяти убийств, он покончил с собой в тюремной камере. А перед тем, как сделать это, он вывел на своей ноге это число.

4

– Значит, он умер? – Айлин не стала скрывать своей радости; после того, что поведал ей Джозеф, она не смогла бы ночью сомкнуть глаза, зная, что такие выродки бродят где-то рядом на свободе. – Салливан умер?.. Зачем тогда тебе расследовать это дело?

Джозеф рассмеялся, но она не услышала в его смехе задорно-беззаботных ноток, как в лучшие времена:

– Эй, всё не так просто. Дальше начинается самое интересное. Я бы сказал, то, без чего у меня не было бы никакого расследования.

– Да? – Айлин не была уверена, что хочет это слышать, но Джозеф сегодня был сам не свой: из него так и сочилось странное возбуждение, и вставить хоть слово представлялось ересью.

– Смотри, – Джозеф выхватил из кипы бумаг один листок, даже не глядя; наверное, так ловко обращаться с большим ворохом могли лишь журналисты. – Как я тебе уже сказал, к тому моменту, когда Салливан всадил себе в горло заточенную ложку, он успел убить десять человек. Вот, читай...

Она прочитала имена, небрежно написанные столбиком, стараясь не вспоминать лишний раз, что каждое имя, в сущности, было человеком. Человеком, который мёртв по воле безумца.

01121. Джим Стоун, священник
02121. Бобби Рендольф, школьник
03121. Шон Мартин, школьник
04121. Стив Гарланд, владелец магазина
05121. Рик Альберт, владелец магазина
06121. Джордж Ростен, священник
07121. Билли Локейн, школьник
08121. Мириам Локейн, школьник
09121. Уильям Грегори, часовщик
10121. Эрик Уоли, бармен

– Эти номера он вырезал на теле жертв? – Айлин знала, что да, Джозеф упоминал об этом. Но Джозеф буквально изнывал от нетерпения, ожидая, что она скажет. И вот она сказала – первое, что пришло в голову.

– Именно! – он прямо-таки засиял, будто она произнесла что-то исключительно важное. Айлин впервые посетила искорка тревожной мысли: *Он не в себе. С Джозефом что-то не так.* Не давая ей времени развить эту мысль, Джозеф выхватил у неё листок и указал трясущимся пальцем на нижнее имя:

– Видишь номер? Десятая жертва. Десятая из двадцати одного. Салливан ставил себе целью убить именно двадцать один человек – нехило, не правда ли?.. Как раз после того, как полиция расшифровала эти числа, делу и была дана первая степень важности: стало ясно, что парень замахнулся по-крупному.

– Конечно, – кивнула Айлин, живо вообразив себе ужас следователя в тот момент, когда он понял скрытый смысл кровавых надписей. Кто бы смог после такого откровения остаться спокойным.

– А теперь, – Джозеф заговорщицки улыбнулся ей, ни дать ни взять шоумен из какой-нибудь вечерней телепередачи, – а теперь, дорогая Айлин, давай угадай, что нацарапал на своей ноге Салливан, прежде чем порвать с миром?..
... и главный приз, поездка в Гавайи на двоих, будет твоим!

– Три единицы-двадцать один? – неуверенно предположила она. Джозеф с трудом удерживался от того, чтобы расцеловать её, по крайней мере, вид у него было такой:

– Вот именно! Одиннадцатой жертвой Уолтера Салливана стал
(барабанная дробь, подумала Айлин без всякого веселья)
сам Уолтер Салливан!

– Но ведь в этом нет никакого смысла, – возразила она; впрочем, это не помешало ей испытать мгновенное дуновение ужаса. – Убивая себя, он должен был понимать, что это конец. И ему никогда не добраться до двадцати одного.

– В полиции тоже решили, что он окончательно спятил, – Джозеф согласно закивал. – Тем более что когда его задержали во время убийства Мириам и Билли Локейнов... это были маленькие дети, брат и сестра... в-общем, он несколько ночей не давал спать заключённым в соседней камере. Кричал, как резанный, и всё время бился головой о дверь.

– Господи, – Айлин содрогнулась. Зачем она вообще стоит здесь и слушает эту отвратительную историю?

– Погоди-ка, у меня была заметка, – Джозеф снова открыл папку и вытащил пожелтевшую газетную вырезку. – Вот что написали об этом в местной газете. Мне кажется, негусто для такого дела, но в маленьких городах власти любят скрывать подобные вещи...

Айлин пришлось пробежаться взглядом по статейке. Она и вправду оказалась короткой донельзя:

Полиция сообщает, что Уолтер Салливан, арестованный 18-го числа этого месяца за зверское убийство Билли и Мириам Локейнов, сегодня, утром 22-го, совершил самоубийство в своей камере.

По свидетельствам полиции, Уолтер повредил столовой ложкой сонную артерию на шее. Когда охрана обнаружила его, он был уже мёртв от потери крови. Ложка вошла в рану на два дюйма. Одноклассник Уолтера из Плезант Ривера, где он жил, высказался: «Я не думал, что он способен убить детей. Но за несколько дней до ареста я встречал его, и он вёл себя довольно странно. Болтал всякую чушь вроде того, что какой-то красный дьявол идёт за ним и хочет его покарать». Также одноклассник добавил: «Теперь я полагаю, что он был сумасшедший».

– Джозеф, всё это, конечно, очень интересно, но...

– Да-да, конечно, – Джозеф вырвал газетную вырезку у неё из рук – лишь затем, чтобы заменить другим, выглядящим чуть новее, зато с жирными следами пальцев на краю. – А теперь взгляни на это, Айлин. Пожалуйста. Это и есть то, что я расследую уже которую неделю.

Прежде чем изучить бумагу, Айлин посмотрела на Джозефа, который продолжал цепляться за обрывок газеты, как за какую-то драгоценность. Надеялась на ответный взгляд, но напрасно – проклятая газета крепко держала его глаза на себе, словно магнит. Айлин окончательно убедилась, что вся эта сцена – не экстравагантный способ Джозефа привлечь её внимание к своей персоне. Она знала, что журналист испытывает к ней определённые симпатии, однако как далеко они простираются, могла только гадать. Но сегодня был не тот случай. Джозефа в самом деле заботило только расследование. Только этот мёртвый маньяк да его бедные жертвы.

Неслышно вздохнув, она прочитала статью. Даже короче, чем прежняя. Газета датировалась прошлым годом, в ней сообщалось о смерти шестнадцатилетнего ученика средней школы Питера Уолсса, тело которого нашли на крыше эшфилдского отеля. Питер во всеуслышанье заявил («будучи в состоянии наркотического опьянения», уточнялось в статье), что видит на крыше Бога, и полез наверх по пожарной лестнице. Друзья ждали его полчаса, час, потом не выдержали и поднялись следом. Бога они не увидели, зато нашли...

– Как... – Айлин растерянно взглянула на Джозефа. – Как такое может быть?

Он вскинул брови:

– Сумасшедший подражатель?

– Да, конечно, – у неё отлегло от сердца. Подражатель. Иногда такое бывает, Айлин даже видела пару фильмов с таким сюжетом. Безумцы настолько проникаются подвигами более великих собратьев, что начинают действовать подобно им. Как это ни мерзко, всё-таки гораздо лучше того, что пришло в голову в первое мгновение.

– Они его поймали? – спросила она. Джозеф пожал плечами:

– Увы. После Питера Уоллса, номера 12121, неизвестный маньяк успел убить ещё двух – соответственно пронумеровал их тринадцатым и четырнадцатым номерами. Затем настало затишье.

– Значит, он на свободе, – спокойно отметила Айлин. Сегодня ночью, ложась спать, она дважды проверит замок на входной двери и закроет шторы так плотно, чтобы через них не пробивалось ни единого лучика света. Глупый страх улетучится через неделю – но даже потом время от времени она будет беспокойно прислушиваться к гулким звукам шагов в коридоре.

– Вот о человеке, который стоит за «вторым раундом» дела, я и пытаюсь что-нибудь выяснить, – Джозеф выпрямился, не глядя засунул все бумаги в папку. – У меня есть некоторый опыт в расследовании серийных убийств... Три года назад мы на пару с коллегой занимались подобным. Правда, дело было в Мэне, и мы так ничего и не добились, но почему-то мне кажется, что здесь я могу достичь большего успеха.

– Надеюсь, вам это удастся, – искренне сказала Айлин.

– Дело даже не столько в убийствах, – Джозеф понизил голос. – Смеею полагать, мне удалось выяснить об Уолтере Салливане нечто, о чём не имела понятия даже полиция...

Айлин приготовилась слушать, скорбно полагая, что меньше чем через час ей не уйти. Но тут произошло нечто удивительное: Джозеф замолчал. Открыл рот, чтобы поделиться очередной потрясающей тайной, и закрыл, не сказав ни слова. Разгорячённость затуманилась и вдруг пропала, как оседают старые мешки, когда из них выбивают пыль. Он отвёл глаза от своей папки, наконец-то посмотрев на её лицо. И улыбнулся – характерной жестковатой, но приятной улыбкой, несказанно обрадовавшей Айлин:

– Кажется, я вас задерживаю. То есть не кажется, а точно.

– Да что вы, Джозеф... – Айлин сама удивилась, насколько слабо и искусственно прозвучал протест.

– В любом случае, мне пора, – он посмотрел на часы на запястье. – Придётся бежать сломя голову. Надеюсь, вы никуда не опоздали?

– Нет. Как раз шла домой... ничего страшного. А вы на работу?

– Вечерняя смена слаще всего, – продекламировал Джозеф, спускаясь по лестнице. – До встречи, Айлин. Да, и спокойной ночи.

– Вам тоже, Джозеф, – у Айлин было ощущение, что её выбросили на ходу из движущегося на полной скорости автомобиля и умчались дальше. Впрочем, она у неё в мыслях не было жалеть о незавершённом рассказе.

Уже спустившись на этаж ниже и скрывшись за лестничным пролётом, Джозеф вдруг громко сказал:

– Это очень интересное дело, Айлин. Очень.

Айлин, направившаяся было к своей квартире, остановилась. Была в нелепой уверенности, что Джозеф вернётся, перепрыгивая через ступеньки, размахивая очередной газетой, и заставит её выслушать конец этой кровавой истории. Но он продолжал идти вниз, и, поворачивая ключ у двери, Айлин услышала, как внизу хлопнула дверь.

Они шли вдвоём по тропе, которая постепенно расширялась, превращаясь в дорогу. Озеро стало ближе – Генри догадался по участвовавшим крикам чаек и ночному бризу, который набрал достаточную силу, чтобы зашевелить ветви деревьев. Собак или иных тварей, которых он опасался, пока не намечалось. Если бы не демонический надзор луны, окружающий пейзаж стал бы идеалом умиротворения. Свежеопавшие листья мягко шуршали под ногами. Пройдёт неделя, и они будут издавать стеклянный хруст, от которого знобят ступни.

Айлин закончила рассказывать. Генри кивнул, но не стал ничего говорить, хотя слова так и просились наружу. Но пока он решил держать их при себе, пока не упорядочит мысли. Наконец-то он хоть что-то понял, что-то связное, и тем осторожнее нужно было обращаться со своими догадками и прозрениями. Они могли им помочь... а могли сделать только хуже.

Итак, числа. Теперь Генри понял их смысл, и завеса таинственности ниспала. Но одновременно появилось несколько новых вопросов... они не могли не возникнуть.

Первое. Айлин упомянула, что последняя жертва маньяка носила четырнадцатый номер. Вместе с тем Генри собственными глазами видел число 16121 на Синтии. Значит, за последние два с половиной года был убит кто-то ещё. Пятнадцатая жертва – кто-то, чей труп должны были найти с вырезанными на нём числами. Но не нашли.

Второе. По замечанию Джозефа, Уолтер Салливан поставил себе цель лишить жизни двадцать один человек. Если верить журналисту, Синтия была шестнадцатой, Джаспер – семнадцатым... Айлин – двадцатой. Чего бы маньяк ни добивался, он почти достиг своей цели. Спасение Айлин можно было назвать чудом... в крайнем случае – необычайным везением.

И третье. Это-то, пожалуй, и беспокоило Генри больше всего остального.

«Уолтер Салливан совершил самоубийство в своей камере».

Он ведь умер! Умер много лет назад, сейчас, наверное, даже кости под землёй рассыпались в прах!.. Кто тогда продолжал все эти убийства после его смерти? Кто убивал Синтию, Джаспера, Эндрю и Ричарда?.. Даже с учётом безумия окружающей реальности Генри не желал признавать, что все они пали жертвой давно разложившегося безумца. В этом просматривалась высшая несправедливость. Убийцы после смерти должны гореть в аду, а не гулять как ни в чём не бывало по странным опустошённым мирам, затягивая в воронку других, ни в чём не повинных.

Но кто тогда?.. Кто этот человек в плаще, препарирующий мёртвых женщин, едва не убивший Айлин? И кто мальчик, который всегда оказывается рядом с местом очередного убийства, хладнокровно наблюдая агонию несчастных?.. Эндрю ДеСальво, умерший в водной тюрьме, назвал мальчика Уолтером Салливаном. Что-то тут не сходилось.

– Генри, о чём ты думаешь? – спросила Айлин, когда он замедлился, ожидая, пока она догонит его. – Ты что-то понял?

– Не совсем, – Генри покачал головой. – Но по крайней мере, теперь всё ясно с этими цифрами.

– Что – ясно? – она была удивлена. Генри прикусил язык: ведь Айлин до сих пор видела цифры только на дне пустого гроба. В котором, если верить логике, покоем сам Уолтер Салливан. Покоился, да ушёл.

Но, с другой стороны... сколько можно скрывать правду? Генри уже устал недоговаривать своей спутнице, и решил положить этому конец здесь, на этой лесной тропе. В конце концов, это просто нечестно по отношению к Айлин – прятать от неё очевидное.

– Айлин, – он полуобернулся к ней. – Я должен тебе кое-что сказать. Наверное, тебе это не понравится, но...

– Сколько? – спокойно спросила она.

Генри растерялся:

– Сколь... Что?

– У меня на спине числа, не так ли? Какое это число?

На мгновение их взгляды скрестились, и Генри уразумел, что Айлин знала это давно – возможно, с того самого момента, когда очнулась в белесой палате госпиталя. Знала, но боялась спросить.

– Они жгут, Генри. Особенно после того, как я прохожу сквозь двери со знаками. Я думала, что там буквы, может, какое-нибудь слово... Но раз уж тут всё завязано на числах, – она коротко усмехнулась, – я бы поставила на пятизначное число. Я права?

– Да, – сказал Генри. Захотел остановиться, устроить привал, но ноги продолжали нести его вперёд. Между деревьями вдалеке замелькала гладь воды, в воздухе запахло приозёрной сыростью.

– Сколько там? – безнадёжно спросила Айлин. – Пятнадцать-один-двадцать один? Или, может, шестнадцать?

– Двадцать, – ответил он. – 20121.

– Но это... – она запнулась. – Это невозможно, Генри. Неужели он успел за это время... нет, он не смог бы...

– Это всё случилось за последнюю неделю, – угрюмо сказал Генри. – Я говорил, что видел, как здесь убивали людей... На всех были эти числа. Начиная с шестнадцати и кончая девятнадцатью. Как только я находил их... их тела... тогда я просыпался. Я не мог ничем им помочь.

– Значит, всё делает он, – Айлин подняла голову, вслушиваясь в приближающийся всплеск волн. Где-то в сторонке громко треснул сук. – Человек в плаще – Уолтер Салливан... Он не умер.

Генри хотел заикнуться о подражателе, но передумал. Возможно, потому, что они как раз вышли из леса на берег озера, где луна щедро изливала свою медь на ленивые волны. А может, он просто не хотел возражать – понимал, несмотря на все протесты разума, что Айлин права, и человек, который гонится за ними, никакой не подражатель, а тот самый убийца собственной персоной. Умерший в грязной камере захолустного городка десять лет назад, валяясь в луже собственной крови... но здесь и сейчас – живее, чем когда бы

то ни было. Он выбрался из своей могилы. И всё ещё жаждал продолжить кровавое дело.

6

У берега была маленькая площадка, специально оборудованная, чтобы туристы могли полюбоваться озером. Генри за свой визит в Сайлент Хилл не побывал здесь – ему больше нравилось наслаждаться видом озера в одиночестве, нежели в шумной толпе, жующей гамбургеры. Сейчас, понятное дело, на площадке не было ни души. Забористая ограда накренилась, угрожая свалиться в воду. Но табличка с надписью стояла ещё вполне крепко: слова «ОЗЕРО ТОЛУКА» на фоне воды, затянутой дымкой тумана. Само озеро этой ночью меньше всего было похоже на изображение на табличке. Тумана не было в помине – если бы не темнота, зоркий глаз смог бы увидеть противоположный берег. Луна висела в стороне, протягивая по волнам багряный мостик, прерываемый серебристыми бликами. Волны были ещё заметны у берега, но шагах в двадцати – тридцати поверхность уже выглядела невозмутимо-спокойной. Генри задался вопросом, глубоко ли здесь. Посмотрел на белую пену, собравшуюся у берега, и пришёл к выводу, что купаться, пожалуй, не стоит.

– Красиво... – Айлин втянула в лёгкие солёный запах озера и обколотилась о табличку. – Озеро Толука – значит, мы в Сайлент Хилле?

– Скорее всего, – отозвался Генри, удивлённый совпадением. – Ты бывала в этом городе?

– Пару раз. Обожаю парки аттракционов. А здесь – один из лучших на восточном побережье. У меня дома даже сувенирчик есть от этого парка, кролик Робби – весёлая мордашка.

Воспоминания о лучших днях грели душу. Когда она была в Сайлент Хилле в последний раз? Айлин попыталась вспомнить. Кажется, года три назад, а то и четыре. Город ветшал, и людей было не так много, как прежде, но Айлин тихое поселение всё равно нравилось. Не только парком аттракционов и прекрасными пейзажами с примесью светлой тоски, но и тем, что в какой-то мере Сайлент Хилл был похож на её собственный родной город. Не Эшфилд с шумными серыми улицами, хоть она и приехала сюда совсем маленькой и могла считать себя стопроцентно «здешней». Её *настоящее* родовое гнёздышко находилось в Вирджинии, в крохотном домике, где ставили свечи на тортах и дарили шоколадных зверьков, которых она так любила.

Сайлент Хилл. Кто знал, что она вернётся в этот городок таким образом. Да и вернулась ли она? Генри утверждал, что всё происходящее не сон... но Айлин знала, что это и не реальность. Это было... просто что-то другое.

Чтобы убедиться в этом, достаточно было посмотреть вперёд, немного выше волн.

– Генри, огней города не видно.

Он молча кивнул, оглядев противоположный берег. Тьма по ту сторону воды была пустой, хотя они должны были видеть сотни огоньков,

сливающихся в потрясающую панораму. Ветер не приносил случайные обрывки городских звуков, скажем, рокот машин – лишь пронзительные, неумолкающие крики чаек.

– Куда пойдём дальше? – спросила Айлин. – Ты ведь был здесь во сне?

– Да, – ответил Генри. – На эту площадку не попадал. Кажется, бродил милей южнее... Там должен быть детский приют, но, по правде говоря, мне не хочется туда возвращаться. Попробуем пока идти вдоль берега, а там... что-нибудь видно будет.

– Ты так думаешь? – Айлин явно сомневалась.

– Если у тебя есть другой план...

– Какой там план, – отмахнулась она. – Но мне кажется, что лучше искать дверь со знаком внутри помещения, а не на берегу.

– Может, нам удастся вырваться отсюда и без двери, – сказал Генри. – Здесь всё-таки открытая местность...

Айлин посмотрела на лицо Таунсенда с изумлением. Неужели он не понимает, после всего произошедшего, что эти двери, и только они, могут спасти их из плена каждого из этих маленьких мирков? Лес, конечно, был больше, чем госпиталь и метро, и свежий воздух приятно щекотал ноздри... но буквально на каждом шагу можно было заметить, что всё это – душистые кроны, бескрайняя озерная гладь, полная луна на небосводе – не более чем красивое обрамление для очередной темницы. Не то чтобы что-то выглядело искусственным или вычурным... всё так, как надо, но *не так*. Может, тени слишком блеклые? Или не те формы листьев на ветвях? Сходу назвать было нельзя, но неправильность проглядывала везде, и Айлин была уверена, что Генри это тоже знает. Так почему...

Просто я знаю, что нас там ждёт, вот почему. Генри отвёл глаза на потрепанную табличку с видом на озеро. Он видел достаточно, чтобы понять, какая участь ждёт жертв человека в синем плаще. И ему не хотелось, отчаянно не хотелось столкнуться с ещё одним старым знакомым. Тем самым, который рассказал ему о камне Накихона и культе Сайлент Хилла.

Я... я з-знаю! Т-третье Пришествие... Что-то случится, да!

Нельзя. Ни в коем случае. Если он сколько-либо дорожит Айлин, то они не должны подходить к «Дому Желаний» на пушечный выстрел.

Но дверь...

Неизвестно, к чему пришёл бы Генри в результате мучительных дум, если бы Айлин вдруг не схватила его за руку. Взгляд скользнул мимо его плеч, на дальний угол площадки.

– Что... – Генри не стал договаривать; Айлин нетерпеливо мотнула головой, и он обернулся. Там не было ничего примечательного, кроме какой-то небольшой бронзовой скульптуры на постаменте, установленной явно для того, чтобы занять место. И в тени постамента притаился наблюдатель. Прятался не то чтобы очень хорошо... но достаточно, чтобы Генри и Айлин не подозревали о его присутствии минут пять.

Увидев, что его раскрыли, мальчик не убежал, не вышел из укрытия, а остался там, где стоял, положив пухлые ладоши на постамент, с интересом

следуя за реакцией взрослых. Его забавляло замешательство на их лицах. Он-то думал, что все взрослые знают, как поступить в любой ситуации.

– Это он, – шепнула Айлин. – Тот мальчик... я поговорю...

– Нет, – Генри тоже говорил шёпотом, но вложил в эти слова всю убедительность, на которую был способен. – С ним лучше говорить мне.

– Я...

– Он опасен, Айлин. Он стоял рядом, когда убивали людей. Он... – не договорив, Генри двинулся вперёд; боялся, что мальчик снова пустится бежать, как в тот раз, когда он был с Джаспером. По опыту знал, что пытаться его догнать – мёртвый номер.

Парень следил за ним, то и дело бросая взгляды на Айлин. Генри показалось, что когда он смотрел на неё, лёд в чёрных глазах чуть подтаивал.

– Тебя зовут... Уолтер Салливан?

Мальчик сдвинулся влево, словно не желая, чтобы Генри его видел. Руки всё ещё сжимали постамент скульптуры – как оказалось, у бронзового образа была выбита голова.

– Меня так называют, – сказал мальчик. – Но это не моё настоящее имя.

Голос у мальчика был совсем обычный, детский и звонкий – правда, с неуловимой хрипотцой, словно он простудил горло. Генри и не ждал, что он заговорит. До сих пор мальчик предпочитал отмалчиваться. Он даже начинал думать, что ребёнок глухонемой. Ответ оказался для него неожиданностью.

Позже Генри думал, что немалую роль в красноречии мальчугана в полосатой водолазке сыграло присутствие Айлин. Если бы мальчик не видел её, вряд ли он и здесь добился бы хоть слова.

– Н-ну... – казалось бы, у него была сотня вопросов, но все они шумной вереницей вылетели из головы, образовав пустошь. – А как насчёт папы и мамы? У тебя они есть?

– Да, – увидев, что Генри обходит постамент, мальчик опять юркнул за тень скульптуры. – Но я никогда не видел их. Они ушли из дома в Южном Эшфилде после того, как я родился. – Он вдруг засиял светлой, удивительно беззаботной улыбкой, на которую способны только дети. – Но я скоро снова буду с мамой.

– А ты знаешь, где она?

Улыбка мальчика, столь странно смотревшаяся на его вечно хмуром лице, исчезла, когда Генри задал этот вопрос.

– Да, конечно, – он кивнул; в тени копыа тёмно-каштановых волос казалась чёрной. – Мама ждёт меня там, где я родился. Я думаю, она пока спит. Но я всё равно буду с ней. Так сказано в Писании.

– В Писании? – Генри вспомнил листы с белибердой в машине Джаспера.

– Они не хотят, чтобы я увидел маму, – сообщил мальчик не без самодовольства; вновь улыбка появилась на его устах, но другая... эта улыбка Генри не понравилась. – Но у них ничего не получится. Мама меня ждёт... Я должен идти.

Он вдруг отнял руки от скульптуры, к которому казался прилепленным, и отбежал назад, где площадка примыкала к лесу. Генри не рискнул ничего предпринять, так что мальчик беспрепятственно добежал до опушки (которая,

впрочем, находилась в двух шагах) и обернулся. Не на Генри, а на Айлин, которая точно околдованная смотрела на мальчика.

– Привет, – сказала она, сиюсь улыбнутья.

– Привет, – мальчик кивнул. Хотел ещё что-то сказать, может, спросить у неё, всё ли с ней хорошо, но только шмыгнул носом и резво понёсся дальше. Через несколько секунд полосатая водолазка исчезла в синей мгле леса.

– О чём он говорил? – машинально спросил Генри. В голове прочно засели две вещи: что парня зовут Уолтер Салливан, как и маньяка, который поубивал массу народу, и что он жил в Южном Эшфилде. Читай – рядом с его домом. Станным образом последний факт беспокоил его больше первого.

– Он довольно милый, – сказала Айлин. Она всё ещё продолжала смотреть туда, куда ушёл мальчик, словно надеясь, что он вернётся. Генри неодобрительно качнул головой. Айлин не видела дьявольского спокойствия на этом невинном личике, когда рядом жарился на электрическом стуле Ричард Брейнтри.

Но, с другой стороны, мальчик спас ей жизнь.

– Ты его видел здесь раньше? – спросила она.

– Да, только в тот раз он не был настроен разговаривать. Увидел меня, и был таков.

Поняв, что ребёнок не вернётся, Айлин повернулась к озеру. Рука заныла опять; не тем странным гудением, напоминающим звук в мембране телефона, а обычной, вполне приземленной болью, смешанной с зудом. Она забарабанила пальцами по гипсу, стараясь прогнать неприятные ощущения. Хотя старалась делать это с видимой непринуждённостью, Генри, конечно же, всё понял. И напомнил себе, что встреча с маленьким дьяволёнком, конечно, была интересной, но идти вперёд тоже нужно.

Вот только... куда?

Будет видно на месте, решил Генри. Из обозревательной площадки вела только одна тропинка (помимо той, по которой они пришли). А когда она разветвится и им придётся выбирать между детским приютом и чем-нибудь ещё...

Вот пока они не доберутся до развилки, над этим и стоит подумать.

7

Генри не пришлось выбирать. Его элементарно лишили этой возможности. Тропинка не разветвилась, а смело устремилась вперёд, превратившись в посыпанную гравием дорожку. К тому моменту, когда он окончательно уверился в том, что с каждым шагом они становятся ближе к покинутому дому для сирот, он успел с этим смириться. Потом, ноги, ломящие после долгой прогулки, решительно протестовали против того, чтобы сойти с гладкой дороги в лесную чащу, где нужно было смотреть под ноги при каждом шаге.

Мне придётся сказать Айлин о Джаспере, думал он. И вооружиться хоть чем-нибудь. Если двери со знаком там нет, то нужно быстро уходить.

Но Айлин вновь опередила его – прежде чем Генри что-либо сказал, она тихо, но отчётлива начала декламировать:

*Далёкие лесные ночи,
Где деревья шепчутся всласть,
Скрывают зелёные очи
Детей, танцующих вальс.*

В ответ на недоумённый взгляд Генри она виновато улыбнулась:

– Просто запало в голову. Выучила ещё в школе, не помню, кто автор... Но мне кажется, что стих точь-в-точь для этого леса.

– Да? – Генри окинул взором пока ещё пышные кроны деревьев и траву, полёгшую между стволами. – А что там... дальше?

Айлин продолжила:

<...>

Читала она вдохновенно, полуприкрыв глаза, не запинаясь – должно быть, в своё время вызубрила стихотворение до ювелирной огранки. Слушая её тихую речь, Генри проникся мелодичным ритмом стихотворения – и наконец-то ненадолго забыл обо всех тревогах: о мальчике, который прятался в тени скульптуры, о зловещем человеке в синем плаще, о Синтии с вьющимися, как капроновые удавки, волосами. Они продолжали медленно идти, и луна, стоящая на стреме над странным лесом, орошала гравий влажными красными каплями.

*Кто-то скажет, что это вздор,
Лишь мираж... но смеем заметить:
Из всех тех, что людской ловил взор,
Сей мираж – величайший на свете.*

*В далёкие лесные ночи,
В одиночестве с полной луной,
Ты зажмурься – может быть, услышишь
Шёпот тех, кто следит за тобой.*

Кончилось. К великому разочарованию Генри, стихотворение кончилось. Айлин смущённо умолкла, ожидая, что скажет единственный слушатель. Она чувствовала, как Генри хотел, чтобы она не переставала читать, и стих тянулся строфа за строфой, выливаясь в поэму. Но даже эта короткая минута, или около того, стала в этом вальсе кошмаров отдушиной. Светлячком во мгле, который давал крохотную надежду.

– Да, – наконец сказал Генри, – хороший стих.

Наверное, мог бы сказать лучше, но слова не шли. Оставалось только злиться на неумение выражать свои мысли, угнетающее его с детства.

– Я боялась, что забыла последние строфы, – призналась Айлин. – Слава Богу, не всё так запущено. Кажется, стих назывался «Лесная колыбель», но я не уверена.

– Ну, – бодро откликнулся Генри, – будем считать, что так он и назывался.

Натянута-весёлая улыбка на его лице стала шире, когда он увидел впереди в сумраке то, что ожидал – высокий дощатый забор, отгораживающий от внешнего мира усадьбу внушительных размеров. Деревья расступались, открывая вид на решетчатую калитку, поблескивающую металлом в свете луны. С этой стороны «Дом желаний» был меньше всего похож на приют, построенный для детей. Скорее он напоминал деревенский мотель образца начала прошлого века, где после полуночи хозяева спускают с цепи собак, опасаясь незваных гостей. Положа руку на сердце, Генри признал, что и парадные ворота приюта не отличались жизнерадостностью. В воздухе ещё витал горький запах дыма.

– Генри? – Айлин нерешительно остановилась. – Что это за место?

Он ей рассказал. На этот раз – ничего не скрывая, до конца. И, хотя ему пришлось поведать о вещах не столь приятных, говорить правду было наслаждением.

8

За неимением лучшего Генри опять-таки вооружился увесистым суком, оторванным у ближайшего дерева. Айлин хотела тоже взять с собой что-нибудь тяжёлое, однако Генри сказал ей, что эта идея не очень хорошая. В её состоянии управляться с толстеньким суком было почти невозможно, к тому случись что-нибудь, же им всё равно пришлось бы бежать. И если Генри на ходу мог кое-как отмахиваться от призрака (*нет, ну послушайте, как это звучит*, мрачно усмехнулся он про себя), то Айлин палка только мешала бы.

– Просто держись возле меня, – сказал он. – Будем идти медленно. Если что – беги сразу. Я тебя догоню.

Генри подумал о том, как забавно звучат такие напыщенные слова из уст человека, который недавно валялся без сознания, в то время как спутница на седьмом поту спасала его от «особой услуги» призрака. Однако Айлин кивнула очень серьёзно, без единого намёка на ехидство.

– Уверен, что он там? – только спросила она. – Ты сказал, что этот бедняга сгорел. А это означает...

Поморщившись, она продолжила:

– Я хочу сказать, это может вызвать у него... некоторые трудности.

– Наверное, – уклончиво ответил Генри. Как ни мерзко, он сам надеялся, что Джаспер сгорел хорошо. *Дотла*. Так было бы лучше для всех.

Они пошли к забору, который уже заслонял от них свет луны. Ни единой щелки – хозяева приюта явно не жаловали посторонних взглядов. Неужели властей города не интересовало, зачем детскому приюту понадобились такие высокие загородки? Даже через прутья калитки многого было не видеть –

только участок буйно разросшегося газона, где, должно быть, детишки играли в футбол или гольф... при условии, конечно, что им разрешали.

Стоя у калитки, Генри бросил взгляд на Айлин. *Готова?* Ему показалось, что она едва заметно улыбнулась в ответ, но это могла быть игра нервов. В любом случае, девушка выглядела довольно спокойной. Генри открыл калитку.

С первого взгляда он понял, что недооценил мощь пожара, вспыхнувшего здесь в ночь смерти Джаспера. Ожидал увидеть обугленные стены, окна с лопнувшими от жара стёклами, может, обвалившийся кров. Ничего этого не было. «Дом Желаний» исчез. Осталась лишь огромная куча золы и пепла, из которого местами торчали чёрные головёшки. Дыма не было, но от места пожарища обдавало жаром за сотню шагов. В нос ударил горький запах.

– Надо же, – только и смог вымолвить Генри. Хорошо ещё, что пламя не перекинулось на траву, которая достигала здесь почти фута в длину, иначе могла вспыхнуть вся усадьба, со всеми этими качелями и турниками, никому не нужными... а то и весь лес озарился бы красным заревом.

– Это было здесь? – Айлин потрясённо озиралась. – «Дом Желаний»?

– Да, – ответил Генри севшим голосом. Только сейчас он заметил человека на каком-то странном стуле, который восседал посреди остова пожара спиной к ним, чуть косо. Чёрного, как дёготь.

Это он...

– Что это за кукла? – спросила Айлин. Генри не обернулся:

– Где?

– Там, на руинах...

Генри не сразу понял, что они с Айлин говорят об одном и том же. А когда наконец взял в толк, то присмотрелся к чёрному человеку внимательнее. Кукла, сказала Айлин. Она могла быть права... а может, и нет.

– Ты уверена, что это кукла?

– Ну, мне кажется... может, какой-то манекен...

Сгорбленная спина не шевелилась. Человек сидел, уронив голову на грудь, положив руки на подлокотники кресла. Как могла сохраниться кукла после такого пожара? И что она вообще делает в этом приюте? Нет, что-то было неладно...

– Подойдём поближе, – предложила Айлин. – Нам всё равно придётся пройти к той стороне двора. Не можем же мы возвращаться назад.

У Генри не нашлось возражений, поэтому он сделал один шаг вперёд. Потом ещё один. По траве поступь получалась мягкой, неслышной. Человек в кресле либо не слышал их, либо специально делал вид, что не слышит.

Где-то после десятого шага Генри стало ясно, что на руинах сидит никакой не человек. Это и правда была кукла, сработанная из дерева, причём довольно изящно. Копоть покрывала её всю – удивительно, что она не потеряла своей формы в огне. В любом случае, она смотрелась довольно жутко. Должно быть, так выглядел оловянный солдатик из сказки Андерсена после того, как его бросили в печь. Кресло под куклой оказалось инвалидной коляской – тоже

испачканной сажей и частично оплавившейся. Спицы колёс погнулись и шли волнами, круглый диск стал почти квадратным.

– Что это такое? – вырвалось у Генри.

– Он был здесь раньше?

– Нет, – Генри нахмурился. – То есть не знаю. Может, стоял в какой-нибудь комнате внутри дома. Но как он уцелел?

– Посмотри, – Айлин указала рукой. – Он что-то держит в руке.

Генри снова пришлось напомнить себе, что у спутницы глаза во сто крат зорче, чем у него. В почерневшей руке и вправду что-то находилось. Что-то белое, резко контрастирующее кистью куклы. Генри не был уверен, что ему так уж хочется узнавать, что это такое.

– Да ну, – услышал он свой голос, – этот субъект нам ничем не поможет. Нам нужно найти дверь со знаком. А таковых тут, кажется, ещё долго не будет.

– Генри, это всего лишь манекен, – в тоне Айлин слышался упрёк. – Вряд ли он страшнее чудовищ, которых мы видели раньше. Мне почему-то кажется, что мы *должны* посмотреть, что он держит... Если хочешь, считай это женской интуицией.

Да, интуиция у тебя всегда была что надо, мысленно добавила она, вспоминая ощущение медленного удушения, которое было у неё с утра в день, когда за дверью раздался медленный стук: *Тук. Тук. Тук.* Сколько времени прошло с тех пор? Вроде бы шли они с Генри недолго... но как будто это случилось сто лет назад.

– Если ты хочешь... – Генри всё ещё колебался. Ну не нравился ему этот тип, прячущий от них своё лицо. Даже несмотря на то, что пока не делал пакостей.

– Пожалуйста, Генри, – мягко сказала Айлин. Генри обречённо посмотрел на куклу (тот вроде бы злорадно заулыбался под носом) и вдруг разозлился на самого себя. *Он ещё будет заставлять её просить.* Разве он не чувствовал сам, что нелепая кукла сидит здесь не просто так, а предназначена для них, с какой-то непонятной целью?.. Но страх, засевший в сердце, сковывал не только руки и ноги, но и взгляд – Генри просто не хотел видеть. Вот это уже была настоящая трусость.

Он бросил свой сук, взял более-менее уцелевшую деревянную доску у края пожарища и положил его на пепел, подняв серое облако. Доска глухо стукнула: оказывается, инвалидная коляска стояла всё-таки на настиле, а не на куче золы. Часть пола уцелела, но была погребена под слоем пепла.

Делая осторожные шаги по доске, Генри направился к кукле. Айлин осталась стоять у края, настороженно наблюдая за ним. Когда Генри дошёл до настила, обуглившиеся половицы душераздирающе закрипели, и он подумал: ну вот, сейчас всё обрушится. Но пол выдержал; Генри только почувствовал, как он прогнулся под его весом, когда он встал на него обеими ногами.

Теперь он не сводил глаз с куклы. Белый предмет в руке оказался обрывком бумаги, и по груди разливалось разочарование, но зря, что ли, он проделал этот путь? Генри собирался выхватить трофей у треклятого манекена, даже если он засмеётся гробовым голосом и начнёт танцевать перед ним твист. Другое дело,

что у куклы не наблюдалось никакого желания танцевать. Просто восседал на месте, и лица было по-прежнему не видеть.

Кого ты хочешь обмануть?

Подожвы ботинок нагрелись от тёплого пепла. Генри добрался до края импровизированного мостика и вытянулся вперёд, чтобы достать до кресла. Балансируя левой рукой, он коснулся обода колеса... потом обугленной руки манекена, с рублёными следами на кистях... и, наконец, взял листок. На нём не было ни частички пепла – только несколько слов, выведенных в середине. Генри намеревался ретироваться, как только листок окажется у него, но любопытство взяло верх, и он прочитал записку тут же, на месте:

Пуškai моё тело изувечено, но я не дам тебе пройти. Путь, ведущий вниз, будет открыт только для Преемника Мудрости. А кто ты?

Генри прочитал скупые строки ещё раз. Ясности не прибавилось. Полная белиберда, и стоило ли так тужиться, чтобы...

– Генри, *осторожно!* – голос Айлин был наполнен неподдельным ужасом. Генри мгновенно вскинул голову. И увидел то, от чего волосы зашевелились на затылке: голова куклы более не покоилась на сожженной груди, как у пьяницы в баре. Кукла сидела на инвалидном кресле прямо, направив на него то, что осталось от лица: какие-то чёрные бесформенные провалы на деревянной черни, в которых человек с богатым воображением мог углядеть глазницы, нот и рос, разинутый в беззвучном крике. Коляска скрипнула. Человек и кукла несколько секунд буравили друг друга взглядами, словно соревнуясь в крепости духа: кто сдастся первым? Кто не выдержит и побежит?.. Если так, то человек вышел победителем; по истечении этих долгих секунд кукла медленно откинула голову назад, обратив лицо к небу, к багровой луне, пересечённой линиями облаков. Деревянные руки соскользнули с подлокотников безвольными обрубками. Коляска откатилась на три дюйма, сопровождая путешествие громким поскрипыванием: скрипели сгоревшие половицы, выгнувшиеся дугой под непомерной тяжестью.

Мгновением позже кукла упала.

Только что коляска покачивалась на краю настила, и манекен мелко тряс головой, словно сиюсь податься вперёд и встать на ноги, потом раздался громкий треск, и сиденье опрокинулось с крикливым скрежетом, вываливая своего седока прямо на тёплый пепел. Обугленная рука один раз взмахнула, будто пытаясь за что-то ухватиться, но ничего не нашла. В воздух взвился пористый прах, защекотавший глаза. Но Генри и не подумал о том, чтобы моргнуть – во все глаза смотрел вниз, где в причудливом узоре переплелись деревянная кукла и его седло, даже после катастрофы образуя единое целое. Кукла раскинула конечности под неестественным углом, напоминая солдата, поверженного на поле боя. Чёрная голова отвалилась от туловища и скатилась в сторону. Манекен не шевелился и выглядел теперь совсем не страшным. Несмотря на то, что он видел несколько секунд назад, Генри почувствовал, как парализующий страх улетучивается сам собой.

Он перевёл взгляд на сломанную половицу, которая стала причиной бесславной кончины ожившей куклы. Должно быть, коляска откатилась туда, где огонь изъел её больше, и вот результат: половица провалилась вниз, и на настиле зиял чёрный проём, за которым Генри углядел какую-то шершавую поверхность.

– Генри? – окликнула Айлин. – Ты в порядке? Господи, что с этой куклой?

– Похоже, с ней всё кончено, – откликнулся он, всматриваясь в щель на полу. Шероховатый материал, напоминающий дерево, не давал ему покоя. Откуда там может быть такая штука? Неужели под зданием «Дома Желаний» имелось подполье?

Настил. Почему-то он не сгорел в пожаре, и это могло означать, что под ним толстые брёвна, которые не смог сожрать даже огонь. А значит...

Генри присел, провёл рукой по обломанной половице. Только сейчас он заметил, как она коротка; на обычную половицу такая длина явно не катила. А вот для замаскированного входа в подземный уровень здания – в самый раз.

– Айлин, можешь сюда подойти?

– Д-да, – она явно не ждала такой просьбы. – Ты что-то нашёл?

– Похоже на то, – с лёгкостью оторвав обломок половицы, Генри принялся за соседние. Выеденное огнём дерево ломалось с жизнерадостным треском, обнажая чёрный квадрат на том, что раньше было полом. Пока Айлин шла, переставляя ноги на доске дюйм за дюймом, он вычистил от досок большую половину прохода. Иного выхода не было; даже если это когда-то было дверью и его можно было открыть, сейчас шарниры были погребены под пеплом, и дерево скрутилось и распухло под жаром пламени. Генри уже видел под настилом крутую лестницу, уводящую вниз, в темноту. Краешек одной из её ступенек он и заметил в щели. Ещё несколько половиц, и они смогут спускаться вниз, чтобы увидеть, что там. Генри мог поставить доллар, если бы он у него был, что в темноте прячется дверь. Простая такая дверь без ручки и с круглым знаком, который ранее служил символом культа. Культа больше не было, но сила в знаке сохранилась.

Он думал, что особо спешить не стоит. Зловещая кукла валялась внизу разбитой и безголовой, Айлин медленно приближалась к настилу. Генри чувствовал, что они скоро покинут этот зловещий лес под надзором багровой луны. В каком-то смысле здесь было даже хуже, чем в запаянных коробках метро и госпиталя. Но спешить было незачем.

Как выяснилось, Таунсенд опять ошибался. Времени у них было в обрез. И с каждой секундой его оставалось всё меньше. Всего в нескольких футах от настила человек, лежащий под надгробием серой золы, приходил в себя.

Джаспер Гейн очнулся, когда деревянная кукла упала вниз с коляски, завершив свою недолгую жизнь. Он услышал её стук – *бум!* – и почувствовал дрожь земли, словно это упала не кукла, а стопудовая спортивная гиря. Это и вырвало его из тёплого забвения.

Что-то давило на грудь. Давило нестерпимо, прогибая грудину, и, хотя боли не было, Джаспер тут же рванулся вверх изо всех сил, чтобы освободиться от этого удушающего гнета. Задвигал рукой, которая казалась залитой в бетон. С какой-то попыткой ему удалось поднять её вверх, освободив из пепельного плена, но пользы это ему принесло мало: едва соприкоснувшись с воздухом, рука вспыхнула горечью, словно её облили кипящим маслом. Джаспер открыл рот, чтобы закричать, и пепел посыпался ему в рот. Вот теперь он действительно начал карабкаться вверх, забыв обо всём, сбрасывая с себя тонны золы и праха, страшась оставаться в этой мучнистой темноте. Над развалинами показались обе руки, нога, и наконец Джаспер поднял голову навстречу небогатому свету странной луны.

Запах.

Да, запах был, он его почувствовал сразу... но в первое время его заглушил жар, который начал растекаться по жилам. Рука, которая первой познала его, загорелась; огонь плясал между пальцами, перекинулся на запястье. Синее пламя игриво плескалось в его ладони. Джаспер сжал руку в кулак, чтобы остановить это, но огонь продолжал выглядывать злорадными сполохами. Теперь горела не только рука; горели и грудь, и спина, может, даже голова. Огонь разгорался, снова превращая его в факел; Джаспер бессвязно закричал, обращаясь к луне над небом. Стой он на ногах, непременно свалился бы обратно в пепел, но его ноги, оплывшие под огнём, парили над мёртвыми руинами, не касаясь их. Джаспер кричал недолго – вскоре пламя принялось за лицо, опалило рот шипящим кнутом, и он замолк.

Потом боль ушла. Жар оставался, и он по-прежнему чувствовал себя среди пекла, но страданий это больше не доставляло. Огонь вошёл в него – стал им, а Джаспер Гейн стал огнём. Они слились в единое целое, и пусть слияние прошло небезболезненно, теперь всё было хорошо. Тепло, а не холодно, как было всегда... с той страшной ночи.

Теперь запах давал о себе знать гораздо сильнее. Повинуясь его зову, Джаспер развернулся. Увидел испуганные, кричащие лица людей. Одного он знал, этот парень в голубой рубашке сопровождал его той ночью, когда он пришёл ещё раз полюбоваться на камень Накихона... и в итоге встретил Дьявола. Дьявол обещал ему, что он больше не будет мёрзнуть. И выполнил своё обещание. Джасперу не было холодно. Именно Дьявол всегда держит данное слово, а не Бог, обустроившийся на тёплых небесах... он всегда знал это.

От них шёл запах. Станный запах, которого он прежде никогда не чувствовал... Запах, сводящий с ума, яркий и трепещущий.

Ещё не сознавая, что хочет сделать, Джаспер направился вперёд, к ним. Лицо человека в рубашке искривилось; он схватил девушку в тёмно-красном платье за руку и попытался протолкнуть её вниз, в большую дыру на сгоревшем полу. Подполье... Джаспер так и знал, что в «Доме Желаний» есть свои тайные места. Чего ещё ждать от притона, управляемого культом. Хотя сейчас это его не волновало. Не волновало ничего, кроме этого запаха, который дурманил всё больше по мере того, как он приближался к источнику.

Человек сумел-таки проводить спутницу в подполье и теперь пытался спуститься сам. Джаспер вскинул руку, пламенеющую оранжевыми языками. Он хотел, чтобы он остановился. Запах шёл от этого человека... от чего-то, что было у него. Но человек (*Генри*, он вспомнил его имя) бежал от него, не оглядываясь. До проёма оставалась всего пара-тройка футов, когда он протиснулся внутрь и исчез в темноте. Джаспер не остановился; если даже Генри не хочет, ему придётся встретиться с ним... подполье никуда не ведёт, самое большое, что они там найдут – голые стены. Разломав своим телом оставшиеся доски, как спички, горящий человек влетел в запятанный алтарь.

10

– Дверь!.. Генри, скорее!

– Иду!

Темнота была почти полной; сходу Генри не смог ничего разобрать, лишь через три-четыре секунды перед глазами начала вырисовываться обстановка подполья. Первое, что он понял – комната была совсем маленькой, максимум пятнадцать на пятнадцать футов. Вдоль одной из стен тянулась узкая лестница, по которой они спустились. Айлин стояла у противоположной стены, возле не приметной двери со знаком, и нетерпеливо оглядывалась на него.

– Сюда...

Наверху затрещали доски, разваливающиеся в щепки под гудящим жаром; Джаспер шёл за ними. В том, что это бедняга-заика, Генри не сомневался ни на миг. Ступеньки лестницы окрасились оранжевыми бликами. Гейн был близко, но катастрофически опаздывал.

Айлин приложила руку к двери. Дверь, как обычно, отворилась, не издав ни единого скрипа, словно её каждый день открывали по меньшей мере раз десять. Она знала, что это не так. Сделала шаг в проём, дышащий морозом (ещё холоднее, чем раньше), но обернувшись, почувствовав за собой пустоту. Увиденное вызвало в ней неприятный холодок: Генри застыл на месте у подножия лестницы, уставившись на стену комнаты, где красовался тот же знак, что и на двери. Только он был больше раз в пять и выполнен не серым цветом, как на двери, а красным. И не светился алым огнём.

Под знаком был алтарь. Она это поняла сразу, и, наверное, Генри тоже понял. Обсидиановые кубки угольного оттенка; свечи, вставленные в большие канделябры, но не зажжённые; стопка книг, сливающихся в темноте в одну большую кучу. Айлин не очень хорошо представляла, с какого бока нужно такое местечко в детском приюте.

Генри продолжал смотреть на алтарь, позабыв обо всём. Горящий человек уже появился на лестнице; теперь от Генри его разделяло пять-шесть шагов, не более. Айлин ощутила волну чёрного отчаяния. Что случилось? Почему он стоит?.. Они были так близки от того, чтобы вырваться отсюда, стать ещё на шаг ближе к загадочному месту, которое находится на самом дне... почему всё так нечестно?

– *Генри!*

Он вздрогнул, посмотрел на неё. Слава Богу. Сейчас он побежит к ней... не может не побежать. Ещё есть время...

Но вместо этого Генри двинулся к алтарю. На лестнице Джаспер (или то, чем он стал по воле владельца этого извращённого мира) задел сухую стену подполья, не рассчитав скорость. Стена тотчас почернела, но не возгорелась. Джаспер продолжил свой полёт; руки вытянуты вперёд, голова запрокинута вверх, словно в приступе эпилепсии. Он издавал странные горловые звуки, похожие на непрерывный короткий кашель. Возможно, это было единственное, что могло извлечься из горящего горла.

Айлин с ужасом ждала, что Генри встанет перед алтарём на колени и склонит голову, как давеча делали прилежные воспитанники приюта. Вместо этого Таунсенд торопливо взял с алтаря книгу в истрепанном переплёте, которая лежала в стороне от основной кучки, раскрытая на середине. Сделав это, он наконец побежал к двери. На всех парах, иначе не могло быть – полыхающий призрак уже дышал в затылок духом огня. Генри слышал сиплое дыхание, вырывающееся языками пламени; более того, как и в случае с Синтией, вблизи от него у него начинала раскалываться голова от чужих мыслей, грубо врывающихся в мозг.

Сердце! – кричал Джаспер. – *Я понял, что это за запах! Сердце! Остановись, Генри!*

Таунсенд понятия не имел, о чём он, но ничего хорошего в намерениях Джаспера не было. Он прибавил прыти, удивляясь, насколько способны растянуться маленькие расстояния, когда за тобой кто-то гонится. Так или иначе, он успел, добежал до двери. Айлин проворно юркнула в проём перед ним. В следующую секунду Генри тоже оставил алый круг «Нимба» за своей спиной. Дверь стала закрываться, слишком медленно, по его разумению... но по безнадежному вою Джаспера в голове он понял, что и эта партия осталась за ними.

Глава 4 Возрождённая Мать

1

Где живут призраки?

Вы скажете – в древних чёрных замках на вершинах скалистых гор, где никто не живёт, и стены давно обрушились под гнетом времени. Или – на дне болотной топи в гуще леса, которая бьёт в нос ядовитыми испарениями. И вы будете правы. В подлунном мире много призраков, у каждого своё место вечного заточения. Но каждый, кто взглянул хоть одним глазком на зыбкую спиральную лестницу, выющуюся широкими витками, понял бы: это место достойно носить звание обиталища духов. Злых духов.

Круглая конструкция, похожая на каркас некоторой немислимой башни, незаметно кренится в сторону, но в сумраке, который царит здесь, этого не увидеть. Даже если было бы светло, то разъедающий кожу туман не дал бы ничего увидеть. Туман и полутьма многое прячут за собой: багровые струи крови на ступеньках, словно здесь кому-то перерезали горло; клетки со склизлым, шевелящимся содержимым, которые выступают из стальных планок; висящие над бездной человеческие тела с переломанной шеей. На этот раз повешенных не один и не два, а целый ансамбль. Среди них встречаются новорождённые дети, скрючившиеся в позе, в которой родились. Туман милосердно скрывает их... но он не может помешать звукам, которые доносятся из-за бледной пелены. По большей части это бормочущий шёпот, как молитва примерного прихожанина в церкви. Но иногда – и «иногда» становится всё чаще по мере того, как спускаешься вниз – сквозь морозный воздух прорываются крики. Душераздирающие крики боли, от которых стынет кровь. Но крови и без того холодно: температура в этом страшном месте едва ли выше тридцати градусов.

Пробиваясь через ватные сгустки тумана, по лестнице идут два человека. Мужчина и женщина. Он держит её за руку; ничего не говоря, они сосредоточенно вышагивают вперёд, стараясь не поскользнуться на обледеневших ступеньках. Они устали; глаза потухли, и в зрачках только одна мечта: поскорее добраться до двери, которая выведет их отсюда. А ещё им страшно. Мужчина старается не подавать виду – когда очередные вопли сотрясают конструкцию, он только плотнее сжимает губы. Девушка в изорванном вечернем платье реагирует на крики живее, пугливо озираясь по сторонам и шевеля губами. Они идут... Ещё один круг из неисчерпаемого множества.

Секунда, минута, час. Никто не знает, как здесь течёт время; но всё когда-то кончается, и они достигают нижней площадки. Понимают это, когда вместо ступенек под ногами появляется гладкая поверхность. Мужчина что-то говорит девушке: что-то необязательное, но несомненно ободряющее. Она улыбается в ответ, но на самом деле ей далеко до веселья. Её гнетут плохие предчувствия. Переживания эти только для неё, и нужно держать их внутри... но, Боже мой, думает она, как это страшно.

Она подходит к бетонной стене и на мгновение замирает перед тем, как поднести к ней ладонь. Нет, больно не будет, никогда не бывало... но она чувствует, что с каждым разом с нею *что-то происходит*. Необычное гудение, которое раньше жило только в покалеченной руке, медленно перебирается на ключицу и шею. Она боялась, что это заражение крови, но цвет кожи не меняется, да и ощущения не похожи на гангрену. И вот сейчас, когда девушка стоит перед стеной, на неё находит безотчётное понимание: что бы с ней ни происходит, это из-за того, что она касается проклятого знака. Но она должна это сделать, и она делает это. Прикладывает руку на холодную гладь. На стене тотчас вспыхивает алый цветок. Взгляд девушки туманится; мужчина в бессильной ярости сцепляет зубы, видя, как цифры на её спине полыхают тёмно-красным огнём. Он ничего не может сделать. Никогда не мог.

На стене появляется дверь. Они без лишних слов входят в неё, спасаясь от мороза. За дверью – тесное круглое помещение с серыми стенами. В центре стоит странная кабина (тоже круглая), рассчитанная явно на одного человека. Раздвижные двери дружелюбно распахнуты. Мужчина и женщина разглядывают кабину с полминуты, прежде чем догадываются, что это лифт.

– Зайдём? – спрашивает он. Голос сиплый от холода. Она робко кивает: ей не нравятся тесные помещения. Гложет её и другой страх, не столь острый, но его зубки вонзаются в сердце гораздо глубже: у неё предчувствие чего-то плохого. Может быть, с ними обоими, может быть, *с ней*. Она не может просто отмахнуться от зловещего чувства, потому что в последние дни привыкла доверять интуиции. Она боится. И с этой боязнью делает шаг в кабину вслед за мужчиной.

Внутри кабины нет ничего, даже крохотной кнопки. Им остаётся только ждать, вплотную прижавшись друг к другу. Она чувствует его тепло, он – её. После лютого мороза, в котором они только что побывали, это особенно приятно. В какой-то момент она ловит его пристальный взгляд на своём лице. Он тут же смущается, делает вид, что рассматривает заднюю стену.

– Может быть... – неуверенно начинает он, но тут двери стремительно закрываются и кабина летит вниз, вырывая опору у них из-под ног.

2

Айлин на полном серьёзе подумала, что настал конец. Вот о чём говорило дурное предчувствие, овладевшее ею на спиральной лестнице: об их бесславной кончине в этой кабине, когда она стукнется о дно и их размажет по стенкам, как жевательную резинку. Кабина падала на огромной скорости, со свистом рассекая воздух. В её воображении предстала длинная шахта-каркас, по которой они мчались вниз. Куда направлялась кабина? Что может находиться на такой невообразимой глубине?..

Их прижало к потолку; Айлин утратила представление, где низ, а где верх, и могла только кричать во весь голос, чувствуя, как в полёте проходят секунды, приближающие их к смерти. Что касается Генри, кажется, он молчал; Впрочем, если даже кричал, она бы вряд ли услышала.

Наконец, кабина стала замедляться. Она поняла это по возвращающейся тяжести в теле. Отрыв от потолка – и вот она снова на полу, лежит на боку, на раненой руке, которая поёт оркестровую арию. Генри ворочался рядом (одна его рука оказалась на её лице), бормоча проклятья и одновременно учтиво интересуясь, всё ли с Айлин в порядке. Несмотря на боль, она прочувствовала комичность ситуации и выдавила короткий смешок. Генри недоумённо умолк, и она сказала:

– Я в порядке, Генри. В полном.

Скорость упала почти до нуля. Айлин боялась, что сейчас кабина снова сорвётся, приглашая их на новые глубины, но тут раздался глухой металлический лязг, и движение прекратилось. Двери кабины разошлись, и они увидели снаружи те же круглые стены, какие были наверху.

Генри встал на ноги, опираясь руками о стены, и помог Айлин сделать то же самое. От резкого падения кровь прилила к голове: ей казалось, что вокруг всё мерно вращается. Генри, кажется, испытывал аналогичные трудности: шатаясь, как пьяный (впрочем, не забыв поднять с пола книгу, которую он взял с алтаря), он вышел из кабины и вновь схватился за надёжную опору стены. Спёртый воздух не давал вдохнуть полной грудью. Айлин хотелось поскорее выбраться из странного помещения; она первой увидела дверь на наружной стене. Подошла к ней, меряя каждый шаг, и с силой нажала на ручку. Вопреки её ожиданиям, дверь легко открылась; и за ней оказался не ночной лес, не белесое метро и не спиральная лестница, обьятая холодом. За дверью были небо и переливчатый шум воды.

Она вышла, не веря своему счастью. *Настоящее* небо, пусть и странного молочно-белого цвета, и настоящая вода, которая низвергается потоками за спиной. Айлин втянула носом сырой воздух с солёным привкусом и улыбнулась.

Генри, который вышел вслед за Айлин, понял гораздо больше. Он раньше видел это призрачное белое сияние, исходящее от воздуха. Собственно, он этого и ждал: ведь всё повторялось, шло по спирали, как и лестница, по которой они спустились сюда. Как он понимал, сейчас они находились на крыше цилиндрической тюрьмы, где умер Эндрю ДеСальво.

Короткий взгляд по окрестностям подтвердил уверенность. Они стояли на большой круглой площадке под открытым небом, окружённой цементными стенами. Над головой высился огромный резервуар, наполненный водой; к нему подключались толстенные чёрные трубы, на бешеной скорости выкачивающие жидкость. Вода выходила из резервуара по трубам и изливалась через отверстия на полу крыши, обрушиваясь мощным потоком вниз. Действо сопровождалось мощным грохотом. Конструкция насоса казалась абсолютно неправдоподобной. Тем не менее, приспособление работало, с энтузиазмом перекачивая галлоны воды. Должно быть, внизу вода крутила водяное колесо, подключённое к турбине.

Так вот почему на этажах было так сыро, догадался Генри. *Эта машина...*

Айлин смотрела вверх. Он сделал то же самое. От зрелища захватывало дух: от крыши поднималась строго вверх шахта передвижного лифта, какие можно видеть на строительных кранах. Так и уходила в небо, скрываясь в тумане, вытягиваясь в тонкую ниточку. Кабина спикировала вниз из облаков, невидимых за белой пеленой.

– Ну и ну, – только и смог вымолвить Генри. И понял, что корявое подобие генератора не пришло бы в движение, вздумай он установить его... ну скажем, у себя дома. Оно было *ненастоящим*, как шум падающей воды и лифт, уводящий пассажиров на небо (где за облаками висели ночные леса Сайлент Хилла).

Осознав это, он испытал облегчение. Значит, в тех страшных камерах никто не сидел. Никто не выковыривал сломанным ногтём послание на стене, час за часом вслушиваясь в тяжёлые шаги надзирателя в коридоре.

– Генри, это...

– Водная тюрьма, – сказал он, предугадав вопрос.

– Тюрьма? – Айлин не стало легче при столь ценной информации. – Здесь... кто-нибудь есть?

Генри хотел ответить отрицательно, но вспомнил, что дал себе слово отныне говорить правду и только правду.

– Был. Я видел того мальчика и ещё одного человека. Он сказал, что его зовут Эндрю ДеСальво. Похоже, он знал этого мальчика...

Айлин внимательно слушала, пока он рассказывал о своей короткой бесславной встрече с Эндрю. Генри заметил, что она явно неосознанно потирает ключицу и правую сторону шеи. С чего бы это?.. Когда он упомянул слова Эндрю о том, что мальчик его убьёт, она нахмурилась. Айлин до сих пор не могла взять в толк, насколько опасен этот невинный паренёк. Возможно, даже *более* опасен, чем человек в плаще.

– Значит, у здания три этажа? – спросила Айлин, когда Генри закончил рассказ.

– Не считая подвального. Наверное, придётся туда спуститься. Если дверь со знаком всегда в самом низу, то она точно находится там, – Генри приободрился от своих слов. Действительно, чего проще – по лестнице, огибающей тюрьму, до первого этажа, а оттуда в нижний уровень. Монстров он здесь в прошлый раз не заметил, и полагал, что никаких сюрпризов не будет. Не считая...

Эндрю.

– Что это за книга? – внезапно спросила Айлин, меняя тему.

– А? – Генри впервые за последние полчаса вспомнил, что носит с собой книгу в синем переплёте, ту самую, из-за которой он рисковал жизнью. – Ах это... кажется, библия культа, который содержал «Дом Желаний». Я взял её, потому что...

Почему? Только потому, что на стене над этой книгой красовался таинственный знак, который они видели на дверях? Или было что-то ещё? Генри не помнил. Сохранилась в памяти только одержимая уверенность, что книга на алтаре им нужна.

Он открыл книгу и увидел синюю тесемку на развороте. Страницы истрепались от перелистывания и покрылись сальными следами пальцев, но текст ещё читался разборчиво.

Пробуждение Святой Матери: Двадцать Одно Таинство,

было написано сверху крупным готическим шрифтом. Чья-то рука обвела заголовок чёрной ручкой, заключив в вытянутый круг.

Первое Знамение – и Бог сказал: «Собери вместе Белое Масло, Чёрную Чашу и кровь десяти грешников, чтобы быть готовым к Святому Успению».

Второе Знамение – и Бог сказал: «Преподнеси Мне кровь грешников и Белое Масло, разлитое в Чёрный Кубок. Освободись от тяжких оков плоти и

обрети Силу Небес. Из Темноты и Пустоты, куда ты попадёшь, следуй во Мраке и подари своё Отчаяние Хранителю Мудрости».

Третье Знамение – и Бог сказал: «Вернись к Истоку, преодолев Искушение сладким грехом. Под Недремностью ока демона ты будешь скитаться в одиночестве в безликом Хаосе. Только пройдя испытание с честью, ты сможешь идти дальше».

Последнее Знамение – и Бог сказал: «Освободи от брэнной плоти Возрождённую Мать и Преемника Мудрости. Сделав это, ты исполнишь чашу Двадцати Одного Таинства. Святая Мать пробудится ото сна, и грехи будут прощены».

– Что там написано? – спросила Айлин, но Генри не почувствовал в вопросе живого интереса. Словно она думала о чём-то другом...

– «Двадцать Одно Таинство», – вслух прочитал он, водя пальцем от слова к слову. – «Святое Успение»...

«Двадцать Одно Таинство». И двадцать один человек, которых вознамерился убить пресловутый Уолтер Салливан. Есть ли здесь есть какая-то связь?.. Генри перевернул страницу в надежде, что там будет написано яснее, но нашёл только длинную молитву с восхвалением Господа. Он вернулся назад и перечитал страницу. Текст завораживал таящимся в нём скрытым смыслом. Несмотря на то, что Генри ничего понял из невнятных слов, буквы на пожелтевшей бумаге не показались ему бессмыслицей. Слишком много знакомых, нет-нет да и услышанных оборотов. Двадцать Одно Таинство, Святое Успение, Преемник Мудрости, Святая Мать... Где он всё это слышал?

Генри не составило труда подшпорить ум и вспомнить. Голос, который отчётливо произнёс над ухом: «Грядёт Святое Успение», послышался ему, когда он лежал у магазина Стива Гарланда, балансируя на краю жизни и смерти. Про Преемника Мудрости что-то было написано на бумаге куклы в руинах. А «Святая Мать»...

Они з-зажигают свечи, когда Святая М-мать близка к пробуждению. П-по крайней мере, должны. Так н-написано в их Священной К-книге.

Этот мальчик... Он замешан во всей этой кутерьме. Какое-то «Пробуждение Святой Матери», или что-то такое...

– Генри, может, спустимся вниз? – Айлин переминалась с ноги на ногу. – Тут холодно...

– Конечно, – кивнул Генри, закрывая книгу. Не без досады, что его сбили с мыслей, но он отдавал себе отчёт, что они и так простояли на крыше больше дозволенного. Размышления – дело хорошее, если только они не мешают делу.

Ржавая дверь крыши открывалась трудно и со скрипом; Генри возился целую минуту, прежде чем красные от ржавчины шарниры сдались. Они вышли на лестницу, окольцовывающую тюрьму. При виде бескрайнего белого марева Айлин побледнела, и Генри спешно положил руку ей на плечо. Поручни к лестнице прикрепить забыли, так что он не счёл этот жест вульгарностью.

– Будь осторожна, – предупредил он. – Держись поближе к зданию и не смотри вниз.

Айлин медленно кивнула, поднимая голову; ноги, секунду назад подкашивавшиеся, выпрямились. Генри отпустил её плечо и взял за руку. Она схватилась за его ладонь, как за спасительную соломинку. Кожа её была необычно горячей, почти жгла. Генри в голову пришла дурная мысль, что девушка может заболеть – не из-за холода или усталости, а из-за тяжести перенесённого.

Не думай о плохом, зло осадил он себя. *Она не заболеет*. Желая подтвердить свои слова, он рьяно зашагал вперёд, не глядя по сторонам. Айлин шла рядом, глубоко и прерывисто дыша; и, как бы этого ему не хотелось признавать, Таунсенд чувствовал, как её ладонь в руке пульсирует сухим жаром.

3

Айлин и впрямь ощущала себя неважно. Тело ныло, будто все раны, начавшие затягиваться, решили раскрыться одновременно. К этому добавлялось щемящая истома в сломанной руке, которая захватила не только плечо и ключицу, но и проникала дальше.

Но хуже всего был страх.

Конечно, в последнее время она боялась за свою жизнь каждую минуту и каждое мгновение, в каком-то смысле даже устала от этого. Нельзя долго оставаться в одном и том же состоянии, сколь бы ни пронизывающим оно было – вот и Айлин по мере сил привыкала, стараясь не обращать внимания на аляповатое безумие окружающего мира. Но боязнь, давящая на неё сейчас, была не простым страхом за себя. Это было сродни назойливому голосу проповедника, который шепчет свои речи ей в ухо... но если обычно проповедники говорят о том, как светел и прекрасен мир, то этот голос злобно шипел: *С тобой случится что-то ОЧЕНЬ плохое... и знаешь, что самое главное? Ты НИЧЕГО не можешь с этим сделать!* Обычно после этого следовал самодовольный смех внутреннего голоса, который заставлял Айлин на миг закрывать глаза. Так и хотелось бросить в лицо каркающему насмешнику: *ЗАТКНИСЬ!*, но она считала дурным тоном разговоры с воображаемыми собеседниками. Поэтому единственным оружием оставалось полное игнорирование. Делай вид, что всё хорошо, и всё *будет* хорошо.

Голос не умолкал. С каждым шагом он бесновался всё громче, и неудивительно, что где-то на уровне второго этажа у Айлин начался приступ мигрени, раскалывающий голову, как лопается перезрелый арбуз. Во рту пересохло, слюна наполнилась желчью. Шаги отзывались болью не только в ноге, но и во всём теле. Айлин потеряла счёт кругам вокруг бетонного цилиндра тюрьмы и просто заставляла себя идти, не глядя на туман и не вслушиваясь в плеск волн озера.

Боюсь ли я? – спросила она себя. Хотела с негодованием отрицать очевидное, но поняла, что это будет не так легко.

Боюсь ли я?.. Чёрт, да я умираю от страха.

Первый этаж встретил их тусклыми влажными лампами за проволочной сеткой, бесформенными лужами воды на полу и звенящей тишиной. Генри это было не в новинку, но Айлин низкие своды, кольцевой коридор и непрекращающееся перекликанье капель оказали неизгладимое впечатление. Она-то думала, что вырвалась из тесноты лифта на свободу...

– В одной из камер есть дыра, – сообщил ей Генри, как всегда, лаконично. – Через неё можно проникнуть на подвальный уровень. Там и поищем дверь...

Он внезапно замолчал, словно вспомнил что-то важное. Айлин с тревогой увидела, как на лицо спутника набежала тень.

– Что-то не так?

– Я не учёл, что тебе спуститься по это дыре будет трудновато, – Генри вымученно улыбнулся. – Видишь ли, там нет лестницы, придётся спрыгивать. Довольно высоко...

– Спрыгнуть? – Айлин пришлось ещё раз напомнить себе, в насколько извращённом месте они находятся. Из-за изгиба коридора показалась камера с открытой дверцей. Должно быть, та самая. Решетка на крохотном окошке двери скалилась зубастым ртом.

– Не волнуйся, – сказал Генри. – Что-нибудь придумаем. Думаю, я смогу соорудить самодельную лестницу из столов и стульев, их в подвале много.

Нечто глазастое и напоминающее здоровенный мыльный пузырь устало висело на них со стены, шевеля чёрными отростками-лапками. На существо нельзя было смотреть без рвотных позывов. Генри и Айлин прошли мимо, обходя чудо-юдо за несколько шагов. От дальнейшего созерцания местной фауны их спасла заветная камера. *Похожа на склеп*, одновременно подумали оба. Дыра на полу камеры выглядела разрытой могилой.

– Наверное, мне стоит сначала самому спуститься туда, – сказал Генри. – Если ставить друг на друга несколько столов, их можно использовать как лестницу. Как смотришь на это?

А как она могла смотреть? Раз Генри в прошлый раз не нашёл иного способа, она могла не надеяться, что тут возможны варианты.

– Хорошо, – сказала Айлин; мигрень начала разгораться с новой силой. – Только... не уходи далеко, ладно?

– Конечно, – искренне сказал Генри. Ему и самому не доставлял удовольствия подобный поворот событий, но что поделать, коль припёрли к стенке. Положив книгу на пол, он присел у края дыры и свесил ноги вниз. Мельком посмотрел на темноту внизу – все лампы в подвале перегорели, придётся двигаться почти на ощупь... Мысленно вздохнув, он в последний раз встретился взглядом с Айлин (она старалась держаться, но Генри отлично всё понял) и оттолкнулся руками.

Опять падение. К счастью, не в бездонную пропасть небытия, а лишь до пола подвала. Подошвы снова нехило припечатались о бетон, как в прошлый раз. Но боль, разлившаяся по ногам, была терпима. Если уж на то пошло,

изувеченная шея ныла сильнее. Генри опустился на корточки, пережидая, пока сойдут цветные круги перед глазами, и посмотрел вверх. Он находился в маленьком конусе света, отсюда Айлин у отверстия казалась чёрной фигурой.

– Генри, ты как?

– Бывало и похуже, – он поднялся с пола. – Начну, что ли, строительство.

– Давай, – она легонько улыбнулась, зная, что Генри эту улыбку не увидит.

Парень, конечно, говорит мало, подумала она, *зато по делу*. Вообще-то Айлин заметила это в первый же день, когда Таунсенд поселился в их маленьком обиталище. Когда они поднимали бокал красного вина за новоселье, её не оставляло ощущение, что новый сосед либо устал и очень хочет спать, либо воспринимает всё окружающее с лёгким запозданием. Наверное, это и было причиной того, что в последующем она не горела желанием познакомиться с Генри поближе. Вечно молчащий молодой человек с отсутствующим взглядом стал живым символом перемен, которые произошли после исчезновения Джозефа, такого жизнерадостного и общительного.

Этот самый человек сейчас в поте лица трудился внизу, складывая металлические столы и койки (некоторые из них Айлин с содроганием узнала – знакомые ей со времён медицинского института «труповозки») в причудливое нагромождение, постепенно растущее вверх, дотягиваясь до потолка. Генри уже приходилось вставать на нижние столы, чтобы класть новые подпорки. Нелёгкое дело; Айлин увидела струйки пота, заблестевшие на лбу Генри. Ещё минута-другая, и она осторожно сойдёт вниз по этой шаткой конструкции под неусыпным вниманием Генри. *Он делает это для меня*, подумала Айлин с непонятной гордостью. *Всё с нами будет хорошо*. Мысль была настолько приятной, что перебивала даже мигрень и недомогание... но ядовитый шёпот в голове был сильнее, и он продолжал доносить её.

Генри притащил к «горе» ещё один столик. Он надеялся, что этот экземпляр станет последним. Вершина неуклюжего сооружения уже почти доходила до отверстия на потолке. Он рывком поднял стол, затолкал его на нижнюю койку и начал залезать вверх, когда произошло что-то неладное. Конус света всколыхнулся над ним; и область тени, ранее покоившаяся на полу, коснулась ножки крайнего стола. Это не была игра воображения, потому что одновременно где-то раздался тихий скрип незамасленных шестерёнок, начавших вращение.

Генри понял, что будет. Он разжал пальцы, и стол грохнулся о пол, соскользнув с койки. Эхо перекинулось на бетонные стены, заставив воздух наполниться гудением.

– Нет! – Генри схватился за ближайшую койку, попытался вскочить на него. В ответ тот угрожающе накренился. – Айлин, сюда! Скорее!..

Услышала ли она его в этом диком грохоте? Наверное, да, раз наклонилась над дырой со встревоженным лицом.

– Генри, что слу...

Её перебил скрежет, на этот раз не тихий, а громкий – очень громкий, раздирающий ушные нервы. Звук перекрыл их напрасные крики, когда первый

этаж тюрьмы сместился в сторону, заливая отверстие на полу глухим бетоном. Свет скользнул налево, становясь тоньше. Всё произошло слишком быстро, и Генри, несмотря на всё рвение, смог лишь дотянуться до закрывающегося прохода. В последний момент удержался от того, чтобы просунуть руку в сужающуюся щель; пальцы раздавило бы похлеще, чем в мясорубке. Айлин тоже закричала, потянулась к нему... в этот миг дыра закрылась полностью, отрезая их друг от друга с выверенной точностью, как скальпель хирурга. Генри оказался один в темноте, не веря, что попался так просто, и снова, как в былые времена, разбивая руки о неприступную стену.

5

Сердце билось в груди с бешеной скоростью, перед заслезенными глазами расплывались стены камеры, и в ушах ещё стояло эхо собственного отчаянного крика. Но слёзы не помогли, как и крики; дыра была, теперь её не стало. Айлин была одна. Паника стучала ковальным молотком, разбрызгивая раскалённые капли: *одна, одна, одна*. Она припала к полу, где вместо дыры остался только серый контур углубления, и толкала его рукой за края, пытаясь сдвинуть. Она делала это не потому, что рассчитывала на успех; ей просто нужно было чем-то заняться, чтобы не остаться наедине с чёрной тенью животного страха, накрывшей её. Так прошла минута или две, но усталость взяла своё, и мышцы здоровой руки начали постреливать, бунтуя против бесполезного занятия. Волей-неволей пришлось остановиться, закрыть глаза и представить, что ничего не случилось, всё в порядке

(в порядке? в порядке?!!)

и Генри стоит рядом – да, он здесь, просто молчит, ничего не говорит. Ведь так легко представить – он всегда такой молчаливый... Да. Он здесь. *Ничего* не произошло. Айлин немного успокоилась, перевела дыхание. Но открыть глаза не осмеливалась. Пока рано...

Рядом капала вода. Ужасный скрежет прекратился, сменившись тишиной. Когда с ней был Генри, Айлин как-то не замечала, насколько тихо в этой тюрьме – если бы не назойливая песнь капель, ей пришлось бы признать, что есть ещё на свете места, где царит полная тишина. Она так привыкла к жизни в своей квартире и беспрестанному гулу машин за окном, что такое представлялось невероятным. Тихо...

Она открыла глаза, встала на колени, потом на ноги. Кружилась голова; пол то и дело сам собою покачивался под ногами. Вдобавок ни с того ни с сего дико зачесались цифры на спине. Айлин вышла в коридор, увидела прежние кольцевые стены и двери, выкрашенные соскоблившейся белой краской. Почему-то обернулась и впиалась взглядом в пол камеры в надежде, что дыра вернётся. Конечно, ничего не изменилось – не могло быть так хорошо. А вот то, что находилось на стене над исчезнувшим отверстием, Айлин раньше проглядела: крохотное углубление глазка, зияющее недремлющим зрачком. Должно быть, так охранники следили за заключёнными. Глазок холодно изучал её, словно насекомое под микроскопом. Айлин наполнилась

уверенностью, что кто-то там стоит, за отверстием на стене. Стоял всё время, выжидая удобный момент...

Тут Айлин не выдержала и побежала, насколько ей позволяла больная нога. Вперёд по кривому коридору, оглядываясь, чтобы удостовериться, что никто не выполз змеей из щели глазка и бежит за ней. Стук её каблуков звучал необычно громко, отражаясь от замкнутых стен. Испуганные слизняки на стенах зашевелились, некоторые грузно плюхнулись на пол и остались там лежать.

Она добежала до двери выхода. Раздумывать не стала – хотя рассудок твердил, что она должна остаться на месте, чтобы Генри мог её найти (если, конечно, он *сможет* выбраться оттуда), но страх был слишком велик. Скорее наружу, на воздух, где есть хотя бы хлипкая иллюзия свободы. Айлин схватилась за ручку, толкнула дверь. Услышала, как внутри щелкнул язычок замка, натолкнувшись на преграду; дверь была заперта.

– Нет, – она сделала шаг назад, недоверчиво огляделась. – Только не это...

Вдруг стало душно, хотя на этаже было довольно прохладно от пробравшей это место сырости. Рядом громко заулюлюкал крупный слизняк; Айлин едва не потеряла сознание от неожиданности. Господи, эти твари могут издавать звуки.

Она попятилась и пошла дальше по коридору, зная, что рано или поздно этот круг всё равно приведёт её на прежнее место. В груди стало пусто и черно – временный паралич чувств, выжидающий хотя бы самую малую причину, чтобы прорвать плотину. Спокойно. Нужно взять себя в руки. Скоро придёт Генри, и они вместе что-нибудь придумают. Ведь всё шло так хорошо – они находили двери, спускались вниз, шли дальше. Так будет и на этот раз...

Но потом – когда снаружи здания Айлин слышала громкие шаги, спускающиеся по винтовой лестнице – последние попытки удерживать остатки разума обратились в пыль. Ничего не будет хорошо. Она знала, под чьим весом скрипят ступеньки, и знала, что этот человек идёт к ней. Айлин побежала прочь от двери, спеша укрыться, пока ещё возможно, и заглатывая душасщие слёзы, чтобы не выдать своего местонахождения.

6

На то, чтобы вслепую отыскать дверь в тёмном помещении, ушло несколько минут. Генри натёкался то на одну койку, то на другую, острые края болезненно впивались в таз. Каждый раз он тихо, но крепко ругался. Кричать не хотелось даже в таком аховом положении. Крики никогда не помогали. Если что и может сейчас исправить положение, это быстрые и решительные действия. Вот с ними сразу начались проблемы. Он блуждал по комнате, как мышь, запертая в клетке, запомятовав, с какой стороны в чёртовой комнате находилась дверь.

В конце концов ему удалось найти дверь, и он выскочил в коридор, где было только немногим более светло. Попад в коридор, он понял, что лампы на нижнем уровне вовсе не сломались; нет, их перебили, методично, одну за

другим, давая бразды правления в руки темноты. Генри вспомнил, что на том конце находится лестница, ведущая в комнату наблюдения. Он рассчитывал встретиться там с тем, кто вывернул вентиль, а если его не будет, то вернуть этаж на прежнее положение и выбраться наверх. Айлин осталась одна; Генри слишком хорошо представлял себе, каково ей сейчас. Как можно быстрее...

Но сейчас, глядя на коридор, стены которого расплывались, становясь одной смесью с мраком, он почувствовал в глубине души шевеление паники, желания развернуться и побежать... бежать без оглядки. Генри так и сделал – но не стал разворачиваться, а устремился вперёд, к лестнице, молясь, чтобы ему дали хотя бы один-единственный шанс добежать до цели. Не нужно было быть экстрасенсом, чтобы уловить чужое присутствие в узком коридоре, где едва-едва разминулись бы два человека. Размеренное тяжёлое дыхание, шевелящее воздух впереди... а может, слева... или, чёрт возьми, сзади. И это не догадка или какой-то «третий глаз» – Генри *физически*, всеми порами кожи чувствовал существо, делящее с ним покров тьмы. И знал, что *оно* настроено отнюдь не дружелюбно.

Лестница. Невероятно, но ему удалось не потерять направление; она исправно встала на пути, ударив железом о грудь. Генри судорожно сомкнул пальцы на перекладине, благодаря Бога за оказанную милость. Благодарность оказалась преждевременной: он только начал карабкаться вверх, когда мощный удар в ключицу оттолкнул его назад, как пушинку, заставив распластаться на полу. Из темноты слышалось бормотание, в котором Генри почудились обрывки слов.

– Кто здесь? – спросил он, отползая назад. Удар не нанёс сильного вреда, но пройдишь он дюймом выше, Генри запросто мог бы сейчас валяться с переломанной шеей.

– Это ты?..

Он сам не понимал, кого имеет в виду: то ли «хирурга» в окровавленном плаще, то ли мальчика в водолазке. Впрочем, ошибся и в том, и в другом случае: существо, таившееся за лестницей, никоим образом не было похоже на человека. Много Генри не увидел, но того, что он различил, хватило с лихвой: пухлое круглое тело в восемь футов, короткие руки и ноги, растущие из него – и быстрый, непрерывный шёпот, наполняющий коридор. Шёпот звучал мягко, почти доверительно. Слова тонули в нём мелкой рыбиной, ускользающей сквозь сети – кажется, стоит немного напрячь слух, и ты услышишь их...

Не переставая убаюкивать Генри тихим шёпотом, существо начало движение вперёд.

Человек в синем плаще открыл дверь не сразу – он немного простоял в нерешительности, взявшись за ручку и изучая её пронзительным взглядом. Потом всё же отворил дверь и вошёл, оставляя туман и озеро за спиной. Замок, запертый на два оборота, послушно открылся от одного касания его пальцев.

В коридоре никого не было видно – должно быть, девушка спряталась на обратной стороне. Здесь мужчина тоже помедлил, сосредоточенно вращая в левой руке детскую куклу, облаченную в платье из грязного ситца. Левый глаз куклы отсутствовал, придавая игрушке довольно-таки устрашающий вид. В который раз мужчина пожалел, что имел глупость отдать её Преемнику Мудрости. Тогда этой казалось удачной идеей – избавиться от куклы таким способом. Пластмассовый человечек давно стал для него знаком любви и доброты, коих всегда было мало... и ещё он вызывал в нём тёплые мысли о Возрождённой Матери. Когда-то она сама подарила ему эту куклу, подарила просто так, хотя любила её не меньше, чем он сам. Мужчина вздохнул и пошёл по коридору.

Он испытывал неудобство перед встречей с Айлин лицом к лицу... хотя клялся про себя, что ничего такого нет. Он собирается просто отдать куклу и уйти, разве не так?.. Преемник Мудрости не захотел взять её с собой, более того – выдавил ботинком глаз. Придёт время, и он заплатит за это сполна. А пока ему нужно избавиться от куклы хоть каким образом. Например, вернуть той, которая дала ему её давным-давно. Да, так будет лучше всего. *Правильно.*

Но мужчине всё равно было стыдно. Он не был уверен, что сможет посмотреть прямо на её лицо, где будут следы их недавнего «общения», слишком явные, чтобы игнорировать их. В минуты буйства, когда мир вокруг полыхает красным, чувства словно тонули в алой пучине – стоило только начать. Но сейчас был другой случай, и зверь тихо-мирно спал в уголке сознания. Вот человек и стыдился. Ничего не мог поделать.

Проходя мимо открытой камеры, он из любопытства заглянул внутрь. И не пожалел – на полу, где недавно зияла дыра, лежала старая книга в синем переплёте, знакомая с детства. Книга, которую он любил и ненавидел. Священное Писание. Должно быть, они взяли его с алтаря. Мужчина поднял книгу с пола и спрятал под полы широкого плаща. Негоже Писанию валяться в этой живодёрне, как какой-то мусор.

Он пошёл дальше. Сквозь топот капель он слышал тихий, но частый стук каблуков. Стены тюрьмы исправно отражали все звуки, выдавая её с головой. Неужели она думает, что может кружить вечно, не попадая в поле его зрения? Мужчина ускорил шаги, сжав куклу в ладони. Время, конечно, есть, но злоупотреблять этим не стоит. Скоро Преемник Мудрости выберется из подвала (мысль, что он может умереть там, в темноте, казалась мужчине невероятной), а встреча с ним не вписывалась в его планы. Пока.

Он увидел её в начале второго круга по кольцу – Айлин уже не пыталась сокрыть звук шагов и бежала вперёд, неуклюже волоча ногу в гипсе. Мужчина увидел, что её силы на исходе, поэтому не стал прибавлять шага. Она и так напугана, незачем доводить её до сердечного приступа. Взгляд зацепился за цифры на спине – 20121 – но он благополучно отвёл глаза.

Айлин остановилась даже раньше, чем он ожидал. Пошатывающимися шагами свернула вправо, прислонилась к стене, оборачиваясь в его сторону. Лицо в каплях пота, волосы слиплись в пряди; казалось, она вот-вот грохнется в обморок. Глаз, который не закрыт пластырем, смотрел на него в ужасе.

Мужчина остановился поодаль и миролюбиво вскинул руки, показывая пустые ладони. *Я не причиню тебе вреда.*

– Здравствуй, Айлин, – сказал он вслух. Про себя он привык называть её не иначе, как Возрождённая Мать, но этот случай был исключением.

Она вздрогнула, услышав его голос, и глаз широко раскрылся... но, по крайней мере, из зрачков начала осторожно уходить безысходность жертвенного агнца.

– К-кто вы? – она коротко кашлянула, изгоняя хрипоту из голоса. – Кто вы?

– Меня зовут Уолтер, – мужчина улыбнулся. – Я думал, ты знаешь.

Девушка начала оседать на влажный пол, прижавшись к стене. Мужчина едва удержался от того, чтобы подхватить её.

– Ты... ты убьёшь меня?

Он ждал этого вопроса. И был рад подарить ей облегчение:

– Нет.

Во всяком случае, не сейчас.

– Но... – Айлин выпрямила ноги, стараясь удержаться на ватных ногах. В глазах становилось всё больше любопытства и меньше страха. Мужчину это радовало. – Ты не можешь быть им. Уолтер Салливан умер. Умер *давно*.

– Как видишь, это не совсем так, – он посмотрел на свои руки, словно желая убедиться в своём существовании. И увидел куклу, которая безвольно повисла в кулаке. Он и забыл... – Извини, что мне пришлось разлучить тебя с Преєм... – чёрт, опять вырвалось, – с Генри. Это ненадолго. Мне нужно было встретиться с тобой в одиночестве...

Зря он это сказал. Айлин почти успокоилась, но после этих слов вскинулась, как испуганная лань. Мужчина мысленно чертыхнулся.

– ... чтобы отдать тебе эту куклу, – поспешно добавил он, демонстрируя девушке своё сокровище. – Узнаёшь?

– Нет, – она даже не смотрела на куклу. Готова целую вечность взирая на его лицо, что бы ни случилось. Он впервые почувствовал раздражение.

– Может, сначала стоит хотя бы посмотреть?

Сказал он это довольно мягко, но слова всё равно стали для неё болезненной оплеухой. Конечно, он не могла послушаться его – покорно опустила глаза на человечка в ситцевом платье. Сперва Айлин испытывала только недоумение, но потом нахлынули воспоминания – и мужчина увидел, как изменилось её лицо, засветилось удивлением и робкой радостью.

– Я знаю её! – воскликнула она. – Это же была моя...

Айлин осеклась, вспомнив что-то ещё. И подняла глаза на него, на этот раз не испуганные, а пристально изучающие. Мужчина опять улыбался. И выглядел совсем не страшным, несмотря на забрызганную кровью одежду.

Не может быть, прошептала она. Он каким-то образом услышал и смог ответить ей без слов... по крайней мере, она слышала его ответ у себя в голове.

Может. Всё может быть. Кукла лежала на раскрытой ладони, скрыв лицо в водопадах чёрных волос. Побывала она у Айлин недолго, кажется, три месяца или четыре (кролик Робби лежал на кровати в разы дольше), но для

ребёнка и это достаточный срок, чтобы полюбить бессловесного приятеля... и она помнила до сих пор. Как покупала куклу в магазине, как играла в «семью» и поила её чаем, и особенно – как с ней рассталась. Господи, уж лучше бы не помнила...

Пасмурный осенний день.

Незнакомый большой город, в котором одно хорошо – магазинчики с игрушками и разноцветной одеждой. Лишь через год-два лет она узнает, как он называется – Эшфилд.

Долгое ожидание в вагоне метро среди плотной толпы, предвкушение вечерней трапезы, когда у папы будет АБИЛЕЙ. *Нет, Эли, – с укором поправляла мама, – не абилей, а юбилей. Папе сегодня тридцать лет. Поэтому мы и покупаем ему и тебе подарки, в день его ангела. А вечером будет торт.*

Юноша с взлохмаченными волосами спал за перилами в углу станции, где людей было меньше, закутавшись во что-то вроде спального мешка. День выдался прохладный, а в станции вряд ли было теплее, чем на улице. Айлин увидела, что с парнем что-то не так. Даже во сне его бил озноб, он всё время ворочался с бока на бок. Но сильнее всего её потрясло другое: как он может спать здесь, среди незнакомых людей, а не у себя дома, где наверняка тепло и ждёт горячий ужин? Может, даже торт. Айлин поразмыслила на ходу и за несколько секунд пришла к выводу, который ударил в неё беспощадной каменной глыбой, став ещё одной ступенькой на пути к взрослению: *а может, у него нет дома?..* Разве такое возможно? Она хотела получить окончательный ответ. Айлин перестала шагать, и мать вопросительно посмотрела на неё.

– Мама, почему он спит здесь? – она указала рукой с куклой на спящего человека. Юноша как раз зашёлся очередным приступом жесточайшего кашля – настолько сильного, что он открыл глаза. Потухший взор был уставлен в каменный потолок.

– Не смотри на него, – мама взяла её за руку, чтобы идти дальше. – Пошли дальше, Эли. Папа ждёт.

– Но почему, ма? – возмутилась Айлин. Впрочем, мамин ответ она уже получила: мама *не знала*, почему человек лежит здесь. Значит, ей мог помочь только сам юноша под лестницей, благо он только что проснулся.

Она решительно протопала к лестнице, достаточно быстро, чтобы опешившая мать не успела ничего предпринять. Человек в спальном мешке заметил ребёнка, идущего к нему – и следил за ней с удивлением или даже страхом. Как дворовая собака, которая никогда не знает, чего ждать от незнакомца – конфетку или пинка под ребра.

– Почему ты спишь здесь? – спросила девочка, подойдя к нему. Мать уже спешила к чаду на всех парах, но как раз в эту секунду под лестницей проходила шумная свора школьников, и она затесалась между ними. – Разве тебе не холодно?

Человек нерешительно замотал головой, полуоткрыв рот. Выглядело забавно, но Айлин смешно не стало: она поняла, что он врёт. Флажок со звоном поднялся ещё на одно деление навстречу взрослению: получается, взрослые дяди и тёти тоже врут. Но тогда Айлин это не показалось столь

важным. Да, человек в спальном мешке врёт – ему холодно, но он не может пойти к себе домой. Наверное, у него тогда нет папы и мамы?

– Айлин! Не разговаривай с этим человеком! – строгий голос мамы был совсем рядом. Ещё мгновение, и она уведёт её назад. Она ещё раз посмотрела на худощавое лицо юноши, его впалые глаза и волосы до плеч.

– Мама, но ведь ему очень холодно. Разве не видишь...

Повинуясь безотчётному импульсу, Айлин нагнулась и положила Анну, свою любимицу за последние месяцы, на жёсткую ткань мешка. Человек устался на игрушку так, будто в жизни не видел ничего подобного. Девочку это обрадовало. Значит, она не ошиблась и с Анной, и юноше будет лучше.

– Она будет спать рядом с тобой, – сердечно сказала она. – Вы можете разговаривать. Знаешь, она очень любит говорить о...

– Айлин! – мать наконец добралась до дочери, прорезав толпу школьников, и положила руку на плечо. Она звала её по «взрослому» имени, только когда была особенно ею недовольна. – Пошли домой. Папа наверняка уже заждался. Ты же не хочешь огорчать папу в день его рождения?

– Нет, мамочка, – Айлин вздохнула и ободрительно помахала ручками юноше, который осмелился поднять куклу со спального мешка. – Пока-пока!

Человек не ответил на её жест, продолжал полулежать-полусидеть в своём углу и смотрел на неё во все глаза, словно пытаясь запомнить её облик... и когда Айлин ещё раз обернулась у выхода в длинный коридор, то увидела, что он прижал куклу к груди, пальцами медленно поглаживая её чёрные волосы. Ей показалось, что юноша вовсе не рад её подарку, а наоборот, глубоко несчастен. Может, даже плачет; Айлин не была уверена, что видела слёзы на его глазах, но... всё равно он выглядел очень одиноко.

Может, она зря дала Анну? Может, кукла ему не понравилась?.. Тем более что, вспомнила она, это был подарок папы, и папа мог огорчиться. Айлин обеспокоенно спросила у мамы, которая шла быстро, почти волочила её за собой:

– А папа не рассердится, когда я скажу ему, что отдала Анну?

– Конечно, нет, милая, – она улыбнулась, и у девочки окончательно отлегло от сердца. – Ты всё сделала правильно. А теперь давай пойдём скорее и не будем отвлекаться, хорошо?..

И они пошли домой. Дом в Эшфилде у них был новый, просто громадный по сравнению с каморкой в Вирджинии. Айлин ещё не привыкла к новому месту, но в тот вечер всё было хорошо: они веселились до поздней ночи, папа задувал свечи на торте, смеясь при этом до слёз, и ей давали шоколадных зверьков (которыми Айлин теперь лакомилась исключительно по праздникам, по дозированной мере). Этот вечер стал, возможно, лучшим в её жизни. Через три дня папа купил новую куклу, на этот раз не в синем, а в красном платье. Айлин назвала её Линн – кукла продержалась два года, гораздо больше, чем все остальные. Она пережила даже маму с папой...

Оказалось, и Линн было не сравниться по продолжительности жизни с предшественницей в синем ситце, которая лежала на руке человека в плаще. Айлин в ужасе подумала, что кукла не изменилась с того дня, как она

рассталась с ней в станции метро. Но, слава Богу, она ошиблась – кукла всё же истрепалась, в ткани платья выглядывали дыры и кусочки нитей. А когда мужчина коснулся волос куклы, открывая её лицо, выяснилось, что у человечка не хватает правого глаза.

– Это ты... – других слов не осталось. Мужчина, видимо, остался доволен произведённым эффектом. Он учтиво наклонил голову:

– Рад, что ты помнишь. Я бы не удивился, если бы ты забыла.

– Но как?.. – мысли и чувства в голове совершенно запутались; были среди них и страх, и радость, и любопытство, и горечь, и недоумение. Стены тюрьмы пошли волнами, как изображение на экране во время грозы. В который раз Айлин испугалась, что потеряет сознание.

– Значит, Господь хотел, чтобы мы встретились снова, – сказал мужчина, представившийся Уолтером. – Я могу тебе кое-что объяснить, Айлин... не рассчитываю, что ты поймёшь, но всё-таки. Но сначала я хочу, чтобы ты взяла эту куклу. Я хранил её все годы, и сейчас хочу вернуть тебе. Ты ведь возьмёшь?

Риторический вопрос. Конечно, возьмёт, куда она денется. Но кукла находилась в руке мужчины в плаще, и чтобы взять её, нужно было сделать два шага навстречу. И коснуться его пальцев. Это притом, что Айлин едва стояла на ногах... а уж если приблизится к нему, то наверняка скончается на месте от страха.

Человек с интересом смотрел на неё, выжидая.

Айлин сделала шаг вперёд. Стены по-прежнему сплющивались и растягивались в белом свете ламп. Ещё один шаг, и кукла уже достаточно близко, чтобы взять её; она смотрит на неё единственным глазом (как, впрочем, и я, с горькой иронией отметила Айлин), приветствуя бывшую хозяйку. Загорелая ладонь мужчины остаётся недвижимой.

Она быстро протянула руку и подцепила куклу кончиками пальцев. Рука мужчины вздрогнула, и она обречённо подумала: *Всё. Теперь он уже не даст мне уйти*. Но он стоял бездвижно, и кисть его была уже пустой. Айлин отступила, чувствуя сильный приступ тошноты. То ли из-за пережитого волнения, то ли из-за мерзкой мягкости куклы в руке. Было время, и она любила Анну. Но то, что находилось сейчас с ней, было НЕ Анной. Она приняла решение выбросить её сразу же, как только мужчина позволит ей уйти... если позволит.

– Вот и хорошо, – удовлетворённо сказал Уолтер Салливан, человек «11121». Теплота ушла из его голоса, оставляя в нём привкус мертвечины. – А теперь – о чём ты хотела меня спросить?

После горького опыта в магазине Стива Гарланда Генри знал, какое преимущество отсутствие света даёт противнику. Он не сомневался, что монстр прекрасно видит его, чего нельзя было сказать о нём самом. Тварь могла подкрасться с любой стороны, и он ничего не узнал бы, пока она не

нанесла удар. Он прижался спиной к стене, чтобы хотя бы исключить нападение сзади. И смотрел во все глаза – иного просто не оставалось.

Нужно прорваться, лихорадочно думал он. Отразить первую атаку... если удастся... и побежать к лестнице, пока оно не придёт в себя.

Шёпот смолк, так что теперь Генри не мог даже ориентироваться на звук. Он выставил вперёд запястья, скрещенные со сжатыми кулаками. Может, это помешает чудовищу сразу свернуть ему шею. В очередной раз он пожалел, что в руке нет оружия, и снова поклялся в ближайшем будущем (если таковое будет) обзавестись им. Сердце стучало ровно, но быстро, отдаваясь чёткими ударами.

Монстр ринулся на него спереди – с расстояния достаточно далёкого, чтобы Генри расслышал звуки лап, перебирающих по полу... но достаточно близкого, чтобы не оставить ему времени на то, чтобы отскочить в сторону. Он встретил восьмифутовое создание скрещенными руками, которые вдавились в грудь, как соломинки. Боль прорезала темноту жёлтой молнией, но сбить Генри с ног твари не удалось.

– Ах ты... сволочь! – Генри попытался на лету ухватиться за тело монстра, но его кожа была слишком плотной и упругой. Да и руки после удара словно наполнились солёной водой. Тварь мгновенно отступила назад, выдохнув в лицо тёплым воздухом с запахом гнилой рыбы. Генри осознал, что план прорыва с треском провалился: как бежать, когда ноги подкашиваются, руки словно облили кислотой, а перед глазами плавают оранжево-зелёные пятна? Он мог лишь пошатываться на месте, скривив губы от боли, припечатанный к стене весом чудища. И задавать себе вопрос – сможет ли он выдержать вторую атаку? Если он не устоит и окажется на полу... это конец. Монстр не будет церемониться.

Повторение последовало быстрее, чем он думал. Не прошло и десяти секунд, как в воздухе снова сгустилась опасность, которая рвалась к нему заряжённым клубком. На этот раз Генри не стал медлить, и, согнувшись пополам, прыгнул направо, уворачиваясь от грузной туши. Кожей ощутил удар, пронесшийся мимо – может, на дюйм, может, на два дюйма. Он едва не потерял равновесие и ткнулся лицом в пол, но смог совладать с ногами и наконец-то побежал вперёд, в сторону желанной лестницы.

Яростный шёпот наполнил коридор. Чудовище двигалось с умопомрачительной проворностью. Когда до цели оставалась всего пара шагов (Генри так полагал – на самом деле, конечно, он ничего не видел), мощный удар между лопаток толкнул его вперёд, прямо на железные перекладины. Одна из перекладин попала в переносицу, другая ударила в челюсть, заставив Генри откусить себе язык. Он стал судорожно карабкаться вверх, сжимая лестницу мёртвой хваткой; боль преходяща, а в движении вверх было единственное его спасение. Где-то на шестой или седьмой перекладине на голени сомкнулась холодная, влажная рука. Именно *рука*, а не лапа; каждый палец, обвивший голень, ожесточённо тянул Генри вниз на погибель. Не выпуская перекладину, он оттолкнулся назад и заехал ботинком по руке. Шёпот прервался, сменившись коротким удивленным вздохом. Генри пнул

ещё раз, преисполненный уверенности в успехе; он был уже совсем близко от победы, и не мог проиграть сейчас.

Получай, тварь!.. Ещё один удар. Прорезиненная подошва с размаху впилась в упругую кожу. Пальцы чудовища медленно, словно бы нехотя скользнули вниз. Генри не стал медлить и продолжил путь вверх, пропитанный адреналином и потом. Через пару мгновений он был вне досягаемости чудовища в темноте, в центральной комнате первого этажа. Будь он один, предпочёл бы свалиться кулем на пол на пол и позволить себе ненадолго лишиться чувств; но за стенами была девушка, для которой каждая минута одиночества в этом месте была пыткой. Поэтому Генри не стал падать, хотя едва он ступил на первый этаж, им овладела давящая, невыносимая усталость.

Нужно её успокоить. Поговорить через глазок, сказать, что всё будет хорошо...

Опёршись гудящей от боли рукой о стену, он заглянул в первый попавшийся глазок, струящийся слабым белым светом. Пустая камера, закрытая дверь. Следующий глазок – та же самая картина. Внизу, в подвале, тварь всё ещё копошилась, пытаясь подняться следом. Генри встревожился, вспомнив про человеческие пальцы на её руке. Может, монстр достаточно гибок, чтобы использовать лестницу? Вряд ли... По крайней мере, он на это надеялся.

Картина, открывшаяся из четвёртого глазка, заставила его похолодеть. Несомненно, это была та самая камера, где находилась Айлин – дверь открыта нараспашку, и даже трещины на бетоне кажутся знакомыми. Но самой Айлин в камере не было. Генри быстро проверил другие глазки – пусто, только запертые камеры. Значит, Айлин вышла в коридор. Он прислушался к звукам.

Тишина. Только капает вода.

Разве?

Нет... Не только тишина. Ещё были голоса, затерянные в этой водной симфонии, слишком далёкие и тихие, чтобы разобрать, что они говорят. Женский и мужской. Дрожащий и невозмутимо-холодный. Айлин и *кто-то ещё*.

Вот чёрт...

Генри с проклятиями бросился в центр комнаты. Взяв в руки вентиль, попытался вспомнить, в какую сторону повернулся этаж. Кажется, направо. Или налево? А, один чёрт. Он крутанул вентиль влево, вызвав жуткий скрип, прокатившийся по этажам картавым эхом. Глазки закрылись, потом открылись снова. Подскочив к стене, Генри заглянул в отверстие. Камера с открытой дверью, на полу чёрная дыра. Отлично.

Но тут он вспомнил, что внизу его ждёт шепчущее чудовище. Он слышал, как монстр проводит рукой по перекладинам с сухим шуршанием. Тварь ждала. Она знала, что он вернётся, никуда не уйдёт.

Генри поставил ногу на лестницу. Снизу донёсся злорадный вздох, от которого солнечное сплетение набухло опухолью.

Это не решение! – пискнул испуганный голосок, который когда-то безуспешно уговаривал его не лезть в дыру. – *Если повезло один раз, это не означает, что будет фартить вечно!*

Всё так, дружище, равнодушно хмыкнул Генри. *Всё так.*

И спрыгнул вниз, где под лестницей притаилось существо без имени.

9

Он опоздал в бессчётный раз. Когда Генри наконец выбрался на первый этаж и вышел в коридор, тот, с кем говорила Айлин, уже ушёл. Сама она сидела у стены, прижавшись к ней спиной, подтянув колени к подбородку, и бесцельно смотрела вперёд. Когда Генри подошёл к ней, девушка никак не отреагировала, кажется, даже не заметила его присутствия. Это напугало его больше всего.

Господи, что он с ней сотворил?

– Айлин? – спросил он осторожно, выговаривая по словам. – С тобой всё в порядке?

– Да, – ровно отозвалась она, так и не сводя взгляда со стены. Генри испытал облегчение, пусть небольшое.

– Кто-то здесь был?

– Да, – она повернула голову к нему. – Уолтер Салливан. Он сказал, его так зовут.

– И... что он делал?

– Ничего, – она качнула головой. – Вернул мне мою куклу, которую я подарил ему в детстве. Знаешь, я, оказывается, встречала его раньше.

Кукла и вправду лежала у ног, подмигивая Генри единственным левым глазом. Та самая, которую человек в плаще пытался «подарить» ему на лестничной площадке. Генри вспомнил, как она хрустнула под его ботинком.

– Я думала, он убил тебя, – сказала Айлин. От бесстрастности её голоса по спине Генри побежали мурашки. Нет, с ней было не всё в порядке. Определённо не всё. – Он сказал, что ты придёшь, но я ему не поверила.

Генри неуклюже попытался вернуть всё в шутку:

– Ну, по крайней мере, у меня был хороший шанс полечь там, так что ты ошибалась не сильно.

Айлин промолчала. У Генри возникло непреодолимое желание убраться отсюда – куда угодно, хоть даже в самый тёмный и холодный уголок мира.

– Айлин, ты сможешь идти?

– Да, наверное, – она поднялась с пола, даже не посмотрев на злосчастную куклу. – Куда мы пойдём?

– Вниз, – сказал Генри. – Поищем дверь. Она должна там быть.

– Хоро... – Айлин запнулась, заметив, что его рубашка безжалостно распорота по шву. – Господи, Генри, что с тобой случилось?

– Ничего, – он пожал плечами. – Я бы сказал... ничего.

А если что-то и было, оно теперь мертво.

Айлин смотрела на него снизу вверх – может быть, выискивала на лице ложь, а может, поддержку. После паузы она изрекла:

– Он сказал, что убьёт нас.

Вот этого Генри не ожидал.

– Что?!

– Сказал, что не хочет нас убивать, но должен, – продолжила она. Ещё один слизняк закончил своё брренное существование, шмякнувшись на пол с сырой стены. – Он сказал, что я – Возрождённая Мать, и это предопределяет всё. Я спросила, что это означает... но он только улыбнулся. И ушёл.

Она всхлипнула совсем по-детски, давая прорваться тому, что скрывалось за безразличной маской апатии – затхлому ужасу и безнадёге, в которую погрузили её слова человека в плаще. Из глаз выкатилась первая слезинка, за ней последовала другая, и Айлин безутешно разрыдалась, припав к груди Генри, больше не в силах сказать ни слова. Слова покинули его тоже – он лишь обнял её за плечо, потрясённо разглядывая белые, слишком белые стены фантастической тюрьмы.

10

Спустились они без особых неприятностей по той же «Горе-2» (так её называл про себя Таунсенд), с помощью которой Генри выбрался из подвала. В этот раз первой пошла Айлин, медленно шагая по снижающемуся нагромождению столов. Генри держал её за свободную от куклы руку, пока мог, потом полез сам.

Оказавшись внизу, Генри первым делом прислушался к звукам из коридора. Тихо. Конечно, иначе и не могло быть – ведь он сам убил эту тварь, но в душе ещё зрело подозрение. На искажённой «обратной стороне» нужно быть готовым к любым сюрпризам, даже самым неприятным.

Но этот монстр был мёртв на все сто. Предложив Айлин отвернуться, Генри открыл дверь с неприятным ощущением в желудке. Он видел разных чудовищ за последние дни, но такого тошнотворного встречать ещё не доводилось. Генри был уверен – если бы вместо собак-кровососов из мужского туалета метро свалились на неподготовленный разум *такие* создания, он бы точно тронулся рассудком.

Толстая одежда, слившаяся с кожей... гноистое пухлое тело, сочащееся нарывами... и маленькие, детские руки. Их четыре – две заменяют твари ноги. И голова...

Эту картину Генри увидел, когда существо перестало шевелиться под его исступлёнными ударами, и он открыл дверь в комнату с дырой, спеша увидеть, что за существо он прикончил. Из мазутно-вязкого полумрака на него с укором смотрели две головы – непропорционально маленькие на таком огромном теле, свесившиеся в разные стороны. Головы младенцев. Одна голова причудливо вывалила серый язык и прикрыла веки. А вторая смотрела на Генри неживым взором – ярко-жёлтыми белками глаз и крохотными зрачками, одна из которых закатилась за веко.

Дети.

Не смотри на него, приказывал себе Генри, сосредоточенно уставившись на истекающий водой потолок. *Иди вперёд*. Он прошёл в коридор, увлекая Айлин за собой. Не забыл прикрыть за собой дверь, чтобы жуткая тварь снова потонула во мгле.

– Здесь слишком темно, – прошептала Айлин. – Как мы найдём дверь?

– Нам не нужно искать, – ответил Генри, почему-то тоже шёпотом. – Мне кажется, я знаю, куда нам нужно ид...

Громкий звук плещущейся воды оборвал его в середине слова. Звук доносился слева – на слух около тридцати футов, гулкий и приглушённый, что означало наличие стены между ними и источником. Генри не понадобилось делать сложные логические выкладки, чтобы понять, откуда дует ветер. В горячке разборки с чудовищем он начисто забыл о работнике приюта «Дом Желаний» Эндрю ДеСальво. Непростительная халатность.

Снова звонкий, переливающийся звук воды. С таким звуком счастливые рыбаки вытаскивают свою извивающуюся добычу. А ещё с таким звуком из воды вылезают люди. Например, несчастный толстяк, который плавал в камере смерти до синюшного цвета кожи и открыл водянистые глаза, услышав шаги за стеной.

– Айлин, сюда!

Схватив её за запястье, Генри быстро пробрался вперёд. Только бы не подвела ориентация в этой чёртовой темноте...

– Генри, что случилось? Где...

– Нам нужно уходить.

Первая дверь... вторая... звук воды прекратился, стало быть, *он* уже вылез из воды... Генри потянул дверь на себя. Слава Богу, открыто. А за ней – тот самый коридор с люком в конце. И лестница, ведущая ещё ниже, откуда исходит вонь разложившихся трупов. Слава Богу, сейчас дыхания монстра не было.

Путь будет всё время вести тебя вниз.

Что ж, да будет так.

– Генри, куда мы идём? – должно быть, Айлин тоже почувствовала сшибающий с ног запах из люка. У Генри не было времени объяснять, да и если бы оно и было, он не смог бы ничего сказать. Вновь кровь закипает в жилах, размораживая льдинки, колющие вены изнутри. Может быть, это предвестник головной боли, которая просыпается, когда призраки приближаются к нему, но пока Генри чувствовал только необычный подъём.

– Ты первая, – он провёл рукой в сторону люка и лестницы. Айлин на этот не стала расспрашивать – она тоже почувствовала надвигающуюся опасность и услышала странную сдавленную песню, которую распевал призрак. Голос, хоть и искажённый, был узнаваем. Тысячу лет назад этот же голос умолял Генри вытащить его из камеры, пока до него не добрался Уолтер.

Айлин спускалась медленно – рука в гипсе мешала ухватиться за перекладины, да и темнота давала о себе знать. Прежде чем Генри последовал за ней, он успел услышать рвущиеся и чавкающие звуки, сменившие пение. Картина ярко предстала перед глазами, несмотря на мглу: красно-коричневые

волдыри, являющиеся на бетонной стене один за другим. Они надуваются до угрожающих размеров, всё утончая плёнку покрытия, потом вдруг лопаются с грязным чавканьем. Из образовавшегося проёма вылезает, неистово размахивая руками, жирный мертвец с фиолетовыми складками на животе.

Это не просто воображение. Уже было, раньше... Где я видел?

Не место, не место для бесполезных раскопок в памяти. Генри быстро спустился вниз, в тесный проход, где её ждала Айлин. Он не знал, как чувствовала себя девушка, но его самого сразу скрутило пополам от смрада, по сравнению с которым аромат канализаций казался французским парфюмом. Конечно, он давно догадался, из-за чего здесь стоит этот запах – уже во время первого посещения этого места. Но всё равно испытал парализующий ужас, когда с первым шагом наступил на давно истлевший череп, который громко хрустнул.

Рядом застонала Айлин – очень тихо, словно не хотела, чтобы Генри её услышал. Ладонь, которой она держалась за Генри, вдруг обмякла. Хорошо, что он вовремя понял, что случилось, и успел подхватить Айлин в темноте. Она потеряла сознание. Генри был этому даже рад – по крайней мере, ей не придётся слышать хрумкающие звуки под ногами на каждом шагу, и чувствовать сзади приближение живого мертвеца, распевającego – он мог в это поклясться – церковные псалмы. Закусив губу и подняв бесчувственную девушку на руки перед собой, Генри пошёл вперёд в абсолютной мгле.

11

Звук падающей воды и яркий свет обрушились на Таунсенда, когда он вошёл в дверь в конце лестницы, заставляя его оглохнуть и ослепнуть. После зловещего далёкого пения Эндрю и пещерной темноты контраст был более чем разителен. Он попал в генераторную, обеспечивающую электричеством этот лагерь смерти. Под высоким потолком горели мощные лампы, огороженные сеткой, распыляя дневной свет по огромному помещению. Вода тоннами лилась на лопасти водяного колеса в центре, заставляя его величественно вращаться. Мириады капель не находили упокоение на колесе; они мчались дальше, куда-то вглубь через вырубленное на полу отверстие, сливаясь в водопад. Должно быть, прямо в воды родного озера.

Несмотря на удивление и некоторый восторг, Генри не стал успокаиваться. Призрак Эндрю ещё преследовал их, хоть и поотстал. Шанса, что он вдруг передумает и уберётся восвояси, было мало. Он двинулся дальше с Айлин на руках (минуту назад она зашевелилась и попыталась что-то сказать ему, так что Генри надеялся на её скорейший приход в себя), осматривая стены помещения. Выбор, прямо говоря, был скудный – только крохотная дверь на правой стене. Вал колеса, тянущийся под полом, тоже скрывался в этом направлении, так что там наверняка находилась будка управления генератором.

Генри прошёл в дверь. Как и следовало ожидать, в полутёмной комнате высился очередной механизм с рычажками и кнопками. Как раз по вкусу тех, кто строил эту бетоно-механизированную обитель. Впрочем, внимания Генри агрегат не удостоился ни на секунду: войдя, он сразу увидел на дальней стене комнаты невзрачную серую дверь с начертанным на ней «Нимбом Солнца».

Генри подошёл к двери. Айлин всё ещё была без сознания, хотя дыхание значительно участилось и глаза беспокойно забегали под веками. Минута-другая, и она придёт в себя...

К несчастью, той минуты у Генри не было. Он чувствовал тянущиеся к нему сзади красно-белые нити головной боли, предвещающие скорый приход незваного гостя. Должно быть, Эндрю уже пробрался в комнату с водяным колесом и теперь летит сюда, покачиваясь на распухших в воде ногах...

– Айлин, – позвал он. – Айлин, ты меня слышишь?

Нет, не слышит. Она не видит и не слышит, а головная боль всё сильнее и сильнее вгрызается в мозг. Генри показалось, что он уже слышит хлюпающие звуки с той стороны стены.

– Айлин, очнись.

Молчание. Генри пристально посмотрел на её лицо и ужаснулся, заметив, насколько она изувеченной выглядит. Как такое могло быть? Синяки должны были чуть-чуть сойти; круги под глазами – медленно терять свои владения; ссадины и ушибы – обзавестись первыми признаками заживания. Но ничего этого не было. Айлин становилось только хуже за время их путешествия. Генри вдруг подумал – что, если этот обморок... почему он так долго длится?

На стене вскочил волдырь. Разошёлся до размеров молодого арбуза и влажно лопнул, раскидав серые ошметки. Из чёрного разрыва на стене появилась рука, раздутая до непомерных размеров. Без ногтей; с пальцев стекала вода, а не кровь. Боль хлестнула голову кожаными розгами.

Выхода не оставалось.

Генри поднял руку Айлин и осторожно приклат к двери, в сердцевину знака. Без малейшего шума дверь открылась, дохнув прохладой; сине-серый мир за её проёмом снова ждал своих покорителей. А сзади доносилось лихорадочное, нечёткое пение давно слышанного псалма, и надзиратель «Дома Желаний» силился поскорее вылезти из стены, в которой крепко застрял своим объёмным даже после смерти животом.

– Извини, Эндрю, – сказал Генри и шагнул за дверь.

Потрясение настигло его минутой позже, когда он сидел рядом с Айлин и снова похлопывал её по щеке с растущей тревогой. Когда она внезапно открыла глаза, Генри увидел то, что заставило его захлебнуться пряным морозным воздухом. Глаза Айлин были не светло-зелёного цвета, которые он привык видеть; они стали карими – цвета запыленного железа или пепла на поле давнего пожарища.

– Мама, – сказала Айлин непривычно тонким, словно бы детским, голоском.
– Мама, где ты? Я не могу тебя видеть. Мама?..

Глава 5

Крики жертв

1

В отеле «Южный Эшфилд» Генри и Айлин провели гораздо меньше времени, чем в других местах. Всего около получаса. Но увиденное (и услышанное) врезалось в память несмываемым пятном. И если бы кто-нибудь спросил, какое место в путешествии по спирали вниз было для них самым жутким, оба не стали бы раздумывать.

Отель не был отелем. Так казалось только поначалу, когда после прогулки в заснеженной тьме Айлин прикоснулась к двери негнушимися стылými пальцами, и они вышли на пустую крышу, где в двух шагах сияли исполинские буквы: «ОТЕЛЬ ЮЖНЫЙ ЭШФИЛД». Генри только поджал губы, но Айлин радостно вскрикнула. *Мы совсем близко от дома*, думала она. *Нужно только спуститься вниз!* Но похоронная физиономия спутника заставляла в этом усомниться. Сомнения стали подозрением, подозрение вылилось в уверенность.

– Ты здесь тоже бывал, – глухо сказала она. Генри кивнул, с ненавистью взирая на красные неоновые буквы. Клаксоны ревели за чертой темноты монотонным гулом. С *той* поры здесь всё осталось прежним. Разве что небо стало ближе и темнее.

– И... что это за место?

– Не думаю, что тебе стоит это слышать, – хмуро сказал Генри. – Извини, Айлин... не хочу рассказывать. Всё равно сама увидишь. Пока мы должны идти вниз.

Она не ответила. Уж не обиделась ли? Сейчас было не время для мелочных обид; Генри нутром чуял, что сотня-другая футов, которых им предстоит преодолеть до первого этажа, станут самой трудной сотней в их жизни.

В тени пентхауса, из которого они вышли, валялось много хлама. Генри огляделся в поисках чего-нибудь, смахивающего на оружие, но ничего не нашёл. Тогда он обратил внимание на ржавые трубы, свисающие на боковой стене пентхауса; им явно не было места на крыше роскошного отеля.

– Я сейчас, – он направился к стене. Взявшись за конец трубы обеими руками, он принялся раскачивать её из стороны в сторону. Труба была стальная и крепкая, но сочленения, которыми её части крепились друг к другу, были сварены хлипко; при достаточной нагрузке они могли не выдержать. Генри продолжал шевелить трубу, увеличивая размах. Уже слышался натужный скрип, предвещающий успех.

Пока Генри возился с трубой, Айлин отдыхала, сев на пол крыши (платье испачкается, говорите? Право же, смешно). Мышцы звенели от бесконечной

беготни и ходьбы, не говоря уже о сломанной ноге. А ведь скоро придётся начать очередной спринт. Генри не хотел её пугать, рисуя ужасы отеля «Южный Эшфилд», но добился совершенно обратного. Его холодная сосредоточенность вселяла в Айлин ужас. Вот он отломил кусок трубы, отложил в сторону... и снова начал раскачивать трубу. Значит, хочет, чтобы она тоже вооружилась. Она была не против, но... учитывая, что до этого Генри ни разу не настаивал, это тревожило. И ещё как.

Она посмотрела на чернеющее небо, отчаянно стараясь насладиться последними минутами покоя. Ни одной звезды. Может, облака загораживают?.. Или в этом мире звёзд нет вовсе просто потому, что тот, кто его создал, забыл пририсовать светила?

И тут – чудо, – словно по мановению волшебной палочки, на небосводе появилась звезда. Одна, зато ослепительно яркая, искорка бесшумно пробежала от зенита к горизонту. Надо было загадать желание, и срочно – и Айлин произнесла про себя то, о чём думала: *Дай нам выйти живыми из этого места. Дай нам благополучно добраться до...* Заговорщицки мигнув на прощанье, звезда сгнула в поле мрака. Оставалось только надеяться, что желание услышано.

Генри звезду не видел – как раз в тот момент отрывал второй кусок от трубы, покороче и легче по весу. Это будет для Айлин. Вспомнив, что девушка не может держать трубу обеими руками, Генри взвесил оружие на правой. Тяжеловато, конечно, но... Он тяжело вздохнул, на мгновение испытыв острый стыд за то, что делает.

Забрав трубы, Таунсенд подошёл к Айлин, которая сидела, запрокинув голову и мечтательно глядя куда-то ввысь. Он с наслаждением уселся рядом с ней. Чёрт побери, он тоже устал. Смертельно – если только такое может быть...

– Как ты? – спросила Айлин.

– Так себе, – Генри не стал врать. – Спать хочется...

Гул моторов приблизился, распадаясь на сотни отдельных машин, потом отдалился снова. Как волна, накатывающая на берег. Неисправная неоновая лампа (буква Т) затрещала, но всё ещё стоически держалась.

– Наш дом стоит там, напротив, – Айлин улыбнулась. – Во всяком случае, хочется так думать...

Генри отмалчивался. Пододвинув трубу, он водил пальцами по шершавой ржавчине на её поверхности.

– А что дальше, внизу?

– После этого места? – вспоминалось с трудом, будто это было в другой жизни. – После отеля я попал в коридор третьего этажа рядом со своей квартирой...

Айлин удивлённо повернулась:

– Ты хочешь сказать, если мы... когда мы найдём дверь здесь, то попадём к себе домой?

– Ну да, – сказал Генри. – Только это не совсем...

– Да-да, конечно. Но всё равно... – Айлин вновь посмотрела на небо. Всё ждала ещё одной блуждающей звёздочки, чтобы Генри тоже смог загадать

желание. Но небо оставалось тёмным и пустым. – Когда это кончится, Генри? Думаешь, мы скоро дойдём до дна?

– Я не знаю. Но осталось немного. Должен же быть конец...

– Конец, – повторила Айлин. Поднесла здоровую руку к лицу и очень внимательно рассмотрела пальцы с соскобленным с ногтей лаком. Когда она снова подняла глаза на Генри, вид у неё был до того потерянный, что Генри буквально услышал снова тоненький голосок: *Мама? Где моя мама?* Голосок, который мог принадлежать десятилетнему мальчику, но отнюдь не Айлин.

– Генри, что с моей рукой?!

Она продемонстрировала ему раскрытую ладонь. Генри судорожно вдохнул. Начиная от мякоти ладони и до кончиков пальцев кисть была пересечена светло-алыми полосами, словно по рукам секли плетью. Там, где полосы проходили над венами, сосуды вспучились маленькими, но уродливыми узлами.

– Генри, что это такое? – Айлин сорвалась на крик. Ладонь затряслась, и полосы радостно запрыгали. – Что со мной происходит?

– Я не знаю, – Генри осторожно закрыл ладонь своей рукой.

– Генри, я...

– Тс-с-с, – он положил указательный палец на её губы, доверительно смотря в испуганные зелёные глаза. – Успокойся, Айлин. Всё хорошо. Думаю, нам надо продолжать идти вниз прямо сейчас. Хорошо?

Она сглотнула и кивнула, стараясь унять дрожь. Генри нагнулся, поднял трубы и протянул ей одну. Айлин машинально взяла; пальцы сомкнулись на ржавой стали, скрывая злоевающие борозды.

– Будем идти как можно быстрее, – сказал Генри. – Что бы ни увидели, мы не должны останавливаться. Если почувствуешь, что теряешь сознание...

– Не потеряю, – слабо возразила она.

– В любом случае, если что-то будет не так, сразу скажи. Ладно?

– Хорошо...

Генри видел, как Айлин хочется ещё раз посмотреть на алую сетку, покрывшую кисть. Скорее всего, минутой позже она так и сделает. Он поднял в руке другой конец трубы:

– Рука не болит?

– Нет, – Айлин перевела взгляд с загипсованной руки на ту, которая сжимала трубу, и мотнула головой. – Нет.

– Не смотри на неё, – посоветовал Генри. Больше ничего мог сделать – поэтому развернулся и пошёл к краю, где начиналась знакомая металлическая лестница. Айлин пошла за ней. После первых шагов по стальным ступенькам Генри увидел, что окна, которые в прошлый раз были безжизненно-чёрными, теперь залиты ярким жёлтым светом. В отеле «Южный Эшфилд» наступила ночная смена.

Как разумный человек, Генри решил выбрать путь наименьшего сопротивления и спуститься вниз по «лестнице Брейнтри». Но кто-то опять решил за него по-другому – все двери на площадке-курильне оказались закрыты, кроме уже известного ему. Генри вспомнил ступеньки в засохшей крови и нервно облизнул губы. Опять спускаться по этой тошнотворной дорожке? Опять заходить в дружелюбный магазинчик Стива Гарланда, предлагающий всё для питомцев?.. И что будет с Айлин, когда она увидит всё это безумие?

Но других выходов не было. Запертые двери выглядели крепкими, не вышибить ударом плеча.

На этот раз всё будет иначе, приободрил себя Генри. Я не попадусь впросак, как в прошлый раз. Я уже знаю, что это за место.

Но понял, что не знает – как только вошёл в здание и услышал дикие крики, сотрясающие стены. Лестница была огорожена проволочным навесом, и живая розовая масса на стене по-прежнему копошилась, переливаясь влажным блеском в свете ламп. Снизу исходили громкие истошные крики, в которых смешались много голосов – мужских и женских, низких и высоких, взрослых и детских: мольбы о помощи, вопли предсмертной агонии и боли. Жаркий, лоснящийся воздух гудел от эха.

– Боже, – пролепетала Айлин, вцепившись в трубу. – Что это... за место?

Оставив вопрос без ответа (всё равно его не было), Генри направился вниз. На ступеньках отпечатались кровавые следы пальцев: его путь, когда он ползком взбирался вверх, умирая от потери крови.

Слизняки по-прежнему деловито ползали на стене, описывая медленные кривые на колышущейся поверхности. Большинство упорно ползли вверх дюйм за дюймом, словно стремясь добраться до крыши. Глядя на пустоту, чернеющую внизу, Генри задался вопросом, долго ли крохотные создания проторивали дорогу наверх. Им понадобился бы по меньшей мере день, чтобы проползти один этаж.

Спускались они с Айлин быстро, стараясь не задерживаться. Через пару минут уже стояли перед приоткрытой дверью «Спортивного магазина Альберта». Внутри горел свет. Генри наострил слух, но крики людей перебивали всё остальное – если в магазине кто-то и был, он мог только догадываться. На всякий случай держа трубу наготове, Генри открыл дверь.

В прошлый раз маленький магазин спорттоваров запомнился ему чистотой и заботливым уютом. Тем поразительнее было увидеть, во что он превратился. Создавалось впечатление, что на заведение минуту назад был совершён разбойный налёт: полки с товарами свалены, волейбольные мячи и клюшки валяются на полу. Кассовый аппарат разбит вдребезги, и из него выглядывают пачки помятых купюр. На полу разлилась свежая кровь, растекающаяся жидкой лужей; рядом лежал набор клюшек с окровавленным кончиком. Некоторые из них были настолько сильно погнуты, что почти сложились пополам.

Кого-то здесь убили, догадался Генри. И утащили тело. Только что. ОНИ ещё здесь, совсем рядом...

– Рик Альберт, – подала голос Айлин. Она стояла сзади Таунсенда, рассматривая разгромленный магазин с почти апатичной отстранённостью.

– Что?

– Рик Альберт, – механически повторила она. – Он был пятым в списке, который показал мне Джозеф. Владелец магазина...

По магазину прошелестел порыв тёплого ветра, зашевелив волейбольные мячи. Один из них подкатился к луже крови и увяз в остывающей багровой жидкости.

– Пойдём дальше, – хрипло сказал Генри. Только после слов Айлин он начал понимать, куда они попали... что представляет собой этот невозможный кровавый коллаж под маской отеля.

Картина раскрылась перед ним во всей ясности – обычный будний день для хозяина заведения, скучный и серый. Рик Альберт, пожилой, но хорошо сохранившийся для своих лет человек, терпеливо ждёт за прилавком очередного посетителя. Он любит своё дело и свой магазинчик – он давно стал для неё смыслом жизни, и он не представляет, как может жить без него. И уж конечно, Альберт даже не допускает мысли о том, что этим опрятным витринам и вымытым полкам суждено пережить своего хозяина.

Что произошло в тот день? Что он увидел перед смертью?

– Генри, – Айлин прикоснулась к его спине кончиком трубы, вырвав из грёз слишком ярких, чтобы быть простым воображением. – Идём...

Генри нашёл взглядом дверь чёрного выхода. Вспомнил, что было за ней, и ощутил ноющую боль в груди. Худшее только впереди...

Но, конечно, пошёл вперёд. Оставляя спортивный магазин с принадлежащей только ему тёмной историей за спиной.

Парень задыхается, в страшном возбуждении топчась на месте; глаза горят безумным огнём, когда он выплёвывает бессвязные слова, указывая рукой в сторону двери. Рик Альберт смотрит на него с осуждением и отмечает про себя, что ему стоило хорошо подумать, прежде чем взять этого молодого человека на работу. Он никогда не поощрял излишнюю эмоциональность; спокойствие и вежливость – вот его жизненный девиз. И он хочет, чтобы на склоне лет в его магазине царили покой и порядок. Да, окончательно решает Альберт, нужно будет по истечении месяца дать работнику расчёт. Благо кандидатур хватает с лихвой.

– Гарланд... стрельба... все мертвы! Я видел...

– Спокойно, Уолтер, – перебивает Альберт, протирая прилавок влажной тряпочкой. – Я понял, что в магазине Стива Гарланда что-то случилось. Попробуй рассказать складно, хорошо? Я слушаю.

– Он убит, – лепечет работник, и губы кривятся в нездоровой усмешке. – Он мёртв, мистер Альберт! Я видел сам. Его расстреляли из автомата.

– Хм, – отмечает владелец магазина, откладывая тряпку. Действительно, это событие из ряда вон. Стива Гарланда, содержащего магазин питомцев, он знал только вскользь, но ему всё равно становится не по себе. Кто мог такое сделать?

– А ещё, – парень наклоняется вперёд, понижая голос до шёпота. Разгорающийся блеск в его глазах нравится Альберту всё меньше, – убийца вырезал на его спине цифры. Пять цифр, да. Нуль... четыре... один... два... один. Я видел это, мистер Альберт. Вы мне верите?

– Конечно, – кивает он, выходя из-за прилавка. Пока Альберт не знает, что сделает дальше. Магазин закрывать он не будет, это точно. Но всё-таки хорошо бы выяснить об этом случае побольше. Пожалуй, можно устроить перерыв на полчаса. Альберт запирает дверь магазина и идёт к чёрному выходу. Но у двери он резко оборачивается, поражённый неприятной догадкой. Уолтер стоит у сектора с клюшками для гольфа, изучая «вторую железную», коллекционную клюшку из разряда тяжёлых. Сам Альберт такими не пользуется – слишком много они весят, а ему давно не тридцать лет. Даже не пятьдесят.

– А как ты узнал обо всём этом? – спрашивает он, опуская руку в карман за ключами. – Ты сказал, это произошло только что. Значит, ты был в магазине во время налёта?

Уолтер вздрагивает, поднимает голову, их взгляды встречаются. В них Рик Альберт, владелец магазина спортивных товаров, видит свой приговор – и успевает лишь коротко вскрикнуть, прежде чем работник подскакивает к ней с занесённой над головой клюшкой. Железный наконечник обрушивается на голову, окрашивая стены белым огнём. Альберт ещё секунду удивлённо смотрит на работника, потом падает на прилавок, который протёр только что. «Боже мой, – он приходит в ужас, видя, как кровь заливает полированную поверхность, – он грязный! Неужели мне придётся снова...». Второй удар снова меняет краски мира – на этот раз на непроницаемо-чёрные.

3

На лестнице за чёрным выходом крики продолжались. Теперь из общей сводящей с ума какофонии выделились бешеный лай и мяуканье. Питомцы из лавки Стива Гарланда продолжали бесноваться, запертые внутри. От этого звука у Генри вставал большой комок в горле. Но сейчас нужно было заботиться об Айлин, а не о себе: ей снова стало плохо, когда она увидела лестничные пролёты, которых словно окунули в исполинский чан с кровью.

Кровь была живая. Не засохшая бурыми струями, как в тот раз, а свежая, отдающая пряно-солоноватым запахом. Когда с шеи за шиворот скатилось что-то тёплое, Генри понял, что жидкость капает с верхних пролётов. Остервенело оттираясь, он оглянулся на Айлин. Как ни странно, девушка выглядела спокойной; лишь сжала губы до бескровия, и на пальцах, держащих трубу, синими реками выступили вены.

– Айлин, сможешь идти?

Она быстро кивнула, словно боясь, что её вырвет, если она откроет рот.

– Закрой глаза, – предложил Генри. – Я поведу тебя.

Она не стала возражать. Генри взял Айлин под локоть (за руку не мог – несмотря на потрясение, расставаться с трубой она не собиралась) и сделал первый шаг. Ступал очень осторожно, чтобы не поскользнуться на мокрых от крови ступеньках. Капли стали срываться обильнее, застревая в волосах и с омерзительной теплотой лаская щёку; сначала Генри и Айлин с отвращением смахивали их, потом перестали обращать внимание. Когда они приблизились к двери, над которой висела залитая кровью вывеска (*СТ... ЛАНД, ВСЁ Д... МЦЕВ*, смог прочитать Генри), оба уже выглядели так, словно только что приняли ритуальную ванну в лучших традициях сатанистов.

Айлин открыла глаза, с недоумением взглянула на закрытую дверь и вывеску. Гам животных не собирался стихать. Мяуканья стали громче. Под дверью магазина, сверкая медью, лежала целая плеяда автоматных гильз.

– Может быть, сейчас придётся пустить в ход трубы, – сообщил Генри подчёркнуто равнодушно. – Держись за моей спиной, я буду идти первым. Если промахнусь по этим тварям... помоги мне, хорошо?

Айлин опять кивнула. Генри уже счёл все подготовки завершёнными, когда она внезапно спросила:

– Генри... а какой это этаж? Сколько осталось?

– Не знаю, – он растерялся. – Четвёртый... может, третий.

– Да, – сказала она. – Я готова, Генри.

Генри взялся за влажную ручку двери (она была вся в крови, но он и не заметил) и потянул на себя. Боялся, что внутри окажется та же непроглядная темнота, что и в прошлый раз, но на сей раз судьба сделала подарок. Лампы гудели, разбрасывая снопы яркого белого света. Первое, за что ухватился взгляд – чёрный шест стойки-вешалки, лежащий поперёк входа. Когда-то он стал его спасением. Из-под шеста на зелёном линолеуме тянулись багровые потёки. Дальше лежала большая двусторонняя витрина – явно самодельная. Консервные банки и пакетики с сухим кормом разлетелись по всему магазину.

Магазин был пуст. Кошки ревели над самым ухом, пиликая на нервах, и лай собак взрывался исступлённой злостью – тем не менее, внутри никого не было. Только жестокий и бессмысленный разгром. Стёкла витрин разлетелись на мельчайшие куски. Ящики столов вывернуты, бумаги лежат на полу, изорванные и окровавленные. Проволочные клетки, в которых должны сидеть животные, открыты настежь. В довершение картины Генри увидел на стене скопление вмятин от пуль.

Гильзы у входа, вспомнил он. Автоматные гильзы...

Едва он подумал, окружающее ажитато вдруг нарушилось резким трескучим звуком, словно взрываются хлопушки – не один, не два, а целая пачка. Животные на доли секунды изумлённо умолкли, и на какое-то время автоматная очередь обрела единоличную власть над изувеченной лавкой Стива Гарланда. Но потом снова раздался взрыв животного оркестра – двумя октавами выше, панический и агонизирующий. Кашли автомата затерялись в этой мощной волне, забивающей уши. Генри поймал себя на том, что прижимает ладони к ушам со всей силы и кричит. Айлин делала то же самое –

но с больной рукой она могла закрыть только ухо, и продолжала подвергаться этой невыносимой пытке.

– Пойдём! – закричал Генри, хватая её за руку. Едва ли она его не услышала, но слова сейчас и не требовались. Они побежали к чёрному выходу, отсчитывая шаги, и ярды, и мили. Отчаянных визг убиваемых животных редел по мере того, как автомат выплёвывал новые смертоносные очереди; когда в лавке стало тише, Генри различил за всем этим леденящий душу смех, прокатывающийся приглушённым эхом.

Смех убийцы.

Уолтер Салливан с наслаждением разрядил очередную обойму, проходясь огненным шквалом по клеткам, в которых оставались живые звери. Эта обойма стала последней. Рыжую кошку, неистово царапающую прутья клетки, отбросило к задней стенке, где она замерла, выпучив водянистые глаза. Напоследок линия огня коснулась беспокойно чирикающей жёлтой канарейки, превращая её голову в кровавое месиво. Больше животных не осталось; в магазине Стива Гарланда воцарилась столь непривычная здесь тишина, которую портили только всхлипывания самого хозяина, забившегося в угол за прилавком.

Перестав смеяться, Уолтер спокойно перезарядил автомат и подошёл к прилавку. Стив Гарланд, щуплый мужчина с мясистыми красными щеками, поднял трясущиеся руки с тонкими белыми пальцами, пытаясь защититься от надвигающегося безумца. Совок для кормления животных выскользнул из руки и со звоном упал на линолеум.

«Тот самый совок, которым он меня тогда бил, – подумал Уолтер, впрочем, без особой злобы. – Я просто случайно задел клетку, и она упала на пол. Кто знал, что эти чёртовы животные так взбесятся от этого».

– Не надо, – пролепетал Гарланд, не сводя глаз с чёрного дула, с любопытством уставившегося на него. – Пожалуйста...

На улице кто-то истерически закричал: «Выстрелы! Это были настоящие выстрелы, я вам говорю!». Времени оставалось мало. Уолтер вдавил курок кончиком пальца и не отпускал, пока последний патрон не вылетел и не вонзился в уже мёртвое тело. Отшвырнув прочь автомат, он присел у трупа и перевернул его на живот. Руки тотчас испачкались в крови до запястья; не впервой. Достав из кармана нож, он стал с силой водить по спине Гарланда сквозь рубашку (толстая фланелевая, она оказывала сильное сопротивление), выводя корявые цифры. Число было короткое, и много времени это не заняло. На следующую процедуру требовалось гораздо больше времени. Иной бы не управился и за полчаса, но Уолтер недаром в своё время проедал стипендию в медицинском институте. Не прошло и пяти минут, как он закончил действие, и сердце очередного грешника переключалось в синий пластиковый пакет.

В дверь постучали. Уолтер запер её изнутри, когда заходил, так что знал, что в следующие пять минут сюда никто не войдёт. Но он всё равно заторопился. Скомкав пакет и запихнув себе в карман, он быстрыми шагами пошёл к чёрному выходу. У двери нажал на выключатель и задержался на секунду, наслаждаясь тишиной и темнотой, которые накрыли магазин. Не

тот прежний галдёж, который не прекращался ни на секунду. Совсем другое дело...

– Мистер Гарланд? С вами всё в порядке? Откройте дверь!

«Не откроет», – рассеянно подумал Уолтер и вышел из магазина. Лестница вела вниз; он стал неспешно спускаться, на ходу надевая вязаные чёрные перчатки. Так кровь никто не заметит; он сможет добраться до места своей работы. Старикан Альберт наверняка уже пришёл... Уолтер подумал – раз уж всё идёт так благосклонно, то почему бы заодно сегодня не извлечь пятое сердце. Пять из десяти – как раз середина ритуала... а там уже ничто не будет страшно.

4

Айлин спросила, и Генри ответил, что они находятся на третьем или четвёртом этаже. Получилось, что он соврал: после магазина Гарланда они спустились ещё по меньшей мере на пять этажей, но выходящая лента ступенек не думала заканчиваться. Она шла всё глубже и глубже, ближе к чёрной пустоте. Они оба поняли, но продолжали идти, не говоря ни слова, пряча страх за показным безразличием.

Одно было хорошо: эта часть лестницы выглядела вполне обычной, без тех кровавых декораций, что раньше. Зато повсюду начали медленно выглядывать следы затхлости и опустошённости. Перила покрыл желтоватый ковёр ржавчины. Сталь лестниц начала жалобно поскрипывать под их весом, пугая Айлин до смерти. На проволочном ограждении нет-нет да и встречались прорехи. Скопление слизняков на той стене стало гуще, теперь они ползали не поодиночке, а целыми группами, взбираясь друг на друга. И срывались, соответственно, куда как чаще.

Была ещё одна перемена, не совсем приятная. Крики стали ближе. Охрипшие и давно не похожие на человеческие, они сотрясали ветхие стены «отеля». Некоторые иногда обессиленно смолкали; их место тут же занимали новые. *Помоги...* – взывали одни. *Аа-а-ах!* – дико перебивали другие. *И-и-и-и!* – детские голоса пронзительно ревели, заставляя холодеть сердце.

Долго так нельзя терпеть, подумал Генри. Он украдкой покосился на Айлин. Она продолжала идти, не глядя по сторонам; на слипшихся волосах и щеках коркой засохла кровь – память о красном дожде перед лавкой для животных. Под глазами повисли тяжёлые синие мешки. Бинты, обматывавшие гипс на руке, считай что развязались, обнажая серую каменистую массу, по которой шли микроскопические трещины. Но что встревожило Генри больше всего, так это едва заметные светло-алые полосы, которые прорезались чуть выше щеки девушки. Он уверял себя, что *на самом деле*, конечно, ничего нет, ему просто кажется из-за крови на её лице... но глаза предательски возвращались, предоставляя всё новые неопровержимые доказательства.

Сам он чувствовал себя тоже не в шоколаде. Сильно раздражал зуд в местах, куда попала кровь. Рубашка отслужила свою службу; треснувшая по шву и изорванная не дай Бог, она скорее мешала идти – Генри носил её

исключительно по инерции. Пару раз приходила в голову идея сорвать её с себя и щеголять в майке, но он оттягивал момент – почему-то ему казалось, что это будет признанием поражения. Но больше всего бед доставляла непомерно опухшая шея, которая просто отказывалась шевелиться, угрожая острой вспышкой боли: многочисленные страдания, выпавшие на долю шеи, не прошли даром. Приходилось всё время держаться прямо, как кавалерист.

Скоро, скоро дойдём... Не останавливаться, идти вперёд... Голос рассудка не утешал и чаще раздражал слащавостью.

Седьмой по счёту этаж наконец одарил их дверью. Самой невзрачной, с матовым стеклом глазка по центру и замочной скважиной. Дверь была приоткрыта; изнутри доносилось то ли шипение, то ли шёпот. Заглянув внутрь, Генри не удивился, увидев прихожую, залитую оранжевым светом торшера на стене. На полу был устлан узорчатый ковёр. Ещё бы: такая привычная – если не сказать, классическая – дверь могла вести только в чью-то жилую квартиру.

Генри вступил в прихожую, подавив инстинктивный позыв громко спросить: «Есть здесь кто-нибудь?». Станный шум слышался отсюда лучше. Теперь Таунсенд понял, почему он показался ему знакомым. Это был звук телевизора, не настроенного на волну и показывающего пустые черно-белые полосы.

Ш-ш-ш-ш...

Справа – гардероб, слева – ванная. Кажется, совмещена с туалетом. Генри ощутил тёплый ностальгический позыв в груди – настолько квартира напоминала его собственную. Только вот этот ужасный масляный свет... Тремя широкими шагами он дошёл до конца прихожей. Дальше была кухня.

Посреди кухни стоял стол, накрытый белой скатертью, заваленный грязной посудой: Генри знал, как накапливаются такие горы. В конце концов, он сам вёл холостяцкий образ жизни. Но ближняя половина стола была старательно вычищена от напора тарелок и вилок. На освобождённом месте красовался белый сливочный торт, утыканный разноцветными свечками. Свечи ещё не сгорели до половины; тени радостно колыхались на скатерти. Рядом с тортом примостилась большая зелёная бутылка, горлышко которой было перетянато розовой лентой. Генри без труда узнал золотистый ярлык: шампанское «Дом Периньон». Этот ярлык стал его проводником в мир спиртных напитков в четырнадцать лет. Да и как можно отказаться, если ты на вечеринке у лучшего друга, родителей нет в радиусе пяти миль, да ещё друг уверяет, что это шампанское – самое лучшее и самое дорогое в мире?

– Генри, ты это видишь? – спросила Айлин, во все глаза смотря на стол.

– Вижу, – подтвердил Генри и вдруг почувствовал, как рот наполняется слюной. Одним из немногих положительных качеств мира, в котором они находились, было то, что голода они не чувствовали... но, увидев аппетитные кремовые завихрения на макушке торта, он с трудом поборол в себе желание наброситься на еду и пихать в рот, вырывая нежную мякоть крупными кусками. Порыв был сильным, схожим с сексуальным влечением. Генри сжал пальцы в кулак и судорожно выдохнул, процеживая воздух сквозь зубы.

– Какая прелесть! – Айлин зачарованно шагнула к столу. Пламя на свечах игриво склонилось в сторону, как под лёгким дуновением ветра. Генри уже готов был покорно последовать за ней, сесть на гостеприимно расставленные стулья и начать возделенную трапезу. Но, оказавшись позади девушки, увидел красные борозды, пересекающие её шею. Во рту тотчас пересохло; жор вылетел за один краткий миг, как воздух из лопнувшего шарика.

– Айлин, – он положил руку ей на плечо. – Я думаю, не стоит.

Она обернулась, в глазах были обида и раздражение: «Я хочу есть, как ты не понимаешь? Неужели после всего, что случилось, я не заслужила даже этого?». Но полосы, ярко расцветшие на разгорячённых щеках, окончательно укрепили Генри в его решении. Он не знал, чем грозит пиршество в покинутой квартире с шипящим телевизором в углу и сальным жёлтым светом, который заставлял чесаться днища глаз. Но был уверен – если только они не смогут удержать себя в узде, этот ужин станет последним для них обоих.

– Не стоит, – твёрдо повторил он, видя безмерное разочарование в её зрачках. Разочарование – и горькое понимание. Чары ароматного крема опали; Айлин тоже чувствовала неясную угрозу, исходящую от приготовленной на столе еды.

– Уйдём отсюда, – глухо сказала она, отводя взгляд к двери на дальнем конце гостиной. Свидетельство это была дверь спальни, но Генри мог биться об заклад, что за ней находится тот же бессменный лестничный пролёт, уводящий вниз.

Так и вышло.

Поворачивая ключ в дверном замке, Эрик Уолли всё ещё пребывал в отстранённом настроении духа. Даже то, что он ушёл с работы пораньше, не могло помочь. Язычок замка всё время обо что-то упирался, не желая двигаться дальше. Эрик трижды чертыхнулся и навалился на дверь плечом, из всех сил выкручивая ключ. Когда дверь вдруг распахнулась под его весом, он едва не грохнулся на пол – хорошо, что вовремя схватился за косяк. Было бы забавно, если он упал и расшиб себе нос: вот тогда день рождения и впрямь засиял бы всеми красками жизни. Эрик всё ещё любил этот глупый праздник, хотя многие друзья уже не придавали дню ангела того значения, что раньше. День рождения Эрик считал своим днём; но кто сказал, что этому убийце нужно было разгромить магазины Альберта и Гарланда именно сегодня? А тут ещё и эти пробки на дороге... Эрик рассчитывал вечером сходить в бар с друзьями отмечать ещё одно деление на древе жизни, но сейчас понял, что не способен на это. Просто валился с ног от усталости, хотя ничего особенного вроде не делал. Единственным желанием было кулем упасть на постель и заснуть.

Раздражённо хлопнув дверью, Эрик повесил пальто в гардероб и прошёл на кухню. Там и замер, изумлённо тараща на стол, где чудесным образом появился большой сливочный торт, жирно блестящий кремом, и бутылка шампанского, перевязанная ленточкой. «Дом Периньон», высший сорт – в преискуранте бара, где работал Эрик, напиток был одним из самых дорогих. В его памяти «Периньон» заказывали только пару раз... впервые – три месяца назад пожилой бизнесмен с юной дамочкой, и сегодня – молодой человек в

синем плаще. Он, кстати, и рассказал Эрику про происшествия в соседних магазинах.

Значит, в кои-то веки наконец кто-то вспомнил, что у Эрика Уолша есть день рождения. Он почувствовал, как губы расплываются в улыбке. Может, день и не настолько пропащий, несмотря на обилие кровавых историй.

– Мама? – позвал Эрик.

Да нет... вряд ли она. Как она с её заработком может позволить себе «Периньон»? Смех, да и только.

Ну, если не мама, то только Кайл. А он-то думал, что непутёвый братец о нём вконец забыл. Сколько они не виделись? Полгода, не меньше.

Эрик щелкнул выключателем, зажигая свет в кухне. Под столом и за шторами никого не было видно. Сюрприз, значит, устроили. Не переставая улыбаться, он подошёл к столу и увидел зелёную открытку, лежащую рядом с тортом. С ДНЁМ РОЖДЕНИЯ! – гласила цветастая строчка на обложке. Эрик взял открытку и посмотрел на торт с горящими свечами. Кремовой надписи не было. Это его немного обескуражило.

– Кайл, это ты? Всё, я раскусил тебя. Выходи!

Тишина, только чуть слышно трещат свечи на торте. Ну ладно, пусть прячутся, всё равно никуда не денутся. Эрик развернул открытку. Кайл не отличался многословием – наверняка там будет телеграмма вроде: «ДОРОГОЙ БРАТ ЭРИК. С ДНЁМ РОЖДЕНИЯ. КАЙЛ». Он с трудом удержался от смеха, увидев, что поздравление и в самом деле донельзя куцое и занимает только одну строчку.

Однако текст был немного другим, нежели представлял себе Эрик:

С ДНЁМ РОЖДЕНИЯ. УОЛТЕР.

Уолтер? Эрик нахмурился. Какой ещё Уолтер? Не знает он никакого Уолтера.

Отложив открытку, он непонимающе взглянул на торт, на шампанское. Свечи уже почти догорели, нужно будет их срочно задуть. А шампанское – не та ли это бутылка, которую он продавал сегодня тому человеку в синем плаще? Предчувствуя нехорошее, Эрик поднял бутылку и развернул задней стороной. И увидел то, чего ждал – розовый ярлык бара, в котором он работал.

– Разрази меня гром, – удивлённо сказал Эрик.

– Как скажешь, дружище, – отозвался сзади чей-то голос. – Как скажешь.

Он лихорадочно обернулся – и встретился взглядами с человеком, который загоразживал проём двери. Должно быть, до этого он прятался в ванной. Тот самый тип, который рассказывал про резню в магазине старика Рика Альберта. Даже плащ не удосужился сменить.

Но Эрик смотрит не на него – его взгляд направлен на чёрное дуло пистолета. Он ничего не понимает – как этот человек проник в этот дом, что он от него хочет, и что вся эта сцена означает. Он так и умирает, ничего не поняв.

Человек в плаще нажимает на курок, не дожидаясь, как отреагирует Эрик на внезапное появление. Пуля попадает в голову, проходит сквозь и разносит череп, украшая белоснежный торт серо-красными вкраплениями. Бутылка соскальзывает с ладони бармена; натренированные руки делают едва заметное движение вслед за ней, пытаясь поймать на лету. Но так и не достают, и дорогое шампанское обильно разливается по полу из разбитого сосуда. Ещё секунду Эрик Уоли оступело смотрит на своего убийцу единственным оставшимся глазом, потом валится назад, на сливочный торт, погашая именинные свечи.

5

Генри потерял всякую надежду. После пятнадцатого этажа он перестал считать их – всё равно толку было мало. Слизняки покрыли стену плёнкой, воздух нагрелся до июльского жара, а конца лестнице не было видно. Один раз лестница привела их к новой двери, и они прошли через пустую комнату с серыми обоями и разделанными тушами животных на деревянных нарах. После этого спуск продолжился, как ни в чём не бывало. Вопли раздавались так близко, что, казалось – протяни руку, и ты коснёшься тех, кто их издаёт.

Звон часов донёсся, когда они остановились передохнуть на тридцатом или сороковом лестничном пролёте. Часы звучали негромко и скромно, но хрустальный перекликающийся звук был слышен отчётливее, чем любой из размазанных криков. И доносился он снизу... совсем близко.

– Это? – нерешительно спросила Айлин.

– Часы, – ответил Генри. Он не перепутал бы это ни с чем. В айовском доме в спальне бабушки стояли большие деревянные часы с маятником, сделанные из орехового дерева. Каждый полдень они раздражались размеренным звоном, но куда как мрачнее и глуше, чем этот. – Кажется, двумя-тремя этажами ниже...

Не обменявшись больше ни словом, оба поспешили вниз, пока часы не закончили отбивать время. Они не смогли бы внятно объяснить, почему им так важно найти эти часы – но одно они правило этого мира они выучили крепко: здесь нельзя было пренебрегать ничем, даже самой крохотной наводкой. Если ты видел на алтаре потайной церкви раскрытую книгу, её следовало прочесть. Если на останках пожара сидела сгоревшая кукла, то к ней нужно было подойти. А если после долгой, долгой прогулки по лестнице ненастоящего отеля ты слышал звон часового механизма, тут уж будь добр, отыщи источник.

Возможно, им и не требовалось так надрываться: часы не собирались останавливать своё музицирование. Когда Генри и Айлин дошли до двери, чистые отзвуки продолжали разноситься по лестнице, хотя часы пробили по меньшей мере пятнадцать раз. И крики людей вроде бы стали тише.

Они попали в не очень просторное, почти кубическое помещение, на потолке которого висели зеленоватые лампы, источающие желчный свет. Генри живо припомнился госпиталь. Но мягкий запах конторской древесины вместо аромата формальдегида и стены с приделанными к ним пустыми массивными полками убеждали, что это не так. Как и большие настенные часы на противоположной стене, продолжающие качать маятником и зазывать прозрачным звоном.

Странно смотрелся этот механизм прошлых лет в этом пустующем помещении. Тем более странно, что был почему-то перевёрнут вверх тормашками, но исправно работал. Тяжёлый диск маятника двигался из стороны в сторону, замирая на точке равновесия, и именно в этот миг по округе разносилась мелодичная трель. Куранты отбивали который по счёту час.

Это же бабушкины часы, думал Генри с благоговейным трепетом, следя за коловращением маятника. Стекла и хрусталя тут больше, но модель та же...

Не смей трогать мои часы, Генри Таунсенд. Ты знаешь, они волшебные. Если ты прикоснёшься к ним... то там есть страшная тёмная комната за часами, и ты ведь не хочешь, чтобы тебя утащил туда дух часов, не так ли?

И он верил.

– Смотри, – Айлин указала на хрустальные фигурки людей, которые яростно стучали молотом по хрустальной же наковальне. Человечки уютно расположились под циферблатом и не испытывали дискомфорта из-за перевёрнутого мира. – Красивые...

– Да, – согласился Генри. Словно ответ отрезал невидимую нить, часы тут же перестали бить. Ось маятника замерла, будто наткнулась на прочное препятствие. Крики людей возобновились с новой силой, напуская в комнату холода.

– Что случилось? – спросила Айлин. Кажется, она испугалась, да и Генри, признаться, пережил довольно неприятное мгновение.

– Не знаю, – сказал он. – Они остановились.

– Но почему? Мы же ничего не сделали...

Может, духу часов не понравилось, что мы тут стоим и глазеим на его сокровище, подумал Генри. Чушь, конечно – зато снова вспомнилось злое предостережение бабушки. О тёмной комнате, которая находилась за часами, и об обитающих там невообразимых созданиях.

Дух часов всегда голоден, Генри, вот что я тебе скажу. Когда часы бьют время – это его жадные крики, просящие новых жертв. Если ты попадёшь к нему... в ТУ САМУЮ комнату... так что никогда не подходи к часам, понятно? Ты меня понял, Генри Таунсенд?

Закусив губу, он сделал шаг и схватился ладонями за тяжёлую коробку часов. Зажмурился на короткий миг, боясь, что на щиколотках защелкнется рука духа часов, но ничего такого не случилось. Это придало ему уверенности. Под удивлённым взглядом спутницы Таунсенд сдвинул часы в сторону, открывая взору спрятанную за ней дверь. Дверь была меньше, чем парадная, но они могли свободно сквозь неё пройти.

Тяжело дыша, Генри отпустил часы и посмотрел на дверь. Он ещё продолжал изучать её долгим взглядом, когда к Айлин вернулся дар речи:

– Боже мой, Генри, откуда ты узнал?

– Считаю, что мне подсказала бабушка, – он горько усмехнулся, но не отвёл глаз от двери, которая вела в тёмную комнату – ту самую, где скрывались самые страшные твари из тех, что могла носить земля.

Было время, и эти опустевшие полки прогибались под весом вещей, на них стоящих. Не то чтобы вещи сильно различались – все они так или иначе были предназначены для измерения времени. Часы большие, часы маленькие, часы престижные и часы дешёвые; часы, покрытые хромом, золочёные, отделанные хрусталём. Комнатушка была живым монументом времени и его неотвратимости – по крайней мере, так задумывал владелец магазина Уильям Грегори. Никуда не спешить, наслаждаться каждым мгновением течения жизни – эту фразу он выбрал своим путеводителем с раннего детства. И увлечение часовыми механизмами стало для Уильяма вполне закономерным.

Теперь же, на старости лет, он полагал, что прожил правильную жизнь. Несмотря на то, что некоторые пытались устыдить его тем, что он провёл всю жизнь, запершись в своей каморке, Грегори ни о чём не жалел. Время пожирает всё: богатство, славу и почести. Эти щелкающие на циферблате секунды всё равно отберут у тебя то, что тебе принадлежит. Он довольствовался тем, что не совершал дурных поступков и просто занимался любимым делом.

Оставалось всего несколько минут до закрытия. День ничем не отличился от других: сегодня у Грегори купили около десятка наручных часов и пару настенных. Да ещё пяток отдали на починку. В узких кругах он считался первоклассным мастером – если бы не любовь к своему делу, он мог бы свернуть продажи и заниматься исключительно ремонтом.

Последний оставшийся посетитель не спешил уходить: он застрял около больших часов из орехового дерева, стоящих вплотную к стене. Грегори не мешал ему, просто ждал, сидя за прилавком, и чинил очередные часы. Случай был лёгкий, ослабла пружина механизма – заменить, только и всего. Но сделать это Уильям не успел: посетитель подошёл к нему в самый неподходящий момент, когда он полностью разобрал устройство, и вежливо поздоровался. Положив отвёртку на стол, Уильям посмотрел на него. Молодой мужчина в синем плаще, на котором видны остатки прилепившейся грязи.

– Я хочу получить у вас свои часы, – сказал посетитель.

– Часы? – Уильям нахмурился; память у него хорошо работала и на шестом десятке, и он не помнил, что человек подходил к нему раньше. – Вы уверены, что вы сдавали мне часы?

– Абсолютно, – сказал мужчина. – Такие серебристые, на стальной цепочке... не помните?

Уильям подумал и покачал головой:

– Нет. А когда вы их сдавали мне на ремонт?

– *Шесть лет назад.*

Он с интересом посмотрел на мужчину в плаще. Вроде бы он не подшучивал над ним. Наоборот, казался очень даже серьёзным.

– *Сэр, я не ремонтирую часы так долго. Должно быть, вы...*

– *Да нет же, – миролюбиво перебил собеседник. – Я уверен, что вы знаете.*

Ошалелый часовщик честно попытался вспомнить, что же было шесть лет назад. Шансы, конечно, были почти равны нулю – даже если странный человек сдавал какие-то часы, всё давным-давно предано Лете. Но, как ни странно, ему удалось кое-что выкопать. Случай, конечно, был из ряда вон, потому и врезался в память. К нему приходил какой-то парень, почти мальчишка, и сдал на ремонт посеребрённые наручные часы. Уильям не помнил, что там было не так в механизме – однако эти часы стали первыми за долгий срок, которые он не смог привести в рабочее состояние. Помнится, это его довольно-таки удручило – он-то полагал, что знает в своём деле абсолютно всё. И когда парень появился за вещичкой, он сказал ему, что...

– *Так это вы? – вырвалось у него.*

Посетитель улыбнулся:

– *Рад, что вспомнили. Так вот, я всё-таки хотел бы получить часы обратно.*

– *Я не знаю, что вас заставило прийти сюда опять, – сказал Грегори, чувствуя неприятное посасывание в животе, – но, насколько я помню, я потерял ваши часы. Не знаю, как вышло, но это так. Я же оплатил вам компенсацию за них.*

– *Как же, я помню, – человек согласно кивнул, небрежно постукивая костяшками пальцев по прилавку. – Но я не уверен, что мои часы были потеряны. Может быть, вам стоит поискать их получше?*

Уильям открыл рот, чтобы ответить (хотя что можно было на такое сказать?), но в эту секунду затихший магазин взорвался звуками. Сначала дзинькнули часики в виде шкатулки, лежащие на дальней полке. Следом поспешино подали голос остальные механизмы, знаменуя пришествие нового часа. Эхо звона прокатывалось от одной стены к другой. Никогда Уильям не был так рад звуку своих чад – теперь странный посетитель будет сбит с толку и можно будет его вежливо выпроводить. Он привстал с места и с тревогой увидел, что маленькая буря в лавке не возымела никакого эффекта на человека в плаще. Не переставая дружелюбно улыбаться, мужчина поднял его отвертку со стола. Бой курантов ещё продолжался, отбивая один раз, два, три... но прежде чем все звуки замолкли ещё на шестьдесят минут, Уильям Грегори уже умер.

Тёмная комната оказалась и впрямь тёмной, но вовсе не комнатой. Из открытой двери веяло свежим прохладным воздухом. Генри вышел, держа трубу наперевес, готовый отразить внезапную атаку, но в тесном проходе между крылами здания, куда он попал, никого не было. Над головой

развёрзлось бездонно-чёрное небо без звёзд. Шум машин стал тише – не поймёшь, то ли рокот моторов, то ли плеск далёких волн. Ветер, прижатый между крылами, проносился по проходу на огромной скорости, остужая разгорячённое лицо. Крики здесь не слышались.

Убедившись, что место безопасно, Генри позвал Айлин. Она вышла, озираясь по сторонам, и беспокойство на лице сменилось радостью. Какие мелочи иногда могут подбодрить человека, подумал Генри. Свежий воздух и открытое небо, всего-то – и мы уже искренне благодарны Богу.

Фонарей не было, зато светящиеся окна с двух сторон худо-бедно освещали путь. Генри продолжал идти – впрочем, довольно медленно, вглядываясь в полумрак каждый раз перед тем, как сделать шаг. Слова бабушки о тварях в тёмной комнате никак не выветривались из головы. Айлин не отставая шла за ним, он слышал её усталое дыхание за своей спиной. Разговаривать в темноте, пусть шёпотом, не хотелось.

Дойдя до места, где проход поворачивал под прямым углом, Генри услышал чьи-то голоса. Сначала подумал, что это иллюзия из-за ветра, с шорохом скользящего по крыше «отеля». Но, сделав ещё несколько шагов, он различил в голосах знакомые нотки. Их было двое. Первый, верещащий почти без умолку – тонкий, требовательный и капризный. Второй, куда как более спокойный, вступал в разговор лишь изредка. Он почти терялся в шуме ветра.

Генри остановился и приложил палец к губам, показывая Айлин, что нужно молчать. Она согласно кивнула, нервно прислушиваясь: видимо, тоже узнала тех, кто вёл разговор на ветреной крыше.

– Уйди с моей дороги! – в голоске мальчика ощущалась угроза. – Я хочу к маме! Слышишь – не стой передо мной, уходи! Кто ты такой?

– Меня зовут Уолтер, – только сейчас Генри почувствовал, что голос человека в плаще неуловимо похож на фальцет мальчика. – Уолтер Салливан. Не бойся, малыш, я не буду мешать тебе... ты встретишься с мамой, как только я выполню Двадцать Одно Таинство.

Генри прижался спиной к стене и с величайшей осторожностью выглянул из-за угла. Мужчина и мальчик стояли друг напротив друга на расстоянии двадцати шагов от них – как раз там, где проход становился шире и под напором ветра качался одинокий жёлтый фонарь. Мужчина стоял к Генри спиной, зато растерянное личико мальчика, смотрящего на него снизу вверх, было прекрасно видно.

– Но это моё имя, – наконец сказал мальчик. – Ты украл моё имя! И что это за Двадцать Одно Таинство?

– Не волнуйся, – голос мужчины убивал невозмутимостью. Будто не разговаривал, а читал наизусть вызубренный текст. – Скоро ты всё узнаешь... А теперь, почему бы тебе не пойти со мной и увидеть маму?

Он наклонился и легко поднял мальчика, взяв за подмышки. То ли мальчик не ожидал такой проворности от визави, то ли поддался намеренно – в любом случае, ему оставалось только брыкаться в воздухе и возмущённо повизгивать, впрочем, без особого энтузиазма:

– Отпусти меня! Поставь меня на землю! Мне больно!

Разговор принимал совсем нежелательный оборот. Айлин вскинула здоровую руку и с силой положила Генри на плечо. *Ну не стой же!* Последние сомнения Генри рассеялись: он не мог позволить чудовищу в плаще унести мальчика. И плевать на всё то, что было раньше.

Генри вывалился из укрытия и заорал:

– Стой, ублюдок!

Мужчина уже вышагивал прочь, зажав локтём трепыхающегося ребёнка. Услышав голос Генри, он обернулся – но даже в этот момент его движения оставались до отвращения плавными, будто он всё знал заранее. При свете лампы Генри не увидел на его лице ни капли удивления или гнева. Мальчик тоже замолчал и выгнулся дугой в руке обидчика, стараясь смотреть на Генри... а может, на Айлин, которая тоже вышла из-за угла.

Всего секунду все четверо изучали друг друга –пока яростный порыв ветра не заставил лампу описать дугу в воздухе, смешав свет и тусклый свет. Мужчина исчез в полосе тени совсем ненадолго; потом лампа вернулась в обычное положение, но его на прежнем месте уже не было. Не было, хотя было некуда податься из прохода. Вместе с ним исчез и мальчик, без единого крика.

– Вот чёрт... – процедил Генри.

– Куда они делись? – Айлин в панике перевела взгляд на него. – Где они?!

Не здесь, обречённо подумал Генри. Где бы они ни были, уже не здесь.

Айлин вырвалась вперёд, побежала, спотыкаясь и чуть не падая. Достигнув места, где стоял мужчина, она лихорадочно огляделась. Дальше серо-жёлтая власть фонаря подходила к концу, и в чёрной мгле нельзя было ничего увидеть.

– Айлин... – начал Генри, сам не зная, что хочет сказать.

– Он взял его, – перебила Айлин срывающимся голосом. – Он схватил мальчика, Генри, как ты не понимаешь?.. Мы не смогли его защитить!

Она была не в себе; горечь поражения и страх за участь ребёнка овладели ею. Сам Генри, как бы он ни старался проникнуться чувством вины, ничего особенного не испытывал. Мужчина пропал, забирая маленькую тёзку с собой – и он даже вздохнул про себя с облегчением. Что-то подсказывало, что с мальчиком ничего ужасного не произойдёт. Хотя бы потому, что...

... потому что он не настолько безумен, чтобы причинять вред самому себе.

Стоя на крыше фальшивого отеля и пережидая, пока Айлин покинут обуревающие её чувства, Генри ощутил, что предел близок. И если в скором времени не будут перемены, то он вполне может сдаться, пасть под усталостью, которая постепенно отравляла каждую клетку тела.

Поскорей бы всё кончилось. Будь что будет... но пусть скорее настанет конец.

Конец был даже ближе, чем он предполагал.

Он открыл дверь, бесщётную из бесщётного множества, и крики нахлынули волной. Теперь Генри различил в жутком хоре не менее десятка голосов. Они плакали, и кричали навзрыд, выли и стонали. Лестница, конечно же, вела вниз – но не уходила в чёрную бездну, а преодолевала от силы два десятка футов, прежде чем перетечь в грязную комнатку с обагрённым кровью полом. Казалось бы, после увиденного никакие кровавые декорации уже не могли вызвать в Генри содрогание, однако это он и ощутил, завидев вырванные с корнем клочки волос (были и чёрные, и белые, и золотистые), куски ногтей и кожи, прилипшие к бетону.

Они *были* здесь. Совсем недавно. Те, кто кричали и тщетно молили о помощи.

Айлин в молчаливом ужасе разглядывала убранство камеры пыток. Ладонь по-прежнему была слишком горячей, и даже прохлада стальной трубы не могла остудить жар. Генри заметил, как алые полосы поднялись вверх по запястью и приняли ядовитый малиновый оттенок.

– Нам нужно идти быстро, Айлин. Очень быстро. Мы...

Его перебил басистый мужской крик, раздавшийся, казалось, прямо под носом. В отличие от других, в крике было больше ярости и гнева, чем отчаяния. Что-то в нём показалось Генри знакомым. Должно быть, в своё время этот резкий голос наводил трепет на пьянчужек и шалунов, которые имели несчастье шататься по дому, в котором жил Ричард Брейнтри.

– Я понимаю, – кивнула Айлин. – Это они, да? Они *все*?

– Да, – сказал Генри. Все жертвы, которые пали под рукой Уолтера Салливана. Должно быть, желанный финиш действительно близок, раз они добрались до обиталища жертв. В место, где пересекались все части искажённого мира.

Дверь комнаты была словно выкрашена красной краской. Только это, конечно же, не была краска. Толстое дерево как будто вибрировало под напором криков с той стороны. Они шли к двери несколько минут, тщательно меряя шаги, чтобы не наступить на волосы или ногти. Пол казался омерзительно мягким и упругим, как нечто живое. Свет ламп перетекал из жёлтого в зелёный больничный, потом в ярко-белый. В нос били смешанные запахи золы, хвои, пыли... всего не разобрать.

Разболелась голова, как бывало всегда, когда Генри подходил к призракам близко. Слава Богу, боль была не такой сильной, чтобы мешать двигаться. Он в последний раз оглянулся на Айлин и увидел в её глазах решимость, а не страх. Подняв трубу перед собой, Генри открыл дверь.

Открыл и увидел лестничный пролёт, ведущий далеко вниз, огибающий кирпичные стены, крошащиеся под действием времени.

МОЙ! – закричала Синтия сверху с нотками хищника, увидевшего добычу.

Нет, наш! – детские голоса, злобные и невинные. Мальчик и девочка.

Он будет мой! – властный приказ Брейнтри, который никогда не смеялся.

– Айлин, бежим!

Они бросились вниз по сворачивающимся в змею ступенькам, не оглядываясь назад. Сверху подул тёплым воздухом, развевая их волосы.

Генри улучил момент, чтобы одним глазом посмотреть, сколько осталось до пола. Увиденное заставило упасть сердце. Десять кругов. Или девять – символично, не так ли? В любом случае... слишком далеко.

Айлин дышала тяжело и часто, ступая на больную ногу. Генри всё чаще приходилось останавливаться, ожидая её. Когда на втором или третьем круге чёрные тени закружились над ними, он с горечью понял, что им не суждено выиграть этот спринт.

Чья-то мокрая рука схватилась за плечо, заставив глаза подёрнуться красной дымкой. Генри яростно стряхнул её (как ни странно, удалось) и рывком поднял Айлин на руки. Кажется, она даже не почувствовала этого – девушка была почти без сознания. Да и в Таунсенде сил оставалось немного. Не чувствуя себя, он пробежал ещё половину пролета, потом ноги сами собой начали сгибаться в коленях. Генри свалился с ног, стараясь не выпустить Айлин из рук, чтобы она не ушиблась. Сверху отзывался восторженный рёв мёртвых.

Замахнувшись трясущейся правой рукой, Генри поднял голову, чтобы увидеть людей, навечно заточённых в этих кирпичных стенах.

Их было много. На секунду все остановили свой полёт, словно почувствовав на себе его взгляд; Генри смог рассмотреть каждого из них, различить смертную тоску и укор в неживых глазах. Одежда лохмотьями свисала с мертвецов, волосы спутались и закрывали сморщившиеся синие лица. Вырезанные цифры горели кровью на лбах, или поперёк лица, на груди или спине. У некоторых кровавая метка находилась в области сердца; должно быть, Салливан вырезал у них сердце, когда убивал.

Синтия... Джаспер, полыхающий огнём... Эндрю... Ричард, видный и представительный даже сейчас. Мгновение прошло, и призраки ринулись к нему.

МОЙ!

Спустя минуту они с Айлин станут такими же, как они...

– Нет! – закричал он не своим голосом. – Убирайтесь! Не трогайте нас!

Они не слушали. Кривя чёрные губы в ухмылке, с торжественным воем призраки приближались, чтобы восстановить справедливость по их меркам. Генри крепко зажмурил глаза, чтобы не видеть того, что произойдёт. *Я не смог. Я так и не смог её спасти...*

– Генри, сюда...

Голос Айлин пришёл из другой галактики, отдаваясь эхом. Красная пелена покрыла всё – но он неимоверным усилием воли повернул голову. Айлин, оказывается, подползла вплотную к краю ступенек и заглядывала оттуда вниз, не обращая внимания на подлетающих призраков. Цифры на её спине пульсировали, как артерии... или так кажется только в этом кроваво-красном сиянии? Она обернулась, и Генри понял всё, что Айлин хотела сказать, прочитав по глазам.

Только не от них. Я не хочу стать такой, как они...

Размахнувшись трубой и двинув по голове первого шустрика (молодой человек в стрижке «ёжиком», скалящий безупречно белые зубы), Таунсенд на

коленях подполз к ней. Ограждения не было... хотя бы в этом плане им повезло. Восемьдесят футов высоты стали единственным их спасением.

Генри хотелось что-то сказать напоследок, что-то необязательное и ободряющее, но призраки были слишком близко, чтобы тратить время на слова. Красный флаг реял в мозгу. Призраки клацали зубами, предвкушая пиршество. Времени не оставалось... они не могли даже попрощаться перед тем, как упасть.

Это нечестно, подумал Генри, с содроганием перенося тяжесть тела. *Нечестно, и всё тут.*

Бесполезная труба вывалилась из руки и полетела вниз. Мгновением позже за ней последовали Генри и Айлин – крепко взявшись за руки, закрыв глаза, сцепив зубы, чтобы не закричать. Мир превратился в юлу, в ушах засвистел ветер, потом всё разлетелось на куски, вспрыснув в мозг инъекцию финифти.

8

Он лежал, ничего не понимая, широко раскрыв глаза и чувствуя жгучую боль в раскрошившихся костях. Это смерть? Она?.. Но почему так больно? Почему свет раздражает зрачки, а уши слышат возмущённые крики призраков, которые остались далеко наверху?

Рядом зашевелилась Айлин. Стало быть, она тоже была жива. Генри приподнялся на локтях и недоверчиво осмотрелся. Всё так – оба раскинулись на твёрдом бетонном полу, свалившись с высоты чуть меньше сотни футов. По всем мыслимым правилам должны быть мертвы – даже косточки не собрать.

Однако Генри чувствовал себя вполне цельным. Побитым и протоптанным взводом марширующих солдат – однако живым. Они были далеко от преследователей, и рядом – в пяти шагах – высилась до тошноты желанная дверь с рисунком «Нимба Солнца».

– Айлин? – Генри поморщился, подтягивая ноги, чтобы подняться. Как будто в кость втыкают гвозди по три дюйма...

Айлин молчала. Хотя глаза были открыты, и она внимательно изучала потолок, откуда к ним спешила толпа призраков.

Генри встревоженно наклонился над ней:

– Айлин? Как ты?

– Мне холодно, – жалобно заявила она, буравя его холодно-серыми зрачками. Лицо было пересечено красными полосами, как крапивные ожоги. – Хочу к маме.

Генри не мог сказать, что поразило его больше – капризный голосок мальчишки, или стальной оттенок только что зелёных глаз, или ужасный багрянец на лице. На мгновение он ощутил укол головной боли, как от призраков. *Бежать, бежать прочь!* Усилием воли Генри заставил себя зажмуриться: *Это пройдёт. Это проходило. Всего минута... она придёт в себя.*

Но призраки тоже не дремали. С разочарованными воплями они пикировали меж этажей, протягивая к ним скрюченные руки.

– Айлин, ты меня слышишь? Нам надо идти.

– Куда? – недоумённо спросила она, взгляд стал подозрительным. – Я хочу к маме.

– К маме, к маме, – Генри согласно закивал. – Идём к ней. Ты ведь хочешь её увидеть... правда, Уолтер?

Ненавистное имя вырвалось само собой, прежде чем он сумел совладать с языком. Зато, кажется, Генри попал в точку: Айлин (или тот, кем она была сейчас) обиженно нахмурилась, однако недоверчивость снизилась.

– Уолтер – моё взрослое имя, – поучительно сказала она. – Так меня будут звать, когда я вырасту. Уолли – это правильное имя.

– Хорошее имя, – отозвался Генри, не зная, как долго он сможет поддерживать эту вынужденную ложь. – Ну так ты идёшь?

И демонстративно пошёл к двери, ковыляя на кричащих ногах. Расчёт оказался верным: Айлин вскочила сразу же, как только Генри отошёл на пару шагов. И догнала его в два прыжка, словно и вовсе не чувствовала раненую ногу.

– Не уходи! Я пойду с тобой. К маме, да?

Он обернулся навстречу восторженным серым глазам, которые не принадлежали его спутнице. *Где же ты, Айлин? Вернись...* Красные рубцы ширились и перетекали друг в друга, создавая жуткие метаморфозы. Генри закусил губу:

– Правда. Только сначала ты должен открыть эту дверь... Уолли. Идёт?

– А почему не ты?

– Я не могу. Ты же сильнее меня, разве не так?

– Ну... – она с сомнением оглядела себя, и Генри бросило в жар и холод: а если мальчишка, поселившийся в Айлин, заметит гипс и платье, и поймёт, что его попросту водят за нос?... Но когда она вновь вскинула голову, на лице читалась только чисто детская горделивость. – Да, я сильный. Давай, открою.

Генри отступил в сторону, пока она необычно короткими шажками подходила к двери. Но прежде чем Айлин толкнула дверь, что-то произошло.

Воздух между ними потемнел и съёжился, как вода, в которой разлили чернила. Во все стороны потянулись чёрные споры: так невидимый паук плёл бы сеть на огромной скорости. В мгновение ока в нечётком сгустке проявились гротескные черты человека: руки, ноги... голова... Прежде чем Генри успел как-то среагировать, одна из наспех нарисованных рук рванулась вверх со сжатым кулаком, отвесив ему приличный апперкот. Пройдись удар чуть дальше, он бы наверняка сломал челюсть. Но и так Генри отлетел назад на целый фут с застывшими в безмерном удивлении мыслями. Приложившись затылком к стене, он на некоторое время потерял способность соображать – мог лишь видеть, что произошло дальше, с фотографической ясностью, как в замедленном кинофильме.

Очертания человека стали яснее, и он больше не выглядел бесплотным туманом. Крупный мужчина в рубашке и галстук, с вырезанными на лбу

кровоточащими цифрами. Брейнтри и раньше не был хилаком, но тут его мощная мускулатура разошлась до предела, делая из Ричарда страшную пародию на самого себя. Он сделал один шаг к Генри со звериным оскалом на лице, и Таунсенд как-то сразу понял, что следующий удар (уже в полную силу) проломит ему череп.

Однако Ричард так и не добрался до него. Он уже заносил ногу для второго шага, поднимая руку с кулаком, больше напоминающим кувалду, когда Айлин возмущённо выкрикнула у него за спиной:

– Фу, это ты!

Брейнтри обернулся мгновенно, но Генри мог бы поклясться, что увидел напоследок на лице недружелюбного сожителя страх – даже панику. Оскал пропал, будто и не был.

«Нет! – пытался закричать Генри, но язык не повиновался. – Не надо, Айлин! Беги от него! За дверь!»

– Это больше не твой дом, – самодовольно сообщила Айлин, и не думая отступать. – Ты не будешь избивать меня и выгонять на улицу. Я иду к маме, и ты мне не помешаешь.

Она решительно шагнула к нему, и – невероятно, – призрак Брейнтри неуклюже сделал шаг назад.

– Исчезни, – небрежно бросила Айлин. – Я не хочу тебя видеть. Ты плохой.

Она подняла здоровую руку с оттопыренным указательным пальцем – известный всем мальчишкам «пистолет» – и выцелила Ричарда. Тот что-то рыкнул, впрочем, слишком как-то несмело.

– Пиф, – сказала Айлин, и палец-«пистолет» дрогнул в выстреле.

Брейнтри заревел; но крик быстро растворился в шипении, с которым его тело начало поглощаться воздухом. Конечности расплылись, лицо подёрнулось серой дымкой. Дымка окутала тело, превратила его в лёгкий туман – а туман, в свою очередь, обратился горячим воздухом. Две секунды – и громада Ричарда Брейнтри исчезла, будто его не бывало вовсе.

Айлин победно посмотрела на Генри:

– Вот видишь, какой я сильный?.. Вставай, пошли.

С ощутимым усилием Генри поднял голову и застонал от режущей боли в затылке. Она презрительно усмехнулась:

– Ты что, такой слабый? Хорошо, я пойду сам.

– Подожди... – он опёрся ладонью о пол и прямо-таки заставил себя встать на ноги. Взглянув наверх, увидел странную вещь: все призраки затихли, раскачиваясь на месте, где-то на уровне третьего пролёта. Следили за ними обоими, но не смели приближаться. Не смели даже *стонать*.

Они боятся, догадался Генри. *Они боятся ЕГО... Уолли.*

– Считаю до трёх, – мрачно сказала Айлин. Генри немедленно поспешил к ней. – Раз... два... три!

Она толкнула дверь, и та открылась, как всегда; за образовавшимся проёмом Генри увидел не сизый туман и холод, как раньше, а полную темноту. Привычного дыхания зимы не ощущалось. Тьма, казалось, проникла в само помещение, разбавив здешний воздух.

– Где мама? – спросила Айлин, не оборачиваясь. Вроде бы спокойно, но Генри почувствовал скорый разряд грома. – Ты сказал, здесь будет ма...

Она схватилась за лицо и осеклась. Генри показалось, что Айлин вот-вот упадёт без чувств; он бросился к ней, схватил за плечи, коснувшись багровых полос. Полосы не были жаркими и холодными, но отвратительно шевелились под пальцами, как личинки насекомых. Всё пришло в движение... пурпурные пятна неистово заплясали на щеках, руках и ногах.

Генри наблюдал в немом ужасе. Но рук не отпустил.

Потом пятна замерли, вновь выстроившись в тонкие и толстые рубцы на коже. Айлин, до этого смотревшая остановившимся взором поверх его плеча, устало закрыла глаза... а когда открыла их снова, радужка вернулась к обычному светло-зеленому оттенку. Генри её глаза показались чудесными.

– Что... – она в замешательстве смотрела на Генри, который вдруг почувствовал, что губы расплываются в глупейшей улыбке. – Я... разве мы не умерли?

– Нет, – заверил Генри, улыбаясь во весь рот. Господи, давно он не чувствовал себя так хорошо. Несмотря на то, что еле держался на ногах, и призраки над головой снова недобро закопошились. – Мы живы, Айлин. Давай уйдём отсюда. Надоел мне что-то этот отель, знаешь ли.

– Этого не может быть... – она мотнула головой и нахмурилась. – Мы упали. Я же помню, как мы спрыгнули, чтобы убежать...

Генри вспомнил про Брейнтри, материализовавшегося из воздуха, и торопливо повёл Айлин за собой, держа за руку. Не стоило терять время зря, особенно когда они были так близко от цели. А в том, что цель близка, Генри не сомневался. Теперь – нет. Один взгляд на непроглядную ночь за дверью делал его в этом уверенным.

9

На этот раз не было видений, прячущихся за туманом. Они спускались в полном одиночестве через плотную тьму, которую кое-где старались пробить жёлтые фонари на шестах. Вокруг стояла тишина – стоны и крики умолкли, словно кто-то повернул рукоятку громкости. С каждым новым шагом туман становился реже, и вот уже Генри мог видеть колеблющиеся огоньки фонарей на нижних витках спирали. Один, два, пять... точно рой светлячков на осеннем айовском небе, когда ты, усталый и счастливый, лежишь на свежескошенной траве в конце дня.

Временами на Генри накатывало ощущение, что они с Айлин не идут по лестнице, а пробираются по тёмному коридору с низкими кирпичными сводами. Всё глубже и глубже – в центр земли, ближе к адской жаровне. Но воздух как был сухим и прохладным, таким и оставался. Ни жара, ни холода. В этих местах всё застыло раз и навсегда.

Айлин спала на ходу; несколько раз подряд она натыкалась на него меж лопаток. Когда Генри оборачивался, она смотрела мимо потухшим сонным взором. Ступеньки здесь были пологими и скользкими, так что Генри

вполне мог бы отпустить её, но после третьего такого случая счёл за благо взять девушку за руку. Ограждение было низкое: прогулка в таком состоянии была чревата.

После двадцатиминутного марша Генри привык к безмолвному окружению, разбавленному тьмой; он видел только следующий виток лестницы, уходящий в ничто, пятна фонарей под ним, и – иногда, – изломанные тени, которые ложились на ступеньки, когда они подходили к источникам света вплотную. Длина теней стремительно увеличивалась, соскальзывая в серый мрак по мере того, как фонарь оставался сзади.

Но вот привычный порядок нарушился. Вместо следующего светлячка внизу Генри увидел что-то серое и бесформенное. Как клочок бумаги, зависший в пустоте. Он прищурился, пытаясь различить это, но тут могли помочь только ноги; ничего не говоря, он ускорил шаг, и Айлин машинально тоже поддала ходу. Ещё один виток, и сомнений не осталось. Это была земля. Не квадратная бетонная площадка, а самая настоящая твердая земля, заключённая в узкое вместилище конструкции.

– Чтоб мне треснуть, – прошептал Генри, лихорадочно соображая, что в такие мгновения надлежит чувствовать.

– А? – вяло спросила Айлин, услышав его голос. Вместо ответа Генри поднял её руку, держа за запястье, и указал вниз, где одинокий фонарь горел над землёй, освещая кусок пространства. В первую секунду она оставалась безучастной, потом взволнованно подалась вперёд: Генри с удовольствием заметил, как её глаза азартно блеснули.

– Это она? Да? Лестница кончилась?

Как бы ему хотелось ответить «да»! Но он не мог, потому что ещё не был уверен в том, что это не жестокая шутка властелина этого мира.

– Пойдём, – отрывисто бросил он и устремился вперёд. Айлин, не отставая ни на шаг, последовала за ним. Всего два витка, и они достигнут цели. Генри не знал, что может их там ждать, и не собирался гадать – к чему, если скоро они всё равно узнают? Пока его беспокоило только, как бы *кое-кто* не устроил им неприятный сюрприз до того, как они достигнут нижней точки конструкции.

Но ничего не изменилось за два последних круга. Стальная конструкция не шелохнулась, темнота была тёплой и тихой, ни один душераздирающий голос не донёсся из-за черно-бархатной завесы. Маячок фонаря рос, открывая новые подробности: толстые балки ножек конструкции, сваренные между собой бесформенными пучками железа; тонкие стальные штыри, окружающие участок земли внизу, не давая никому возможности вырваться за свои пределы; и даже ростки жухлой полегшей травы. Последняя ступенька вгрызалась в серую бесплодную почву, которая поднималась облачком на каждом шагу. С замиранием сердца Генри сделал финальный шаг, завершая затянувшийся спуск. И огляделся.

Штыри окружали конструкцию частым забором, делая место похожим на тюрьму. За штырями начиналась пустошь, которая быстро переходила в полную темноту. В отдалении можно было различить ржавые обода колёс и

какие-то круглые предметы, сваленные в кучу (оторванные головы манекенов? Увольте – уж лучше просто «какие-то предметы»). Внутри круга на жёлтой траве лежали сорванные с петель двери, покрашенные в одинаковый белый цвет. Таблички на них были Генри знакомы. Вот 105, квартира Фрэнка Сандерленда – снизу номера прибита дощечка с надписью «УПРАВЛЯЮЩИЙ». Покосившийся набок номер 207 – дверь обителю грозного Ричарда Брейнтри. И даже дверь 303, заботливо прислонённая к штырям.

Взгляд Генри обежал двери с растущим недоумением. Что они тут делают? Кто их коллекционирует – неужто тот безумец Уолтер Салливан занимается расхищением квартирных дверей своих жертв?

И вообще – что это за место, желанное «дно»?

Все вопросы стали неважными, когда взор зацепился за одну-единственную дверь во всём калейдоскопе, которая не была снята с петель. Дверь стояла в обычном вертикальном положении в своём проёме, гордо возвышаясь среди поверженных собратьев. Стена вокруг двери обрывалась, не протягиваясь даже на десять футов, поэтому с первого взгляда могло показаться, что дверь просто стоит сама по себе, без никакой опоры. Но это было не так. Дверь *была*, и её можно было открыть, как всякую другую.

На поверхности двери, над тёмно-зелёным стеклом глазка красовалось число 302.

Глава 6

Дверь открывается

1

Дверь открывается, и что изумлённый Генри Таунсенд видит за порогом:

Он видит прихожую, объятую сумраком, и чьи-то ботинки, оставленные у входа. Он видит плотно закрытую дверь кладовки и чёрные окна на противоположной стене. Вентилятор застыл во вращении, лопасти подняты вверх. Огромный раритетный магнитофон стоит на тумбочке; он тоже видится иссохшим каменным монолитом. Квартира освещена неверным отблеском десятков свеч, которые истекают воском.

– Что это такое? – прошептал Генри, уже зная ответ. Конечно, в зловещей смеси жёлтого и чёрного всё меняется, делая вещи не похожими на себя, и обстановка здесь совершенно другая, нежели было при нём. Но это она – квартира 302, в которой он жил последние два года. Здесь, в самой глубинной точке этого мира.

Как во сне, он прошёл внутрь, и пламя свечи сделало его очередной игрой света и тени, принадлежащим сумраку квартиры. Айлин тревожно озиралась. Красные полосы на её лице казались то белыми, то чёрными.

Больше всего свеч было расположено на лакированном столике в гостиной – туда, куда Генри любил класть ноги во время просмотра телепередач.

Восковые цилиндры громоздились целым взводом. Яркий свет падал на исписанные вдоль и поперёк красноватые листы, разбросанные по столу. На столе ещё лежали старинные книги в тиснёном золотом переплёте. Особенно резала глаз большая книга в ярко-красной обложке без надписи.

Генри прикоснулся к стене. Обои те же самые – но куда делась мягкость материала?.. Будто на стену плеснули жидким оловом и дали остыть; он подумал, что если дотронуться до лопастей вентилятора, или до магнитофона, везде будет железная непроницаемость без брешей. И даже огонь от свеч... потухнет ли он, если зажать фитиль между пальцами? Или продолжит гореть, как ни в чём не бывало?

Тёмная комната. Это она?

– *Вы проделали долгий путь, чтобы добраться сюда.*

Айлин вскрикнула, когда тишину квартиры развеял монотонный механический голос, раздавшийся сверху. Они вскинули головы в унисон и... ничего не увидели. По крайней мере, сразу – потом, когда первое обманчивое впечатление улетучилось, Генри различил что-то под потолком там, где проходила воображаемая граница между кухней и гостиной. Что-то без формы и объёма, представляющее собой сгусток тьмы, хмуρο поглощающий жёлтое масляное сияние.

– *Добро пожаловать в мою квартиру. Присядьте, если хотите. Я вам собираюсь кое-что рассказать о человеке, из-за которого вы здесь оказались.*

Словно бы два голоса смешались в этой тяжёлой речи: одна, мёртвая, говорила громко и без всяких интонаций, эхом отскакивая от стен. Был и второй голос, человеческий, но он звучал слишком далеко.

Предложение присесть было очень любезно, но Генри пропустил его мимо ушей. Если бы и захотел присесть, вряд ли смог бы на окаменевших ногах добраться до дивана. Айлин, кажется, тоже решила остаться на ногах. Единственное, что она сделала – крепко-накрепко вцепилась в Генри, словно опасаясь, что её унесёт шквальным ветром. Нечто под потолком пришло в движение. Теперь можно было в нём худо-бедно различить что-то, напоминающее человеческую голову, растущую прямо из потолка.

– Это он, – выдохнула Айлин; ногти болезненно вонзились в ладонь Генри. – Боже, это он!

Генри спросил было шёпотом, кого она имеет в виду, но прежде чем он сделал это, всё встало на место. Это было очевидно – хозяином Тёмной комнаты являлся не кто иной, как пропавший журналист Джозеф Шрайбер собственной персоной. Силуэт головы с легко угадывающейся лысиной на макушке согласно кивнул – медленно и лениво:

– *Рад, что моя посильная помощь помогла вам обоим удержаться и не погибнуть по пути сюда. Я знаю, вам пришлось трудно... но поверьте – то, что вы здесь, не означает, что все беды позади.*

Голос становился глуше, как затухающий огонь. С каждым словом, которое исторгалось из чёрной, как смоль, головы, по комнате проносилась волна, щекочущая щёки и заставляющая нагибаться пламя свеч. Генри и Айлин

поняли без слов, что Джозефу – если голова на потолке принадлежала ему, – становится всё труднее говорить с каждой секундой.

– *Пока могу, я расскажу вам основное, что мне известно о человеке, которого вы знаете как Уолтер Салливан. Остальное вы найдёте в моих записках. Их я делал во время своего расследования.*

Свечи на столе вспыхнули ярче, указывая им красные листы, вырванные из блокнота. Чернила на них словно шевельнулись крохотными змейками. Айлин непроизвольно зажмурилась.

– *У Уолтера Салливана не было родителей, – голос оставался совершенно бесстрастным. – Они бросили его сразу, как только он родился; оставили здесь, в квартире 302. Имя ему было выбрано из справочника имён для найдёнышей. Ребёнок попал в приют города Сайлент Хилл, известный как «Дом Желаний». К несчастью, приютом в то время управлял религиозный культ, издавна обосновавшийся в городе.*

Генри внимательно слушал, подхватывая каждое слово.

– *Мне неизвестно, что заставило Салливана думать, что его родителями были не люди, – продолжал Джозеф. – Но с детских лет он был одержим мыслью, что его родной матерью является сама квартира 302. Возможно, сказалось извращённое учение культа, или что-то ещё. Он часто навещал квартиру, специально приезжая из другого города. С возрастом он проникся ещё одной идеей... спасти квартиру, свою мать, от грехов и грязи окружающего мира. И выбрал способом достичь цели ритуал Двадцати Одного Таинства, выученный в приюте культа.*

Знакомое словечко. Генри украдкой взглянул на Айлин. Она безотрывно смотрела на Джозефа, как загипнотизированная.

– *Для этого Салливану требовалось сначала собрать кровь десяти грешников, чтобы выполнить ритуал Святого Успения. Но даже это не поколебало его желания разбудить свою мать, которая, как он считал, погрузилась после его рождения в глубокий сон. Десять лет назад... – голос пресёкся, словно переводя дух. – ... он выполнил ритуал Святого Успения, создав свой собственный... извращённый маленький мир, в котором он стал полным властелином. Мир, в котором мы находимся сейчас...*

Стены квартиры подвинулись ближе, согласно покачиваясь. Пламя свеч налилось кровью, и квартира стала теснее – это была не иллюзия, потому что Айлин ощутила это тоже и беспокойно завертела головой. Выдержав небольшую, но тягостную паузу, Джозеф продолжил:

– *Кем бы он ни был в прошлом... сейчас Уолтер Салливан не более чем машина убийства, не имеющая ничего общего с человеком. Он умер десять лет назад, однако в своём мире всё ещё пытается выполнить ритуал Двадцати Одного Таинства. Его отчаянное желание вернуться в детство... и стало причиной того, что в этом мире он существует в двух ипостасях. Детская сущность Салливана требует пробуждения матери, и ради него он готов пойти на всё. Ритуал близок к завершению...*

Теперь двоящийся голос был не один в квартире – где-то далеко, за милями темноты, его перебивал резкий стучащий звук, набирающий силу. Словно кто-

то изо всех сил колотил по клавишам пишущей машинки. Или громил стену кувалдой.

– *Двадцать Одно Таинство*, – Генри почудилось, что Джозеф заговорил быстрее. – *Осталось немного... Только вы двое. Номер двадцать... «Возрождённая Мать»... Айлин Гелвин.*

Голова повернулась на доли градуса, безучастно изучая Айлин невидимыми глазами. Девушка перепугалась; ею овладело жгучее желание уйти от мёртвого взора, скрывшись за спиной Генри, но она не могла даже шевелить пальцами. Через пять длинных секунд голова вернулась в прежнее положение, снова перекрестив взгляд с Генри.

– *Номер двадцать один... «Преемник Мудрости»... Генри Таунсенд.*

Генри и ждал этого, но губы всё равно дёрнулись в нервном тике.

– *Даже сейчас ещё не поздно всё предотвратить. Воспользуйтесь его медлительностью. Следуйте Багровому Тому. Изучите Багровый Том...*

Переплёт красной книги засветился призрачным огнём, словно зазывая: «Я здесь!». Постукивания стали громче, теперь между ударами можно было различить тяжёлое сиплое дыхание. Сомнений не осталось: кто-то долбил тяжёлым предметом по стене, невзирая на катящийся градом пот. *Бум! Бум!..* С каждым ударом голова из потолка подрагивала, как от землетрясения. Но продолжала говорить отрывистыми фразами, которые бы звучали как лихорадочно-поспешные, если бы не стылый механический тон:

– *Следуйте Багровому Тому. Остановите его... Иначе, куда бы вы ни убежали... он найдёт вас и исполнит задуманное... Найдите его. Найдите его истинное тело. Я чувствую, оно лежит где-то близко... но я не могу отсюда выбраться. Он уже идёт за мной... Он знает, что вы здесь... Единственная надежда... Вы должны убить его. Убить его. Убить его...*

Айлин шумно выдохнула, отступая назад. И тут же пожалела об этом, ибо голова довольно резво повернулась на звук и снова взяла её на прицел. В двоящемся голосе желающий мог бы услышать нотки теплоты:

– *Скорее... Ты должен беречь её. Она – номер двадцать... «Возрождённая Мать». Он хочет заполучить её. Опереди его, убей его первым. Следуй Багровому Тому...*

– Айлин? – окликнул Генри, но она лишь судорожно отмахнулась. Звуки удара достигли предела – будто над потолком работала бригада строителей. Удар – вздох – шум осыпающейся штукатурки. Удар – вздох... А между ними голос, который уже ничего не хочет рассказать и лишь повторяет из раза в раз:

– *Убей его... Должен... убить его... Убей его. Убей...*

Убей его! – закричали свечи, вытянув к потолку неестественно яркое пламя. *Убей!* – согласились стены с шатающимися картинами. *Убей!* – стулья залязгали ножками по полу, выражая одобрение. Генри затравленно огляделся. Всё изменилось. Застывшая квартира билась в судорогах, выражая единственное смертное желание.

– *Убей... Убей...* – голова Джозефа расплывалась в воздухе, теряя очертания, становясь опять бесформенным клубком темноты. Голос становился тише под неистовую канонаду ударов.

– Прекрати! – закричала Айлин, без сил прислонившись к подоконнику. – Джозеф, если это ты... ради Бога, прекрати!

Но он продолжал говорить – уже затихающим шёпотом, уплывая в то ничто, откуда пришёл, – по-прежнему бесстрастно, пока квартира 302 медленно возвращалась к сумрачному спокойствию:

– Убей... Убей... Убей...

2

Следующий час Генри и Айлин посвятили изучению бумаг, которые в обилии водились на столе Джозефа. Потрясение от встречи с говорящей головой прошло не скоро, но всё-таки им удалось кое-как успокоиться и усесться на заботливо расставленные кресла. Обивка была мягкой, так и приглашающей погрузиться в сон. Но сна не было ни в одном глазу ни у Генри, ни у Айлин.

– Багровый Том, – сказал Генри, поборов желание по привычке положить ноги на столик. – Он сказал что-то о Багровом Томе. Наверное, стоит ознакомиться с этой книгой в первый черёд.

Красная книга лежала на прежнем месте, но без того призрачного свечения она выглядела рухлядью – дунь, и развалится. Айлин осторожно раскрыла её на первой странице. Издательства или автора не было – зато самым крупным шрифтом посреди чистого листа стояла надпись: «БАГРОВЫЙ ТОМ. Книга о деяниях Господа нашего на Земле». Посмотрев на год издания, Генри непроизвольно цокнул языком. Цифра была вполне красноречивой: 1877.

– Как этот бред может нам помочь? – сокрушённо спросил он. Книга была по меньшей мере на пять сотен страниц.

– Не знаю, – Айлин бесцельно перелистывала слипшиеся страницы. – Смотри, тут какая-то отметка.

На полях очередной страницы были нанесены жирным красным маркером три восклицательных знака. Должно быть, работа Джозефа. Нагнувшись над Айлин из-за плеча, Генри начал читать:

Та, кого величают «Святой Матерью», не имеет ни малейшего отношения к святости. «Пробуждение Святой Матери» на деле выливается в Пробуждение Дьявола. То, что они именуют «Двадцатью Одним Таинством», не есть Таинство в любом понимании. Вместо Двадцати Одного Таинства они совершают Двадцать Одну Ересь – во имя рождения искажённого и истекающего кровью мира, творения Дьявола заместо нашей светлой благословенной Господом действительности.

Чтобы остановить Пробуждение Дьявола и вогнать его обратно в Геенну, надобно захоронить клочок плоти Колдуна, совершающего противобожеское действие, в глотке его истинного тела. Проткни затем его тело восемью копьями Пустоты, Темноты, Мрака, Отчаяния, Искушения, Истока, Бдительности и Хаоса, дабы не дать завершиться обряду вызова Дьявола.

Сделай это, и нечестивая плоть Колдуна станет тем, чем оно когда-то и было по воле нашего Господа.

– Что это означает? – недоумевала Айлин, читая поблекшие слова, и с надеждой смотрела на Таунсенда. Тот задумчиво почесал затылок. Вся эта религиозная абракадабра не внесла в его голову тоже ни толики ясности. Джозеф углядел в «Багровом Томе» нечто исключительно важное, раз выделил страницу аж тремя восклицаниями, но теперь его рядом не было (ну и слава Богу). Генри эти слова лишь вгоняли в ступор.

– Попробуем начать с чего-нибудь полегче, – он закрыл книгу. – Может, на этих записях есть какие-то соображения по этому поводу...

Айлин выцепила кончиками пальца блокнот в красноватой обложке, завалившийся за стопкой книг. Она ожидала увидеть внутри какие-нибудь записи – может, даже дневник Джозефа, но страницы были испрепечены лишь неразборчивыми стенографическими каракулями, зачастую написанными поперёк линовки или вовсе по диагонали. Все страницы были замараны с двух сторон, некоторые листы – яростно вырваны. На их месте торчали зубчатые красные обрывки.

– Он был не в себе, – пробормотала она, машинально перелистывая блокнот. Генри не услышал её, читая какую-то бумагу; впрочем, она и не хотела, чтобы он слышал. Последняя страница, к удивлению Айлин, оказалась заполнена тщательно, едва ли не каллиграфическим письмом. Но скупые слова, в которые складывались буквы, заставили её лихорадочно закрыть листок ладонью.

Когда зазвонит колокол, Айлин = Возрождённая Мать (тело матери, кровь)

Что-то происходило. Прямо сейчас, пока они сидели в тёмной квартире на самом дне, опасливо косясь на тени от свеч. Снова отвратительное ощущение грядущей беды наполнило Айлин, вызывая горечь внутри, которая выступала каплями слезы на глазах. Лишь усилием воли она не разрешила себе заплакать. Плач ничем не мог ей помочь... а угроза с каждым вдохом становилась всё более явной, зависая над головой грозovým облаком.

– Что-нибудь интересное? – спросил Генри, разочарованно бросив свой лист на стол.

– Нет, ничего особенного, – сказала Айлин; надеялась, что голос звучит достаточно ровно. – А у тебя?

– Только неразборчивые каракули. Хотелось бы знать, что он хотел, чтобы мы нашли.

Айлин тоже взяла листок, который лежал ближе всех. На красноватой поверхности был выведен длинный список, который показался ей знакомым. Вглядевшись лучше, она поняла, что видела его раньше – но тогда список был куда как короче.

01121. Джим Стоун («Десять сердец»)
02121. Бобби Рендольф («Десять сердец»)
03121. Шон Мартин («Десять сердец»)
04121. Стив Гарланд («Десять сердец»)
05121. Рик Альберт («Десять сердец»)
06121. Джордж Ростен («Десять сердец»)
07121. Билли Локейн («Десять сердец»)
08121. Мириам Локейн («Десять сердец»)
09121. Уильям Грегори («Десять сердец»)
10121. Эрик Уолш («Десять сердец»)
11121. Уолтер Салливан («Святое Успение»)
12121. Питер Уоллс («Пустота»)
13121. Шерон Блейк («Темнота»)
14121. Тоби Арчибольд («Мрак»)

С каждой новой строкой рука, составлявшая список, дрожала всё больше. Айлин едва различила фамилию Арчибольда в вытянутых буквах, которые лезли друг на друга. Список продолжался, но почерк разительно менялся, превратившись в знакомую каллиграфическую роспись.

15121. Джозеф Шрайбер («Отчаяние», «Хранитель Мудрости»)

Красная бумага задрожала в руке. Айлин сжала её пальцами изо всех сил, чтобы не выпустить. И тихо позвала:

– Генри, смотри...

Таунсенд читал записку быстро, проходясь взглядом сверху вниз. На второй половине списка глаз споткнулся о знакомые имена.

16121. Синтия Веласкез («Искушение»)
17121. Джаспер Гейн («Исток»)
18121. Эндрю ДеСальво («Бдительность»)
19121. Ричард Брейнтри («Хаос»)

И последние два, заключённые в кривой прямоугольник:

20121. Айлин Гелвин («Возрождённая Мать»)
21121. Генри Таунсенд («Преемник Мудрости»)

Голова болела невыносимо, до звука пожарной сирены в ушах. Но Джозеф Шрайбер за последние пять-шесть дней успел к ней привыкнуть. Человек сживается со всем: если бы месяц назад так раскалывалась голова, он едва ли смог бы встать на ноги. Не говоря уже о том, чтобы корпеть над своими записями, упершись локтями о рабочий стол.

Список лежал перед ним – наконец-то полный, без пробелов и белых пятен. Джозеф даже испытывал некоторую гордость. Вот он, результат его нелёгких трудов, которые растянулись на полгода. Буквально минуту назад он вписал в список последнее имя – имя Тоби Арчибольда, члена городского совета Сайлент Хилла. Как сообщили по радио, Арчибольд разбился насмерть, свалившись с высокой скалы во время отпуска в Мексике. Несчастный случай, с кем не бывает – вот только почему на спине незадачливого отдыхающего нашли странные цифры, вырезанные прямо на коже?

Джозеф догадывался, почему. Он знал, что за местом Арчибольда в городском совете и репутацией благодетеля ветшающего города скрывается и нелицеприятная сторона. Мало кто в городе смел полагать, что благообразный чернокожий чиновник держит в своих руках узды, управляющие оборотом наркотиков в Сайлент Хилле. Ещё меньше людей было посвящено в то, что Арчибольд имеет полное право называть себя «отцом Арчибольдом» – что он, не кто другой, стоит у руля одной из сект, обосновавшихся в захолустном городе Сайлент Хилл.

Теперь он мёртв. Не спасло его пребывание в жарких мексиканских краях, за тысячи миль от родного городка. Джозефа пробирала жуть, когда он сознавал, насколько стала могущественной власть маньяка Салливана. И ведь Арчибольд далеко не последний в кровавой цепочке – Джозеф был уверен, что в ближайшие дни объявится ещё один труп, пятнадцатый по счёту, с вырезанными на теле цифрами. Уолтер Салливан будет убивать, пока полицейские оболтусы ищут несуществующего подражателя, а единственный человек, знающий всю правду, сидит запертый в своей квартире.

– А может, Мистер Пятнадцатый – это ты, – сообщил Джозеф в пустоту квартиры, устало откинувшись на спинку кресла. – Да-да, господин журналист, вам бы не помешало бы об этом подумать... хорошенько.

Сухо рассмеявшись, он снова склонился над столом, но на этот раз не в состоянии что-то записывать. В глазах двоилось. Чернила в ручке кончились, и тонкая вязь букв стала едва заметной. Джозеф обхватил пульсирующую голову руками и стал раскачиваться вперёд-назад. Со стороны могло показаться, что он пытается заснуть, но на самом деле как раз наоборот – Джозеф отчаянно думал. Не о своём положении (об этом он перестал заботиться неделю назад с последней безуспешной попыткой проломить дверь). Ему нужно было придумать способ как-то передать выясненные знания наружу, где нормальный мир продолжал жить по своим законам. Может, кто-то поймёт записи и попытается предотвратить череду бессмысленных убийств... здесь, в закрытой квартире, витал пагубный дух мира Уолтера Салливана, и знания были бесполезны.

– Ты должен что-то придумать, – Джозеф на мгновение поднял голову, вслушиваясь в собственный голос. – Не стоит отчаиваться.

Но что он может сделать? Айлин на отпуске в Калифорнии, и нет никакой надежды, что кто-то из соседей забеспокоится о нём. Фрэнк Сандерленд время от времени нажимает на кнопку звонка, но он слишком добродушен, чтобы сразу начать выламывать дверь. Наверное, считает, что Джозеф надолго уехал

в длительную командировку. Телефон не работает – спасибо ещё, что радиоприёмник время от времени включается по собственному желанию и сообщает последние новости (например, про смерть Арчибольда). Дыра в ванной пропала две недели назад после похода в Дом Желаний и встречи с заикой, который представился «Д-джаспером Г-гейном». А вторую дыру, в кладовке, в приступе паники замуровал сам Джозеф... когда ему приснился жуткий сон, как из глубин дыры вылезают разложившиеся мертвецы.

По крайней мере, пока он в квартире, он находится в безопасности. С квартирой тоже далеко не всё в порядке, но здесь ещё можно жить. Пусть Салливан считает её своей матерью, но это *всего лишь* квартира – кусок пространства, огороженный четырьмя бетонными панелями, и ничего больше.

Тяжко вздохнув, Джозеф взял со стола книгу в красном переплёте, которого он за последние два дня почти стёр в порошок, перелистывая страницы. Если что и могло ему помочь (не только ему, но и будущим жертвам Салливана), оно скрывалось на этих пожелтевших листах, которые осыпались на глазах. Кто бы подумал, что когда-нибудь он будет читать такую белиберду.

Чтобы остановить Пробуждение Дьявола и вогнать его обратно в Геенну, надобно захоронить клочок плоти Колдуна, совершающего противобожеское действие, в глотке его истинного тела.

Что это может означать?.. Джозеф догадывался, что речь идёт о способе остановить могущественный ритуал, затеянный Уолтером Салливаном – ритуал Двадцати Одного Таинства. Те, кто написал «Багровый том», ненавидели остальные секты от всего сердца, раз даже решились дать на её страницах средство изничтожить то, что воздвигали соперники по вере.

... надобно захоронить клочок плоти Колдуна...

Ну и какой в этом, скажите на милость, смысл? Допустим, тот самый Колдун – это Уолтер Салливан, вознамерившийся совершить ритуал. Клочок плоти от него оторвать не удастся – в своём мире он человек-тень, неуловимый и всемогущий. И где найти его истинное тело? Раскопать могилу на полицейском кладбище? Бред. Джозеф с раздражением бросил книгу обратно на стол и взял другую, в синей обложке. Раскрыл её нарочито грубо, почти вырывая страницы из переплёта. У него были причины ненавидеть книгу – ведь, как ни крути, именно с неё и начался этот кошмар. Со скупых слов, отпечатанных на страницах книги и ставших указующей звездой маньяка. Джозеф рьяно перелистывал страницы, пока не добрался до нужной.

Первое Знамение – и Бог сказал: «Собери вместе Белое Масло, Чёрную Чашу и кровь десяти грешников, чтобы быть готовым к Святому Успению».

«Кровь десяти грешников» – как всё обыденно и сухо, будучи набранным старомодным типографским шрифтом! Долго ли Уолтер Салливан раздумывал перед тем, как пойти убивать первую жертву и извлечь его сердце для своего чёртового ритуала?.. Джозеф скрипнул зубами. С каждым разом, когда он смотрел на этот текст, бессильная злоба пробирала его всё больше. С этим нужно было что-то делать.

Единственное, что смущало журналиста – упоминание о грешниках. Если всё понимать буквально, то первые десять жертв Салливана должны иметь

чёрные пятна на душе. И старый часовщик Грегори, который мухи не обидел за свою жизнь, и брат с сестрёнкой, только начавшие ходить в школу. Грешники. Кое-что Джозеф выяснил сам – например, что скромный бармен Эрик Уолш, убитый в день своего рождения, был отъявленным лихачом и за пять лет до визита Уолтера Салливана насмерть сбил старуху, колеся по шоссе на окраине города. Дело, конечно, было сложное – обстоятельства сложились в пользу Уолша, в конце концов его защитникам удалось на гамаке стоя доказать, что он не превышал скорость. Джозеф в этом сильно сомневался, но суд решил иначе. Уолш отделался лишь денежной компенсацией родственникам погибшей.

Или взять Стива Гарланда, который отличился тем, что неоднократно до полусмерти избивал детей за самую малую провинность. Или Рика Альберта, прямо-таки идеального магазинщика и добрейшую душу, который в молодости привлекался к суду в деле об изнасиловании. Правда, потерпевшая тогда по непонятной причине отозвала заявление, но...

Да и последняя жертва, Тоби Арчибольд, не катил на роль ангела во плоти. Всё так. Но Джозефа сильно беспокоило наличие в списке маленьких детей. Легко было бы всё свалить на то, что Салливан вконец одурел от вида крови первых жертв и начал резать кого ни попадя. Но почему-то вопрос не желал покидать голову Джозефа. Дети. Очаровательная белокурая девочка и такой же белобрысый мальчонка со скобами на зубах. Что с ними было не так?

Второе Знамение – и Бог сказал: «Преподнеси Мне кровь грешников и Белое Масло, разлитое в Чёрный Кубок. Освободись от тяжких оков плоти и обрети Силу Небес. Из Темноты и Пустоты, куда ты попадёшь, следуй во Мраке и подари своё Отчаяние Хранителю Мудрости».

Так или иначе, когда Уолтера Салливана наконец выловили, было поздно. Он успел убить требуемые десять человек и извлечь их сердца. «Освобождение от тяжких оков плоти» он сделал в тюремной камере, воткнув ложку в собственную шею... и получил «Силу Небес».

Эта часть ритуала величалась «Святым Успением». Понимание её смысла пришло Джозефу не так давно, и с тех пор его уже ничто не могло удивить. Раньше он ещё пытался отчаянно выцепить зёрнышки рациональности во всём этом круговороте. Но в тот миг, когда на него снизошло озарение во время энного прочтения текста, он подумал: *Может ли быть так... чисто теоретически... что весь этот ритуал – не просто бредни психически больных культовиков?* Идея показалась ужасающей, и он тут же открестился от неё, обозвав себя последними словами. Но когда первый пыл осел, он снова начал раздумывать, что могла бы представлять из себя та «Сила Небес», которую получил Уолтер Салливан, совершив самоубийство.

Вечное загробное блаженство?

Бессмертие в ином мире?

Прощение грехов?

Или же всё затевалось лишь затем, чтобы безумец получил собственный мирок, пронизанный его большими фантазиями?.. Мир, в котором над лесами Сайлент Хилла вечно светит зловещая красная луна, из станции метро нет и

не будет выхода, а на двери квартиры висят железные цепи? Мир, в основании которого разлита кровь десяти несчастных грешников?

– Ты сошёл с ума, – тогда сказал Джозеф. После стольких дней душного одиночества привычка разговаривать с самим собой прочно вошла в обиход. – Съехал с рельс, выкатил шарики, закрутил винты... вот как это называется.

Сейчас он этого не говорил. Лишь болезненно массировал виски, которые гудели как столбы в ветреный день, и стал читать дальше.

Третье Знамение – и Бог сказал: «Вернись к Истоку, преодолев Искушение сладким грехом. Под Недремностью ока демона ты будешь скитаться в одиночестве в безликом Хаосе. Только пройдя испытание с честью, ты сможешь идти дальше».

Здесь уже начиналась сумеречная территория. Если рассуждения Джозефа о последующих жертвах были верны, то Питер Уоллс был наречён в списке «Пустотой» (горькая ирония: учитывая, что юнец днём и ночью шмалел травку и шатался со стайкой себе подобных, прозвище было идеальным). Одинокая вдова Шерон Блейк, поставившая себе цель разоблачить культ, который свёл её сына в могилу, стала «Темнотой»: её едва узнаваемый труп нашли в озере Толука по истечении трёх месяцев после исчезновения. Джозеф не видел причин, почему Салливан выбрал «Темнотой» именно её: разве что потому, что в знак неугасающей скорби по сыну последний год Шерон одевалась исключительно в тёмные тона.

«Мраком», упомянутым в ритуале, стал Тоби Арчибольд. Учитывая все его неприглядные тёмные стороны (помимо наркотиков, некоторые его приближённые смутно догадывались ещё об одном увлечении Арчибольда – маленькими девочками), Джозеф опять мог только поприветствовать такой выбор.

И что же дальше? Отчаяние? Хранитель Мудрости? Так или этак, на этом вторая часть ритуала должна была завершиться. О «Третьем Знамени» Джозеф пока не думал. Слишком много крови было и сейчас, чтобы заглядывать так далеко. Но он ещё мог отвести из-под занесённого лезвия пятнадцатую жертву, «Отчаяние». Или «Хранителя Мудрости».

Если бы только не сидел запертым в этой коробке.

Джозеф встал и прошествовал в кладовку – просто убедиться, что дыра не вскрылась сама собой и оттуда никто не лезет. Пока ничего не было заметно; массивный шкаф с инструментами по-прежнему загораживал тоннель. Голосов и холода не было. Удовлетворённо кивнув, Джозеф отправился обратно. По пути сполоснул пересохшее горло водой из крана. Вода была тёплой и ржавой, с солоноватым привкусом; с тех пор, как на дверях появились цепи, только такая и текла. Сначала Джозеф не желал её пить (благо голод и жажда притупились за последние дни), но потом махнул рукой. Если ему суждено умереть в квартире 302, то явно не из-за отравления ржавой водой.

Он снова уселся на кресло и вытащил из ящика стола новую ручку. Вырвал из красного блокнота ещё один листок и положил перед собой. Нужно просуммировать и всё то, что он выяснил за полгода, и внятным языком

перенести на бумагу; главное, держать себя при этом в руках – а то Джозеф заметил, как изо дня в день рука и него трясётся всё больше, и некогда идеальный журналистский почерк становится похож на каракули второклассника.

– Начнём, – сказал Джозеф.

Он приложил кончик руки к бумаге. Начал старательно выводить первую букву, когда расслышал тихий, но ясный шорох. Не где-то в кладовке или спальне, а здесь, в гостиной.

Оцепенев, Джозеф медленно поднял голову.

Шорох правда был – и становился громче. Вперемешку с ним раздавались звуки, будто через горный гранит пробивает дорогу к солнцу орда исполинских цветов. По стене побежали трещины. Треснули обои в трёх местах, как папиросная бумага. Стена зашаталась, расплылась, расцветая багровыми узорами, из которых текла кровь.

Джозеф откинулся назад на кресле, ручка выпала из пальцев. Багрянцы на стене расширились – если задержать взгляд на них, они начнут метаться вверх и вниз, пульсируя, как желток на сковороде. Кровь побежала струйками вниз, коснулась пола. И наконец, из-за красного пузыря, раздувшегося на стене, показалась рука – с серыми кривыми ногтями и истлевшим воротом чёрной рясы. Рука схватилась за стену, оттолкнулась вперёд, вытаскивая на свет божий лысую голову с разинутым ртом. Голова мелко тряслась, как в припадке эпилепсии. Кожа сморщилась и отслоилась кое-где, но Джозеф всё равно узнал его. Он слишком много раз смотрел на черно-белые фотографии этого человека, чтобы не узнать сейчас. Когда-то вылезающее из стены существо носило имя Джим Стоун, он был предводителем так называемой «школы Валтиеля», ещё одного культа из городка Сайлент Хилл. Но гораздо он был известен в городе как «Красный Дьявол» – из-за красного капюшона, который казался неотделимым от его лысой головы. Именно Стоуну выпала честь стать первой жертвой Уолтера Салливана.

Мертвец вылезал из стены судорожными толчками, раскидывая по полу мутную жидкость вперемешку с белыми кольчатыми червями, а Джозеф Шрайбер всё не мог сдвинуться с места – он сидел на кресле у столика и остоленело смотрел на невозможное зрелище, и в голове глухо стучала только одна мысль: что он, похоже, уже знает, кого Уолтер Салливан выбрал Отчаянием – или Хранителем Мудрости.

4

Генри ещё корпел над бумагами, выискивая крупницы полезных сведений, когда Айлин встала и направилась по коридору в сторону спальни, не говоря ни слова. Генри не стал удивляться, полагая, что ей нужно в туалет. Потом только вспомнил, что в этом мире, собственно, туалеты были лишним элементом интерьера.

Уолтер Салливан родился в квартире 302 – теперь я выяснил это достоверно. Фрэнк Сандерленд утверждает, что в этой квартире около

тридцати лет назад жила молодая чета, которую все считали братом и сестрой – Питер и Вирджиния Уэльс. Неизвестно, зачем им понадобилось о себе лгать, но с появлением ребёнка эта легенда, понятное дело, грозила разлететься в пух и прах. В последние месяцы беременности Вирджиния, по словам Фрэнка, ни разу не показывалась на людях. Они убежали той же ночью, когда родился ребёнок – многие постояльцы слышали детский плач в ту ночь, и наконец разбудили Фрэнка. Он поднялся на третий этаж, открыл дверь квартиры своим ключом...

– Генри? Можешь подойти сюда?

Айлин растерянно стояла в конце коридора между двумя дверями, одна из которых вела в спальню, а другая в ванную с туалетом. Часть стены в конце коридора выглядела, словно по ней прошла балка одной из тех машин для сноса домов. Бетон вмялся внутрь и почернел; на поверхности появились круговые трещины, в тусклом огне свеч напоминающие чёрную паутину. Но удар был не один – круглые следы отпечатались на стене тут и там, покрывая её сплошь.

– Что это такое? – спросила Айлин.

– Не имею понятия, – Генри осторожно потрогал разрушенную стену. Застыло и замёрзло, как всё в этой квартире. – Может, Джозеф пытался выйти из квартиры через стену?

– Ты думаешь, это сделал он?

Генри представил себе, как этот крепкий лысеющий мужчина исступлённо бьёт киркой о бетон, пытаясь обрести желанную свободу. И снова услышал стучащий звук, перебивающий рассказ Джозефа – *бум!.. бум!..*

И ведь почти удалось. Ещё два-три удара, и стена бы обвалилась. Что его остановило?

– Генри, по какую сторону ванная?

– А, что? – он оторвался от мыслей. – Да-да, вот... дверь справа.

– Там появилась первая дыра?

– Да, – сказал Генри и вдруг почувствовал холодящее шевеление в груди. – Ты думаешь... она всё ещё там?

Вместо ответа Айлин молча ткнула ладонью в дверь ванной. *Яркая вспышка, алый свет расползается под её рукой, высвечивая «Нимб Солнца».* Генри зажмурился, отгоняя наваждение. Когда открыл глаза снова, Айлин, очень бледная, смотрела вперёд. Дверь ванной была распахнута; Генри увидел такой знакомый маленький мирок, обложенный кафелем, матово поблескивающим в пламени единственной свечи на раковине. В сумбурном освещении белая эмаль выглядела серой; но что не могло отменить любые свечи или лампы – это бездонную чёрную пасть гостыи, которая давно поселилась на стене между раковиной и унитазом. Дыра была здесь, шире и совершеннее, чем когда бы то ни было. Голоса в ней умолкли, не смея тревожить тишину в квартире.

– Это она, – механически произнёс Генри. По ванной пронеслось мимолётное шевеление воздуха, словно внутри дыры кто-то глубоко вздохнул.

Айлин опять держалась за его руку, будто перед ними появилось очередное чудовище:

– Куда она ведёт?

– Должно быть, в настоящий мир, – сказал Генри. – Хотя теперь я не уверен даже в этом.

– Ты хочешь сказать... если мы залезем туда, то проснёмся? Окажемся на своей кровати? – в вопросе прорезалась робкая надежда. Теперь она смотрела на дыру новыми глазами – не со страхом, но с благоговением. Может быть, в поисках *этого* они и прошли все этажи фантасмагорической высоты?.. Лазейки в плотной ткани кошмара, которая позволит им выбраться?

Генри молчал, сохраняя мрачную физиономию. Айлин так и захотелось ударить его наотмашь со всего маху по лицу: за эту его убийственную невозмутимость и спокойствие. Почему он не может всего лишь разомкнуть губы и сказать, что да, так всё и будет? Почему никогда не может чуточку соврать, даже если ложь способна породить надежду?.. Ну что ему стоит?

Таунсенд посмотрел на неё, оторвавшись от чёрного зрачка дыры, который завлекал, как магнит. И, – невозможное возможно, – на губах проявилось нечто наподобие озорной улыбки.

– Что же, попробуем зайти?

– Ну, – нервно сказала она, – хуже, я думаю, всё равно не будет, так что можно попытаться. – И выдала смешок, взглянув на руки, которые обрели ярко-алый полосатый оттенок. Да уж, хуже точно не будет.

Генри подошёл к дыре вплотную, заглянул внутрь, ощупал стены. Ничего. Ни детского плача, ни морозного ветра. Это ему не нравилось. Уж слишком был похож разинутый рот на капкан для глупых зайчиков.

– Айлин, – он обернулся, – давай договоримся. Если дыра и вправду выведет нас отсюда... скорее всего, я окажусь в своей квартире, а ты очнёшься в госпитале. Я видел, как тебя увозили на машине, так что это очень вероятно. Я хочу попросить: скажи им, что дверь моей квартиры нужно выломать. Расскажи обо всём, что видела. Если они не поверят, пусть наведаются с ломом или чем-то ещё. Там и проверим, бред ли это или реальность. – Он невесело улыбнулся. – Идёт?

– Идёт, – она кивнула. Чёткие, отрывистые слова вселяли надежду. Желание отвесить оплеух Генри пропало. *Всё будет хорошо*, приободрила Айлин себя. Но не удержалась и спросила:

– А если она приведёт нас куда-нибудь в другое место?

Улыбка Генри померкла.

– Тогда придётся разбираться на месте. Но очень хочется надеяться, что это будет не так.

Залезли они быстро и без особых церемоний; сначала в проём забрался Генри, как опытный путешественник по тёмным тоннелям. Затем он помогал Айлин, поддерживая за руку, пока она взбиралась в дыру следом. В узком

пространстве не оказалась света — они загораживали его своими телами. Приходилось просто слепо ползти вперёд, задевая затылком верхний край тоннеля. Генри продвигался медленно, соответствуя скорости Айлин. Её раненая рука натывалась то на одну стенку, то на другую, поэтому ей было неудобно; к тому же Айлин, не привыкшей к подобным марш-броскам и с детства ненавидящей темноту, казалось, что их закупорили в бочке из-под солёной рыбы. Воздуха в тоннеле было достаточно, но на шее словно лежали чьи-то пальцы, медленно сжимающиеся в удушающем захвате. Айлин дышала глубоко и ровно; пару раз даже откашлялась, чтобы убрать неприятное ощущение в груди, но лучше не стало. Единственная надежда заключалась в скором окончании этого издевательства — а для этого нужно было проталкивать себя вперёд, несмотря на страх, усталость и пот.

Господи, сделай так... чтобы я проснулась... и всё кончилось...

Она не знала, слышит ли Бог эти прерывистые молитвы, но повторяла про себя снова и снова с каждым толчком вперёд. Тоннель сужался — голова натывалась на камень всё чаще. И никакого света впереди, никакого изменения. Как начало вечной прогулки во тьме.

Всё... кончилось... пожалуйста...

Отблеск свечи ещё виден или нет? Она не могла повернуть голову: слишком тесно. Но надеялась, что крохотный огонёк ещё колыхается там, далеко позади, потому что если погаснет и он, они оба окажутся в кольце полной темноты, которая поглотит их, как змея — мышонка...

И тут что-то произошло. Айлин услышала, как Генри приглушённо вскрикнул и тут же замолчал, словно ему сдавили трахею. Через долю секунды она и сама почувствовала это — ощущение, будто на них накатил волна чёрной вонючей жидкости, и накрыла с головой. Жидкости не имела цвета, плотности и веса, но она топила их в себе, превращая тоннель в канализационный сток, вдавливая их в темноту. Она была везде — они проникли слишком далеко в темноту и оказались в её безграничной власти. Так думала Айлин, захлёбываясь чёрной маслянистой субстанцией, чувствуя, как руки отказываются её держать, и она падает лицом вниз вслед за Генри. Но странно — стены тоннеля куда-то исчезли. Вместо того, чтобы приложиться лбом о камень, она улетела куда-то вниз, где ночь была ещё непригляднее, и в тёмном вакууме носились светящиеся зелёные цифры. Сначала маленькие, потом больше — наконец, совсем близко от ошеломлённой Айлин выскочила ядовитая зелень числа 20 и пленила её полностью, не дав даже закричать.

6

Темнота была зелёной. Генри сам не понимал, как такое возможно. Тем не менее, это нельзя было отрицать. Он раскачивался в море тёмной зелени, как повешенный преступник, и ждал пробуждения. Долго ждал — почти вечность, все мышцы успели превратиться в сухую пеньку, прежде чем над головой не рявкнул телефонный аппарат, вытягивая его из сновидения, как мяч на резинке.

Он открыл глаза. Увидел над собой остановившиеся лопасти вентилятора и судорожно развернулся. Но там была пустующая кровать, на которую легла недельная пыль. Небо за окном по-прежнему в тучах, и моросит мелкий дождь, оставляющий прозрачные капли на стекле окна.

Айлин не было. А телефон всё так же яростно трезвонил, требуя поднять трубку, как в то утро, когда в ванной появилась дыра. И перерезанный провод змейкой волочился по полу.

Дзиньк!.. Дзиньк!..

Ничего не понимая, Генри приподнялся на кровати и снял трубку. Пальцы повиновались с трудом, как деревянные.

– Алло? – он не узнал собственный голос.

– Куда ты надеешься убежать? – скорбно спросила трубка хорошо поставленным мужским голосом. – Я всё равно слежу за тобой. Я следил за тобой *всегда*, с самого первого дня.

– А?.. – Генри протёр лицо ладонью и поморщился от солёных покалываний на коже. – Кто это?

Вместо ответа собеседник разразился весёлым смехом. Наверное, такой искренний смех мог бы быть заразительным, но у Генри тут же отшибло всякие предпосылки к веселью.

– Я слежу за тобой, – благожелательно повторил Уолтер Салливан, вдоволь посмеявшись. Генри сжал трубку до хруста. Открыл рот, чтобы что-то сказать, но не нашёл слов и швырнул трубку вместе со всем аппаратом на пол, где они прокатились пару футов, позванивая рычагом.

Генри присел на кровати, испытывая острое дежа-вю. Разве не так всё началось – с серого пасмурного утра и телефонного звонка, перевернувшего и без того шатающийся мир? Теперь он снова сидел на постели, закрыв горящее лицо ладонью, как в то утро – но тогда рубашка его не висела бесцветными лохмотьями, шея не отдавалась болью при каждом движении, и в волосах не засохла кровь. Раны не пропали, хоть он и проснулся.

Он встал, преодолевая тошноту, небрежно пнул разбитый телефон и вышел из спальни. В коридоре было темно, лампа не работала; в воздухе ощущалась какая-то свинцовая тяжесть, мешающая дышать. С каждым вдохом в лёгкие словно просовывали колючую проволоку. Генри прошёл в гостиную. И, конечно, первым делом посмотрел на дверь.

Цепи не пропали. Всё такие же чёрные, холодные и всеильные, они опутывали дверь подобно змеям. Генри отвернулся от них и посмотрел на квартиру. Вроде бы всё осталось на своих местах... и вентилятор лежит на полу, и фотографии на стенах, и телевизор... но всё-таки здесь что-то поменялось. Какая-то неуловимая миллиметровая перестановка – человек, проживший здесь два года, мог это чувствовать, даже не зная, что именно.

Где сейчас Айлин, думал Генри, глядя в белое окно. Как хочется верить, что она очнулась в госпитале, и сейчас к ней уже сбежался персонал. *Она очнулась, она вышла из комы!* Но этот звонок... смеялся ли бы Уолтер так беззаботно, упусти он одну из последних жертв? И почему в его голосе слышно такое самодовольство?.. Не хотелось строить предположения. Единственное, что

было в силах Генри сейчас – ждать. И надеяться на лучшее. Если всё прошло, как он думает, Айлин расскажет им, и скоро сюда съедется целая бригада спасателей – ломать дверь. Ломать. Дверь. Слова перекатывались на языке приятной сладостью. Они обрушат её, откупорив эту чёртову темницу – если понадобится, даже динамитом. Или большой киркой, под которой обращается в пыль всё...

Киркой.

Медленно, словно боясь кого-то испугнуть, Генри развернулся в коридоре. Внимательно посмотрел на пустой участок стены, которым он кончался. Ни трещинки, ни изъяна не было на обоях в том месте, куда Джозеф так исступлённо колотил киркой. Генри поднял руку и стукнул кулаком о боковую стену. Тихий, глухой звук, словно ударили по мешку с песком. Он ударил ещё раз – на этот ту часть стены, что находилась перед ним. Звук удара отличался, он был более громким и уходил волнами на боковые стены, заставляя их неслышно загудеть. Это могло означать только одно. Стена здесь была тоньше.

7

На то, чтобы пробить в стене продолговатую брешь с неровными краями, ушло чуть меньше часа. Генри работал не покладая рук: с первых ударов стало ясно, что стена долго не продержится. Бетон с готовностью отслаивался под ударами лома, словно его держали несколько лет в воде. Возбуждение Генри достигло предела: он бил и бил ломом, не чувствуя, как болят усталые мышцы. Меньше всего ему хотелось бы увидеть в результате своих стараний очередную бездонную дыру, приглашающую в новый кошмар. Это было выше его сил.

Но вот в стене появилась первая большая трещина, обнажившая черноту за бетоном; и в этот миг из трещины в коридор хлынула вонь. Да такая, что Генри тут же выронил лом и с проклятьями отскочил назад. Хуже, чем испортившаяся рыба, хуже, чем тухлые яйца; вонь буквально вбивалась в мозг, парализуя разум и тело. Дальше работа пошла гораздо хуже – Генри приходилось то и дело отлучаться в гостиную «подышать воздухом». Хотя скоро невыносимый запах добрался и туда, заполонив всю квартиру. Генри не мог себе представить, какой концентрации достигает запах там, за стеной; он старался об этом не размышлять и продолжал работу, широкими ударами кроша стену.

Последним жестом обвалился большой кусок бетона, больше не в силах терпеть сотрясающую его агонию; Генри поспешно положил лом на пол и прикрыл руками нос. Теперь не осталось сомнений, что за коридором находилась потайная комната. Комната без света, источающая многомесячный трупный запах. Комната, замурованная задолго до того, как он поселился в квартире.

Тёмная комната, отстранённо подумал Генри, с опаской просовывая голову в проём. Но так он ничего не видел; серое смешалось с чёрным, образуя

неразличимую жижу. Нужно было пролезть внутрь и проверить, что там такое находится. Одно Генри мог сказать твёрдо: в комнате был спрятан чей-то труп. В его такой знакомой и родной квартире 302.

Он пролез в комнату, задержав дыхание, с часто бьющимся сердцем – сначала голова, потом плечи, которые едва протиснулись в проход. Едкая пыль взвилась в воздух, как только он ступил на пол. Он по-прежнему ничего не видел, поэтому решил продвинуться дальше, чтобы не загораживать свет. Вроде бы по правую руку стоял большой деревянный шкаф с полками. Полки большей частью были пусты, но на нижних Генри увидел какие-то ящики и белые флаконы с моющим средством. Воздух в лёгких закончился, и пришлось коротко хлебнуть отравленный трупным ароматом воздух. Источник вони был совсем близко. От запаха Генри стало дурно; он схватился за шкаф, чтобы не упасть на зашатавшийся пол. Кончиком пальца задел один из флаконов, и тот с готовностью грохнулся на пол. Жёлтый колпачок слетел с горлышка и покатился в глубину комнаты с весёлым постукиванием. Генри следил за её путешествием замутнённым взором. Крышка плотно легла на пол, ударившись о большую стойку у дальней стены. Генри поднял взгляд.

Спазматический вздох. Смердный запах наполнил каждую частичку тела.

– Господи, – только и успел сказать он, прежде чем желудок завертелся юлой в животе, взмывая наверх. Учítывая, что Таунсенд не брал в рот ни крошки в течение нескольких дней, случившееся после этого можно было назвать невероятным событием. Он поднёс трясущиеся руки к горлу, упал на колени и склонился в рвотных порывах.

8

Человек был, и он никуда не ушёл. Он был здесь всё время. Он по-прежнему смотрел на потолок заплесневелыми глазами, когда Генри осмелился второй раз поднять глаза. Тело было прикручено стальной проволокой к стойке, которая была смастерена вручную из старой металлической кровати. Человек висел над полом, прикованный к гротескному подобию креста. Тело разложилось и стало желевидным; одежда истлела, и теперь синий плащ мог таковым называться лишь номинально. Длинные волосы висели чёрной шерстью, кое-как крепясь к коже, покрывающей череп. Руки, которые в локтях пробивала проволока, тянулись вперёд и так застыли.

Несмотря на только что опорожнённый желудок, Генри затошнило снова. Но на этот раз он кое-как удержался и начал вставать с колен. Жёлтый колпачок лежал под оголёнными ступнями мертвеца в давно засохшей чёрной луже. На левой ноге виднелись расплывшиеся цифры: 11121.

Это... Уолтер Салливан? Это он?

На ум пришёл приглушённый голос Джозефа, который бесстрастно утверждал: *Найдите его истинное тело... Я чувствую, оно лежит где-то близко...*

Как Уолтер Салливан здесь оказался? Что это за комната? Что, чёрт возьми, тут происходит?.. Генри сглотнул слюну. Распятый человек, казалось,

нахально усмехался, глядя мимо: *Я-то всё знаю. Но вот не скажу.* Сбоку у его ног стояли стеклянные банки, бурая жидкость в которых давно превратилась в порошок. Генри посмотрел направо, потом налево, готовясь к худшему. Но трупов больше не было. Слева стоял обычный кухонный стол, и на нём были разложены толстые книги, покрытые пылью. А слева, на низкой деревянной подставке, стоял большой чёрный кубок (Генри сразу вспомнил Джаспера, который кричал, держа такой же кубок в руке), а рядом лежал нож. Огромный, больше похожий на пилу-ножовку. Подставка была щедро окроплена давней кровью, и высохший красный ручей тянулся к распятому человеку.

Что, скажите на милость, он тут делал?

Генри почувствовал, как голова трескается по швам — от вони и непонимания. Вопросы множились, как снежный ком, заполняя тесную комнату, делая свет темнее. Генри сделал шаг назад, чтобы бежать со всех ног от гиблого места, когда заметил, что протянутая вперёд правая рука трупа что-то сжимает в кисти. «Что-то» было очень похоже на большую связку ржавых ключей. Словно последним желанием мертвеца стало, чтобы тот, кто войдёт сюда, забрал эти ключи.

Цепи. Цепи на двери. Там ровно такие же замки...

Внутренности снова смешались в кашу, но Генри совершил этот подвиг. Закрыв глаза, задержал дыхание, мысленно забил ватой ушные раковины — и пошёл вперёд, к приветливо протянутой кисти. Он пережил ужасное мгновение соприкосновения с засохшей кожей, когда казалось, что Уолтер Салливан жив — он лишь обманул его в который раз, чтобы убить, на этот раз уже раз и навсегда... Рука шевелилась? Нет. Да. Генри не стал искать точного ответа, просто лихорадочно выхватил связку и бросился назад, не видя света. Ключи радостно клацали, когда бились друг о друга; они не перестали звенеть, когда Генри протискивался через проём, раздирая последние остатки рубашки, они звенели, когда он бежал в гостиную к двери. Лишь когда он трясущимися пальцами вставил первый попавшийся ключ в чугунный замок, держащий цепь, бряцанье стихло... стихло внезапно, словно ключам отрезали голоса. Чувствуя, как в глазах двоится, а сердце выбивается из ритма, Генри повернул ключ. Сначала он упирался, и ему начало казаться, что из этой затеи ничего не выйдет... но потом, словно бы нехотя, замок щёлкнул, позволив ржавому ключу совершить оборот. Цепь испустила смертельный визг, когда удерживавший её подвес канул в Лету — и медленно сползла массивной тушей на пол, где осталась лежать.

Щелк. Клац. Щелк. Клац. Цепи срывались одна за другой, скатывались на пол звено за звеном, освобождая дверь от своего гнета. Генри и не знал, что их так много. Не меньше дюжины. На лбу выступил холодный пот, в глазах сверкали искры, и он внезапно подумал, что вполне может сейчас заработать инсульт. Скорее выбраться. Выйти из этого плена, выбежать на улицу — и

стремглав в госпиталь, провести Айлин. Со всем остальным можно разобратся потом. Потом...

Последняя цепь. Она нерешительно закачалась, балансируя на железной скобе, когда со щелчком раскрылся замок. Как будто не хотела открывать путь наружу. Генри схватил цепь рукой и с остервенением стянул вниз. Тяжело дыша, он отошёл на шаг и посмотрел на дверь. Без цепей, без замков; в своём чистом, первозданном виде, который уж забыт. Дверь была прекрасна без чёрных извилин, пересекающих её вдоль и поперёк.

Темница рухнула, пусть без звука горна или рога. Генри взялся за ручку и осторожно протолкнул дверь вперёд. Она открылась без всякого сопротивления или шума – ровно так, как открывалась все два года до безумного утра. А вот и обычный коридор – серая стена, на ней отпечатались следы детских ладош. Как много... Раньше ведь их было меньше, он точно помнил.

Генри Таунсенд переступил за порог квартиры 302.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ДВАДЦАТЬ ОДНО ТАИНСТВО

Глава 1 В кроваво-красном

1

Дождливым воскресным вечером городок Эшфилд, что в штате Массачусетс на северной части Соединённых Штатов, завершал свой обычный день. Вспыхивали и гасли огни, в ресторанах и барах собирались шумные толпы; большинство людей зажимало под мышкой сложенные мокрые зонты. Темы разговоров не отличались разнообразностью и в итоге

тем или иным концом упирались на разгулявшееся ненастье. Осень бывала и более жестокой, но такой мрачной и угнетающей поры не помнили даже старожилы. Фрэнк Сандерленд был одним из старожилков – но кроме того, он был ещё и владельцем дома на аренду. Плохая погода оборачивалась для него, помимо темы для судачеств, угрозой протекающей кровли и недостаточного тепла в квартирах жильцов.

Он лежал на кровати, задумчиво глядя в незанавешенное окно, где сияла вывеска отеля на той стороне улицы. Настроение было отвратительное. С тех пор, как из жизни исчезли жена и сын, Фрэнк вроде бы привык к постоянной меланхолии, но сегодня мрачные думы собрались доконать его всей армией. Начиная от зверского случая в квартире 303 и кончая воспоминаниями многолетней давности, которые, казалось бы, забыты раз и навсегда.

Как было хорошо всего-то пяток лет назад, с грустью подумал Фрэнк. Лежал бы он в то время вот так, уставившись в мокрое чёрное окно, воскресным вечером?.. Нет, конечно. Он поднялся бы в квартиру сына обсудить последние новости, спросить его о работе; или смотрел бы телевизор вместе с женой – одну из вечерних викторин, которые им так нравились. А теперь – что осталось? Только четыре стены да темнота, окружившая квартиру плотной осадой. Остаётся только лежать и пытаться заснуть, отлично зная, что до полуночи сомкнуть глаза не удастся. Нельзя даже выйти проведать жильцов: после убийства Ричарда и нападения на Айлин постояльцы крепко-накрепко запираются по вечерам. Две семьи уже дали ему понять, что они скоро съедут в другое, более безопасное место. Фрэнк их понимал, но и ощущал новую пустоту внутри себя, видя, как они мямлют, подбирая слова. Жильцы уходят. Судьба вознамерилась отобрать у Фрэнка даже их, оставив его совсем одного. Не насытилась она тем, что лишила жену и сына.

Почему я всё время думаю о Джеймсе, как о мёртвом, удивился Фрэнк. Он вполне может быть жив: то, что однажды утром он уехал вместе с женой, и с тех пор их никто не видел, не означает, что их нет в живых. Тела ведь не нашли. *Ничего* не нашли. Может, молодожёнам просто надоело сидеть под боком у любопытного папаши, и они решили расправить крылья... махнуть, скажем, в Мексику или Канаду. И пока он лежит на кровати, Джеймс попивает текилу в одном из баров. Какая яркая картина: смазанные огни ламп, немолодая грузная барменша, и пузырьки воздуха, застрявшие на дне стакана с текилой.

Фрэнк вздохнул и перевернулся на другой бок. Ладно, он ещё может тешить себя тщетными иллюзиями о счастливой жизни сына... но Флора ушла бесповоротно. Хотя бы в этом не сомневался. Её не стало тем жарким летом, когда они ездили семьёй отдыхать в Тэ-Эр. Фрэнк сам видел, как она умирала под палящими жёлтыми лучами, и слёзы, такие же жёлтые в солнечной пляске, смешивались с водами озера. С того лета он ни разу не подался в Мэн, стал люто ненавидеть этот штат.

Вывеска отеля мигнула. Три раза, подобно сигналу Морзе: раз, раз-два. Затем свет восстановился, как ни в чём не бывало. Фрэнк подумал, что получится весёлая картина, если в довершение всего в квартале отключат

электричество. Время от времени такое бывало, особенно в прежние времена. Их район относился к спальным, а северный климат в Эшфилде никто не отменял – линии передач зимой иногда не выдерживали. *Пфф...* – и вязкая темнота, впору зажигать свечи.

Думы Фрэнка постепенно перетекали в одну из ночей без света – в ночь, которая запомнилась надолго всем, кто жил в его доме. Это было около тридцати лет назад, когда Джеймс ещё не родился, а у него на голове не было седых волос... Дом был новенький, отгроханный пару лет назад; Фрэнк холил и лелеял его особенно ревностно. В ту пору он был готов по первому зову вскочить посреди ночи и помчаться по этажам, проверяя: всё ли в порядке с его детищем? Может, стоит белить стены и потолок? Или выметать мусор на лестничной площадке? Флора над ним посмеивалась, но без издёвки. Она понимала его. Было в ней такое удивительное свойство.

В ту ночь его разбудил беспокойный гвалт в коридоре, потом раздались торопливые шаги, которые направлялись к его квартире. Фрэнк присел на кровати. Когда Флора шевельнулась, он положил ладонь на её грудь:

– Спи, милая. Я сам разберусь...

В дверь зазвонили. Наспех накинув на себя брюки и рубашку, Фрэнк прошествовал в прихожую и открыл дверь. Силуэты людей, толпящихся в коридоре, казались чёрными тенями.

Они сказали, что на третьем этаже правого крыла происходит что-то странное. А именно – в квартире 302. Прежде чем Фрэнк открыл рот, чтобы спросить, о чём они толкуют, толстяк Эрик Вебер с квартиры 301 выпалил:

– Ребёнок. Там слышно, как плачет ребёнок. Я ходил полчаса назад в квартиру, и Питер едва не вытолкнул меня вшей. Он не в себе.

– Ребёнок? – мысли спросонья не укладывались в голове.

– Он самый. Богом клянусь. Заливается, как соловей.

Они поднялись вверх всей гурьбой по тёмным коридорам. На втором этаже Фрэнк, холодея, услышал захлёбывающийся плач. Ребёнок ревел, делая секундные паузы между выкриками. Словно прислушивался, не идёт ли кто-то на его отчаянный зов.

– Боже мой, – сказал он, – что это может быть?

Жильцы хмуро покачали головами.

Дверь квартиры 302 была закрыта. Табличка белела в мутном свете, как бельмо на глазу. Фрэнк поморщился от нездоровой ассоциации и постучал в дверь костяшками пальцев:

– Питер? Вирджиния? Это я, управляющий Фрэнк! Что у вас происходит?

Молчание. То есть не молчание, конечно, а непрерывный плач, сотрясающий дом. Так плачут только новорождённые. У Фрэнка не было тогда детей, но он в детстве ухаживал за младшими сёстрами и знал, как это звучит.

– Мистер Уэльс! – позвал он, вытаскивая из кармана связку ключей.

– Открывай, Фрэнк, – взволнованно прошептал Вебер за спиной. – Только осторожно, Питер совершенно съехал. Сам он не отворит.

– Я был бы признателен, если бы все остались здесь, – холодно изрёк Фрэнк и вставил ключ в замочную скважину. Прежде чем повернуть его, он почему-

то потянул дверь на себя. То ли интуиция, то ли ему показалось подозрительным, что ключ вошёл слишком легко... Так и есть: дверь поддалась. Она была не заперта.

– Чёрт-те что, – вырвалось у него.

– Он был заперт! – воскликнул кто-то. – Перед тем, как спуститься, я проверял. Он был заперт, и внутри были люди, я слышал их!

– Оставайтесь здесь, – Фрэнк шагнул внутрь. Толпа стала с любопытством заглядывать внутрь, но света в квартире не было, и никто не смог ничего различить. Только Фрэнк, который прошёл на середину, увидел, какой страшный беспорядок царит в квартире: вываленные на пол вещи, перевёрнутый стул, одежда гроздьями лежит на полу... У него не было времени разбирать этот бардак. В спальне исходил криком маленький ребёнок, и он направился туда по короткому коридору.

Он лежал на кровати сморщённым комком, не спеленованный, абсолютно голый. И неистово брыкался руками-ногами. Тусклый лунный свет делал кожу младенца серебристой, лишь зияет разинутый в плаче провал рта. Вся постель разворошена, подушка лежит на полу; там же валяются большие стальные ножницы, раскрытые буквой Х. Фрэнк подошёл к кровати, ощущая себя, как в плохом сне. Ребёнок продолжал яростную канонаду.

– Господи, – потрясённо сказал Фрэнк. Он увидел воочию, как лихорадочно собираются Вирджиния и Питер, бросая в чемоданы всё, что попадаете под руку. Потом, когда любопытные соседи отошли за управляющим, оба рванулись вниз по пожарной лестнице. И сейчас наверняка далеко от дома, где осталась крохотная жизнь, что должна была принадлежать им.

Кто они такие? Почему они говорили, что они брат и сестра?

А потом – крамольный вопрос, который вонзается острыми зубками в сердце: *Может, они ДЕЙСТВИТЕЛЬНО брат и сестра?*

Как бы то ни было, теперь их в квартире 302 не было, И Фрэнк не думал, что эта странная парочка вернётся. Он наклонился над тёплым комком и попытался поднять его на руки. Ребёнок весь трясся, как в лихорадке. Морщинистое личико, как у старика; глаза плотно закрыты, словно он не желает видеть этот новый для него мир.

– Малыш, – вслух сказал Фрэнк, – что с тобой делать-то?

Но, конечно, втайне он уже знал, куда отправится ребёнок. Он отнесёт его в дом для подкидышей, там младенца определят в один из сиротских приютов неподалёку; стандартная схема судьбы всех тех, кого родители не захотели растить. Года три назад, может, Фрэнк бы и решил усыновить мальчугана сам, но теперь они с Флорой ждали своего ребёнка (если будет мальчик, то Джеймс, если девочка, то Клэр, в честь прабабушки). Так что путь у карапуза был один. Он продолжал извиваться змейкой в его руках и плакать.

– Пойдём, малыш, – сказал Фрэнк и пошёл к выходу. Там его ждали взволнованные жильцы, и каждый счёл своим долгом заглянуть в лицо малышу.

– Что это? Откуда?... Что там случилось, Фрэнк?

– Питер и Вирджиния ушли, – устало сказал он. – Вряд ли они вернутся. А это – их ребёнок...

В наступившем внезапном молчании он прошёл между людьми, уходя в свою квартиру. Ребёнка нужно было худо-бедно спеленовать и накормить. Он надеялся, что Флора что-нибудь придумает.

Это было тридцать лет назад; теперь всё кажется сном в розовой дымке. Фрэнк так и не узнал, куда отослали брошенного мальчика. В доме для подкидышей сказали, что они не имеют права сообщать это никому. На том малыш прекратил для него своё существование.

Было в этой истории одно «но», которое было личной тайной управляющего Сандерленда на протяжении третьего десятка зим. На следующее утро после той ночи Фрэнк поднялся в квартиру 302, чтобы навести там порядок. Работал долго, возвращая квартире первозданный безликий облик, чтобы подготовить её для нового жильца. Когда он начал собирать грязное постельное бельё с кровати, то заметил кое-что, не виденное им прошлой ночью. Бледно-розовый шнур лежал на одеяле, свернувшись калачиком – пуповина, которая соединяла мать и ребёнка. Теперь они разошлись в разные стороны, и только этот розовый шнурок был свидетелем их бывшего единства. Фрэнк осторожно зажал пуповину рукой в перчатке и опустил в целлофановый пакет. Выкинуть пакет в мусор не поднималась рука. Ему казалось, что это будет кощунством – отправить на съедение бродячим псам то, что являлось частью общего тела матери и ребёнка. Вместо того, чтобы отправиться в корзину, пакетик перекочевал в карман его брюк.

Когда он спустился в свою квартиру, то застал её пустой. Флора ушла за покупками, и вернётся не раньше чем через час. Фрэнк постоял в середине гостиной. Пакетик давил на карман, как свинцовая пластина. Несколько раз Фрэнк подходил к двери кухни, где стояло мусорное ведро, но всё-таки не решился. Он положил пакетик в картонную коробку из-под швейного набора и засунул на дальний угол шкафа с инструментами. Здесь Флора рыться точно не будет, и чёртова пуповина может пролежать сколько душе угодно. Выпустив коробку из рук, Фрэнк почувствовал невероятное облегчение, словно избавился от змеи, обвивающей его шею.

Позже, за ужином, он едва не рассказал жене о своей выходке, даже приоткрыл рот – и через секунду услышал свой голос, просящий передать ему солонку. *Нет*, подумал он, *она не поймёт*. Фрэнк сам не понимал, что сподвигло его на странный поступок. Сейчас это казалось удивительной нелепостью: хранить отрезанную пуповину у себя дома! Шизофрения, да и только.

Но прошла неделя, месяц... наконец, год. Фрэнк свыкся с тем, что в шкафу лежит клочок чужой плоти. Это уже не казалось ему ужасающим. Пуповина засохла, напоминая трупик змейки, и розовый оттенок сошёл с неё. Хорошо хоть, не начала вонять. Флора так и не узнала, что за вещь лежит в их доме на верхней полке шкафа. И почему-то первой мыслью Фрэнка, когда он сидел на песках озера Тёмный След и гладил умирающую жену по голове, было: *Она не узнала. И не узнает...*

Теперь, лёжа на холодной постели один в квартире, Сандерленду в тысячный раз захотелось встать, взять эту проклятую коробку и выкинуть в мусоропровод. Когда умерла Флора... почему он этого не сделал? Он помнил, как пришёл домой после похорон в пьяном угаре, с единственным намерением – избавиться от этой штуковины, стереть в порошок... Ступая на цыпочках, он приоткрыл дверь шкафа и увидел красную коробку, в которой раньше хранились иглы. Это было последнее воспоминание: далее всё заволокла хмельная вуаль. На следующее утро он проснулся лёжа ничком на своей кровати, со звенящей головой. Коробка, разумеется, тихо покоилась на прежнем месте, но желание выбросить её ушло. Момент был упущен.

Хлопнула дверь в коридоре. Фрэнк наострил уши. Сегодня вечером в доме было тихо: все заперлись и смотрят телевизор, отгоняя плохие мысли. Кто взял на себя смелость разгуливать по дому, зная, что рядом шастает маньяк?.. Может, опять один из тех полицейских, и на этот раз он пришёл по *его* душу? Фрэнк заметил, как подозрительно наблюдал за ним молодой детектив, представившийся Прайсом. От такого взгляда даже ангелу с крыльями стало бы не по себе.

Шаги приближались, ровные и спокойные. Совсем не похоже на поспешную поступь служителей закона. Фрэнк закрыл глаза. Наверное, Джонсон из сто седьмой квартиры.

Однако шаги остановились напротив его двери. У Фрэнка упало сердце. Вывеска отеля снова мигнула, на этот раз – с явной издевкой. *Раз, раз-два, раз, раз-два*. Да что же это такое?..

Тук. Тук. Тук. Тихий, будто бы застенчивый стук. Именно стук, а не трель звонка.

– Иду, – слабо отозвался Фрэнк, вставая с кровати. Засунув ноги в домашние шлепанцы, он заковылял в прихожую, не утруждая себя включением света. Вывеска отеля всё включалась и выключалась, бросая на его лицо чёрно-розовые полосы. И звук машин изменился... стал словно бы дальше, сливаясь в сплошной гул на окраине света. Фрэнк тряхнул головой. Нужно оклематься. К нему человек, и сто пудов не по праздному делу.

Тук. Тук. Тук.

– Я слышу вас! Погодите минутку...

Вот, наконец, прихожая. Из дыры глазка бил жёлтый свет. Фрэнк пошарил ладонью по стене в поисках выключателя, но не нашёл. Странно – после тридцатилетнего проживания в этой квартире он мог бы ориентироваться с закрытыми глазами. Досадливо закрихтев, Фрэнк склонился к глазку. Но человека стоял прямо у двери, не позволяя разглядеть его.

Джеймс.

Конечно. Блудный сынок вернулся из своих странствий, вспомнив про непутёвого папашу. Сколько раз, открывая дверь, он надеялся на одно и то же – что за тонким слоем дерева окажется его сын, повзрослевший, но всё такой же, что и в детстве, улыбающийся виновато и хмуро. И за ним в коридоре будет шумная свора детишек и жена Мэри.

Вот тогда Фрэнк, пожалуй, нашёл бы в себе силы выкинуть проклятую пуповину. Хоть сейчас.

Он открыл дверь, даже не спрашивая, кто там – в надежде удержать обман на секунду дольше. Падение будет тем больнее, чем ярче надежда... но это было единственное, что осталось у него, кроме этого молча ветшающего дома.

– Дже...

Он ошибся, это было уже понятно. Его сын не отличался высоким ростом, а в мужчине, который стоял перед ним, было никак не меньше шести футов. Свет лампы обходил его жёлтым ореолом, делая невидимым лицо.

Фрэнк вздохнул. Тихо, незаметно, но горько. И нацепил на лицо официальное выражение, готовясь к предстоящему разговору.

– Слушаю вас.

Человек молчал. На нём был длинный синий плащ, кое-где в тёмных пятнах: должно быть, прилипла грязь. Длинные каштановые волосы до плеч обрамляли всё ещё неразличимые черты лица. Фрэнк нахмурился. Да... не Джеймс, но ощущение, что он где-то видел этого человека, не пропадало. Где-то очень давно...

– Что вам угодно?

Молчание. Полное молчание... исчезли голоса в соседних квартирах, исчез гул машин на улице, и даже часы в гостиной перестали ходить. А ещё Фрэнк почему-то преисполнился уверенности, что если он обернётся, то увидит, что вывеска отеля «Южный Эшфилд» погасла окончательно, раз и навсегда.

Человек шевельнулся. Он повернул голову, чтобы Фрэнк смог увидеть его лицо, молодое, но с сеткой морщин, впалыми грустными глазами и брызгами крови, которые засохли на щеках.

– Вы не помните меня? – спросил он. Голос был мягкий и приятный.

Сандерленд ахнул. Это лицо...

Десять лет назад, да, именно десять лет назад, когда газеты и выпуски новостей сошли с ума на почве Уолтера Салливана. В тот вечер, когда диктор торжественно объявил, что кровавый маньяк закончил свою жизнь в тюремной камере, у Фрэнка было жуткое видение: он делал обход этажей, проверяя, все ли лампочки в коридоре целы, и ему показалось, что человек в синем плаще стоит у квартиры 302, где в то время жил какой-то архитектор. Фрэнк увидел его только сбоку, но голову тут же заполнили последние газетные заголовки и черно-белые фотографии под ними. На человеке был синий плащ, и волосы ниспадали на плечо. В руке он держал большой непрозрачный пакет, полный каких-то инструментов. Из горла пакета выглядывала рукоять то ли огромного ножа, то ли пилы-ножовки.

– Святой Боже, – прошептал тогда Фрэнк, замерев на месте. Человек в плаще даже не удостоил его взглядом: открыв дверь квартиры, он шагнул внутрь и выпал из поля зрения. Что удивило Фрэнка, так то, что вечно скрипящие петли на этот раз не издали ни звука. Так он и стоял, отупело пялясь на закрытую дверь. Что-то мешало ему стремглав броситься в свою квартиру и позвонить в полицию. Окружающая обыденность – стены коридора, жёлтый свет лампы, даже он сам, – вдруг показались ненастоящими и зыбкими, точно

болотная топь. Потом дверь квартиры 302 открылась снова – на этот раз изнутри, и жилец вышел в коридор, неся с собою переполненный мусорный пакет. Увидев управляющего, который сторожил его квартиру, он удивился.

– Мистер Сандерленд? – архитектор вскинул брови. – Добрый вечер. Чем обязан?

– Ничего особенного, просто делаю вечерний обход, – Фрэнк мотнул головой; пелена призрачности опала, он вновь почувствовал себя человеком. Но человек в плаще... он ведь *был*, это глупо было бы отрицать, не так ли? – Вы не замечали... ничего странного только что?

– Да нет вроде, – жилец нахмурился. – О чём вы?

– Мне показалось, что я видел... – начал Фрэнк, но не договорил. Картина предстала во внутреннем взоре вполне ясно: глупое обвинение в сокрывании опасного преступника, который, кстати, уже помер, покрасневшее от гнева лицо жильца, ругань и брань, толпы зевак в коридоре. Доверие постояльцев будет безнадежно подорвано. Уж этого Фрэнк не мог допустить ни в коем случае.

– Извините, – громко сказал он. – Я ошибся. Да, теперь я понял это.

И под изумлённым взглядом архитектора он повернулся и зашагал по коридору обратно, вспоминая по пути до ужаса реальную фигуру человека в плаще, который стучался в дверь. Ещё он почему-то подумал о пуповине, которая хранилась в шкафу. Связи вроде не было никакой, но если размышлять об этих двух вещах одновременно, в душе наступало странное успокоение, сродни тому, как уксус гасит известь. Флоре он ничего не сказал. Не сказал и Джеймсу. Но воспоминания остались, чтобы сегодня обрести плоть в виде позднего гостя, часовой высящегося перед ним.

– Вы... – только и смог он вымолвить. Человек кивнул и дружелюбно улыбнулся; кровь на лице пришла в движение вместе с губами.

– Я хочу вам кое-что показать, – сказал Уолтер Салливан. – Мне жаль, что я вас беспокою... но это место вам нужно увидеть. В конце концов, вы управляющий, и должны знать все, даже самые потаённые места этого дома.

– К-куда? – глаза Фрэнка невольно скользнули в сторону. К своему удивлению, величайшему в жизни (и последнему), управляющий увидел не серые бетонные стены, ограждавшие его владения, а нечто кроваво-красное, мясистое и усеянное большими и маленькими волдырями. Багровый коридор тянулся в бесконечность, где сливался с темнотой.

Уолтер Салливан улыбнулся шире:

– О, а вот это вы узнаете, только когда окажетесь *там*.

2

Генри вырвался из заточения. Но сказка была слишком долгой, чтобы закончиться так обыденно, не правда ли? Конечно, правда; мы все это знаем. Поэтому, когда Генри Таунсенд переступил порог квартиры, первое, что он увидел, были кроваво-красные стены, так знакомые ему с прошлых приключений. Стены шевелились, шли пузырями и победно вздрагивали,

упиваясь охватившим его отчаянием. Чистой остался только крохотный клочок бетона прямо напротив двери – там, где были следы двадцати детских ладошек. Последний отпечаток не удался: лишь половина розовой ладони различалась на серой поверхности, вторая часть вышла смазанным пятном.

– Не может быть, – прошептал Генри, чувствуя головокружение. – Только не здесь...

Он лихорадочно обернулся, впился взглядом в темнеющее серое небо за окном, где вспыхивала и гасла вывеска отеля «Южный Эшфилд». Сломанный вентилятор на столе. Радио. Дверь кладовки. Квартира безмолвствовала. А если повернуть голову – пышная мясная бахрома, завоевавшая дом. Тошнота опять подступила к горлу, хотя после пассажа в потайной комнате в желудке вряд ли что-то осталось.

Вот в чём правда, обречённо подумал Таунсенд. В том, что я был в мире Уолтера с самого начала. С первого дня, когда появились цепи. Да только не знал об этом...

Он сделал шаг вперёд, ступая по живому красному полу. Солоноватый запах бил в нос. Генри повернул голову и посмотрел вдаль. Коридор был длинным, слишком длинным для маленького трехэтажного строения, который он знал... И кто там стоит, в самом конце, спрятавшись в тени? Генри знал ответ. Знал и то, что на губах этого человека играет довольная ухмылка. Он был готов наброситься на мёртвого маньяка, чтобы задушить его собственными руками, невзирая на всю напрасность этой затеи. И наверняка бы так и сделал, если бы не слабый голос, зовущий его с другой стороны:

– Генри...

Айлин стояла у двери своей квартиры и смотрела на него, совершенно потерянная и беспомощная. Бинт на ноге развязался и волочился по полу, лицо почти исчезло под красно-синими полосами. Глаз, не закрытый пластырем, смотрел с ужасом и непониманием. Этого хватило, чтобы выбить из Генри всю ярость и тщетный пыл; он сделал шаг к ней, протягивая руки, чтобы не дать девушке упасть. Успел вовремя; Айлин как раз закачалась и начала валиться назад. Генри мягко подхватил её и украдкой оглянулся назад. Человек в конце коридора пропал.

– Где мы? – спросила Айлин, пытаясь встать на ноги. Первоначальный шок от увиденного начал проходить, и взгляд её стал осмысленным.

– В доме, – растерянно сказал Генри. Добавлять было нечего. Он почувствовал, как она вздрогнула всем телом, словно через неё пустили разряд тока.

– Я проснулась у себя на кровати, – тихо сказала Айлин, изучая отстранённым взглядом потолок, где шевелились мясные отростки. – Думала, что всё кончилось... Господи, как я обрадовалась! Но потом вышла в гостиную и там увидела... – она всхлипнула. – Я увидела кровь. Свою кровь. Она была везде. Это было ужасно... Отпусти меня, Генри. Думаю, теперь я могу стоять.

Он выпустил её с явными сомнениями, оставаясь наготове. Казалось, что ноги Айлин по-прежнему ватные, но она твёрдо встала на пол, лишь на мгновение зажмурившись, когда живая масса прогнулась под её весом.

– Что нам делать теперь? – спросила она, нервно рассматривая дикий интерьер. Генри не мог не восхититься ею; сам-то он едва не сгорел в первую же минуту. Но сейчас в его голове не осталось никакого плана, кроме назойливо стучащей мысли: *Нужно отсюда выбираться*. Хорошая идея, но столь же бесполезная.

Может, искать путь вниз, дальше? Но зачем – ведь они и так достигли самого дна, разве нет?.. Насколько хватало глаз, ни одного намёка на окна или двери, которые могли бы вывести их наружу, не было. Полный тупик.

– Попробуем пройти дальше, – предложил Генри. – Может быть, что-нибудь и найдём.

– Ты думаешь, здесь есть этажи? – спросила Айлин, глядя на свою раненую ногу. Что-то странное прозвучало в её тоне. Генри это показалось очень похожим на сдерживаемое ликование. Озадаченный, он ответил:

– Вроде были раньше. Но с тех пор тут произошли некоторые изменения, так что...

Айлин подняла голову:

– А квартира Фрэнка, управляющего? Её ты видел в свой первый визит?

Генри живо вспомнилось, как он в лихорадочной спешке перебирал ключи в связке, и как они норовили выскользнуть из влажных пальцев.

– Видел...

– Нам нужно туда, – заявила Айлин. Перехватив вопросительный взгляд спутника, она улыбнулась:

– Проверить одну сумасшедшую догадку, знаешь ли. Понимаешь, Фрэнк как-то раз упомянул о какой-то пуповине, которая хранится у него дома...

– Да, я помню, – сказал Генри. Настал черёд Айлин удивлённо воззриться на него. Он объяснил, почему-то чувствуя себя неловко:

– Я видел ваш разговор в глазке. Вы не слышали мой голос, но я всё видел и слышал.

Айлин кивнула:

– Я вот подумала... тот «клочок плоти», который упоминался в Багровом Томе... Раз уж Салливан родился здесь, в квартире 302, может быть...

Она продолжала говорить, но слова до Генри уже не долетали. Он понял всё – наконец-то части мозаики начали слагаться в единый спасительный круг, который мог дать шанс на победу. Айлин поняла это раньше него. Сам Таунсенд, возможно, ходил бы в потёмках до скончания веков.

... надобно захоронить клочок плоти Колдуна, совершающего противобожеское действие, в глотке его истинного тела...

– Ты хочешь сказать, что...

Айлин тревожно всматривалась в его окаменевшее лицо:

– Генри, это только догадка. И потом, мы ещё не нашли его тела...

– Нашли, – заверил Генри. – Истинное тело Уолтера находится в моей квартире. Ума не приложу, как оно туда попало, но похоже, оно было там все десять лет после его смерти.

Ещё один пузырь на потолке лопнул с раздражённым чавканьем, обрызгав их обоих мутными горчичными каплями.

– Вы что, вашу мать – шутите?! – проорал Эвори Прайс в трубку, начисто забыв о профессиональной сдержанности. Мембрана щёлкнула, что-то захрипело вдалеке, потом раздался голос сержанта Рейнольдса:

– Никак нет, сэр. К сожалению. Фрэнк Сандерленд действительно мёртв. Я стою сейчас у его тела. Он у себя на кровати. Никаких ранений не видно, но я бы не сказал, что смерть наступила от естественных причин...

– Значит, так, – отрывисто сказал Прайс. – Не отходите от тела ни на шаг, вызовите экспертов сию же минуту. И удвойте охрану этого треклятого дома. Ни одна квартира не должна оставаться без присмотра. Я не хочу, чтобы там стало трупом больше за то время, пока я буду добираться до места.

– Понял вас, – отозвалась мембрана. Отбой. Пошли короткие гудки. Прайс медленно вернул трубку на место. Велико было желание разбить аппарат вдребезги о стену, но это было бы совсем уж глупо. Но, закрывая дверь гостиной, он таки не сдержался – хлопнул косяком так, что задрожала люстра на потолке. Тень под ногами испуганно всколыхнулась.

К чёртям это дело, размышлял Прайс, наспех набрасывая пиджак на плечи. *Пусть им занимаются федералы, благо они совсем не против. Я уже сыт этим дерьмом по самые уши.*

Но пока это было *его* дело – и нужно было тащиться в невзрачную трехэтажку, которая по уровню смертности за последние дни была все мыслимые рекорды. Он прибыл туда за четверть часа – стрелки к тому времени показывали половину двенадцатого. Всю дорогу Прайса ошутимо лихорадило от ярости, страха за свою карьеру, но больше всего – от чувства собственного бессилия. Никогда прежде он такого не испытывал.

Дом встретил его фирменной тягостной атмосферой, которая распространилась на все этажи. Пиджак тут же начал казаться тесным, мысли в голове обесцветились, словно он принял снотворное. Прайс крепко зажмурился, вышагивая к нужной квартире. Не так. Что-то точно не так с этим домом и его обитателями...

У двери квартиры 105 дежурил сам Рейнольдс с ещё одним человеком. Коротко кивнув Прайсу, он проводил его внутрь. Лампа в квартире горела особенно темно, излучая маслянистый свет, как свеча. Прайс поморщился.

– Вот, – сказал Рейнольдс, открывая дверь спальни. Прайс шагнул в комнату. Из интерьера здесь почти ничего не было – только шкаф да широкая кровать, на которой лежал хозяин. Голова запрокинута назад, рот полуоткрыт в беззвучном крике, глаза широко раскрыты. Обе руки Сандерленда были сжаты в кулак. Медэксперт (не тот юноша, что раньше, а седой благообразный латиноамериканец) деловито колдовал над телом.

– Что с ним такое? – спросил Прайс. Эксперт развёл руками:

– Сходу сказать невозможно. По симптомам очень похоже на сердечный приступ, но, возможно, действие какого-то яда.

– Как вы полагаете, у всех с сердечным приступом бывает такое лицо? – сухо поинтересовался Прайс. Эксперт смерил его холодным взглядом:

– Думаю, вы знаете ответ.

Прайс повернулся к сержанту:

– Отпечатки? Следы? Хоть что-нибудь?

– Увы, – сказал Рейнольдс. – Даже шума никто не слышал. Просто дежурному показалось странным, что он не отвечает на звонки постояльцев...

Прайс сжал губы. Он пожалел, что не расспросил старика ранее более дотошно. А ведь такое желание было. То, что управляющий что-то знает, но не говорит, любой мало-мальски хороший психолог понял бы с первого взгляда. Но для обстоятельного допроса должны были быть более веские основания. Их-то Сандерленд и не подавал...

А теперь он мёртв. И все сведения, которые он мог дать, тоже умерли вместе с ним. Вот до чего доводит нерешительность. Всё-таки иду на вынос, мрачно подумал Прайс. Развернувшись, он вышел из комнаты. Что ж, одно полезное дело он ещё может сделать, не передоверяя другим. Допрос соседей. И на этот раз никаких любезностей...

Полицейский по-прежнему скучал у двери. Прайс прошёл мимо него, вытаскивая на ходу блокнот. Прежде всего стоит навеститься в сто шестую квартиру. Дама представилась в прошлый раз Рейчел Паркинс, и она, пожалуй, была единственной из всего дома, которая произвела на Прайса впечатление скорее положительное, чем отрицательное.

Он нажал на кнопку звонка. Страшно защекоталась шея – словно галстук впился в кожу на добрые полдюйма. Но на этот раз Прайс не мог позволить себе ослабить узел. Сегодня он крепко завяжет все узлы.

Рейчел Паркинс не спешила открывать дверь. Подождав, Прайс позвонил снова, на этот раз задержав палец на кнопке. На него находило опасное раздражение: хоть что-нибудь в этом доме не настроено против него?.. Воздух был наполнен отравой, сжимающей на груди зловонное кольцо.

И опять молчание. Прайс громко чертыхнулся и со всей души хватил кулаком по двери. Дверь стукнулась о косяк и отскочила назад, разверстывая чёрную щель. Она не была заперта.

– Что за чёрт? – Прайс потянул её на себя. Так и есть – открыто, и даже цепочка не наброшена на защелку. В прихожей было темно, как и во всей квартире. Прайс растерянно огляделся. Полицейский у квартиры 105 очень внимательно следил за ним.

– Вызовите сержанта, – отрезал Прайс. – Немедленно.

А сам машинально положил палец на кобуру, вглядываясь во мрак. Сердце забилось учащённо. Из прихожей тянуло тёплым сладким воздухом, от которого кружилась голова.

Рейнольдс подошёл с полицейским довольно споро. Видимо, оба правильно оценили ситуацию – пистолеты наголо уже находились в руках. Не оборачиваясь, Прайс спросил:

– Вы проверяли эту квартиру?

– Да, сэр, – ответил сержант, понизив голос. – Мисс Паркинс была дома. Сказала, что ничего необычного не замечала, и любезно ответила на наши вопросы...

– Любезно, говорите? – Прайс нехорошо усмехнулся. – Ну-ну.

Он ступил в прихожую, держа пистолет наготове, и позвал:

– Мисс Паркинс? Мэм?

Тишина. Все лампы в квартире были погашены. Смутные очертания предметов выглядели силуэтами затаившихся людей. Прайс пошарил взглядом по стене в поисках выключателя, но не нашёл. Что ж, всё идёт как нельзя лучше. Он отцепил фонарь, болтающийся на ремне, и включил. Мощный поток света хлынул на полосатые обои. Остальные последовали его примеру.

– Есть кто-нибудь? – Прайс делал осторожные шаги вглубь квартиры. Рейнольдс с напарником шли следом в полной боевой готовности. Прихожая перетекла в гостиную, и Прайс увидел впереди голубое стекло окна. Там должна была быть видна ночная улица, но детектив усмотрел за прямоугольником лишь ствол какого-то кривого дерева. И ни одного огонька.

– Проверьте спальню, – бросил он сопровождающим, направляясь на кухню. Рейнольдс что-то пробормотал под носом, но он не расслышал. Тишина звенела в ушах, адреналин в крови бурлил, делая тьму светлее. Прайс преисполнился уверенности: что бы тут ни произошло, убийца не успел скрыться. Это была не просто догадка или умозаключение. Прайс это *знал*; он почти ощущал тяжёлое дыхание преступника в этом спёртом воздухе. Ствол пистолета в его руке не дрожал, и это радовало. Он распахнул дверь кухни и направил луч вперёд, методично и быстро осветив каждый дюйм помещения. Занавески на окне казались вполне безобидными. Прятаться было негде. Сзади скрипнула дверь спальни: Рейнольдс и его сопровождающий вторгались в спальню. Прайс ослабил палец на курке и позволил себе неглубоко вдохнуть. Тут же раздался вскрик, но он потонул в грохоте выстрела, который последовал немедленно.

Прайс среагировал без промедления, разворачиваясь к спальне и вытягивая фонарь вперёд. Свет выхватил чей-то силуэт в проёме двери: Рейнольдс? Его напарник? Или кто-то ещё?.. В мгновенном чёрно-белом кадре различить было сложно, тем более что человек стоял спиной. Потом он исчез, и квартиру сотряс второй выстрел.

– Рейнольдс! – закричал Прайс, делая шаг вперёд. Рефлексы наострились до предела. Он услышал, как чьё-то тело грузно свалилось на пол, и нацелил пистолет на открытый проём. Броситься вперёд сейчас было бы глупостью.

– Сержант!

Человек возник снова в квадрате проёма. Не Рейнольдс и не второй полицейский. Прайс без колебаний дёрнул курок. Громыхнул выстрел, вспышка ослепила его; но рука не дрогнула. Тем больше было изумление Прайса, когда он увидел, что человек продолжает стоять на месте и смотреть на него. А в руке – пистолет...

Второй выстрел. Гильзу отбросило в сторону. Прайс целился в голову незнакомца в синем плаще, и пуля была призвана разнести череп на куски. Но и после второй попытки человек никуда не делся. Прайс нервно сглотнул слюну. В электрическом свете лицо человека казалось белым, как бумага.

Не веря себе, Эвори Прайс выстрелил в третий раз. И попал – в третий раз. Мужчина в плаще оставался на месте, и он до боли в зубах напоминал давно усопшего безумца Уолтера Салливана, физиономию которого Прайс насмотрелся в материалах старого дела.

– Ритуал нужно начинать, – сказал мужчина. Рука с дымящимся пистолетом начала недолгое путешествие вверх, ловя Прайса на мушку. Детектив выстрелил снова. Тёплый воздух квартиры сжигал лёгкие. Ему вдруг подумалось, что теперь он может сорвать этот чёртов галстук, душащий его. Но воплотить задуманное в реальность он не успел: человек в плаще, который по всем законам природы не мог быть Уолтером Салливаном, нажал на курок, и пуля, вырвавшаяся из ствола, оказалась на удивление реальной.

4

– Мне кажется, я слышал выстрелы, – сказал Генри.

– Да?

– Там, внизу. Ты не слышала?

– Нет, – глухо сказала Айлин. – То есть... я не прислушивалась. Мальчик...

Она опять уходила. Генри видел, но не мог ничего сделать, чтобы предотвратить этот процесс. Глаза девушки туманились, сознание уплывало из них. Цифры на спине вновь исходили багрянцем, и полосы алого цвета шевелились под кожей, как червячки. Но всё-таки Айлин шла вперёд, хотя Генри не был уверен, что она вообще понимает, где находится.

Что-то было явно не так в этом путешествии. Расстояния между квартирами растянулись вдесятеро. Дорога до лестничной площадки заняла чуть ли не четверть часа. Двери квартир въелись в стены – вряд ли теперь их можно было открыть. Пол был неровным в зависимости от того, какой толщины слой плоти находится под ногами. Местами мясо выросло в уродливые наросты, торчащие столбом посреди коридора и исходящие гноем. Больше всего отвращения у Генри вызвал огромный прозрачный пузырь, который образовался на потолке. Без малого семи футов в ширину, и внутри плещется гнилая жижа с чёрными вкраплениями. Пузырь напоминал большой незрячий глаз. Генри с ужасом ждал, когда он лопнет и содержимое вывалится на них зловонным дождём, но обошлось без этого. Лишь отойдя от этого образования на десяток футов, он вздохнул с облегчением. Айлин вовсе не заметила пузыря, погружаясь в чужие нездоровые грёзы.

А вот выстрелы были. Тихие и далёкие, будто за пару миль – но, учитывая здешнюю перемену масштаба, Генри полагал, что они прогремели на первом этаже. Сначала один, потом второй. Не хотелось думать, что там происходило. В любом случае, придётся им скоро узнать, раз они направляются в квартиру Фрэнка.

Наконец, они добрались до двери на лестничную площадку. Генри открыл её с опаской: в прошлый раз, отворив эту дверь, он впервые столкнулся с человеком в синем плаще, и его назойливо преследовало ощущение, что Уолтер по-прежнему восседает на кровавых ступеньках. Но площадка была пуста. Вместо перил возникла перегородка из колючей проволоки. Красная зараза размножилась, охватив каждый дюйм площадки. Даже лампа на потолке обрёл невыносимый алый оттенок. В этом освещении Генри не сразу понял, что такое он видит под потолком. Сначала показалось, что это повешенный человек, подобный тем, что они видели на спиральной лестнице. Но топорные черты довольно быстро дали понять, что на чёрных ниточках свисает не живое существо, а большая кукла – что-то вроде манекена.

Что за чертовщина?..

Лицо было закрыто маской с длинным изогнутым носом. Вся поверхность манекена липко блестела. Генри посмотрел на Айлин, но она никак не отреагировала. Лишь подёргивались уголки губ.

Прежде чем начать спуск, Генри подошёл к краю и взглянул вниз. Так и есть – весь первый этаж полыхает красным, что ягодная поляна. На полу валялись несколько жёлтых псин, так знакомых Генри. Собаки явно не спали: они были мертвы. Но у него всё равно забилось сердце: раз есть дохлые твари, то где-то рядом бродят живые.

Он дал руку Айлин, и она машинально сделала встречное движение. Ладонь жгла холодом. Генри встревожился: неужели температура человеческого тела может упасть так низко? Он взглянул на побелевшую кисть девушки, где угрожающе выступила чёрная сетка вен. А сверху – алые полосы. Страшно. Генри вдруг испугался, что Айлин умирает. Он пошёл вниз, держа её за руку. Айлин покорно шла следом. Наверное, так же спокойно она шагнула бы за ним в пропасть, если бы он туда упал.

На втором этаже мяса и крови на стенах прибавилось. Генри уразумел, что убило тех собак, что лежали на боку на первом этаже. Их было отчётливо видно отсюда: распухшие животы и вывалившиеся языки, к которым прилипло мясо, выдрванное со стен. Вот что стало их убийцей. То, что росло на стенах, было ядовито. Собаки поплатились за свою жадность. Большой жалости к ним Генри не испытал.

Первый этаж. Ботинок тут же утоп во влажной мягкой тине, которая чавкала на каждом шагу. Генри постоял у двери, прислушался к звукам выстрела, но этаж оставался тихим. Никого. Он поймал себя на том, что забыл, с какой целью они пришли сюда. Ах да – искать пуповину в квартире управляющего. Бред какой-то. Теперь, когда цель стала близка, на него нашли сомнения. Неужели на третьем этаже они с Айлин всерьёз верили, что их предприятие увенчается успехом? Многого ли стоит случайная оговорка Сандерленда?.. Ну ладно – положим, он действительно хранит дома какую-то пуповину, хотя уже это отдаёт явной шизофренией. Но каковы шансы, что это пуповина Уолтера Салливана, подкидыша из квартиры 302? Каковы шансы, что на этой кошмарной «обратной стороне» квартира Фрэнка останется прежней, и они смогут найти эту пуповину?.. Какова, наконец, вероятность, что они

правильно поняли хвалёный Багровый Том – и даже если найдут пуповину, из этого что-то выйдет?

Но другого пути не было. Генри скорее для приличия бросил взгляд на дверь выхода. Как и ожидалось, железо намертво впилось в поддрагивающий красный слой, и двери как таковой больше не существовало. Окна забило мясом, и они зияли свежим нарывом. Запах из солёного превратился в почти сладкий. Генри с трудом прошествовал поперёк холла: ботинки нещадно увязали в мясной жиже. Айлин шла следом, неуклюже выдергивая ноги. На высоте двадцати футов над ними покачивался длинноносый манекен, отбрасывающий тень на почтовые ящики внизу.

Альбом, лежащий на полу под ящиками, как ни странно, заметила Айлин. Генри думал, что она неотреагирует, даже если лампа сорвётся с потолка и шмякнется о пол; тем не менее, когда до двери в коридор осталось три шага, он почувствовал, что она отстала. Обернувшись, Генри увидел спутницу возле почтовых ящиков, нагибающуюся за прямоугольным предметом на полу. Рядом с её ногами оскалилась в последней ухмылке собака с языком-жалом. Того и гляди тяпнет за щиколотку... Генри сделал инстинктивное движение:

– Айлин...

– Смотри, – она продемонстрировала ему синюю обложку детского альбома с улыбочивым месяцем. – Это его альбом...

Генри подошёл к ней. Мёртвая собака не двигалась. Айлин тем временем рассматривала рисунки в альбоме, бережно перелистывая страницы. У Генри закарябры особого восторга не вызвали. Умилительное, конечно, зрелище – детские рисунки, где люди различаются с трудом в нагромождении овалов и линий, но не самое интересное. Тем более если художественных способностей у отпрыска кот наплакал. Тем более если ты знаешь, что ребёнок, повзрослев, начнёт резать людей, как свиней... Он отвёл глаза от рисунков и оттолкнул ботинком дохлую псину подальше. Так, на всякий случай.

– Ужасно, – сказала Айлин дрожащим голосом. Генри чуть кивнул в ответ, имея в виду рисунок. Какой-то весьма символический человек со ртом, разинутым в широком крике, с волосами-проводами. Голова была старательно зачёркнута толстым карандашом. Ужасно – не то слово.

Но Айлин, как оказалось, говорила совсем о другом:

– Бедный мальчик... Как они могли его так бросить?

В её глазах стояли слёзы. На этот раз в зрачках не было тумана, и стальной цвет не выглядел из-за тёмной зелени радужки. У Генри упало сердце.

– Айлин... – что он хотел сказать? И почему не сказал, а лишь закусил губу, глядя на завершающий рисунок – с чёрным солнцем, чёрными деревьями и тремя чёрными людьми, которые взялись за руки в самом центре картины?

– Они бросили его, как только он родился... – Айлин закрыла альбом. Генри успел заметить, что последняя страница из альбома вырвана, обрывки белой бумаги торчали из переплёта. – Бедный ребёнок. Неудивительно, что он поверил, что его мать – эта квартира...

Она прижала альбом к груди, к изорванному платью, как самое дорогое сокровище. Так дети свои оберегают бесценные игрушки.

– Подумай, Генри, – она посмотрела на него, и Генри почему-то отступил на шаг, – может быть, для него это того стоило? Все те убийства... чтобы разбудить маму. Может, он считал...

И, после короткой паузы, решительно и в то же время так тихо, что почти не слышно:

– Мне его жаль.

Генри, наконец, обрёл дар речи:

– Айлин, что ты говоришь?

– О мальчике, – глаза вновь на зелёном альбоме. – Не знаю, что со мной... Но я его так понимаю...

Это из-за влияния Уолтера, подумал Генри, и мысль стала для него спасительной соломинкой. *Айлин не стала бы говорить такие вещи. Она не в себе. Джозеф говорил – он будет стараться её заполучить...*

– Может, потому он нас и выбрал? – спросила Айлин, обращаясь сама к себе. Багрянец на её лбу всколыхнулся. – Просто потому, что мы на него чем-то похожи. Извини, что я это у тебя спрашиваю, Генри, но где твои родители сейчас?

Вот этого Генри ожидал меньше всего. Если было такое понятие – «удар ниже пояса», то это был тот самый случай. У него аж перехватило дыхание:

– Что?

– Мать. Отец. Где они?.. Я пока могу рассказать о своих, – Айлин грустно улыбнулась пересохшими губами. – Правда, это невесёлая история. В детстве я жила в Вирджинии. В маленьком таком горном городке. Когда мне было шесть, мы переехали в Эшфилд. Жили полгода, потом... – она замолчала, собираясь с мыслями. Генри упреждающе поднял руку:

– Айлин, если не хочешь, тебе совсем не обязательно рассказывать...

– Сдаётся мне, я и так слишком долго никому не рассказывала, – она невесело вздохнула. – Они попали в аварию, когда возвращались с вечеринки. Меня в тот вечер оставили дома, с няней... Дальше я жила у двоюродного брата отца, он тоже жил в Эшфилде. Думаю, он и пригласил моих родителей в этот город. Дядя был хорошим человеком, он и купил мне квартиру, когда я выросла, но он умер шесть лет назад.

Её пальцы нервно теребили переплёт альбома.

– Конечно, не очень похоже на историю этого мальчика, но... в-общем, я могу его в какой-то мере понять. Генри, только не думай, что я свихнулась. Ничего не могу с собой поделать...

– Я так не думаю, – заверил Генри, но какая-то его часть так и не приняла сбивчивые объяснения девушки. Эта часть отказывалась понимать, почему она готова простить того, кто причинил ей столько боли и грозился убить в скором будущем. Айлин продолжала смотреть на Генри, и он понял, что она ждёт ответа на свой вопрос.

Мать. Отец. Где они?..

Первой идеей было – сделать вид, что просто забыл, о чём шла речь, и обыденно сказать: «Ну, пойдём дальше?». Этот погреб был слишком тёмным, и он так долго держал его взаперти, что боялся открыть. Пускай даже на миг и

в присутствии той, что только что откупила для него свой тайник. Два года... все дни, что он провёл в квартире 302, не ведая о жутком прошлом этого места.

– Я... – начал Генри. Остановился и коснулся рукой своего лба, будто старался вспомнить. Но на самом деле, конечно, он всё помнил очень хорошо. – Понимаешь, Айлин... Я не думаю, что мне не стоит...

Или стоит?

– Хорошо, Генри, – торопливо сказала Айлин. – Если тебе неприятно вспоминать, то лучше не надо. Мне не нужно было...

Генри мотнул головой:

– Нет. Я всё-таки попытаюсь. Просто... да, я тоже слишком долго не рассказывал об этом. Но до этого, можно один вопрос? Раз уж мы отвечаем друг другу, я бы хотел избавиться от одного зуда, – он улыбнулся; хоть на какое-то время красный нарост на стенах перестал резать глаза.

– Конечно, – кивнула Айлин, поглаживая обложку зелёного альбома.

– Звучит, конечно, нескромно, но... Айлин, а где ты работаешь?

На секунду она смотрела на него с неподдельным удивлением, заставляя заливаться пунцовой краской, потом рассмеялась:

– Господи, и всего-то. А я ждала чего-то по-настоящему страшного. Я переводчица. Не та, которая ходит на встречи важных людей и помогает им общаться, а которая переводит статьи для журналов. Скудное занятие.

– Ага, – сказал Генри, почему-то испытав облегчение. С какой стати он вообще решил задать ей этот дурацкий вопрос? Бог знает, что у него было написано на лице, потому что Айлин вдруг разволновалась:

– Перевожу в основном с французского и немецкого, хотя знаю ещё пару романских языков. Ты, наверное, знаешь местное издательство – там и просиживаю дни. Я поступала сначала в медицинский, но бросила после первого же «практического»... В-общем, на этом поприще у меня не вышло.

Генри кивнул. Свою часть договора Айлин выполнила – теперь слово переходило к нему. Они оба ждали, но, Боже, как тяжело давались одни только воспоминания!.. Будто на той двери к воспоминаниям кто-то тоже повешал чугунных замков. Эта мысль стала последним дюймом: Генри уже достаточно просидел взаперти за цепями, и не желал терпеть ещё одно заточение. Он начал рассказывать – поначалу медленно, подбирая слова, потом всё более складно, – а тем временем в месте, которое никогда не существовало, наточенные лезвия начали вращаться вокруг стального сердечника.

«Жук-фольксваген» цвета густой сметаны повидал много уголков большой страны, от мэнской вьюги до флоридской жары. На этот раз было ни то, ни другое – колёса мчались по идеально гладкому шоссе вдоль западного побережья. Менее чем в полумиле плескались волны Тихого океана. Этот участок дороги был ровным, как стрела. В пределах видимости краснела лишь одна машина, да и то вдалеке у горизонта – так что Генри не было необходимости даже двигать рулём. Он сидел и наслаждался прохладным

ветерком и жёлтым солнцем, надавливая на газ сильнее. Путешествия автостопом, конечно, прелестны, но когда у тебя есть собственная машина, тоже совсем неплохо. Генри убедился в этом за последний год, когда практически не вылезал из кресла «жука».

В Калифорнию он приехал из лесных дебрей Орегона, насытившись общением с лесом и удивительно неприветливыми жителями. Далее по маршруту пролегали родные края континентальной Америки, но перед этим Таунсенд намеревался как следует отдохнуть, набраться бодрящей свежести Солнечного штата. Фотографии, сделанные им, в последнее время продавались вполне успешно, к тому же месяц назад Генри заключил небольшой контракт с издательством «Даблдей» на фотоиллюстрации для книги по истории Америки. Так что в ближайшем будущем финансовых сложностей не было. А в далёком... что ж, он был уверен, что какое-нибудь дело обязательно придумается, как придумывалось за пять лет скитаний.

Отдохнуть. Полежать на пляжах, потягивать пиво через соломинку. Он может себе это позволить. Таунсенд улыбнулся сквозь солнцезащитные очки белой разделительной линии, не догадываясь, что через секунду произойдёт событие, которое надолго отучит его от всех планов.

Звонок мобильного телефона – вещи, которую он завтра будет ненавидеть всей душой.

– Я слушаю, – с ленивцей сказал Генри, прижав трубку к уху. В динамике что-то скрежетало и визжало. – Говорите громче, тут сильные помехи...

– ... нри?

Голос был страшно знаком.

– ... ты? Если ты... езжай...

– Я не понимаю, – перебил Генри, подумывая о том, чтобы отключить трубку и забыть о ней вообще во время предстоящих каникул. Красный фургон впереди свернул в сторону, к океану. Должно быть, семейка туристов остановилась на привал.

– Чёрт возьми, Генри... узнаешь, что л?..

Вот теперь он вспомнил, чей это голос. Рука непроизвольно дёрнулась в сторону, но Генри мгновенно выровнял машину.

– Папа?! Это ты?

– ... же ещё! Слушай, Генри... хие новости. Приезжай скорее... можешь...

– Что случилось? – Генри на секунду отнял руку от руля и сорвал тёмные очки с переносицы. Мир вокруг засиял неожиданными красками. – Что-то у вас произошло?

– ... мама... очень плохо... врач сказал...

– Что с мамой? – Генри вдруг почувствовал острую потребность съехать на обочину и заглушить мотор. Что он немедленно и сделал. Помехи стали тише, но голос отца тоже. Он сидел, один, потрясённый, у кромки пустого калифорнийского шоссе, и до боли в ушах вслушивался в хаос звуков. – Папа, ну говори же!

– ... сказали, инфаркт... приезжай скорее... серьёзно, Генри, – голос отца звучал сурово даже среди нагромождения эфирного шума. Генри

почувствовал, как пересохло во рту. Солёный ветер со стороны Тихого океана трепал его волосы.

– Папа? – осторожно позвал он, но человек на том конце провода уже дал отбой, сказав всё, что хотел. Генри недоверчиво уставился на погасший дисплей мобильного. Индикатор зарядки батарей как раз добрался до половины шкалы.

... сказали, инфаркт... приезжай скорее...

«Как же так может быть? – вяло подумал он, глядя на сияющее над ним солнце. – Я же навещал их пять месяцев назад, она была совершенно здорова... Она слишком молода, сердце отменное, и каждое утро бегают по парку... Не может у неё быть никакого инфаркта. У кого угодно, даже у папы, но не у неё».

– Плохая шутка, – сказал Генри вслух и потянулся к мобильнику, чтобы перезвонить отцу и сказать всё, что он думает о таких розыгрышах. Но два голоса заставили руку замереть на полпути: первый – его собственный, который вопрошал, с каких это пор вечно хмурый отец стал отпускать шутки, а второй – Оскар Таунсенд собственной персоной, голос которого протискивался через шипение:

... серьёзно, Генри.

– Но ведь это абсурд, – сказал Генри. – Инфаркт у мамы?

А сам в голове уже лихорадочно рассчитывал расстояние до родного городка в Айове, и как быстро он сможет туда добраться. Если выжимать все соки из «жука», то он, пожалуй, может добраться туда за полтора дня. Завтра вечером.

Он выпрямился в сиденье и повернул ключ зажигания. Всё ещё не верил в произошедшее, но рассудил, что над этим успеется подумать и по дороге. А пока... пока нужно ехать, сдирая резину с покрышек, держать курс на восток. Солнце палило как прежде, но ароматы пляжа и отдыха выветрились из воздуха; вместо них Генри чувствовал странное опустошение, заполнившее красивый пейзаж. Будто по голове попали мешком с мукой. Звуки вокруг притихли, даже рокот мотора слышался совсем иначе.

К девяти часам вечера Генри пересёк калифорнийскую границу. Закат был красным, местность переходила в пустыню. Шоссе тянулось высушенной колеей, и его автомобиль был на нём совсем один. Таунсенда это только радовало; меньше шансов, что он, задремав, врежется в другую машину. Он не собирался сомкнуть веки, прежде чем доберётся до дома.

В восемь утра затрезвонил телефон. Генри протёр потяжелевшие за ночь веки и взял мобильник. Отец спросил, где он находится, и Генри ответил, что он уже на полпути. Вечером, скорее всего, будет дома. Помолчав, он осмелился задать вопрос, как себя чувствует мама. Отец должен был ответить, что да, ей уже лучше, и скоро она совсем поправится. Но вместо этого он мрачно сказал, чтобы он поторопился – она её ждёт. На том разговор и кончился, состарив Генри разом на пару лет. Подумав, Генри отключил телефон вовсе. Он страшился, что тот зазвонит ещё раз... чтобы сообщить, что всё кончено.

В четыре пополудни он задремал у бензозаправки, где остановился, чтобы пополнить баки. Проснулся, когда сзади засигналил большой фургон, который желал занять его место. Он завёл машину трясущейся рукой, и парень со шлангом посмотрел на него с упрёком:

– Мистер, вам бы не стоило сидеть за рулём в таком состоянии. Выспитесь немного.

– Ага, – ответил Генри и поехал дальше.

Осень уже нависла над этой землёй. В Калифорнии у кормы всё ещё стояло лето, но на пустынных континентальных землях уже ударила первая волна холода; пока щадящая, но с привкусом разгорающейся жестокости. Небо заволокло тучами, которые обещали моросящий дождь. Камни летели из-под колёс автомобиля. К восьми часам вечера, въезжая в родной штат, Генри понял, что он не успеет. Просто понял, без всякой причины. И сильнее надавил на газ, чтобы убежать от этого понимания.

Одиннадцать часов. Солнце красным пятном висит над горизонтом. Большие шоссе остались в стороне; «жук» прыгает по ухабистой грунтовой дороге. Генри проехал под вывеской Милфорда, которая медленно теряла былые краски. Родное гнёздышко встретило его ненастьем, жёлтыми листьями на сквёрах и угнетающим молчанием. Ветер... Генри на мгновение закрыл глаза, подъезжая к своей улице. Вчера было лето, где оно теперь?

Он вышел из машины – в лёгкой хлопчатобумажной рубашке и в спортивных брюках, и посмотрел на чернеющие окна своего дома. Лишь в одном окне горел жёлтый свет, и то оно было задёрнуто шторой. У входа столпились машины. Должно быть, её подруги...

Солнце заходило за пеленой туч, делая мир серым. Уже всё зная, Генри побежал. Тогда-то он впервые узнал, что расстояние имеет предательскую способность растягиваться – и горло горит пламенем, и лёгкие наполняются ржавыми гвоздями. Клён у входа бросил ему в лицо скупую охапку листьев. Отмахиваясь от неожиданной атаки, Генри распахнул дверь своего дома.

Отец был там. Он увидел машину и ждал его в прихожей. Его ледяной, обвиняющий взгляд сказал Генри всё.

– Где она? – спросил Генри срывающимся голосом. – Как...

– Там, – отец указал на спальню матери. – Тебе следовало немного поторопиться. Она очень хотела тебя видеть...

Нетвёрдой походкой Генри прошёл туда, куда указывал отец. Открыл фанерную дверь, которая за последние годы стала слишком низкой. Ему пришлось нагнуть голову, когда он входил в спальню. Внутри были какие-то люди, но ему они казались безликими тенями. Настоящей здесь была только одна, и она лежала на своей кровати, закрыв глаза, скрестив руки на опавшей груди. Серые волосы аккуратно уложены, ноги вытянуты. В одно мгновение паники Генри не узнал свою мать, как мы все не узнаем своих близких, видя на их лице отпечаток смерти. Но это была она. Так и не дождавшаяся единственного сына, который резвился на солнечном юге, пока у неё затихало сердце в этом сером окружении.

– Когда? – прошептал он, обращаясь в пустоту. Кто-то ответил...

– Час назад...

– Почему не отвезли в больницу? – спросил Генри, не оборачиваясь. Ему нужно было что-то спросить, дабы сердце не разорвалось вслед за материнским.

– Врачи сказали, что в её состоянии это... – и тихий голос за спиной превратился в неудобоваримую кашу.

«Час назад, – подумал Генри. – Ведь я мог успеть. Если бы отец позвонил мне раньше. Если бы у меня была машина быстрее. Если бы немного срезал путь. Если бы...»

Она очень хотела тебя видеть...

Он положил руку на её кисть и стоял долго, больше часа, пока люди заходили и выходили из маленькой комнаты. Отеческий взгляд прожигал спину, но он никак не отреагировал. Всем казалось, что Генри заснул стоя, в своей легкомысленной южной одежде – но он не спал, а думал. Думал не переставая, потому что это было его бичом, даром взамен отобранной способности к слёзам. Он думал. И через час, когда Генри развернулся и быстрыми шагами вышел из комнаты, он про себя уже всё решил.

6

Двумя этажами выше того места, где Генри открывал Айлин свою тёмную комнату, маленький мальчик неистово колотил кулачками о слепую и глухую дверь квартиры.

– Мама!.. Мама, проснись! Мама, это я, Уолли!

Он прислушался, прекратив бесполезный стук. Мама была там – мальчик это знал. Столько лет... и наконец, он чувствовал за проклятой дверью не пустоту четырёх стен, а её присутствие. Даже находясь за порогом, мальчик ощущал тепло её любви, охватывающее каждую прожилку тела, наполняющее счастьем. Но ощущение было очень слабое, потому что мама не проснулась полностью. Человек в плаще, который принёс мальчика сюда, сказал ему – стой здесь и стучись, несмотря ни на что. Совсем скоро мама проснётся окончательно и впустит его к себе, чтобы больше не разлучаться. Мальчик поверил человеку – при воспоминании о нём потухшие было глаза снова сверкнули надеждой. Он отчаянно забарабанил ладошками по двери, вызывая:

– Мама! Ну мама! Это же я, Уолли! Впусти меня!

Незримое дыхание внутри квартиры становилось сильнее, прогибая стены и потолки, знаменуя возвращение к жизни той, что была в объятиях Морфея слишком долго.

7

– С тех пор я и здесь, – сказал Генри. – Не знаю, почему именно Эшфилд. Мне нужен был тихий городок на восточном побережье, со своей бейсбольной командой, чтобы я мог за него болеть. Раньше, во время путешествий, я посещал город, и он мне понравился. Вот и решил, что от добра... – он пожал

плечами. – Устроился на кое-какую работу, не требующую выхода из дома, занял квартиру. Вот и всё.

– И тебе больше ни разу не хотелось... ну, продолжать свои путешествия? – спросила Айлин. – Я-то думала, эта страсть на всю жизнь.

– Представь себе, нет, – сказал Генри. – Я решил поставить на этом крест, хоть и не знал, удастся ли. И мне удалось. По крайней мере, за эти два года я ни разу даже не подумал о том, чтобы снова поехать по стране. Может, когда всё это дело кончится, я всё-таки изменю мнение. – Он улыбнулся. Но Айлин не ответила ему улыбкой: девушка смотрела на него очень серьёзно, по-прежнему прижимая альбом к груди.

– Теперь я понимаю, почему он выбрал нас, – сказала она. – Может, в его ритуале так оговаривалось... или даже он сам не знал... но мы в чём-то схожи с ним, правда?

– О чём ты говоришь? – удивился Генри. Меньше всего он чувствовал в себе сходство с безумцем, который затащил их в эти кроваво-красные стены.

– Мы все очень любили нашу мать, – ответила Айлин.

Генри хотел что-то возразить, но внезапно понял, что это ни к чему. Просто это было правдой.

– Генри, неужели ты не видишь, как мы схожи с ним? Папа... да, конечно, я любила её, но когда их не стало... я плакала целый год по ночам, вспоминая о маме, когда просыпалась и видела, что рядом со мной на кровати никого нет. Ты сам признался, что... – она запнулась. – Я надеюсь, что ты и сам понимаешь, Генри, как сильна была твоя привязанность к матери. А Уолтер... он считает, что его мать – квартира 302, но разве это что-то меняет? Он делает всё, чтобы вернуть её. – Айлин явно бессознательно коснулась незаживающего синяка на щеке. – Он хочет быть со своей мамой. Это «Двадцать Одно Таинство»... просто средство, которое ему вдолбили в детском приюте. Он не знает иного способа.

8

Сердечник омылся кровью, умиротворённо вращаясь. Лезвия разбрызгивали красную жидкость и ошметки мяса с прилипшими клочками одежды. Казалось, багровое озеро посреди большой комнаты кипит, и вот-вот белая пена разольётся за края углубления. Яркие лучи сверху заставляли стальные лезвия блестеть рубиновым оттенком. Человек в синем плаще невольно залюбовался этой игрой бликов и багрянца – и только громкий, мучительный стон существа за его спиной заставил его очнуться. Он вздрогнул и поднял глаза. Через прозрачный потолок просвечивал молочно-белый свет иных миров.

Скоро.

Как долго он ждал...

Совсем скоро...

Человек вскинул руки, впитывая в себя силу, которую несли лучи. Существо дёрнулось и заревело, выпучив глаза. Выверенное вращение сердечника

понемногу набирало обороты, переходя из ленивцы в ярость. Кровь забурлила в пруду. Всё помещение, затаив дыхание, ждало двадцать первого оборота, который должен был знаменовать начало конца.

Фрэнк Сандерленд, управляющий.

На протяжении своих приключений Генри открывал много дверей. Но эта дверь стала последней вехой. Он понял это даже до того, как открыл её и почувствовал смрадный запах гнили, пропитавший квартиру. Понял по kloкочущему струнному напряжению, которое охватило тело, когда он коснулся двери.словно громовой разряд прошёл сквозь него от двери к полу; буквы на табличке качнулись и уплыли куда-то далеко за пределы глаз, вместо них возникла тёмная комната, в которой не было огней: только запах, сбивающий с ног своей отвратительностью. Айлин зажала нос; то же самое сделал Генри.

– Это она, – её голос был гнусавым. – Пуповина...

Генри кивнул, не смея вдохнуть. В груди зародилась надежда: неужели их сумасшедший план может обернуться удачей?.. Но что тогда значит эта тяжесть в голове, предчувствие чего-то нехорошего? Не найдя ответов, он сделал шаг вперёд и едва не поскользнулся на крови, которым была залита вся прихожая. Схватившись за стену, он посмотрел под ноги. Пол был мокрым и красным.

Фрэнк.

Оба поняли, что здесь произошло, и оба не хотели об этом говорить здесь и сейчас... нигде и никогда. Держа Айлин за ладонь, Генри пошёл дальше во тьму. В какой-то момент воздух в лёгких закончился, и ему пришлось сделать вдох. В лицо словно бросили лопату отходов. Перед глазами зазмеились трубочки разного цвета.

Значит, цель где-то рядом. Может, в этом большом шкафу?

Скорее всего. Иначе чем объяснить, что запах усилился втрое, едва он приоткрыл лакированную дверцу? Теперь нельзя вдохнуть даже под угрозой полного удушья... иначе они умрут, не сойдя с места.

Генри лихорадочно шарил руками по полкам. Одежда, коробка с обувью, набор отвёрток, стеклянная банка... Он перешёл на верхние полки. Грудь начало сдавливать. Рука Айлин выскользнула из кисти: она бросилась назад, согнувшись в три погибели. Генри её не стал останавливать. Чёрт возьми, как здесь темно... Ещё одна коробка (на этот раз, похоже, в ней находилась шляпа), альбом для семейных фотографий, аптечка... И вот она, на дальнем конце верхней полки – небольшая картонная коробочка красного цвета. Судя по всему, в ней раньше хранились иглы; но, сорвав крышку одним движением, Генри увидел внутри не серебристые острия, а сморщенный целлофановый пакетик, в котором лежала...

Сердечник, алый от омывшей его крови, совершил двадцать первый оборот.

11

– Мама? – прошептал мальчишка в полосатой водолазке, отступая назад от двери. Он был по-прежнему один в красном коридоре, но там, за перегородкой двери, кто-то шевельнулся. Он это чувствовал ясно, как раньше ощущал нарождающееся дыхание.

– Мама, это ты?..

12

– Мама? – спросила Айлин Гелвин, сделав шаг назад, в коридор. Алые полосы на её лице смешались, образовав один колыхающийся кровоподтёк. – Мама, это ты?..

13

Раскатистый удар колокола совпал со вспышкой, которая сделала мир вокруг Генри снежной пустыней. Голова раскрылась, как арбуз, не выдержав давления изнутри. Взрыв, боль – и вот он нигде, в белом сиянии, которое поглотило всё сущее. Где-то кричала Айлин, но явно не в том мире, где находился он. Такое знакомое ощущение превращения в бестелесную точку: белый свет угас, уступив место мертвенной синюшности луны, и он увидел в этом ночном свете раскрывающуюся дверь квартиры и двух людей, которые появились в черноте проёма. Лица их не было видно, хотя оба стояли, повернувшись в его сторону. Только волосы – чёрные у мужчины и светлые у женщины. Генри знал, что женщина плачет, хотя звука в этом мгновенном фильме не было. Они выходили из квартиры, и мужчина держал женщину за плечи, грубо проталкивая вперёд. Она силилась оглянуться, может, даже войти обратно, но он не давал ей этого делать. Так они и вышли – ушли в ночь, покинув свой дом. Дверь квартиры медленно затворилась за ними. Три цифры чернели на поверхности двери, и Генри их, конечно же, знал.

Но тут последовал второй удар колокола, и он обратил этот зыбкий ночной мир в град осыпающихся осколков. Таунсенд по-прежнему стоял в гостиной Фрэнка Сандерленда, уставившись в окно невидящим взором; обе ладони лежали на висках, сжимая их, как тиски. Сверло дрели, запинаясь, выскальзывало из воспалённого мозга, отбрасывая белые снопы искр. Он почувствовал, как разлепились губы и прошептали: «Голова...». Когда боль начала проходить, Генри почувствовал ещё кое-что довольно неприятное: на его спину и бока сыпались удары, несильные, но частые. Чьи-то кулачки без устали молотили его.

– Айлин... – язык распух и с трудом ворочался во рту. – Айлин, что ты делаешь?

Она рыдала навзрыд; всё лицо было мокрое от слёз. Но остановиться девушка и не думала, награждая Таунсенда всё новой порцией тумачков.

– Это всё ты, ты! – язык заплетался, и слова, неистово выкрикиваемые ею, различались с трудом. – Почему ты заставил её бросить меня? Почему оставил меня там, во тьме? Это ты...

– Айлин... – Генри пятился, защищаясь локтями от ударов. Красная коробка лежала у его ног, пакетик с пуповиной вывалился из неё, по-прежнему источая свой неповторимый запах. – Айлин, это же я!

Она успокоилась только с третьим ударом колокола. Колокол звучал где-то наверху – то ли на втором, то ли на третьем этаже. Генри что-то не помнил, чтобы над их домом воздвигали купол церкви.

Замерев с поднятой рукой, Айлин прислушалась к отзвукам колокольного звона, которые всё ещё носились эхом. И вдруг улыбнулась разбитыми губами сквозь слёзы – радостно и плотно, как ребёнок, предвкушающий вечернее пиршество. Страшнее выражения Генри на человеческом лице не видел ни до, ни после этого.

– Она просыпается, – зашебетала она, глядя на зелёный альбом. Алые пятна продолжали стекаться на её лицо, делая неузнаваемой. – Мама... Она ждёт меня. Она зовёт меня к себе!

Генри, который всё ещё боязливо отстранялся от девушки, внезапно понял, что сейчас будет.

– Айлин, не надо...

Поздно. Она уже выбегала за порог осиротевшей квартиры с детской лихвой, не обращая внимания на больную ногу и разматавшийся бинт. Генри услышал её звонкий смех, когда Айлин убегала по кроваво-красному коридору.

Он сделал шаг вслед за ней, и невидимая сила толкнула его в грудь, мягко отстраняя назад. Не нападая, но предупреждая: *она моя. Теперь она принадлежит мне.* Второй шаг потребовал у него всех усилий. Мышцы напряглись, на лице выступил пот. Ладонь, лежащая на груди, стала железной, не давая шанса ступить ещё раз. Генри со стоном попятился назад. Айлин ушла. Он проиграл в тысячный раз в этой игре. Колокол наверху торжественно ударил в четвёртый раз, вызвав гудение в голове.

Это всё? То, что он заслужил после всех своих немыслимых усилий? Разлука в последний миг, беспомощность и поражение – вот что преследовало Генри в последние годы, вот что стало его проклятием. Теперь ему остаётся только ждать... сидеть взаперти, как всегда, и ждать развязки, не в силах на что-то повлиять.

Но краем глаза увидел, что красная коробка всё ещё покоится у ног. И источает запах смерти, не сравнимый ни с чем.

Генри взял её, как во сне. Другой рукой схватил целлофановый пакетик с древней пуповиной и быстро засунул его в коробку. Лишь закрыв крышку, он почувствовал себя лучше. Запах стал менее острым.

Ну?.. Что дальше?

Дальше – ещё одна попытка прорвать незримую темницу. Сжимая коробку в ладони, Генри сделал шаг к двери. Пятый удар колокола, зычный и басистый. Руки, толкающей назад, не было. Генри пошёл к двери, ожидая, что вот-вот его собьют с ног и яростно отшвырнут назад, дабы он знал своё место. Но этого не произошло. Он спокойно прошёл через дверь и вышел в коридор, который был пуст, как склеп. Веяло затхлостью и безжизненностью; этот мир стал ненужным своему создателю с первым ударом колокола, и последствия сказались немедленно. Мясные наросты на стенах застыли червяками, свет ламп приобрёл умирающий синий оттенок. Выжили ли те твари, которые вставляли у них на пути в течение всего путешествия? Генри смел надеяться, что все они подошли – захлебнулись в собственной крови в миг, когда колокол потряс мир до самой глубинной точки.

Он побежал. Побежал всеми силами, чувствуя в руке тяжесть пуповины. Может быть, ещё не поздно. Может, надежда тлеет, пока звонит колокол. Может, он успеет догнать Айлин прежде, чем она доберётся до квартиры и Салливан сотворит с ней то, что задумал...

Может, может. Эта чёртова неопределённость. В любом случае, всё решает быстрота ног, а ноги-то не желали поддерживать хозяина в последнем бою. Генри бежал и никак не мог добраться до конца коридора. Колокол отсчитал свой восьмой удар, прежде чем он открыл дверь выхода в холл первого этажа. Первое, что он увидел – манекен, разбившийся на отдельные куски, которые лежали на полу. Видимо, тонкие нити не выдержали тяжести. Длинноносая маска взирала из-под почтовых ящиков, чуть правее лежала согнутая левая нога. Правая рука манекена увязла в красной жиже, но так и не отпустила свёрнутый в трубочку листок белой бумаги. Генри узнал с первого взгляда, откуда эта бумажка: та самая последняя страница детского альбома. Он нагнулся и взял её из неживой руки. Испачкана в крови, но рисунок ещё различим. Развернув листок, Генри увидел то, чего и опасался.

Ещё один человечек, вскинувший руки в символическом жесте отчаяния. Уголки рта опущены вниз. Прямо на человечке набросаны очертания странного сооружения – какие-то накладывающиеся друг на друга окружности с треугольниками, похожими на лезвия ножей. И ещё... у человечка длинные волосы, которые должны показать, что это женщина.

Значит, вот как всё должно закончиться. В глазах у Генри потемнело: то ли от страха и ужаса, захлестнувшего его, то ли от kloкочущей в груди ненависти. *Вот что ты уготовил для той единственной, которая относилась к тебе как к человеку. Это – твоя благодарность...*

Он смял рисунок в кулаке и задрал голову, глядя вверх. Третий этаж. Квартира 302. Место, где некогда родился этот выродец... место, где жил он, Генри Таунсенд. Что его ждёт в этих стенах на этот раз? Дошла ли туда Айлин?

Генри побежал вверх по лестнице.

Последняя, двадцатая ладошка на стене прорезалась чётче, пропитавшись цветом крови. Учитывая обстоятельства, это было нехорошо. Кладя кисть на ручку двери, Генри опять услышал далёкий зов мальчика, который разбивал кулаки о молчащую дверь: «Мама, открой, это я, Уолли, твой сын!». Как ветер, голос прошелестел в голове и растаял. Генри открыл дверь.

Квартира встретила хозяина угрюмым молчанием. Айлин не было. За окном висела глубокая ночь, и дождь обыденно бил снаружи в стекло. Ревели клаксоны, по трубам со звоном стекала вода. Город продолжал жизнь, но только не квартира 302. Она была мертва всегда.

Ты завладела мной, подумал Генри, стоя в прихожей. Одурманила своими парами и заточила в себе на два года, воспользовавшись моим горем. Я-то думал, почему мне не хочется возвращаться к прежней жизни. Почему я так страстно не хочу выходить даже на минуту. Почему я так и не прочитал ни одну из книг, которые привёз с собой...

Он направился, пошатываясь, в коридор, в конце которого зияла дыра в тёмную комнату. Ставни упреждающе дзинькнули: *не смей туда идти*. Часы, давно остановившиеся, затикали снова, вращая стрелки с бешеной скоростью. В спальне затрезвонил телефон. Включилась вода из-под крана. Зашумел холодильник. *Тебе его не остановить, Генри. Даже не думай об этом.* Квартиру объял полуночный мрак. Дыра на стене слилась с вязкой темнотой.

Ты – тоже порождение этого безумца, бросил Генри в ответ, не замедляя шаги. Одна из частей воздвигнутого им мира... Ты тоже сгинешь в свой ад, когда всё будет кончено.

Никогда!

Радиоприёмник заполнил помещение грохотом канонады. Обвалившийся вентилятор застучал лопастями по полу: *ни-ког-да, ни-ког-да*. Морщась от крохотных иголок, тыкающихся в мозг, Генри протиснулся в дыру. Вытащил из кармана коробок с пуповиной и открыл его, приготовившись к волне смрада. Теперь остаётся вытащить этот противный шнур из пакета и запихнуть в глотку мертвеца... истинного тела Уолтера. Если и это не сработает, то Генри был готов признать своё поражение.

Ну так признай, злорадно прошептал чей-то тихий голос.

Тело исчезло. Стойка осталась, и ржавые проволоки висели на ней, как раньше...

... но мертвеца у стойки больше не было. Лишь иссохшая чёрная лужа зияла, как дыра, на полу. Колпачок лежал на ней, как жёлтый глаз.

Не может быть.

Чёрный кубок... ножовка... книги... Где, чёрт возьми, тело?

Лужа у подножия стойки завораживала глаза, светясь чернью даже в этом сумраке. И этот колпачок... как будто он плавает на поверхности жидкости и вот-вот провалится на дно вместе со всей комнатой. И утянет Генри за собой. Он вздрогнул. Что за нелепые галлюцинации? Ясно одно – тела здесь нет, как нет ни Айлин, ни мальчишки. Некуда класть клочок плоти, чтобы остановить ритуал. Есть только квартира, которая зло копошится за спиной...

Это конец?

Но что-то мешало Таунсенду прийти в полное отчаяние. Что-то, оно пробуждалось, когда он останавливал взгляд на обычном жёлтом колпачке, который лежал на слишком чёрной луже. Он увидел, что лужа идеально правильной круглой формы, каковой не может быть в принципе. Как одна из тех дыр, через которые он попадал в мир Салливана.

Неужели?

Колпачок... Он колыхается... То ли что-то у него с глазами, то ли жёлтый круг действительно начинает погружаться в пустоту, стягивая комнату в узел, который собирается в каплю и срывается вниз, чтобы слиться с лужей.

Зубчатые грани колпачка стали огромными, как айсберг, наплывающий на крохотную шлюпку. Генри попытался сделать шаг назад, чтобы избежать фатального столкновения. Но было поздно. Свинцовая тяжесть в кармане, где лежала пуповина, не дала ему возможности скрыться. Колпачок врезался в лицо всей своей многотонной жёлтой громадой и развернулась нижней стороной, раскрыв взору Генри алый тоннель, стены которого начали мчаться мимо него с бешеной скоростью. Изнутри тоннель был наполнен чёрной безвкусной жидкостью. *Как пуповина*, думал Генри, проваливаясь вниз по тоннелю. Как пуповина, соединяющая ребёнка с матерью, тянущаяся из одной реальности в другую, сквозь измерения и пространства...

15

Для кого-то это кроличья нора, для другого – магические кристаллы. Для Генри Таунсенда путеводителем, который привёл его в другой мир, стала пуповина из красной коробки. Он летел, кувыркаясь, по её бездонной горловине, пока вдруг не понял, что уже не двигается, а покоится, обхватив колени руками и опустив голову на грудь. Алый цвет по-прежнему окружал его, но это были не стены тоннеля, а красный туман, распыленный по воздуху. Генри поднял голову. Сквозь дымку он увидел какие-то неясные фигуры. Не считая их, он был один в кроваво-красном мареве, и – какое диво – ноги его не касались пола, он парил над полом на расстоянии двух дюймов, как бывалый фокусник. Зачарованный Таунсенд наблюдал за этим необычайным явлением, пока в голову не ударила мысль-кувалда: *Айлин*. Он вздрогнул и выпрямил ноги, заставив их спуститься на пол. И тотчас всё вернулось на место: и привычная тяжесть тела, и дыхание, и течение мыслей. Он огляделся, но не смог увидеть ничего, кроме тех же человеческих очертаний. Сделав пару шагов, Генри убедился, что это просто умелые скульптуры, приделанные к стенам. Все – одинаковые. Безликая голова, руки и ноги, лишённые пальцев. Он отвернулся от образов, почувствовав к ним отвращение. Нужно было идти. Генри чувствовал, что Айлин где-то рядом, что она не одна, а с их заклятым врагом. Она звала его. Может, не осознавала сама, но звала. Её мысленный глас достигал Таунсенда, заставляя его идти в одну вполне определённую сторону. Красный туман клубился вокруг, постепенно рассеиваясь. Где-то вновь ударил колокол.

Глава 2

Колдун и истинное тело

1

Наконец-то вся суета осталась позади, и человек, который молча наблюдал за вращением сердечника, мог вздохнуть спокойно. Для него это было роскошью – стоять, ничего не делая, и умиротворённо смотреть на результаты своих трудов.

Лезвия проворачивались с хищным блеском, издавая низкий рокочущий звук. В красной жидкости плавали большие воздушные пузыри, которые лопались, как только сталь лезвий касалась их. Брызги крови, слетающие с приспособления, окропили всё помещение мельчайшими алыми каплями, включая лицо человека в плаще. Но он не пытался оттереться. После всего, что он успел натворить, это было бы глупо, если не смешно.

Налюбовавшись на смочённый в крови сердечник, Уолтер перевёл взгляд на ступенчатую лестницу, которая опускалась в красный водоём. Даже закончив отсчёт ступенек, лестница продолжалась, переходя в короткую дорожку, которая вела к стене комнаты. Там, где стояла Возрождённая Мать, готовая привнести в дар свою кровь. Мрачные глаза Салливана теплели, когда он смотрел на Айлин. Снова он испытал жалость к ней и отвращение к тому, что делает – два совершенно недопустимых чувства, особенно сейчас, когда близится время пожинать плоды. Он постоял в нерешительности, слушая шум оборотов за спиной, потом всё-таки подошёл к ней, шагая робко и осторожно. Как мальчик на первом свидании. Уолтер усмехнулся нелепой мысли, но хоть рвись пополам, не мог заставить себя идти быстрее. Пожалуй, та, которая взирала сейчас невидящими глазами, была единственной (кроме Матери-Квартиры, конечно), к кому он испытывал в своей короткой жизни нечто, похожее на любовь. Он не мог не прошептать ей напоследок хотя бы несколько ободряющих слов.

– Скоро всё кончится, – тихо сказал Уолтер, обращаясь к девушке. – Всё будет хорошо... обещаю.

Она услышала, хотя все чувства её сейчас спали глубоким сном. Но поверила ли?... На её месте Уолтер вряд ли стал верить. Но это её дело. Со своей же стороны он знал, что это не пустые слова. Он решил про себя давно, что после окончания ритуала позволит Айлин умереть по-настоящему, не даст ей превратиться в очередного стонущего призрака, как остальных. Выбор дался нелегко – если Уолтер и хотел, чтобы кто-то из участников ритуала

оставался с ним рядом после его конца, то это была Айлин. Но... он решил. Она заслуживала покоя. Это было самое большее, что он мог сделать для неё.

Всё, хватит с меня сантиментов на сегодня, подумал Уолтер, отворачиваясь от девушки. Дальше нужно быть решительным, как никогда. Осталось лишь дожидаться Преемника Мудрости (он чувствовал каждый его шаг, и знал, что он уже направляется к ним), и время настанет.

Существо на стене испустило громкий рёв, смешанный со стоном. Нелюдское дитя исполинского размера, прикованное цепями к стене; всё тело было покрыто вязкой слизью, которая капала на пол. Слизь капала изо рта существа тоже, когда оно нечленораздельно кричало. С каждым криком колокол делал очередной удар, разносящийся эхом под высоким потолком. Даже сам Уолтер был неприятно удивлён, когда он впервые увидел Дитя: ему хотелось бы видеть его чем-то... более человеческим, что ли. Но облик существа стал именно таким, да в принципе особой важности это не имело. Но особой любви к своему «истинному телу» Уолтер не испытывал. Он надеялся, что после свершения Двадцати Одного Таинства больше его не увидит.

Кроме уродливой внешности, были и другие причины, по которым Уолтер относился к Дитю прохладно. Именно Дитя, а не Уолтер, создало мир, в котором он пребывал последние десять лет после смерти; и он понятия не имел, с чего Дитю понадобилось населять его такими странными существами. Отвратительными. Уолтер, конечно, привык к ним. Иногда было даже удобно, когда монстры подчинялись его воле... но краем сознания он до сих пор побаивался их. Они напоминали ему о прошлых злодеяниях. Например, это чудище с головами детей – слишком детские личика похожи на брата и сестру Локейнов, которых Уолтер разрубил топором на лужайке их дома. Или существо с обезьяньей головой. Обезьяна ещё ничего... но вот вторая, мёртвая голова...

Салливан пришёл к выводу, что Дитя его тоже не любит. Оно вовсю творило мелкие пакости вроде монстров, напоминающих о его преступлениях. Уолтер терпеливо игнорировал козни. Как-никак, без него он тоже не мог обходиться. Хвала Господу, что после создания мира возможности «истинного тела» в нём были сильно ограничены.

Теперь Дитя вздрагивало и испускало стон с регулярностью хорошего часового механизма, вызывая колокольный звон. Сердечник вертелся. Девушка стояла на лестнице, готовая сойти в озеро крови. Маленький Уолли, ради которого всё затевалось, стучался в дверь к Матери. Преемник Мудрости прибудет с минуты на минуту. В ожидании его Уолтер осматривал стены помещения, вспоминая всех, кто стал для него вехой к высшей цели. Он размышлял о своих жертвах холодно и отчуждённо, не позволяя эмоциям пробиться в мысли.

Первыми были десять грешников, вырезанные сердца которых исчезли в жерле этого бассейна. С ними дело обстояло проще – Уолтер знал все их грехи, и угрызения совести его особо не мучили. Джимми Стоун, «Красный дьявол», призрак которого начал доносить Уолтера ещё при жизни, был учинителем тайной расправы над членами остальных кланов Сайлент Хилла.

Преподобный Джордж Ростен стал Стоуну в этом деле правой рукой. Бобби Рендольф и Шон Мартин поплатились за свою любовь к Дьяволу. Стив Гарланд вымещал своё зло не только на маленьком Уолли... на многих других детях, некоторые из которых остались инвалидами на всю жизнь после знакомства с его тяжёлым кулаком. Рик Альберт избежал суда, но был повинен в том, что ему вменялось. У ангелочка Билли Локейна были слишком проворные руки и слишком зоркий глаз; сестра не отставала от него в этом деле. Плюс к тому она умела ябедничать кому надо и пользоваться этим умением как искусным оружием шантажа над братишкой. Уолтер не жалел о том, что убил детей: возможно, он даже сослужил миру хорошую службу, избавив от нарождающихся бездушных тварей. Часовщик Уильям Грегори и не жил вовсе – его жизнью были тикающие механизмы, а они после смерти хозяина, променявшего дарованную ему жизнь на шестеренки, никуда не делись. Эрик Уолш не умел умерять свой пыл за рулём. За что и был наказан.

Уолтер полагал, что верно выбрал грешников – лучшим доказательством тому было то, что Святое Успение всё-таки свершилось. Он продолжил существование после той страшной ночи в тюремной камере, когда к нему стучались призраки его жертв. Даже сейчас, много лет спустя, когда он навидался и не такого, воспоминания той ночи вызывали в нём холодную дрожь. Эти глаза, вращающие белками, следящие через решетку. Эти вздрагивающие пальцы с облезлой кожей, разинутые рты, искривленные в страдании. Сначала они просто стояли, невзирая на отчаянные крики Уолтера о том, чтобы они исчезли. Потом Джим Стоун, «Красный Дьявол» с иссиня-бледной кожей, на которой виднелись трупные пятна, выступил вперёд и начал просачиваться в его камеру сквозь прутья решетки. Копы лишь смеялись, слушая вопли Уолтера – потом один из них серьёзно посоветовал ему заткнуться, если он не хочет провести ночь в карцере. Разумеется, он не перестал. Ближе к полуночи, окружённый разлагающимися телами, которые взирали на него и тянули руки, он принял решение. Настало время проверить, насколько правдивы были Священные Писания... Перед тем, как воткнуть ложку в шею, он блаженно улыбнулся пустым глазам, следящим за ним – он уходил от них. В тот момент Уолтер был совсем не против, если в результате действия он умер по-настоящему – настолько был измучен. Но судьба решила иначе – когда он вновь открыл глаза, то бранные оковы плоти больше не сковывали его. И больше никто не мог ему помешать осуществить задуманное.

Далее Уолтер выбирал людей для ритуала более тщательно, как того требовало Писание. «Пустота», «Темнота», «Мрак» и «Отчаяние»... Самая тёмная часть ритуала, преисполненная страха и сомнений. Уолтер более-менее привык, что в своём мире он один с Дитём, но к концу второго круга ритуала он достаточно пробыл в одиночестве и успел всецело почувствовать, какое оно горькое на вкус. Бывали мгновения, когда он жалел о том, что сделал... о том, что ещё сделает. И хотя знал, что дороги обратно уже нет, иногда страстно хотелось просто исчезнуть. Бросить все эти миры с населяющими их чудищами, бросить призраков своих жертв, блуждающих по его катакомбам, бросить Дитя, хмуро висящее здесь, ожидая своего часа. Но он выдержал это

испытание сомнениями – волей или неволей. Тем более что конец ритуала стремительно приближался: время, когда прошлое уже не будет иметь значения.

Две недели назад Преемник Мудрости впервые попал в его мир через пуповину, соединяющую его квартиру с миром подземки. Так началось Третье Знамение...

Уолтер услышал приближающиеся неровные шаги сбоку, где широкая арка уходила в красный туман, окутавший весь мир. Дитя затихло на цепях, беззвучно разевая рот, и уставилось водянистыми глазами на арку. Свет, бьющий с потолка, стал ярче. Уолтер почувствовал, как внутри всё замерло – и весь мир, им порождённый, перестал дышать вместе с ним.

Он повернул голову к нему – к Преемнику Мудрости, который должен был стать последним ключом, отпирающим наглухо заколоченный ящик Двадцати Одного Таинства. Человек, который возник под аркой, смотрел воспалёнными красными глазами на Дитя. На изорванной рубашке и в волосах засохла кровь. Уолтер поднял руку в приветственном жесте:

– Здравствуй, Генри.

2

Картина ужасала. Первые секунды Генри вообще ничего не видел, кроме освежеванного склизкого тельца, прикованного цепями к стене. Существо, в свою очередь, внимательно смотрело на него, роняя изо рта тягучую слюну. Словно пыталось загипнотизировать. Отчасти это ему удалось: Генри не заметил другую опасность в виде человека в синем плаще, который наблюдал за ним, пока тот не подал голос:

– Здравствуй, Генри.

Он вздрогнул и перевёл взгляд. Уолтер Салливан улыбался. Мирно и спокойно, словно встретил давнего закадычного друга. С чего бы не улыбаться, раз всё идёт, как надо?.. Генри ощутил прилив злости, подобный взрыву. Он хотел что-то сказать убийце, но не нашёл достойных слов. Потом увидел нечто, пригвоздившее его к полу стальными гвоздями – девушку, которая стояла на возвышении на дальнем конце комнаты. Возвышение тянулось, как аллея, в центр арены и спускалось в кровавый пруд, где бешено вращалось нечто, напоминающее мясорубку.

Генри смотрел на Айлин. Её взгляд тоже был направлен на него, но она его не видела. Стоило раз посмотреть на остановившиеся глаза и странно спокойное выражение лица, чтобы понять это. Красные полосы под кожей шевелились, подобно немыслимым ручейкам.

– Айлин?

Зов, сорвавшийся с губ, остался безответным. Генри сделал шаг, отказываясь верить в то, что происходит... в то, что произойдёт сейчас и здесь, на этой круглой арене, залитой белым светом.

Один миг, или минута, или час продолжалась эта немая сцена – измотанный человек, глядящий на девушку, мужчина в плаще, с улыбкой наблюдающий за

обоими, и существо не из мира сего, бесформенным клубком застывшее у стены. Потом равновесие нарушилось отзвуками эха, донёсшегося из белого мира над крышей, где парил ярко-молочный свет.

– Мама? – умолял мальчик; струи света приносили слабеющий голос с собой. – Пожалуйста... мамочка, ну открой...пусти меня...

Мальчик отчётливо всхлипнул. По лицу человека в плаще пробежала тень. Мягкость и отстранённость сгнули, оставив холодную решимость на его лице. Резко вскинув руки вверх, он прокричал в ответ:

– Подожди, маленький Уолтер! Только жди! Скоро ты встретишься с ней...

И, обращаясь к Генри – тихо и буднично:

– Генри... Теперь остался только ты. Последнее Знамение... «Преемник Мудрости».

3

Генри убеждался, и не раз, что осознание самых важных вещей прячется по углам, выжидая последнего момента, когда ничего нельзя будет изменить. Так и на сей раз – только в этот миг, видя Айлин, которая сделала первый мучительно медленный шаг к мясорубке, он понял простую вещь. Он любил её. Когда именно зародилась эта любовь и насколько она сильна – этого он не мог сказать, но осознание пришло и не собиралось уходить.

– Айлин!

Не обращая внимания на Уолтера, который скромно стоял в сторонке, Генри вырвался вперёд и побежал. Возвышение было небольшим, он мог запросто вскочить на него и стащить девушку со смертоносной дороги. Но знакомое ощущение овладело им, как только он приблизился к ней: чужие руки, толкающие в грудь, не дающие пройти. Генри сделал один шаг, вложи в него невероятные усилия. На этом силы кончились – он пошатнулся и нетвёрдой походкой попятился назад.

В десяти футах Айлин делала второй шаг.

Он повернулся к Уолтеру, который по-прежнему не сходил с места. В глазах комната расплывалась, перемешивая серое чудище и человека в плаще в одно варево. Говорить было трудно, но Генри выдавил из себя этот вопрос:

– Почему?

– Матери нужна кровь, – просто ответил Уолтер. Словно это всё прощало. Рука опустилась в карман. Когда она вновь вышла оттуда, в кисти находился пистолет. Дуло сверкало серебром – когда оно поднялось и с любопытством взглянуло на Генри чёрным зрачком, он не шевельнулся. Куда убегать? Весь мир всё равно заключён в этой круглой арене.

Существо на стене испустило вопль, разбрызгав слизь по полу. Уолтер покосился на него с неудовольствием. Пока он отвлёкся, Генри вскинул правую руку. Кулак был разодран в кровь. Медленно, с расстановкой он развернул ладонь. Уолтер выжидал, с интересом глядя на него.

Последняя надежда...

Слишком много раз Генри не ухватывался за тонкую нить. Слишком часто он опаздывал, заставляя лишь обугленный тлен вместо живых ростков. Смилостивится ли Бог сейчас, отрешённо думал он. Или Он решит, что наказание вечным заточением в этом мире достойно его...

Так хотел Бог.

Он нащупал в кармане красную коробку, обжигающую бедро жаром. Раскрыл и увидел засохшую пуповину, которая лежала в нём. Уолтер удивлённо смотрел на него, но Генри чувствовал, как в голове противнике начинает прорезываться страшное понимание. Вот-вот последует выстрел... Подняв голову, Таунсенд скрестил взор с Уолтером на миг, чтобы увидеть, как торжество исчезает с глаз маньяка, уступая место панике. Недалеко от них Айлин совершила третий шаг. Сердечник внизу вращался с голодным воем.

Генри ждал.

Одно неверное движение, одна нерешительность, и ты будешь убит.

Пуля выскочила из дула и проторила короткий путь вперёд, метнувшись из ствола в голову Генри. Но вместо тёплой плоти она встретила с холодным гранитом стены, отрикошетила и с возмущённым звоном и юркнула в кровавое озеро. Послышался всплеск. Лезвия не замедлили свой танец.

Генри бежал. Он успел, ему удалось уйти от встречи с этой пулей – но в пистолете Уолтера оставалось много зарядов, если не бесконечное количество. И расстояние в два десятка футов до существа, хрипящего на цепях, вовсе не представлялось маленьким. Как всегда, пол упруго тянулся, силясь увеличить ему путь. Но на этот раз Генри был начеку. Он следил за своими ногами и полом, не давая им обманывать его. Он должен добежать. Генри рассчитывал на то, что безумец слишком долго видел покорных жертв, замирающих под дулом, как агнцы на заклание, и не сможет отреагировать быстро.

Уолтер выстрелил снова. Грохот, звон. Пуля улетела, прожужжав у правого уха. В Генри мелькнула мысль, что если Уолтер будет палить не целясь, то пули рикошетом могут попасть в Айлин. Воздух снова начинал высекать в горле зелёные искры, но Генри не замедлил бега. Отвратительное существо, «истинное тело» Уолтера Салливана, было уже близко, а в ладони Генри была зажата пуповина. Клочок нечестивой плоти Колдуна.

Третьего выстрела всё не было. Но оглядываться, чтобы выяснить, что замыслил Уолтер, не хотелось. Подбежав к существу и начиная замахиваться рукой с пуповиной, Генри понял это и без того – когда прямо перед ним, отрезая путь, возникла чёрная тень, за одно мгновение превратившаяся в человека с перекошенным от ярости лицом.

... и человек смеялся.

Уолтер схватил его, как мяч, летящий по воздуху, и оттолкнул назад. Генри ощутил, как ноги отрываются от пола, и он летит обратно. Приземление было болезненным и жёстким, но он тут же вскочил, невзирая на боль: Уолтер опять поднимал свой чёртов пистолет, наводя на него. Существо рядом с ним облегчённо сникло. Генри застыл, ощущая, как на этот раз не пространство, а время растягивается подобно резине. Ситуация была почти матовая – путь к существу отрезан, Уолтер явно играет не по законам природы, а рядом нет

ничего, за чем можно спрятаться – так что Таунсенду не оставалось ничего другого, кроме как снова ринуться вперёд, застав глаза пеленой азарта, плещущегося в крови.

Бах! Ещё одна пуля мимо. Уолтер перестал смеяться и сцепил зубы, выцеливая движущуюся мишень. С такого расстояния промахнуться было нельзя, даже если стрелок весьма посредственный. Генри понял, что он не успеет, просто не успеет добежать до цели, и за мгновение до выстрела вскинул руки, словно пытаясь защититься от напора слетающих с дула зарядов.

Последовала жёлтая вспышка, озарившая помещение, и волна боли свалилась на него многотонным грузом. Генри секунду стоял, покачиваясь на месте, потом кулем свалился на пол рядом с берегом кровавого озера.

4

Айлин слышала выстрелы, далеко-далеко, где-то в другом царстве и в другом государстве. Но её это особо не беспокоило, потому что там, где она находилось, никаких выстрелов не было. А был – белый свет, который только и остался во всём мире, и она одна, застрявшая в этой кристально чистой вселенной. Одиночество в бескрайней степи пугало её, но и завораживало. Свет звал её вперёд, нащёптывая в уши, что нельзя стоять на месте. Нельзя – ни в коем случае, иначе она вечно будет одна в этом сиянии, и этот новообретённый рай обернётся бесконечным кошмаром. Поэтому Айлин шла, переставляя отяжелевшие ноги. Конца пустыне не было видно, но голос света... такой мягкий, успокаивающий... он говорил, что если только она не будет останавливаться, то рано или поздно дойдёт. Дойдёт до матери, и они будут вместе и счастливы, как в хороших сказках. Айлин улыбалась и шла, не обращая внимания на неудобный зуд в глубинах разума и треск выстрелов, пробивающийся через молочную пустоту. Она шла.

До конца дорожки, где она превращалась в лестницу, оставалось пять или шесть шагов.

5

Свет вытянулся в белую струну, которая рябила перед глазами. Боль была как прилив, который бьётся волнами о скалистый берег – но вместе с наступившей темнотой прилив тоже отхлынул. Когда Генри снова открыл глаза, боли почти не чувствовалось. Лишь странная слабость и непокорность в левой ключице. Туда вонзилась пуля. Он лежал в расплывающейся луже собственной крови. Генри скосил глаза в сторону. Уолтер неторопливо перезаряжал пистолет. Значит, заряды всё-таки не бесконечны... Существо утихомирилось и поникло на цепях, вроде бы погрузившись в дремоту. Даже лезвия в пруду, казалось, умили свой пыл. И в этой тишине стук каблуков о бетон зазвучал необычно громко. Айлин сделала ещё один шаг, и на лице её появилась слабая светлая улыбка.

Генри поднялся на колени, упершись здоровой рукой о пол. Никто из трёх его не заметил. Уолтер вставлял в пистолет новую обойму. Генри сел на корточки и начал выпрямлять ноги – осторожно, чтобы не потерять равновесие и не шлёпнуться на задницу. Нещадно кружилась голова. Свет с потолка казался слишком ярким. В таком же медленном ритме Генри нагнулся и взял с пола отросток пуповины.

Наконец, его увидели – существо вперило в него свой мутный взор и зашлось воплем, от которого содрогнулись стены. Уолтер резко поднял голову, в глазах стояло изумление. Генри не стал ждать, пока оба милых братца придут в себя: он побежал вперёд, как мог, стараясь не вилять в стороны и держать курс строго на чудо-юдо, опутанное цепями. Щелкнул затвор пистолета: Уолтер вскидывал оружие, вновь беря Генри на мушку. До кричащего существа оставалось ещё пять шагов. Слишком много, чтобы добежать.

Ну уж нет. Генри размахнулся правой рукой, не отрывая взгляда от разинутого рта чудища. Багровый Том говорил, что клочок плоти Колдуна нужно запихнуть в глотку истинного тела. Если он промахнётся...

Всего долю секунды Генри колебался перед тем, как совершить бросок, но это время показалось ему часом. Он боялся, что не сумеет попасть пуповиной в рот существа; он боялся, что даже если попадёт, это не сработает; он боялся, что даже если сработает, Уолтер прикончит их прежде, чем умрёт сам.

Он бросил пуповину. Розовый комок стремительно пролетел по воздуху к существу, которое широко раскрыло глаза. Но увернуться так и не смогло – цепи держали его крепко, а рот был слишком большим, чтобы успеть его закрыть. Пуповина мелькнула воробьём и исчезла в провале рта. Долю секунды после этого стояла абсолютная, жуткая тишина – Уолтер напряжённо смотрел на застывшее существо, забыв о Генри, Айлин глядела пустыми глазами куда-то вдаль, даже сердечник и то перестал вращаться и взбалтывать страшный коктейль.

Потом всё изменилось.

6

Лучи, несущиеся с потолка, почернели и обуглились, как во время затмения. Словно кто-то огромный перегородил солнце своей массивной тушей. Настало время сумрака, и оно не прошло без последствий для круглой арены: всё вокруг пришло в движение, заскрежетало, высекая искры. Стены разверзлись. Озеро крови полыхнуло фонтаном, облив всех кровью. Айлин вскрикнула – Генри это услышал, но её крик перекрыл ни с чем не сравнимый мучительный глас существа. Из рта «истинного тела» пошёл сизый, плохо пахнущий дым. Существо задёргалось в агонии, выплёвывая зелёные комки слизи. Что касается Уолтера, то Генри, к величайшему своему удовольствию, увидел, как человек в синем плаще упал сначала на колени, потом ткнулся лицом о пол и замер. *Так тебе!* – подумал он. – *Так и надо!* Но катаклизм подошёл к концу очень быстро. Свет снова вернул себе белизну, восстановив прежний порядок.

Лезвия затанцевали, Айлин сделала шаг, существо лениво вскинуло голову... Уолтер начал вставать. По его движениям было видно, что особых неудобств он не испытывает. *Ничего* не произошло.

Генри был близок к отчаянию. Он сделал всё, как указывала книга, и где результат? Секундный триумф – смута, которая выровнялась быстрее, чем кто-то успел это осознать? Неужели всё было зря, и победить Уолтера невозможно?

Но когда человек в плаще поднялся на колени, Генри увидел за его спиной нечто, чего раньше не было на арене – и вряд ли входило в планы создателя этого мира... Копья. Вдоль круглой стены расположились человеческие образы, похожие на те, что он видел в кроваво-красном тумане. В живот каждого были вонзены длинные стальные копья, раздвоенные на концах, как вилы. Генри насчитал их восемь штук.

Проткни затем его тело восемью копьями Пустоты, Темноты, Мрака, Отчаяния, Искушения, Истока, Бдительности и Хаоса, дабы не дать завершиться обряду вызова Дьявола.

Сработало. Значит, сработало...

Уолтер медленно выпрямлял спину, вновь хватаясь за пистолет.

Лучше тебе поспешить, парень, прошептал голос в голове. Генри сделал шаг к ближайшему копью и усомнился, сможет ли он его вытащить и удержать в руке. Кровь из раны текла не переставая; он слабел с каждой минутой, в глазах темнело и светлело, словно времена суток решили устроить спринт. Доковыляв до стены, он обессиленно прислонился к прохладному камню щекой и взялся обеими руками за копьё. Боялся, что оно не шелохнётся под его жалкими усилиями, оставаясь на месте, как влитой, но опасения оказались напрасны: копьё выскочило легко, как из масла, стоило потянуть. Веса в нём было всего ничего. Заострённый двузубец на конце копья тускло блестел.

Развернувшись к безымянному существу, Генри столкнулся со стальными глазами Салливана, глядящими на него поверх дула пистолета. Снова удивительное ощущение, что время растягивается сродни упругой ткани: он видел, как палец Уолтера вдавливают курок, как ствол пистолета дёргается вверх, выпуская из дула носителя смерти. Пуля начала было аккуратно прочерчивать дорогу в его сторону, и в этот момент Генри был уверен, что может при желании просто поймать этот кусок металла в ладонь. Но время вернулось вместе со свистом, который разорвал уши, и мягким, почти ласковым касанием по щеке чьей-то невидимой рукой. Рука была тёплой – даже после того, как она исчезла, Генри продолжал чувствовать, как согревается кожа, но почуял неладное, когда теплота начала распространяться вниз, стекая струями.

Кровь, понял он с удивлением. *Он попал в меня!*

Мысль принесла с собою ярость. Он попал в него, он мог его убить, если бы он стоял двумя дюймами правее. Таунсенд кинулся вперёд, петляя из стороны в сторону, чтобы Уолтеру сложнее было его выцелить. Кровь продолжала течь по щеке в рот, и он машинально заглатывал солоноватую на вкус жидкость.

Существо отодвигалось от него, натягивая цепи, но далеко убежать не смогло. Генри коротко замахнулся копьём...

Очередной выстрел слился с моментом, когда двузубец вонзился в подрагивающую, покрытую слизью плоть. Генри закричал, но не услышал собственного крика. Он не знал, жив ли он или мёртв – знал только, что в нос проникает зловоние, и туша под копьём судорожно трясётся. Потом страшно защекоталось горло, словно кто-то водил куриным пёрышком по гортани. Генри кашлянул. Вместе с кашлем из горла вытекло нечто мокрое и сладкое. Рот наполнился этим; он поднёс руку к губам и с удивлением увидел, как она окрашивается в багровый цвет. Из рта у него текла кровь. Ноги, и до того донельзя слабые, отказали вовсе. Генри упал на колени. Спина стрельнула острой болью, больше похожей на зуд. Рука тряслась.

Неужели... он попал мне в спину?

Медленно, чувствуя, как хрустят позвонки, он повернул голову и посмотрел назад, на человека, который только что посадил ему над левой лопаткой пулю девятого калибра. Уолтер лежал на полу, скрючившись пополам, и скреб пальцами по полу, пытаясь дотянуться до оружия. Лицо было скрыто за длинными волосами, но Генри так и видел эту напряжённую, застывшую улыбку, которая приклеилась к его лицу. Он кашлянул снова. Кровь потекла сильнее – из руки и из спины. Кончики пальцев начали мёрзнуть.

Ещё семь копий, вспомнил он. Уолтер жив. Этот адский зародыш тоже. Айлин будет продолжать идти... Он повернул голову в другую сторону и едва не повалился набок от нахлынувшего головокружения.

Айлин оставалась на дорожке. Большая половина пути была позади. Красная дрянь, меньше всего похожая на кровь, прилила к лицу, начиная сочиться из ноздрей, изо рта, может, даже из глазниц. То, чем накачал её этот мир, воспользовавшись способностью Айлин к состраданию – кровь Матери, которая должна излиться в озеро, сделанное из крови всех жертв.

Айлин... – слова выходили беззвучно, проталкиваясь через внезапно пересохшие губы. Генри опёрся руками и пополз вперёд, отгоняя от себя подкрадывающуюся темноту. Не время умирать. Он не имеет права, пока не сделает своё дело...

Уолтер сжал пистолет, не отрывая левую руку от живота, который полыхал кислым огнём. Он видел, что Преемник Мудрости пытается добраться до следующего копья. Невозможно – он же видел, что пуля попала в него, после этого он должен был лежать на полу и истекать кровью... но нет. Страшная догадка поселилась в голове – что, если сила его мира ослабла вместе с ним, и теперь страстное желание Преемника позволило ему действовать вопреки его законам? Но даже если так... он тоже не собирался сдаваться. Слишком длинный путь был сделан, чтобы всё кончилось таким образом. Он не может бросить маленького мальчика, которому обещал встречу с матерью.

Преемник почти достал второе копье, но замер у подножия человеческой фигуры, схватившись за горло. Снова красный сгусток слетел из его рта. Это был хороший момент, чтобы положить конец. Уолтер поднял пистолет. Боль в животе не прекращалась. Ствол вело то влево, то вправо. Боль... давно

забытое ощущение. *Успокоиться. Сосредоточиться.* Уолтер закрыл глаза, погрузив себя в чёрную пустоту. Стало немного лучше. Он открыл глаза и начал медленно выискивать цель.

Генри чувствовал себя совсем худо. Копьё он достал, но буквально физически чувствовал, как нить сознания соскальзывает из рук – вот-вот чёрная волна его накроет. Ни о каких шести копьях речи быть не может... Он потряс головой и пополз к существу, изо рта которого продолжал валить дым.

Выстрел. Пуля улетела в потолок, вызвав гулкое эхо по всей арене.

Уолтер в сердцах швырнул в сторону бесполезный пистолет. Больше патронов не было, да если и были... оружие своё отслужило. Священное Писание умалчивало о таком повороте событий, но теперь он начал догадываться, почему последняя жертва именовалась именно Преемником Мудрости.

Согнувшись в три погибели, Уолтер сделал шаг к «истинному телу». Полы плаща путались под ногами – того и гляди, наступишь и упадёшь. Он подумал о том, чтобы скинуть ненужное одеяние, но прежде чем что-то сделал, второе копьё вонзилось в плоть существа, и он повалился на живот с глухим стоном. Дитя заревело, и крик его удивительно напоминал плач новорождённого ребёнка.

Пустота... Темнота...

Следующее копьё должно было привнести *Мрак*.

Сцепив зубы до скрежета и вперив глаза в человека, который отходил назад, чтобы достать третье копьё, Уолтер Салливан продолжал ползти вперёд.

7

Вокруг становилось прохладнее. Айлин всё ещё слышала зовущий её голос, и белизна оставалась такой же чистой... но почему так холодно? Почему мёрзнут щёки, кончик носа и даже глаза, словно кто-то выворачивает рычаги отопления? На секунду она даже усомнилась, а стоит ли продолжать двигаться вперёд, действительно ли свет говорит правду... ведь он может врать. Плести с три короба, и когда она пересечёт эту белоснежную пустыню, на краю её будет ждать никакая не мать, а... что-то другое.

Нет у тебя матери, тревожно заголосил далёкий голос. *Она умерла, много лет назад... была катастрофа...*

Но яркий свет яростно отрицал этот робкий голос, сминал его, как бумагу, и разрывал в клочья. Чужие ладони толкали в спину.

Иди... Иди вперёд. Не останавливайся. Она там.

Айлин шла. Носки туфелек коснулись первой ступеньки лестницы, ведущей вниз.

8

Третье копьё. Четвёртое.

Мир сузился до простого цикла – взять копьё, развернуться, ползти, бросить его в тело, пахнущее гнилью – и назад. Процесс, доведённый до автоматизма. Генри уже испытывал нечто подобное, когда поднимался по лестничной площадке отеля «Южный Эшфилд». Но тогда он знал, что если доберётся до цели, проснётся живым и невредимым на своей кровати, и это придавало ему сил. Теперь он на это не рассчитывал, и очень боялся потерять сознание до того, как все копыя окажутся в теле монстра.

А задача усложнялась. Генри брал ближайшие копыя со стен, так что с каждым разом расстояние становилось длиннее. Он с ужасом ждал путешествия за седьмым и восьмым копиями, когда ему придётся проползти половину арены, чтобы только достать двузубцы, и обратно – чтобы воткнуть их. В глазах темнело, летели какие-то бесформенные красные пятна. На ощупь всё казалось липким – рукоятки копий, собственная рука. Даже пол подрагивал и прилипал к ладони, как плохое желе.

Пятое копьё. Взять... развернуться... удерживать край сознания, удерживать во что бы то ни стало... размахнуться и всадить в тело. Двузубец исчез под влажным слоем кожи. Существо снова проорало.

Было холодно. Так и должно быть – наверняка вытекла порядочная порция крови из ран. Губы замёрзли и превратились в шероховатые створки. Глаза – ледяные яблоки. Ну и пусть. Главное, что руки и ноги пока движутся...

Генри был на полпути к далёкому шестому копыю. В Эшфилде стояла глубокая ночь, но в трехэтажном доме Фрэнка Сандерленда никто не спал, и все окна были зажжены, как в рождественскую ночь.

9

Каждое копьё меняло цвета. Четвёртое копьё сделало арену ярко-жёлтой, как кожа тифозника, и даже под веки просачивалась эта ядовитая желтизна. Пятое копьё окрасило вещи в синий цвет – ни дать ни взять морские глубины, полные чудовищ, и он не ползёт вовсе, а плывёт в этих холодных недрах. А шестое копьё взорвало всё винно-красным оттенком, и острия двузубца жадно вгрызлись под печень. Уолтер на этот раз не выдержал и застонал вслух. Это было невыносимо. Слишком долго он ощущал себя мёртвым, и такое напоминание о том, что он в какой-то мере ещё жив, ему не нужно.

Но он продолжал ползти, оставляя расширяющийся кровавый след на полу. Через секунды, минуты и часы он всё-таки сумел коснуться израненного, кровоточащего тела существа, который был его отражением. Генри ушёл за седьмым копьём, но Уолтер знал, что он вернётся. Может быть, он не сможет помешать ему воткнуть седьмое копьё, но если Божьей милостью не умрёт на месте, не допустит Преемника Мудрости до восьмого копия, который внесёт в Дитя последнюю составляющую разрушения – Хаос. А пока здесь лишь тяжело дышало Дитя... и Уолтеру требовалось отдохнуть перед последней схваткой. Всего минуту...

Он опустил голову на каменную плиту и сомкнул глаза, вслушиваясь в далёкий детский зов, который становился всё отчаяннее. Тело ломало,

растягивало, жгло и выкручивало. Он закусил губу. Нельзя сдаваться... Нужно терпеть, и скоро это будет позади, как плохой сон. Как вся его никчёмная жизнь казалась ему затянутым кошмаром после свершения Святого Успения. Нужно...

Он засыпал.

10

Времена, когда тяжесть копья казалась Генри невеликой ушли безвозвратно. Копьё налилось свинцом и весило не меньше ста фунтов. Оно было как змея – норовило выскользнуть из липких пальцев и укатиться в сторону, где всё застилало белое марево. Марево... Генри нахмурился. Как так может быть: он же помнит, что здесь была арена, и был Уолтер, и багровое озеро... и Айлин. Теперь он их не видел. Что-то случилось с его глазами, или этот изменчивый мир опять терпел трансформацию. В любом случае, это не повод остановиться. Дымка дымкой – но он знал, что за её слоем по-прежнему шевелится издыхающее существо, которого нужно отправить в ад, откуда оно и вышло. Он полз вперёд, и копьё покачивалось со звоном постукивало о пол.

Вот оно. Шесть копий подрагивают вместе с агонизирующими движениями, и чёрные глаза-блюдца глядят на него с ненавистью и паникой. Нет, не хотел бы Генри, чтобы это существо освободилось от сковывающих его цепей. Он крепче схватился за копьё и поднял его над головой, вложив в это движение почти весь остаток сил. Белая дымка подступала. Двузубец нацелился на тушу.

... и тут кто-то схватил его за шею. Холод пальцев проник в самое сердце, словно в шею впрыснули яда. Генри вскрикнул, копьё вывалилось из руки. Он так и не увидел, куда оно ушло – вторая рука вынырнула из ниоткуда и закрыла лицо ладонью, вцепилась поломанными ногтями.

Уолтер... Будь он проклят!

Генри старался сохранять равновесие, но дьявольская мощь противника давала знать: он медленно выгибался дугой под его усилиями, теряя опору. Лихорадочно пытался выискать здоровой рукой что-то, за что можно уцепиться, но ничего не находилось. Рука на шее стала многопудовой гирей, которой невозможно сопротивляться.

Пальцы на лице безостановочно двигались, пытаясь найти глаза. Генри задержал дыхание и выпрямил руку. Всё как в замедленном кино на старой, потрескавшейся плёнке – и дымка, и медлительность событий, и головокружение, набирающее обороты. Рядом торжественно вопил монстр. Генри выбросил кисть вперёд и схватил руку за палец, который начал надавливать на веко. Он потянул палец назад, чувствуя, как отрывается чужая ладонь от лица, и вокруг становится светлее. Рука на шее ослабла. Тяжёлое, прерывистое дыхание Уолтера за спиной. Он тоже был ранен. Это придало Генри уверенности. Он полностью отлепил руку Уолтера от лица и вывернул вправо. Дыхание противника замерло, потом сменилось едва слышным стоном: рука исчезла с шеи. Свобода. Генри едва ли не почувствовал себя воробышком, парящим под небесами. Он повернулся назад, пошатываясь и

взмахивая руками. Дымка вроде рассеялась; сквозь неё даже стало видно вращающиеся лезвия, которые появлялись и исчезали, будто механизм делал какой-то молитвенный обряд. Но они были далеко. А рядом находился, сжимая в кулак окровавленные кулаки, человек, который стал средоточием всего зла, что существовало в мире. В *этом* мире.

– Ты, – выдохнул Генри вместе с каплями крови. «Фы», – вышел звук из горла.

Салливан улыбался. Даже сейчас – он улыбался. Казалось, вот-вот закинет голову назад и рассмеётся, как ни в чём не бывало. Но Генри видел через эту приклеенную натужную улыбку его страх. Несколько секунд два человека смотрели друг другу в глаза, набираясь сил и злости для последней схватки. Знаком стал очередной рёв монстра, сотрясший клубы дымки – тогда они набросились друг на друга, спелись в клубок ненависти, рьяно покатались по полу, раздирая края ран. Уолтер схватил Генри за плечи и приложился лбом о лицо; так, что у того полетели искры из глаз. За это Генри двинул человеку в плаще кулаком под шею. В подростковые годы это был его коронный удар, но сейчас он был уже не тот, и особого урона апперкот не нанёс. Замахиваясь для второго удара, он не заметил, как оказался снизу – и кулак Уолтера опередил его, с быстротой молнии метнувшись от плеча к зубам. *Хрясь*. Генри вслепую вёл рукой перед собой. А новые удары сыпались на лицо, туманя разум, с каждым разом погружая его в какое-то тягучее болото. Таунсенд с ужасом осознал, что теряет сознание – на сей раз по-настоящему. Он попытался выскользнуть из-под веса Уолтера, но он лежал на нём крепко, не давая шевельнуть ни одним членом. И мутузил без остановки, буквально расплющивая череп о пол.

Генри закричал. От громкого крика Уолтер на секунду замешкался, и следующего удара в этой нескончаемой серии не последовало. Генри подался вперёд, резко поднимая голову и одновременно вцепляясь руками в ворот плаща. Нашупав гладкую ткань под кистью, он перевёл вес направо, пытаясь сбросить ношу. Уолтер отвесил очередной тумак, но Генри его не почувствовал. Он был полностью сосредоточен на задаче – выскользнуть, убежать, победить! Он даже не сразу осознал, когда ему это наконец удалось и он перекатился в сторону, смещаясь снизу вверх. Перед собой он видел лицо Уолтера, перекошенное, со складками морщин и чёрными порами, в глазах – красные прожилки. Сжав разбитые зубы, Генри выбросил руку вперёд. Костяшки пальцев болезненно стукнулись о хрящ.

Теперь будет мой черёд...

Генри бил, пока всё вокруг не заволокла вязкая серая субстанция, сменившая марево. Он чувствовал, как руки становятся комком крови, и как по его лицу тоже изредка проходит рука Уолтера – один раз тот попал ему пальцем прямоком в глаз, и тот немедленно перестал видеть, залившись колыхающейся краской. Он не остановился, даже утопая в серой жидкости, заполняющей арену.

Должно быть, потеря сознания длилась недолго, потому что когда Генри пришёл в себя, кровь на руках не успела свернуться. Это было первое, что он увидел, разлепив веки. Уолтер лежал рядом и не подавал признаков жизни – впрочем, Генри слышал хриплое дыхание, со свистом вылетающее из груди. Жив. Но пока вроде утомился. Следовало продолжать дело. Он с трудом развернулся в сторону центра арены, где Айлин продолжала путь. В первый момент испытал панический ужас – ему показалось, что Айлин дошла, что она стоит на самом краю последней ступеньки, и больше не нужно никакой суеты с копьями – одно дыхание, и девушка упадёт туда, в бушующий водоём. Но это была иллюзия, ещё одна жестокая шутка утомившихся чувств. Не последняя стуренька. Ещё три. Или четыре. Она выглядела такой маленькой и хрупкой на фоне литой стали лезвий. Генри сглотнул, но слюны во рту не осталось. Горло пересохло, как папиросная бумага.

Он стал искать взглядом упавшее седьмое копьё. И довольно скоро нашёл: благо, оно недалеко укатилось. Двухзубец был измазан в крови.

Не спеши, Айлин... ради Бога, не спеши...

Он подполз к копьё, взял его (он думал, сто фунтов? К чёрту. Все двести, если не триста...) и направился к Орущему-Трясущемуся, волоча копьё за собой. Дюйм, ещё, ещё. Сознание прояснилось. Дымка ушла. Но сил не прибавилось. Каждое движение отдавалось болью в спине, в ключице и в голове.

Дюйм... дюйм... дюйм...

Тихий стук каблуков. Айлин стала на ступеньку ниже. Сердце полыхнуло ноющей болью, но Генри не оглянулся. Время было дорого.

Как во сне, он сделал короткий взмах и воткнул копьё рядом с предыдущими шестью. Два острия прокладывали путь свободно. Генри заметил, что существо почернело и покрылось копотью, словно внутри его чресла разгорался пожар. Удушливый дым вырывался уже не только изо рта, но из ушей и даже из глаз. Голос охрип и стал визгливым. Монстр снова затрепетал, когда копьё проткнуло его, и одновременно позади охнул Уолтер. Генри закрыл глаза и пополз к восьмому копьё, отталкиваясь локтями от пола, который стал скользким, как лёд. Образы людей на стенах молчали, но почему-то ему казалось, что они напряжённо следят за этой жестокой игрой. Не с состраданием, но с любопытством. Это раздражало, но, в общем-то, Генри было наплевать. Он двигался вперёд, вслушиваясь в наступившей тишине в мерный звук каблуков, ставший песочными часами.

Молодец! – взревел свет, но в его голосе не было настоящей радости. – Ты совсем близко! Ты почти дошла! Ты ведь тоже слышишь это... не так ли?

Конечно, Айлин слышала. Песнь, кружащая в пространстве, исходила не из чьего-то горла, а сама по себе. Она напоминала густой хор, но пели не сто человек и не двести, а несколько тысяч. Голоса сливались в гул, как в

аэропортах, но тем не менее мотив не терялся. Песнь навалилась на неё, ввергая в смятение. Она не ожидала такого. Ей сказали, её ждёт мать. Но что значит эта тысячегласная молитва, которая нарастает, собираясь взорваться восхвалениями? Это ей? Или кому-то другому? Айлин стало страшно. Но она ничего не могла поделать, не могла убрать холодную белизну (щёки наверняка уже посинели от мороза), сказать говорящему свету, чтобы он заткнулся... не могла даже остановиться. Она не принадлежала самой себе. Её *украли*. Она осознала это внезапно и горько. И тут же свет, который вёл её с самого начала, вспыхнул и начал меркнуть. Айлин поняла, что это означает эта прощальная вспышка: самодовольный хохот победителя. Конечно, не было никакой матери, не было ничего... только озеро с поднимающимися багровыми волнами, над которыми висела она, балансируя на краю. Волны яростно бросались к ней, но не доставали, как и бешено вращающиеся острые лезвия и сердечник в их центре... но, Господи, она сама готова была прийти к ним. Тело не слушалось её; разум не слушался её; ей не оставалось ничего другого, кроме как в порыве смертного отчаяния прокричать имя, которое было одно в голове.

Генри!

13

Вот круглая арена, наполненная серебристым сиянием, и что мы увидим, если внимательно рассмотрим то, что происходит на ней:

В самом центре, конечно же – озеро. Красное озеро, но волны на нём уже не волны, а будто языки пламени, тянущиеся вверх, к небу. Степенное вращение сердечника не может обеспечить такого буйного водоворота, тут дело в чём-то другом. Возможно, дело в девушке в окончательно изорвавшемся бордовом платье, которая стоит у края. Странная тягучая жидкость, не кровь, вытекает из неё и срывается вниз крупными каплями. Там, где капли смешиваются с волнами, вспыхивает слепящий зелёный отблеск, придающий волнам ещё больше ярости. Ножи лезвий взлетают и опускаются, взлетают и опускаются, требуя пищи. Девушка стоит, в её глазах слёзы, и каждому, кто смотрит на неё, ясно, что несколькими мгновениями позже произойдёт непоправимое. То самое, чего хотят острые волны и наточенные лезвия.

Человек, облачённый в то, что осталось от некогда голубой рубашки, ползёт к бьющемуся в конвульсиях монстру. В правой руке его – копьё с двузубцем. Это последнее копьё; больше на арене их не осталось. И монстр это чувствует. Он взывает рёвом к кому-то, кто должен ему помочь, избавить от верной смерти, которая приближается вместе с восьмым копьём. Наконец, его крики достигают желаемого: мужчина, до этого бессознательно лежавший на полу, открывает глаза. Он видит копьё и ползущего к «истинному телу» человека. Глаза снова вспыхивают потусторонним огнём; мужчина начинает вставать, опираясь на локти. Он не думал, что у него остались силы, чтобы подняться на ноги, но, как видно, кое на что он ещё способен. Он выпрямляется и делает шаг вперёд. Делает второй шаг, но тут ноги подкашиваются, и он падает у подножия мечущегося существа. Падая, успевает крепко-накрепко схватиться

левой рукой за ботинок человека с копьём. Тот уже почти у цели; он чувствует, как мёртвые пальцы защелкнулись на голени, но не имеет сил, чтобы обернуться или отпинать задерживающего другой ногой. Человек в рубашке ничего не видит, кроме семи воткнутых копий и свободного места на теле чудовища. Он поднимает руку с копьём. Но ещё слишком далеко... пара дюймов. Их не даёт ему пройти мужчина в синем плаще. Он не только держит, но и тянет назад, и это ему потихоньку удаётся. Ткань рубашки скользит по полу. Человек с копьём издаёт хриплый, гортанный крик, крик отчаяния, когда в голове взрывается мольба женщины, которую он хорошо знает: *Генри!* Это же моё имя, удивлённо думает он, и тут же изображение перед глазами расплывается, уступая место картине пыльной дорожной развилки. Дорога очень ветхая и давняя; он понимает, что сейчас он как раз стоит на этой развилке, и если ему не удастся сделать бросок немедленно, то ошибок больше в жизни не будет. Не переставая кричать, он делает взмах и кидает копьё. Оно пролетает воронёной стрелой, протыкая молочный свет, и вцепляется зубами-остриями в мягкую детскую плоть чудовища. Одновременно арена сотрясается от вопля, по сравнению с которым все предыдущие крики были младенческим лепетом; жестокий порыв ветра проносится по круглому помещению. Если бы здесь был какой-то интерьер, он легко рассыпался бы в прах. Существо судорожно дёргается, будто пытаясь стряхнуть с себя копьё, но они не падают, а продолжают висеть, как негнувшиеся железные пальцы, растущие прямо из живота. Рев не прекращается. Под этот неистовый аккомпанемент человек в плаще неторопливо встаёт на ноги, сжимая руками живот. Глаза незрячи. Между пальцами течёт кровь, и её становится всё больше.

14

Последнее копьё опять поменяло окраску мира. Уолтер увидел, как всё вокруг становится чёрным, как после пожарища. Свет с потолка померк, шумы отдалились. В какой-то момент ему показалось, что он вообще остался один на арене. Что самое странное, боли тоже не было. Он поднялся с пола. Темно, пусто. Как праздничная зала после того, как гости разошлись по домам.

Он пошёл вперёд, положив ладонь на пульсирующий живот. С каждым толчком в животе его тело теряло вес. Уолтер слышал рокот лезвий рядом, но не видел их. Единственное, что его вело в сумеречном мире, куда он попал – плач ребёнка, раздающийся где-то там, впереди. Он слышал всхлипы и приглушённые рыдания мальчика. Ему нужно было дойти до него, обнять маленького Уолли, прижать к груди и объяснить... попросить прощения у него за всё, за эти бесцельные годы и свою слабость, которая привела к тому, что они потеряли всё. Ритуал прерван. Преемник Мудрости одолел его, и теперь Мать никогда не проснётся... но он ещё может найти Уолли и попросить наказать его за самонадеянность. Уолтер шёл на звук голоса. Он не знал, что за тёплый поток катится по его щеке – то ли кровь, то ли слёзы, то ли пот. Мир

потух окончательно. Лезвия звенели под ногами. Он остановился, покачнулся назад.

... и вдруг почувствовал *её*. *Её* близость.

– Мама? – неуверенно спросил он. Этого не могло быть, какая-то ошибка...

... но *она* была здесь. *Её* любовь. *Её* тепло. *Её* бесконечная доброта.

– Мама!

Зачарованно улыбаясь, Уолтер Салливан сделал последний шаг навстречу темноте и струнным волнам, которые исходили оттуда.

15

Пустошь. Внезапная и замораживающая – словно что-то просунуло когтистую лапу сквозь рёбра и вырвало сердце, оставив на его месте зияющую рану. Вдох оборвался на середине. Слова мольбы остались произнесёнными.

– Ма...

Мальчик в полосатой водолазке замер и сделал шаг назад. Всего один. Белая дверь возвышалась над ним, равнодушно глядя табличкой с номером 302. Мальчик тоже смотрел на дверь – всё ещё с надеждой, что она откроется... но дверь оставалась недвижимой, какой была всегда. Мальчик разочарованно закрыл влажные глаза. Ноги подкосились, и он почувствовал, что падает – но пол коридора куда-то делся, и вместо того, чтобы стукнуться об него, мальчик продолжал лететь в пустоту...

16

Мощный подземный толчок пронёсся по холодному ночному лесу, заставив сотрястись зелёные кроны, водную гладь и даже красную луну, которая взидала на лес. Животные беспокойно завывали, чувствуя нарастающую дрожь под лапами – одни закрыли глаза и прижались брюхом к земле, другие пустились наутек, словно надеялись куда-то убежать. Второй толчок был гораздо мощнее. Он сорвал с неба диск медный луны и отшвырнул прочь, выпарил воды озера, повалил деревья, закрутил исполинские чёрные вихри. Лес разрушался. Безглазая жёлтая собака, чудом выжившая в катаклизме, подняла голову к небесам и начала было тоскливо скулить, но третий толчок обратил её в пыль вместе со всем ночным лесом.

Глава 3 Синие небеса

1

Белый потолок. На ней – тонкие-тонкие трещины, ползущие, как лапки паука. И жёлтые прямоугольники солнечного света со стороны окна, пересечённые тенями рам...

Айлин повернула голову. Под затылком зашуршала мягкая ткань подушки, нарушившая мерный писк какого-то прибора над головой. За исключением этого в крохотной палате стояла тишина. Она с удивлением вспомнила о кровавом озере, о лезвиях, которые неистово танцевали в ожидании её падения, и вздрогнула. И попыталась встать.

Мягкие пальцы опустились на плечо и толкнули назад, на постель. Айлин вскинула глаза. Оказывается, у изголовья койки стояла смуглая женщина в белом халате, молча наблюдающая за показаниями приборов. Женщина улыбнулась ей, и Айлин послушно легла обратно. Она не одна. Значит, всё хорошо... и произошедшее было просто плохим сном. Очень затянутым, но всего лишь сном...

– Где я? – слабо спросила она. Говорить было необычно легко. Она не поняла сразу, почему.

– В госпитале Святого Джерома, – женщина подошла к ней, положила ладонь на лоб с почти материнской заботой. – Вам нечего бояться. Вы в безопасности. Мисс Гелвин, верно?

– Да...

– Меня зовут сестра Оуэнс. Вообще-то, к вам приставлена другая медсестра, но я в любую минуту к вашим услугам, – женщина снова улыбнулась. – У вас была тяжёлая ночь. Но теперь... всё хорошо.

Тяжёлая ночь. Интересно, она знает, *насколько* тяжёлая?..

– Что со мной было?

Сестра Оуэнс с сомнением посмотрела на неё:

– Думаю, лучше вам пока поспать, набраться сил. Потом...

– Нет-нет, расскажите сейчас. Что произошло?

Она пожала плечами:

– Ну, где-то в полночь у вас началось критическое состояние. Тут половина медперсонала собралась, знаете ли. Почти два часа безостановочно втыкали уколы, делали дефибрилляцию, Бог знает что... я хотела им сказать, что тут дело в чём-то другом, но разве бы они меня послушались?.. Слушайте, – сестра Оуэнс внимательно взглянула на неё, – я права?

– Да, – сказала Айлин. Хоть она только что проснулась, веки снова отяжелели. Девушка закрыла глаза, чувствуя, как истома охватывает тело. *Как давно я не спала...*

– Потом внезапно всё восстановилось. И сердце пришло в норму, и судороги пропали... Чудеса, да и только. Но самое удивительное... – она выдержала паузу. – Ваши раны.

В темноте под веками запрыгали циферки, всё те же зелёненькие. 20121.

– Да? – Айлин ждала продолжения.

– Они начали затягиваться. Буквально на глазах. Все раны...

– Да, – снова сказала она. Вот почему так легко говорить. У неё была разбита верхняя губа, и приходилось всё время шепелявить. Теперь этого нет.

– Ладно, – сестра Оуэнс наклонилась, накрыла её тонким одеялом. – Отдыхайте, мисс Гелвин. Что бы ни случилось, оно позади.

Когда она уже собралась уходить, Айлин вновь открыла глаза. Имя пронзило голову беспокойством, разрушив нарождающееся умиротворение:
– Генри...

2

Первое, что он увидел, открыв воспалённые глаза – лопасти вентилятора, вращающиеся на потолке. Прохладный воздух спиралью спускался вниз, щекоча разгорячённое лицо. Человек шевельнулся на кровати и понял, что ещё жив – хотя бы потому, что всё тело ныло и ломало.

Жив. Это радовало.

Он сел на кровати, обхватил голову руками. Тошнота подкатывала к горлу, как морской прилив. Болела голова. Желудок скрутило так, что казалось – там, внутри, костёр из сухих поленьев.

Но все эти ужасы затмевала до отвращения чёткая картина сновидения – сновидения, которое не было таковым. Человек поднял голову. Спальню накрыла многодневная пыль. Он спал много часов и много недель. За окнами плыли хмурые конницы туч, но у самого края неба, над горизонтом, прорезалась полоска яркой синевы.

Человек встал с кровати, и каждое шевеление отдавалось болью. Но боли в последнее время было так много, что он мог позволить себе роскошь не обращать на неё внимания. Встав, он оглядел себя. Ботинки были чисты, к носкам не налипла пыль или кровь. Рубашка и брюки – мятые и плохо пахнущие, но вполне себе целехонькие. Он поднял руки, всматриваясь в ладони с тщательностью микробиолога. Ни капли крови. Никаких ран и ссадин.

И, хотя он всё понимал, в глубине разума всё же зашевелилось сомнение, а не было ли всё случившееся горячечным бредом больного. Человек отрывистыми шагами подошёл к окну. Внизу деревья сбрасывали листья, ими была устлана вся площадка. Синий фургон был припаркован у самого входа. Человек в бейсболке с эмблемой «Красных носков» сбрасывал в машину туго набитые сумки. Генри узнал его. Гарри Миллер, жилец квартиры 104 – рядом с управляющим. То ли клерк, то ли юрист. Похоже, он уезжал. Сматывался с этого места, как мог.

Неудивительно, учитывая аж три полицейские машины, дремлющие поодаль.

Генри вышел в коридор. Излом на стене пропал. Как обвалившийся вентилятор и чёрные рты в ванной и в кладовке. Обитель выглядела такой же мирной, какой была все два года.

Мужчина прошёл в гостиную. Белая дверь с глазком. Как-то странно видеть дверь без цепей. Генри закрыл глаза. Так что же – в чём объяснение всего, что произошло?.. Что-то ведь *было*. Но квартира, она нагло отрицает это. Что было на самом деле, а чего нет?..

Он не знал. Что он мог утверждать – только то, что видел. Перед тем, как провалиться в беспамятство и проснуться на своей кровати...

Он видел – хотя лежал лицом вниз, приложившись щеками о пол, и физически не мог ничего увидеть, – так вот, он видел, как существо извивалось и орало, и изо рта вместе с дымом начали выглядывать оранжевые сполохи пламени. Глаза монстра налились кровью. Копья, казалось, зажили собственной жизнью и теперь не просто висели на его теле, но и вгрызались глубже, поддакивая друг друга. Копья шептались – голосами тех, кого они обозначали: Пустоты, Темноты, Мрака, Отчаяния, Искушения, Истока, Бдительности и Хаоса. Генри различил только голос Синтии и заикающийся выговор Джаспера.

Он видел, как Уолтер протягивает руки и бредёт прямо на центр арены, к выдуманной им же самим машине смерти. Он видел, как кричала Айлин, когда сознание вернулось к ней. Одновременно он видел, как один за другим рушатся миры, через которые они прошли – как ураган сметает деревья в «мире леса», как цилиндрическая тюремная башня качается и рушится на кипящие воды озера, как стены подземки смыкаются, погружая всё во тьму. Он слышал крики жертв, громкие, как никогда; но ему показалось, что это крики благодарности. Он видел, как синее пламя прорвало грудь «истинного тела» и оно безвольно повисло на цепях; как вся арена затряслась, словно во время десятибалльного землетрясения. Всё ломалось. Последнее, что увидел Генри, прежде чем темнота спасла его от этого безумного калейдоскопа – Уолтер падает в озеро крови, исчезает в волнах, и сердечник торжественно окрашивается тёмно-багровым цветом. И на этом всё кончилось, улетело вдалёк со скоростью света.

Генри подошёл к двери, открыл её и вышел в коридор. Лампы горели тускло. Стояла необычная тишина – ни отзвука приглушённых разговоров через стены, ни музыки в одной из квартир. Что ж, по крайней мере, поблизости не видно никаких мясных наростов.

Впрочем...

Ладони остались. Они обозначились чётче – круглые отпечатки с растущими от них ветвями-пальчиками, усеивающие стену напротив. Больше, как никогда – двадцать одна штука. Последний след казался чуть ли не влажным. Не желая ломать голову над тайным смыслом рисунков, Генри побрёл по коридору.

Айлин.

В левой ноге то и дело сводило мускулы, и он прихрамывал. Он прошёл через ряд безмолвных дверей с белыми номерками и вышел на лестничную площадку. Внизу, в холле, копошились люди. Тихо – без шума и разговоров, просто деловитая суeta. Полицейский в полном облачении дежурил у двери, наблюдая за входящими и выходящими.

Генри спустился вниз. Коп встретил его подозрительным взглядом. Постояв пару минут в холле (без мёртвых собак и альбомов под почтовыми ящиками), он осмелился спросить у него:

– Что случилось?

– Как вас зовут? – осведомился коп вместо ответа.

– Генри Таунсенд, – сказал он. Эта похоронная тишина убивала. – Триста вторая квартира. Что здесь произошло? Почему эти люди уезжают?

– Вы не в курсе? – коп был удивлён. Он прищурился, запоминая черты лица собеседника.

Генри молча смотрел на него.

– Управляющий дома убит, – наконец ответил коп нехотя. – Несколько сотрудников полиции, которые вели здесь расследование, тоже найдены мёртвыми. Раз уж вы здесь живёте, мистер Таунсенд, вам придётся дать подписку о невыезде, как и всем остальным жильцам.

На Генри вдруг навалилась усталость. Ему нужно было на свежий воздух.

– Разумеется, – вяло сказал он и направился на улицу. Но в дверях возникла широкая фигура Миллера, и ему пришлось пропустить его. Человек в бейсболке бросил на него раздражённый взгляд. Подождав, пока он пройдёт, Генри вышел на улицу. Дверь закрылась с затыжным скрипом.

Он обошёл фургон, приткнувшийся ко входу. Жена Миллера читала книгу в мягком переплёте на переднем сиденье. Услышав шаги Генри, она подняла голову и посмотрела на него без особого интереса.

– Переезжаете? – спросил Генри, чтобы не молчать. Он находился на улице всего десяток секунд, но ветер уже заставил его продрогнуть.

– Станный вопрос, – фыркнула миссис Миллер. – Уезжают все.

– Куда?

– Мы – на Западный Эшфилд. Что касается других, не знаю. Если бы не подписка о невыезде, ноги бы нашей в этом треклятом городишке больше не было.

– А почему? – глупый вопрос вырвался прежде, чем Генри успел его остановить. Она смерила его презрительным взглядом и демонстративно уставилась на страницу. Поняв, что ответа не будет, Генри пошёл в сторону улицы. Огни отеля «Южный Эшфилд» днём не горели, но он мог видеть громадные буквы из неоновой трубки, возвышающиеся над строением. Чёрные буквы на сером небе. Остановившись на тротуаре, Генри смотрел на них, пока в глазах не начало рябить. В голове звенела пустота. Наконец, он с усилием напомнил себе, что нужно идти. И пошёл – спотыкаясь и вскидывая голову каждый раз, когда рядом проносились ревущие автомобили, – туда, где, если не изменяет ему память, находился госпиталь Святого Джерома.

3

Молодой человек зашёл в госпиталь в тихий час, когда большая половина пациентов наслаждалась дневным сном, а срочных операций не намечалось. Он выждал немного в холле, внимательно рассматривая стены и крахмальный зелёный отлив ламп. Когда дежурная сестра начала думать, что сейчас он хлопнет себя по лбу и выйдет обратно, он подошёл к её стойке.

– Айлин, – сказал он. – Она здесь?.. Скажите мне, что она здесь.

– Одну минутку, – сестра отработанным движением раскрыла журнал пациентов. – Какого числа она поступила?

– Я не знаю, – сказал молодой человек. – Просто знаю, что она здесь... или её нет? – внезапно спросил он. Голос дрогнул.

Сестра выискала нужное имя в списке.

– Айлин Гелвин, палата тринадцать, – она взглянула на него. – Боюсь, сейчас вам нельзя к ней.

– Почему?

– Если это действительно пациентка из тринадцатой, то она только сегодня ночью вышла из глубокой комы. Сейчас спит. Она у нас теперь знаменитость, – сестра позволила себе улыбнуться. – Все разговоры среди персонала только об её чудесном исцелении.

– Исцелении?.. – недоумённо, но радостно.

– Право дело, вам не стоит беспокоиться. Всё хорошо. Состояние стабильное. Возможно, что с такими темпами через несколько дней мы её выпишем.

– А когда я могу к ней зайти? Мне очень нужно поговорить с Айлин...

– Завтра, думаю, можно будет, – теперь, когда человек разговорился, сестра почувствовала себя свободнее. – Извините, но так принято. Вы её... муж?

– Нет, – сказал он рассеянно. И кивнул. – Спасибо. Я обязательно приду.

4

В шесть часов вечера Генри Таунсенд вернулся в свой дом. Весь день он бесцельно ходил по городу, после обеда два часа просидел на скамейке в парке. Снять номер в отеле он не мог – кредитная карта осталась в квартире 302 вместе с бумажником. Когда в Эшфилд пришёл вечер, и порывы стали ощутимо холодить лицо, он решил вернуться.

Полицейская машина всё ещё стояла у дома – правда, только одна. Лишь несколько окон в обоих крыльях здания были освещены, большинство чернело стекольной гладью. Генри вошёл в дом. Конечно же, дежурный коп был тут как тут. Увидев его, он, кажется, удивился, но ничего не сказал, делая вид, что рассматривает почтовые ящики. Генри прошёл мимо него и стал подниматься. Тишина на этот раз не раздражала, а успокаивала. Ему хотелось спать. После визита к Айлин, когда он узнал, что с ней всё в порядке, Таунсенд испытывал только умиротворение, растекающееся по жилам.

Коридор третьего этажа. Угрюмое молчание. Похоже, здесь уже никто не живёт. Генри по пути постучался в дверь квартиры 305. Нет ответа. То же самое он сделал у квартиры 304. Тоже никто не подошёл открывать.

После триста третьего номера шла его квартира. Генри бросил быстрый взгляд на отпечатки ладоней, надеясь, что они сгинули, исчезли без следа. Как же – по-прежнему красуются на стене, вся двадцать одна штука. Он покачал головой и вошёл к себе.

Здесь было темно. Генри нащупал кнопку выключателя на стене, но нажимать не спешил, отстранённо разглядывая гостиную. За окном сияла

зажжённая вывеска отеля. Пульт от телевизора лежал на столике, и вентилятор на потолке мерно вращался, изгоняя духоту.

Странно, как странно стоять здесь, в царстве уюта и покоя, и вспоминать ужасные события, связанные с этим местом. Как будто сон; как будто ничего и не было. И не хотел Уолтер Салливан возродить в этих стенах свою не существовавшую Мать, и не стучался в эти двери маленький мальчик, который так и не дождался мамы, и не вращался в кровавом озере сердечник, впитавший в себя кровь двух десятков людей. Как будто не таилось здесь неосознанное зло, нащёптывающее угрозы в его ухо. Генри с силой нажал на кнопку, и темнота тотчас отступила под искрящимся электрическим светом. Яркие лучи проникли во все уголки, не оставили тьме шанса.

Генри подошёл к столику и провёл мизинцем по его поверхности. На кончике пальца осел серый слой пыли.

А ведь я могу уехать.

Это верно – нужно только дождаться, пока эта чёртова подписка о невыезде перестанет действовать. Потом – сесть в вагон и оставить этот город, подводя черту этапу жизни. Прощай, Эшфилд. Без пагубного влияния квартиры 302 он со временем снова сможет радоваться простирающейся перед ним дороге, этим рассветам и закатам, которые различны день ото дня.

Так и будет, решил Генри, наблюдая за мельтешением огней машин. Он как-то задержался в этом городке. Пора двигаться дальше. Айлин огорчится, но переживёт это расставание, как и он сам. Всё будет хорошо...

А может, она уедет с ним.

Сбрасывая одежду на ходу, Генри пошёл в ванную комнату. Помедлил перед тем, как взяться за ручку, потом рассмеялся и распахнул дверь. Плиты кафеля были целехоньки. Никакой дыры, мороза или детских голосов. Он покрутил кран. Горячая вода тугой струёй ударила о дно ванны.

Генри мылся долго и с наслаждением, чувствуя, насколько тело отвыкло от этой простой радости. Закончив, порылся в шкафу и подобрал свежий комплект одежды. Не отутюжено, но выбрать не приходится...

Он поел давнюю невкусную ветчину из холодильника и посмотрел вечерние новости. Не городские, а вашингтонские, чтобы не наткнуться на репортаж о происшествиях в доме. Обострения во внешней политике, а в Аризоне бастуют рабочие, требуя немедленно выдать им зарплату. Генри улыбнулся. Приятно осознавать, что за время твоего вынужденного отсутствия мир ни на йоту не поменялся.

Потом Генри отправился в спальню. Уже собираясь лечь на постель, он заметил фотографию, которая лежала на рабочем столе. Маяк, возвышающийся над туманом. Болезненное воспоминание, как лезвие молнии: девушка, говорящая сквозь прутья решетки. *Так хотел Бог.* Генри задержал дыхание, углы губ задёргались. Ничего не говоря, он положил фотографию на место, но лицом вниз, и забрался на кровать.

Ночью во всём доме стояла тишина, и спать было удивительно приятно.

Ему, наконец, разрешили войти. Давно пора. Генри встал, размял затекшие ноги и пошёл к палате, поднимая букет, купленный по дороге. Он испытывал странное смущение, словно женщина, которая находится сейчас в тринадцатой палате, вовсе не та Айлин, с которой он прошёл бок о бок все кошмары мира Уолтера Салливана. Глупо – но он ничего не мог поделать. Даже не выбрал слова, которыми начнёт разговор. Так он и вошёл к ней – с часто бьющимся сердцем, держа пышный букет как щит, который может его защитить.

Палата была ярко-жёлтой – жалюзи на окнах открыли, впуская обильный золотой дождь солнца. Сегодня утром ненастье наконец-то прекратилось, и, открыв глаза, Генри увидел за окном квартиры не приевшуюся свинцовую гарь, а пронзительно-синее небо. За окном палаты тоже было небо, такое же ясное и глубокое, веющее синевой. Потрясающий контраст, если вспомнить, как выглядело это место, когда он нашёл Айлин.

Она сидела на койке, прислонившись спиной к изголовью. Кожа отливала персиком в этом жёлтом сиянии. Без пластыря на глазу. Без синяков и бугрящейся под щеками алой жидкости. Она была прекрасна. Генри почувствовал, как губы расплываются в улыбке. Всё ещё не в силах подобрать нужные слова, он просто протянул цветы к ней.

– Спасибо, – и с губами тоже всё в порядке, поэтому нет той слабой шепелявости. Голос чистый и звонкий. Айлин улыбнулась, поднесла цветы к лицу и осторожно втянула носом их аромат. Она тоже не знала, как продолжать разговор.

– М-м... – начал Таунсенд.

– Это... – сказала Айлин и осеклась. Они удивлённо посмотрели друг на друга и оба рассмеялись. Смех, наконец-то, разрушил невидимую преграду, вставшую между ними.

– Как ты? – спросил Генри.

– Здорова, как медведица. Но придётся валяться здесь ещё пару дней. Ну а с тобой? Всё в порядке?..

– Вроде как да, – он почему-то с сомнением посмотрел на свои руки. – Ходить могу, говорить – тоже... Должно быть, всё о'кей.

– А с остальными?

Некоторое время Генри не понимал, что Айлин имеет в виду, потом сообразил и помрачнел:

– С другими дела плохи. Фрэнк убит. И ещё, кажется, пятеро полицейских, которые вели расследование в доме.

– Фрэнк?.. Полицейские? – она широко раскрыла глаза; в глазах мелькнул испуг.

– Нет-нет, – поспешил заверить её Генри, – должно быть, *он* сделал это до того, как начать свой ритуал... чтобы никто не ходил в квартиру, когда у него удастся возродить мать. Знаешь, оттуда все уезжают, – добавил он чуть погодя.

Айлин потрясённо смотрела в окно, где полыхало лазурью небо:

– Фрэнк...

Наступило молчание. Генри смотрел на цветы, лежащие на её груди, потом спросил:

– Твою палату охраняет полицейский. Он ещё не заходил к тебе?

– Как же, заходил, – Айлин теребила тюльпаны кончиком мизинца. – Задавал вопросы. Что я видела перед тем, как на меня было совершено нападение, запомнила ли лицо... – она подняла глаза. – Я сказала, что ничего не помню. Что получила удар, как только начала открывать дверь, и ничего не разглядела. Скажи, Генри... я правильно сделала? Ведь теперь они так и так не смогут его поймать...

– Да, – ответил Генри. – Всё правильно. Наверняка он меня тоже основательно помучает. Думаю, как-нибудь выживу.

Он натянуто заулыбался, но Айлин не ответила тем же.

– Генри, когда этот полицейский задавал вопросы... я видела, что он разозлён. После *такого* случая поимка убийцы станет для них святым делом. Им станет всё равно, кого ловить...

Генри медленно кивнул. Он задумывался над своим положением в глазах полицейских, но в вчера сумраке серых туч это казалось делом далёким и неважным. А сегодня...

– Что собираешься делать? – спросила Айлин.

– Не знаю. Пока буду жить, как прежде... другие уезжают, но мне всё равно сейчас податься некуда. А потом...

Слова почти воплотились в звук, и он готов был признаться ей, что подумывает об отъезде, когда всё образуется. Но не сказал, а быстро закрыл рот, как человек хватается за ручку ведра, боясь расплескать содержимое. Не хотелось огорчать Айлин и добавить к её тревогам ещё одну. Не сегодня.

– ... потом видно будет, – закончил он после тягостной паузы. Айлин смотрела на него. В глазах были едва заметные штришки грусти.

– Мне, похоже, тоже придётся вернуться в свой дом, – сказала она. – Чем скорее, тем лучше. Здесь просто невыносимо. Я хочу на воздух.

На мгновение Генри охватила паника – вернуться, ей? В приют этих молчащих стен и вывески, алеющей за окном?.. Почему так? Как может Айлин снова оказаться в этом месте и продолжать там свою жизнь – в месте, которое стало причиной всех их бед, которое убило десятки людей? Она должна испытывать отвращение к квартире 303. Она должна...

Но почему тогда ничего подобного не чувствуешь ТЫ? Если уж на то пошло, тебе тоже досталось. Тебя должно воротить от одной мысли о том, чтобы перешагнуть порог квартиры.

Он попытался вызвать в памяти воспоминания о заляпанных кровью стенах; о тикающем шёпоте, который наполнял гостиную и вливался в уши: *ни-ког-да!* Он хотел разбудить в себе злость, ярость... страх, в конце концов. Но не получалось. Единственное чувство, которое вызывал образ квартиры – спокойствие и безмятежность, властвующие в её пределах, и сумрак, не режущий глаза.

Он вдруг понял, что то же самое чувствует и Айлин. Ей неуютно здесь, в белых стенах, под синими небесами. После пережитого ужаса она хочет толики умиротворённости и безопасности, которые давали ей родные стены.

– Хорошо, – ответил Генри и сделал вдох. Благоухание цветов защекотало ноздри, глаза прослезились. Он сделал то, что должен был сделать в эту секунду, а может, даже многим раньше: склонился над девушкой и поцеловал её в губы, чувствуя их мягкость. За спиной скрипнула дверь: полицейский, а может, медсестра, заглянули убедиться, что в палате всё в порядке. Ни Генри, ни Айлин не обратили на это внимания; в конце концов, после пройденного кошмара они имели полное право на это солнечное мгновение.

Пожалуй, подумал Генри, это можно назвать хэппи-эндом.

6

Полицейский был уже не один в коридоре. Человек в строгом сером костюме ждал Генри, прислонившись спиной к косяку. Когда Таунсенд вышел из палаты, он выпрямился и подал ему руку:

– Рональд Деккер, сэр. Специальный агент ФБР. Вы – мистер Таунсенд, я правильно понимаю?

– Да, – хмуро сказал Генри, предчувствуя недоброе.

– Вы вчера спрашивали о состоянии мисс Гелвин около пяти вечера?

– Да.

– И, насколько я осведомлён, вы занимаете квартиру 302 в апартаментах в Южном Эшфилде, которым управлял мистер Сандерленд?

– Да.

Фэбээровец удовлетворённо хмыкнул:

– В таком случае мне нужно задать вам несколько вопросов относительно недавних событий, которые имели место в доме, где вы живёте. Простая формальность, мистер Таунсенд. Мы расспрашиваем всех жильцов.

Интересно, а за всеми жильцами они прискакали бы в больницу, не дожидаясь их возвращения домой?

– Разумеется, – механически отозвался Генри.

– Тогда пройдёмте сюда...

Пока они шли, проталкиваясь через гущу людей (Деккер то и дело оглядывался на Генри, будто боялся, что тот сорвётся и убежит), Таунсенд размышлял о синих небесах за окном госпиталя и о том, какими они иной раз могут быть жестокими.

Стоит ли сказать, что во время допроса эти думы ему не помогли нисколько.

7

Сегодня он вернулся раньше, чем вчера. Солнце даже не успело зайти. Полиции в подъезде не было; это его обрадовало. Он поднимался вверх, к себе, с трудом переставляя ноги. Всё время допроса он чувствовал себя так, словно

его бьют острыми сапогами по лицу. Остаток сил выветрился под напором чётких и безжалостных вопросов Деккера.

Кем вы приходите мисс Гелвин? С какой целью вы нанесли ей визит?

Почему вы не ходите на работу уже около десяти дней?

Можете ли вы объяснить, где находились в течение последней недели? Или хотя бы вчера вечером?

Вы говорите, что находились дома. Как вы объясните, что только вчера вечером «узнали» о происшествиях в вашем доме, если это так?

Знаете ли вы о деле Уолтера Салливана?

Вопросы. Вопросы. Он лихорадочно соображал, что отвечать, но большинство его ответов, сводящиеся к тому, что он «был болен и лежал в лихорадке», не удовлетворили пытливого фэбээровца. Это было видно невооружённым глазом. Отпустил он Генри с большой неохотой. Его холодная прощальная улыбка обещала скорую встречу. Признаться, Генри вообще не надеялся, что его выпустят из душной приёмной госпиталя. Он смотрел на стены, отливающие побелкой, и думал о том, как недавно видел это место в страшной разрухе. А Деккер продолжал бомбардировать его вопросами, загоняя в угол.

Он достал из кармана ключ и вставил в замочную скважину. Но, прежде чем повернуть, оглянулся через плечо на треклятые следы ладоней. Двадцать одно. Поблекли, но держатся.

А если обернуться – белая табличка. 302. Квартира. Его.

Генри открыл дверь.

Здравствуй, осторожно обратился он к темноте внутри. *Я пришёл.*

Сначала ничего не происходило... гостиная, тени... потом Генри почувствовал это. Призрачное шевеление воздуха, растрепавшее волосы чьей-то тёплой ладонью. Тончайший знакомый запах проник в нос... она.

Двадцать Одно Таинство.

Вращающийся сердечник, заглатывающий трупы.

Ты здесь? – спросил Генри мысленно. – *Скажи мне... ты здесь?*

На этот раз ответ пришёл мгновенно, и голос этот был до боли знаком, с первых дней жизни, начиная с тёплого козьего молока, которым он начинал летние утра:

Я здесь. Заходи, мой мальчик.

У него задрожали губы. Он крепко сжал их, удивляясь: что это? Неужели я плачу? Этого не может быть, ведь я никогда не мог...

Однако же прозрачная капля выкатилась из глаза и проторила путь по щеке вниз. Когда она сорвалась, Генри поймал её на лету на кончике пальца и поднёс к языку, чтобы ощутить вкус. Солёный.

Как такое могло произойти?

Может, в книге Уолтера ритуал был описан неправильно, и для пробуждения матери требовалось меньше двадцати одной жертвы?.. Вряд ли.

Может, Фрэнк и убитые полицейские тоже были брошены маньяком в кровавое озеро? Нет... он бы не стал такого делать.

Но что тогда?

Генри закрыл глаза и представил последнюю картину: Айлин, покачивающуюся на грани ступеньки, вытекающую из неё багровую жидкость, которая не была кровью. Зелёный отлив волн, где они смешались с ней. Уолтер, падающий на лезвия; влажно-красные клочки, которые полетели во все стороны...

Квартира ждала, дверь была приглашающе распахнута. Вчера Генри не заметил чьего-либо присутствия, потому что не желал замечать. Но и тогда квартира привлекала его к себе своими упругими нитками, влекущими к себе. Привлекала его, привлекала Айлин... тех, кто призвал её к жизни, тех, кто выполнил ритуал пробуждения. Она хотела отдать им свою любовь. Поделиться теплом, окружить защитой, подарить всё, что имела, и даже больше... как всякая любящая мать.

Так хотел Уолтер. Так хотели все, кто когда-либо испытывал горечь потери близких и родных. Айлин говорила, что они с Генри в этом схожи с ним... она была права.

— Мама, — тихо позвал Генри. Мир всколыхнулся. Только сейчас он заметил, что в гостиной вовсе не темно.

Я приведу её сюда, с восторгом думал он, упиваясь восхитительным ощущением любви. Я приведу Айлин сюда, нас не смогут здесь достать никакие фэбээровцы... Мама будет нас любить и защищать. Мы будем здесь всегда.

Не прекращая плакать и улыбаться, он вошёл в квартиру и закрыл за собой дверь.

Георгий Старков

с. Соттинцы – г. Якутск

5 июля 2006 года – 21 января 2007 года (рабочая версия)